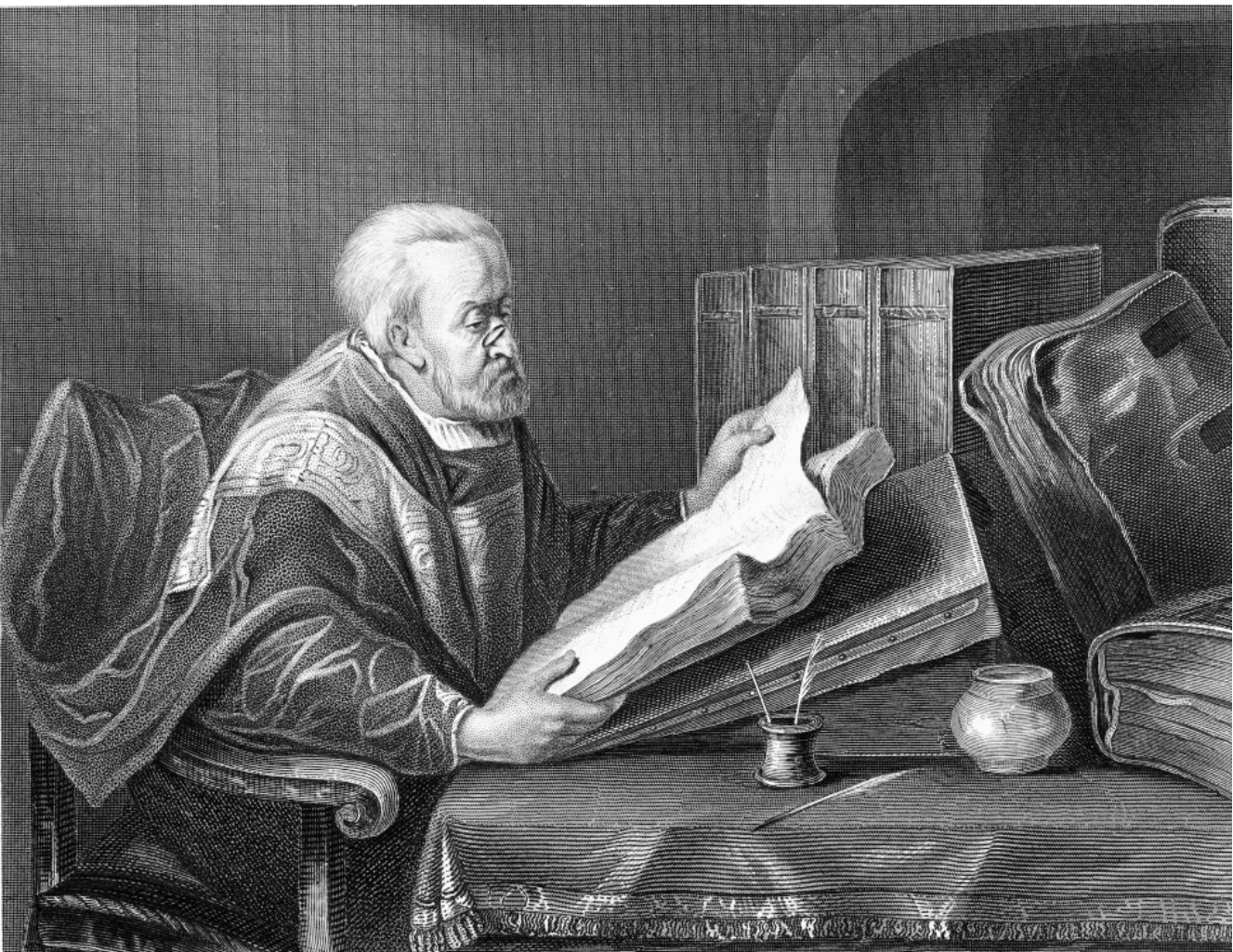

К 30-летию ИФПР СО РАН

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО:
ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник научных трудов
Всероссийской научной конференции,
посвященной 30-летию
Института философии и права СО РАН

Новосибирск

2020

УДК 101+304

ББК 87 : 60

Ф 56

Рецензент:

кандидат философских наук *Е. В. Покасова*

Ответственный редактор:

доктор философских наук, доцент *М. Н. Вольф*

Ф 56 Философия, социология, право: традиции и перспективы:
сборник научных трудов Всероссийской научной конференции,
посвященной 30-летию Института философии и права СО РАН,
Новосибирск, 19–20 ноября 2020 г. / под ред. М. Н. Вольф. —
Новосибирск: Офсет ТМ, 2020. — 274 с.

ISBN 978-5-85957-171-0

В сборнике публикуются научные труды (доклады и статьи) участников Всероссийской научной конференции, посвященной 30-летию Института философии и права СО РАН, Новосибирский Академгородок, 19–20 ноября 2020 г.

Книга предлагает срез актуальных научных исследований в области философии науки, истории философии, а также социальных и правовых исследований. Рассчитана на специалистов в области философии и социальных наук, предназначена для тех, кто интересуется актуальным состоянием и перспективами развития указанных направлений.

ISBN 978-5-85957-171-0

© Институт философии и права СО РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Безверхин А. С. Феноменология Дао	7
Безлепкин Е. А. Проблема синтеза коннекционизма и символизма в моделях слабого искусственного интеллекта	10
Бессонов А. В. Постгёделев этап философии математики завершен	14
Винник Д. В. Сверхкритический мозг Тьюринга и усилители свободных битов: хороша ли гипотеза квантового мозга?	17
Головко Н. В. Выводимые объекты второго рода и онтология паттернов	22
Зайкова А. С. Кажущееся настоящее и нереальность времени Дж. Э. Мактаггарта ...	25
Карпович В. Н. Теоретические определения вспомогательных понятий различного уровня абстракции	28
Куликов С. Б. Парадокс вывода общности характеристик типов искусственного интеллекта из их частных различий и его интерпретация в терминах классической логики предикатов	32
Моисеева А. Ю. Интеррогативная эпистемология Я. Хинтикки и ее возможные применения в исследовании искусственного интеллекта	33
Нестеров А. Ю., Демина А. И. Задачи семиотической теории творчества	38
Николина Н. В. Проект Г. Коллинза по развитию релятивистской эмпирической программы в социологии науки	40
Овчинников С. Е. Понятие объективности в философии К. Поппера	44
Резников В. М. В защиту современной методологии науки	47
Симанов А. Л. Философия науки в современной физике	51
Спасков А. Н. Необходимость новой онтологии в обосновании квантовой теории жизни и сознании	56
Трапезов О. В. Философское наследие академика Д. К. Беляева: к вопросу о некоторых факторах эволюции гоминид	61
Целищева О. И. Влияние философии Витгенштейна на релятивизм Куна	63
Шарыпов О. В. Планковские величины и «расширенная СТО»	65
Эртель И. И. Онтология диспозиций как основа структурного реализма	67

«АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО» В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ (материалы круглого стола)

Беляев М. А. Метафизические идеи Элизабет Энском	71
Дидикин А. Б. Гилберт Райл в истории аристотелевского общества XX в.	75
Нехаев А. В. Джордж Эдвард Мур в истории аристотелевского общества XX века ...	78
Оглезнев В. В. Значение <i>Saturday Morning Meetings</i> Дж. Л. Остина для «континуитета» оксфордской философии	81
Тринитка Д. Г. Свободный правовой выбор в цифровую эпоху	84
Юрьев Р. А. Неизвестные герои философского дискурса: III. Ходжсон и Дж. Ф. Стаут	87

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Завьялова Т. Г. Стратагемное мышление в контексте китайской философии XVI–XVII веков	90
Каримов В. В. Нарративный подход в историко-философском методе	96
Кауфман И. С. Контекстуалистская революция в историографии философии Нового времени	99
Косарев А. В. Реалистский аргумент Дж. Марголиса к спору Рорти и Патнэма	103
Кравчик А. С. Духовные основания немецкой классической философии	106
Магомедова Ю. С. Соматэстетика и вопрос о нормах	111
Мачкарина О. Д. Польза или вред от философии: размышления философов XIX века (И. М. Скворцов, В. Н. Карпов, П. И. Линицкий)	114
Санжениаков А. А. Эпистемология и теория действия стоиков	119
Шевченко А. В. Переосмысляя наследие истмата в свете современных реалий на примере учения о браке и семье (к 200-летию Ф. Энгельса)	123

АНТИЧНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Афонасин Е. В. Антифонт о праве	128
Берестов И. В. Зеноновские объекты в современных дискуссиях	130
Бровкин В. В. Космополитизм и патриотизм в ранней эллинистической философии: социально-исторический фактор	135
Волкова Н. П. Две формулировки тезиса Протагора в «Метафизике» Г	140
Вольф М. Н. Античная эпистемология до Платона: предварительные замечания	143
Егорова О. С. Трактаты Аристотеля «О животных» в русской культуре (XVIII–XIX вв.)	147
Ковальчук К. С. «Двойные речи» (Dissoi logoi)	150
Стрельцов А. М. Философия как методологическое основание: изгнание и возвращение Аристотеля в Виттембергском университете XVI века	153
Суворкина Т. Продик о правильности имен	154

ФИЛОСОФИЯ СЛАВЯНОФИЛОВ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (материалы круглого стола)

Бирюков Д. С., Хахалова А. А. Миссионерский мотив в византиноцентризме И. В. Киреевского и его историческое значение	157
Каменских А. А. Алексей Хомяков и рецепция оригенизма в России	161
Кузьмина М. Д. Эпистолярный диалог А. С. Хомякова и Ю. Ф. Самарина	166
Лурье В. М. Виктор де Бюк – болландист, друг Ивана Гегарина, потаенный критик Хомякова	167
Макаров Д. И. Хомяков и Вико о Спинозе, свободе и о нашем будущем. Мини-заметка	171
Мирошниченко Е. И. Роль семьи в формировании мировоззрения и характера А. С. Хомякова и И. В. Киреевского	172
Серебrenников Н. В. Перевод кантовского Ding an sich (к словарию терминологии А. С. Хомякова)	175
Тесля А. А. Герцен и славянофилы в 1867 г.: эпизод из истории отношений	176

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аблажей А. М. Академическая реформа 2013 г. в оценках научного сообщества	179
Абакумова Е. Б. Участие военных образовательных организаций в гражданских правоотношениях	182
Артемова А. Н. Сущность фактического контроля в гражданском праве России	187
Букина Е. Е. Философское осмысление форм правового отчуждения: правовой нигилизм, правовой фетишизм, правовой инфантилизм	191
Донских О. А. Моральные последствия пандемии	196
Логиновская Ю. В. К вопросу о субстрате творчества	199
Петров В. В. Виртуальное взаимодействие в образовательной среде: онтологический аспект	202
Правденков А. А. Тенденции в управлении российской Арктики	205
Синюкова Н. А. Смена парадигм в медицине: от восстановления здоровья человека к его управлению	208
Скрипкина Т. К. «Воскрешение автора» в новых медиа: особенности субъектности авторов в меняющейся медиасреде	212
Смирнов С. А. Ситуация человека и современный антропологический дискурс	216
Сыров В. Н. Историк в социальных сетях: некоторые методологические соображения	223
Шевченко А. А. Блокчейн как социальная революция: акцент на угрозах	227
 ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ: ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА	
Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Язык как фактор выбора стратегии межэтнического взаимодействия	231
Гафурова З. Р. Статья В. Кандинского из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян «Национальные божества (по современным верованиям)» в парадигме колониального дискурса	234
Гвоздев Р. В. От родового сознания к национальному самосознанию – социальные трансформации у коренных этносов Дальнего Востока в XIX–XX вв.	236
Жигунова М. А. Этносоциологические исследования Омского научного этнографического центра: проблематика и научные контакты	241
Зазулина М. Р. Системы жизнеобеспечения сельских этнолокальных сообществ: особенности формирования в условиях модернизации	244
Мадюкова С. А. Ключевые этапы формирования межэтнического сообщества Новосибирска	248
Маклашова Е. Г. Оценка межнациональных отношений в Республике Саха (Якутия) (этнический срез): динамика изменений	253
Низамова Л. Р. Языковые компетенции, установки и поведение татар в Татарстане и регионах Сибири	256
Персидская О. А. Этническая составляющая социального конфликта: концептуальные пробелы интерпретации	260
Подойницына И. И. Нужны ли нам частные вузы?	264
Попков Ю. В. Дизайн этнокультурного разнообразия в контексте этносоциальной динамики	268
Фролова А. В. Адаптационный ресурс населения Русского Севера. Итоги полевых исследований в пандемию 2020 г.	271

Ф И Л О С О Ф И Я   Н А У К И

УДК 1(11)+1(091)
doi:10.47850/S.2020.1.1

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДАО

А. С. Безверхин

Новокузнецк
abezverhin2006@yandex.ru

В данной статье делается попытка феноменологической дескрипции переживания опыта Дао и выделения сущности данного феномена с гносеологическим различением двух планов описания. В первом плане задается метафизическое формулирование идеи Дао как трансцендентно положенного первопринципа всего сущего. Второй план описания формулирует сущность субъективного переживания Дао в трансцендентальном сознании.

Ключевые слова: Дао, феномен, переживание, трансцендентальное сознание, смысловая структура, Я.

PHENOMENOLOGY OF TAO

A. S. Bezverkhin

Novokuznetsk
abezverhin2006@yandex.ru

This article makes an attempt at a phenomenological description of the experience of the Tao experience and highlighting the essence of this phenomenon with an epistemological distinction between two levels of description. In the first plan, the metaphysical formulation of the idea of Tao is set as a transcendently laid first principle of all that exists. The second plane of description formulates the essence of the subjective experience of Tao in transcendental consciousness.

Keywords: Tao, phenomenon, experience, transcendental consciousness, semantic structure, I.

Цель данного текста – дескрипция сознательного переживания Дао, экспликация смысловой структуры, логоса Дао. Медитативной «опорой» выступает канонический текст даосской традиции «Чжуан-цзы» в переводе Владимира Вячеславовича Малявина [Чжуан-цзы. Ле-цзы, 1995]. Главной задачей понимания является попытка включиться в основную интенцию текста, подставить мышление Чжуан-цзы вместо своего мышления и испытать – насколько оно органически вписывается в смыслообразующую систему моего сознания, попробовать изменить последнее, обрести новый сознательный опыт, кристаллизующийся в устойчивый габитус.

Иероглиф Дао состоит из двух частей: «шоу» – «голова» и «цзоу» – «идти». В целом, основное значение этого иероглифа может пониматься как «сознательный путь». Китаеведы подмечают парадоксальный на первый взгляд факт: именно в даосских источниках, призывающих личность раствориться во вселенском целом, впервые в китайской литературе появляется переживание Я. В этой связи, следует выдвинуть рабочую гипотезу: переживание Дао

тождественно переживанию спонтанного ветра сознания или чистого абсолютного перво-Я как завершения: а) трансцендентально-феноменологической и б) последней редукций в феноменологии Э. Гуссерля [См.: Борисов, 1999. С. 74–83].

Попытка думать в ритме текста «Чжуан-цзы» доставила мне огромное удовольствие. Я приобщился к неизреченным глубинам Дао, постиг, пусть хотя бы теоретически, спекулятивно, Великую Пустоту Бесформенного, Безначального Дао, испытал состояние текучей плавучести перемен вечного круговорота вещей. Воистину, очень близко затронула меня идея беззаботных скитаний во «дворце Великого Отсутствия», самозабвенных путешествий в «Деревне, которой нигде нет»! Высвобождение сознания из «пыли и грязи внешнего мира», погружение в неизменное средоточие великого Дао, пребывание в недеянии – все эти величественные смыслы всколыхнули мою душу. Даосская мысль открывает в человеке внутреннее измерение Неба, растождествляет его с низшими телесными модальностями, ведь как учил Лао-цзы: «Умеющий шагать не оставляет следов» [Дао дэ цзин, 1998. С. 31], ибо следы оставляет нога, стопа в обуви, а сам «умеющий ходить», «тот кто» ходит, к телу не сводится и через тело не схватывается.

«С лягушкой живущей в колодеце, не поговоришь об океане», – учит Чжуан-цзы [1995. С. 159]. На наш взгляд, лягушка здесь символизирует профанное сознание или, говоря на языке феноменологии, сознание в естественной установке, погруженное в чувственный мир («колодец»). «Океан» же символизирует безбрежный, всепроницающий, сверхчувственный мир Универсального Духа, сам Абсолют, единственно которому действительно пропорционален наш чистый разум. Метафизически Дао тождественно Универсальной Вселенской Возможности или самой Бесконечности. Согласно даосам, мы постигаем Дао благодаря незнанию, которое глубоко, а знание – поверхностно: «Не знать – это внутреннее, а знать – это внешнее» [С. 201]. Дао – сверхбытийно, оно, как говорят даосы, «как будто существует», а это полностью коррелятивно указанию основателя трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля в его знаменитых «Бернауэрских манускриптах» на то, что чистое трансцендентальное Я конституирующего сознания, которое «является основанием всей предметности ... в определенном смысле не существует и его невозможно достигнуть, Гуссерль называет его также фундирующим Я-центром» [Крюков, 2013. С. 55]. Как далее поясняет в своей статье «Проблема времени и рефлексии у Гуссерля» А. Крюков: «Кроме того, что Я не является объектом, оно в то же самое время не обладает временным измерением. ... Мы имеем дело в очередной раз с особым статусом самого Я. Кроме того, что оно является некоторым фундирующим началом, оно одновременно находится вне времени. Но вот что парадоксально, от него зависит само конституирование временного протекания. То есть оно не есть объект, и существует вне времени, а значит в определенном смысле не существующее, и не являющееся временной позицией. ... Итак, Я обладает следующими

свойствами: оно необъективное, вневременное и в этом смысле не существующее, но, одновременно, является гарантом идентичности трансцендентального субъекта. ... Мы видим, что Я обладает двойственным статусом: как вроде бы существующее и как вроде бы не существующее /т. е. – проявленное и непроявленное, – примеч. А. Б./ Оно понимается как фундирующее возникновение внутреннего сознания времени, но одновременно находящееся вне текучести самого времени, вневременной позицией, которая благодаря этому обладает принципом идентичности с неизменным содержанием» [Крюков, 2013. С. 55, 56]. В этой связи находит подтверждение выдвинутая нами гипотеза о том, что переживание (опыт) Дао тождественно переживанию (опыту) изначального потока бытийной жизни, вечного пра-Я, конституирующей первооснове изначального имманентного временного потока трансцендентального сознания, или, по словам Гуссерля: «абсолютно изначальной жизни», «первоначальному Я-есмы» [Цит. по: Борисов, 1999. С. 75].

Подводя итоги, следует зафиксировать результаты нашей медитации (размышления). Смысловую структуру, Логос феномена Дао на объектном уровне или уровне трансцендентного (трансцендирующего) полагания, метафизически (в его сущностной структуре) мы можем обозначить как Трансцендентный Первопринцип, Универсальный вселенский сферический вихрь, в процессе духовных вибраций которого происходит реализация всех существ, вещей и состояний в их Бытии, который метафизики Дальнего Востока называют Дао («Путь») [Ср.: Генон, 2008. С. 113–115]. На субъектном, трансцендентально-феноменологическом плане, Дао – это абсолютное Я всего или необъективируемый «объективатор» всех возможных и действительных объективаций в их объективированности/объективности (или, что – то же самое: непроявленный «проявитель» всего проявленного/феноменального в его проявленности/феноменальности).

Список литературы / References

- Борисов Е. В.** Проблема интерсубъективности в феноменологии Э. Гуссерля // *Логос*. 1999. № 1(11). С. 65–83.
Borisov E. V. The problem of intersubjectivity in the phenomenology of E. Husserl. *Logos*. 1999. No. 1 (11). P. 65–83. (In Russ.)
- Генон Р.** Символика креста. М., 2008.
Guénon R. Cross symbolism. M., 2008. (In Russ.)
- Дао дэ цзин.** СПб., 1998.
Tao Te Ching. SPb., 1998. (In Russ.)
- Крюков А.** Проблема времени и рефлексии у Гуссерля // *HORIZON*. 2013. Т. 2 (2). С. 50–60.
Kryukov A. The problem of time and reflection in Husserl. *HORIZON*. 2013. T. 2 (2). P. 50–60. (In Russ.)
- Чжуан-цзы.** Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявин. М., 1995.
Chuang Tzu. Le Tzu / Per. with whale., entry. Art. and note. V. V. Malyavin. M., 1995. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Безверхин Андрей Сергеевич – кандидат философских наук, Новокузнецк, abezverhin2006@yandex.ru
Andrei Bezverkhin – Ph.D, Novokuznetsk, abezverhin2006@yandex.ru

ПРОБЛЕМА СИНТЕЗА КОННЕКЦИОНИЗМА И СИМВОЛИЗМА В МОДЕЛЯХ СЛАБОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Е. А. Безлепкин

Институт философии и права СО РАН
evgeny-bezlepkin@mail.ru

Предложена идея концептуальной взаимоисключаемости подходов коннекционизма и символизма в философии искусственного интеллекта. Показано, что основные понятия обеих концепций являются дополняемыми в философско-методологическом плане. Ключевой идеей исследования выступает предположение о необходимости поиска способов непротиворечивого синтеза подходов коннекционизма и символизма.

Ключевые слова: слабый искусственный интеллект, коннекционизм, символизм.

THE PROBLEM OF SYNTHESIS OF CONNECTIONISM AND SYMBOLISM IN MODELS OF WEAK ARTIFICIAL INTELLIGENCE

E. A. Bezlepkin

Institute of Philosophy and Law SB RAS
evgeny-bezlepkin@mail.ru

The idea of conceptual mutual exclusion of the approaches of connectionism and symbolism in the philosophy of artificial intelligence is proposed. It is shown that the basic concepts of both concepts are complementary in the philosophical and methodological terms. The key idea of the study is the assumption of the need to find ways to consistently synthesis the approaches of connectionism and symbolism.

Keywords: weak artificial intelligence, connectionism, symbolism.

Проблему моделирования искусственного интеллекта рассматривают с двух точек зрения: сильного и слабого искусственного интеллекта. Первое направление постулирует, что «всякое мышление есть вычисление; в частности, ощущение осмысленного осознания есть не что иное, как результат выполнения соответствующего вычисления» [Пенроуз, 2005]. Второе направление стремится решать конкретные задачи с помощью систем, моделирующих отдельные аспекты человеческого интеллекта. Это направление представлено двумя подходами – коннекционизмом и символизмом.

Первый подход – коннекционизм – основан на моделировании строения мозга, а точнее – на моделировании биологических нейронных сетей мозга. Основной принцип – мышление как процесс можно описать с помощью простых вычислительных элементов, объединенных в сети. Биологическая сеть состоит из нейронов, связанных через синапсы. Искусственная сеть состоит из физических элементов памяти, соединенных проводами. Также это может быть смоделировано в компьютерной программе.

Второй подход – символизм – предполагает, что осмысленные действия могут моделироваться с помощью манипуляций с символами: без символьных вычислений осмысленные действия невозможны, и наоборот, наличие символьных вычислений достаточно для того, чтобы действие можно было считать осмысленным. Эта идея известна как гипотеза Ньюэлла-Саймона:

«Физическая символическая система имеет необходимые и достаточные средства для произведения основных интеллектуальных операций» [Newell, 1976].

В настоящее время были установлены фундаментальные ограничения для каждого из подходов. Для коннекционизма – нейронные сети не обладают «общим пониманием» контекста предметной области. Для символизма – затруднено моделирование тех предметных областей, в которых знание плохо формализуется и часто изменяется.

Гипотеза исследования заключается в том, что оба подхода могут быть интерпретированы с философской точки зрения как взаимоисключающие, т. е. как формальный и содержательный подходы моделирования работы мозга. Такая интерпретация позволяет применить для анализа методологический принцип дополнительности, согласно которому применение двух взаимоисключающих подходов к описанию системы дает исчерпывающую информацию о ней.

Основной реализацией коннекционистского подхода являются искусственные нейронные сети, моделирующие нейронные сети головного мозга. Они состоят из большого количества соединенных вместе элементов, разделенных на слои. Различают: входной слой, нейроны которого получают информацию для обработки; выходной, нейроны которого выдают результаты обработки, и скрытый слой, производящий вычисления. «Если бы нейронная сеть моделировала всю человеческую нервную систему, входные единицы были бы аналогичны сенсорным нейронам, выходные единицы – моторным нейронам, а скрытые – всем остальным нейронам» [Сеунг, 2014].

Между нейронами существуют связи, которые имеют веса активации. Сигнал от слоя нижележащих нейронов подается по линиям связи в слой вышележащих нейронов. Этот сигнал умножается на число веса активации и, если суммарное значение от всех входящих линий превышает порог активации нейрона, он переходит в возбужденное состояние и посылает сигнал дальше. В ином случае распространение сигнала блокируется.

Что значит обучить сеть? Это значит подобрать ее веса таким образом, чтобы минимизировать расхождение между входными и выходными данными.

Что такое информация для такой системы? Информация представлена весами связей между нейронами. Она сосредоточена не в нейроне, а в связях между ними, т. е. имеет не локальный, а дистрибутивный характер.

Методологическая база философии сознания для этого подхода предоставляет теорию функционализма и теории сознания высших порядков. Вкратце, функционализм интерпретирует сознание как сложную функцию между входными данными для сенсорных нейронов и поведением, интерпретируемым как выходные данные моторных нейронов. Мозг интерпретируют как процессор, а психология становится теорией о том, какие операции необходимо произвести, чтобы добиться нужного поведения. «Для этих теорий критерий сознания – доступ к механизмам выхода на поведение или речь и воз-

можность вербального отчета» [Ревонсуо, 2013]. Проблема этих теорий – отказ от объяснения субъективного опыта.

Одна из главных проблем нейросетей – отсутствие понимания, т. е. у системы нет семантической интерпретации входящих данных. В более общем смысле, если биологическое сознание работает с символами и следует причинно-следственным связям, то нейросеть работает с числами и следует закономерностям.

Основная реализация символизма – экспертные системы, которые являются программами, моделирующими знания эксперта в определенной области (например, медицине или юриспруденции). Поскольку знание может быть представлено в двух формах: декларативном (множество фактов и отношений между ними) и процедурном (набор правил «условие → действие»), постольку и экспертные системы делятся на две группы, согласно этим классам.

Самой важной частью системы является база знаний. К примеру, декларативная экспертная система представляет совокупность фактов, как правило, записанную в конъюнктивной нормальной форме и совокупность правил логического вывода, как правило, представляющих собой вариации метода резолюций.

Что такое информация в такой системе? Она представляется логическими именами, которые репрезентируют фрагменты действительности. Соответственно мышление – это логическое, или символическое вычисление над последовательностями символов.

Методологическая база философии сознания для этого подхода предоставляет достаточно много теорий. Приведем к примеру теорию глобального рабочего пространства Б. Баарса, которую можно охарактеризовать следующим образом: «Разум – это система обработки информации, которую можно разделить на два разных типа архитектуры. Архитектура первого типа состоит из множества отдельных когнитивных модулей, которые анализируют входящую сенсорную информацию, а архитектура второго типа – из общей центральной системы, в которую входят когнитивные функции более высокого порядка» [Ревонсуо, 2013].

Понятие обучение сводится к логическому, или символьному вычислению, а понимание – это набор встроенных ограничивающих правил, поскольку речь здесь всегда идет о какой-то одной предметной области. В этом смысле такой подход на сегодняшний день имеет достаточно узкие границы применимости. В этом состоит основная проблема экспертных систем: они неприменимы в тех предметных областях, где нет базы знаний, либо знания сложно формализовать, либо знание часто подвергается изменениям, например, в инженерии или физике.

Таким образом, основные понятия обоих направлений являются взаимоисключающими, или дополнительными, в философском плане. Приведем наиболее очевидные примеры. Информация: распределенное свойство системы в коннекционизме и набор репрезентативных символов в символизме. Со-

знание: свойство для коннекционизма и субстанция для символизма. Обучение: стохастический подбор весов в коннекционизме и логическое вычисление в символизме.

Согласно принципу дополнительности, применение двух взаимоисключающих подходов к описанию системы дает исчерпывающую информацию о ней. Оба подхода – коннекционизм и символизм – могут быть поняты с философской точки зрения как формальный и содержательный подходы. И в этом смысле перед нами возникают две классические дополнительные концепции при применении их к исследованию мозга как многоуровневой системы.

Кроме того, фундаментальные затруднения этих подходов (понимание для коннекционизма и динамически изменяющееся знание для символизма) могут быть решены именно при их объединении (экспертные системы обладают пониманием предметной области, поскольку именно для нее и программируются, а нейросети успешно работают с динамическим знанием).

Наиболее перспективный способ объединения этих подходов основан на гипотезе, что мозг является многоуровневой системой: на более низком уровне описания мозг представляет собой нейросетевую систему, а на более высоком уровне он представляет символический вычислитель над нейросетевой системой. Для такой интерпретации ключевой вопрос состоит в нахождении способов перехода между уровнями.

Список литературы / References

Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. М.-Ижевск, 2005.

Penrose R. Shadows of the Mind: A Search for the Missing Science of Consciousness. Moscow-Izhevsk, 2005. (In Russ.)

Ревонсуо А. Психология сознания. СПб., 2013.

Revonsuo A. Psychology of consciousness. St. Petersburg, 2013. (In Russ.)

Сеунг С. Коннектом. Как мозг делает нас тем, что мы есть. М., 2014.

Seung S. Connectome. How the brain makes us what we are. Moscow, 2014. (In Russ.)

Newell A., Simon H. Computer Science as Empirical Inquiry: Symbols and Search. Communications of the ACM. 1976, Vol. 19 (3).

Сведения об авторе / Information about the author

Безлепкин Евгений Алексеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Николаева 8, evgeny-bezlepkin@mail.ru

Bezlepkin Evgeny – Ph. D., researcher of Institute of Philosophy and law (IPL), Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, evgeny-bezlepkin@mail.ru

ПОСТГЁДЕЛЕВ ЭТАП ФИЛОСОФИИ МАТЕМАТИКИ ЗАВЕРШЕН

А. В. Бессонов

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
trt@academ.org
ORCID ID: 0000-0002-6693-7539

POST-GÖDELIAN STAGE OF PHILOSOPHY OF MATHEMATICS COMPLETED

A. V. Bessonov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk State University
trt@academ.org
ORCID ID: 0000-0002-6693-7539

Знаменитые теоремы К. Гёделя о неполноте оказали глубочайшее влияние на современную философию математики. Их значение настолько велико, что этап разработки философских проблем математики, последовавший за этими открытиями, иногда прямо называют «постгёделевым» (см, напр.: [Михайлова, 2008. С. 113]). При этом общепринятой является оценка теорем Гёделя о неполноте как нанесших смертельный удар по выдвинутой Д. Гильбертом программе финитного обоснования математики. Мы покажем, что такая оценка не соответствует действительности.

В современных формулировках теоремы Гёделя о неполноте формальной арифметики Дедекинда—Пeano (РА) звучат следующим образом:

Первая теорема Гёделя о неполноте арифметики. Если РА ω -непротиворечива, то она неполна, т. е. в РА имеется некоторая замкнутая формула G такая, что ни она, ни ее отрицание не доказуемы в РА.

Вторая теорема Гёделя о неполноте арифметики. Если РА непротиворечива, то в ней не доказуема *формула*, G -выражающая (формализующая в смысле Гёделя) непротиворечивость РА.

Более точно, во второй теореме утверждается, что если РА непротиворечива, а формула $\text{Prov}(x, y)$ G -выражает предикат доказуемости, удовлетворяющий условиям Гильберта—Бернаиса—Лёба, то формула

$$\exists x \forall y \neg \text{Prov}(x, y), (\text{Consis})$$

«говорящая» о наличии в РА недоказуемой формулы, и тем самым G -выражающая непротиворечивость РА, не может быть доказана в РА. Здесь $\text{Prov}(x, y)$ – некоторая арифметическая формула, G -выражающая предикат доказуемости $\text{Pr}(x, y)$ (который выполняется тогда и только тогда, когда x является гёделевым номером формулы, а y – гёделевым номером ее доказательства). Пусть далее $ДЖ$ – нумерал, соответствующий гёделеву номеру формулы A ; n – нумерал, соответствующий числу n .

Почти очевидным следствием второй теоремы, которое почему-то ускользает от внимания специалистов, является вывод, по которому для любой формулы арифметики A , формула

$$\forall y \neg \text{Prov}(\text{ДЖ}y),$$

G -выражающая недоказуемость A , недоказуема в PA (иначе по закону экзистенциального обобщения $F(t) \rightarrow \exists x F(x)$ формула Consis была бы доказуемой в PA).

Обычно основанная на второй теореме критика гильбертовской программы финитного обоснования математики сводится к аргументации неосуществимости неформального финитного доказательства непротиворечивости PA . Аргументируют (следуя фон Нейману) следующим образом (см., напр.: [Zach, 2008]).

Предположим, что PA непротиворечива и что найдется неформальное финитное доказательство ее непротиворечивости. По тезису фон Неймана (любое неформальное финитное доказательство формализуемо в PA) это доказательство можно было бы формализовать в PA . В результате оказалась бы доказуемой некоторая формула, G -выражающая непротиворечивость PA , что противоречило бы второй теореме о неполноте.

Покажем, что подобная аргументация некорректна (см. также [Bessonov, 2018]).

Действительно, независимо от того, имеется или нет какое-либо (финитное или нефинитное) неформальное доказательство непротиворечивости PA , эта теория может быть или противоречивой, или непротиворечивой. Третьего не дано. Рассмотрим обе возможности.

Пусть PA противоречива. Тогда вторая теорема о неполноте вообще не может быть применена, поскольку в ее формулировке содержится условие непротиворечивости PA . И если PA противоречива, то в ней доказуема любая формула, в том числе формула Consis .

Пусть PA непротиворечива. Рассмотрим формулу $\neg(\mathbf{0} = \mathbf{0})$. По аргументу фон Неймана неформальное финитное доказательство невыводимости этой формулы в PA невозможно, из чего, собственно, он и делает вывод о неосуществимости программы Гильберта. Однако недоказуемость формулы $\neg(\mathbf{0} = \mathbf{0})$ (при условии непротиворечивости PA) неформально устанавливается совершенно элементарно методом от противного. Предположим, что формула $\neg(\mathbf{0} = \mathbf{0})$ доказуема. Тогда, учитывая, что в PA доказуемо также $(\mathbf{0} = \mathbf{0})$, доказуемой оказалась бы и формула $(\mathbf{0} = \mathbf{0}) \& \neg(\mathbf{0} = \mathbf{0})$, т. е. (вопреки принятой гипотезе) следовал бы вывод противоречия. И это тривиальное неформальное доказательство очевидно финитно! В нем никак не используются ни аксиома полной индукции, ни, тем более, трансфинитная индукция, и нет никакой апелляции к актуальной бесконечности.

Мы получили контрпример утверждению фон Неймана, что разрушает его аргументацию. Отсюда следует, что основанные на второй теореме доказательств неосуществимости программы Гильберта изначально некорректны.

То же самое можно сказать и о первой теореме (см. также [Bessonov, 2019]). Как указано выше, формула

$$\forall y \neg \text{Prov}(\text{ДЖ}y),$$

G-выражающая недоказуемость A , не может быть доказана в РА ни для какой формулы арифметики A , в том числе для неразрешимой гёделевой формулы G , а также ее отрицания. Рассуждая далее аналогично фон Нейману, можно сделать вывод о несуществовании неформального финитного доказательства недоказуемости в РА ни гёделевой неразрешимой формулы G , ни ее отрицания, т. е. о принципиальной невозможности неформального финитного доказательства первой теоремы о неполноте. Но тогда с позиций последовательного финитизма никакое неформальное доказательство первой теоремы вообще не может быть принято. Тем более эта теорема не может использоваться в аргументации против реализуемости гильбертовской программы финитного обоснования математики.

Конечно, мы не доказали наличие финитного доказательства непротиворечивости РА (без предположения о ее непротиворечивости). Но наш результат показывает, что критика гильбертовской программы финитного обоснования математики, основывающаяся на теоремах Гёделя о неполноте, а также на аргументе фон Неймана, должна быть отвергнута.

Подводя итоги, можно заключить, что постгёделев этап философии математики завершен.

Список литературы / References

- Михайлова Н. В.** Системный синтез программ обоснования современной математики. Минск, 2008.
Mikhailova N. V. System Synthesis of Modern Mathematic Foundation Programs. Minsk, 2008. (In Russ.)
- Bessonov A. V.** Gödel's second incompleteness theorem cannot be used as an argument against Hilbert's program. The Bulletin of Symbolic Logic. 2018. Vol. 24, no. 2. P. 235/236.
- Bessonov A. V.** Gödel's first incompleteness theorem cannot be used as an argument against Hilbert's program. The Bulletin of Symbolic Logic. 2019. Vol. 25, no. 3. P. 268/269.
- Zach R.** Hilbert's Program then and Now. Handbook of Philosophy of Science. Vol. 5. Philosophy of Logic. Amsterdam: Elsevier. 2006. P. 411–447.

Сведения об авторе / Information about the Author

Бессонов Александр Владимирович – доктор философских наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Николаева 8, trt@academ.org
Aleksandr V. Bessonov – doctor of science (philosophy), senior researcher, leading researcher of Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, RAS, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, trt@academ.org

СВЕРХКРИТИЧЕСКИЙ МОЗГ ТЬЮРИНГА И УСИЛИТЕЛИ СВОБОДНЫХ БИТОВ: ХОРОША ЛИ ГИПОТЕЗА КВАНТОВОГО МОЗГА?

Д. В. Винник

НИУ ВШЭ
dvinstor@gmail.com

В статье обсуждаются аргументы за и против гипотезы квантового мозга. Согласно этой гипотезе, квантовые флуктуации внутри нервных клеток и на синаптических щелях способны амплифицироваться и транслировать свои состояния на уровень макроструктур головного мозга. Пропоненты апеллируют к теории нейронных лавин, синергетическим аргументам о неравновесной природе церебральной динамики и теории несинаптической передачи нервных сигналов. Оппоненты утверждают, что термодинамические условия существования нервной ткани таковы, что они препятствуют проявлению квантовой когеренции и других макроскопических квантовых эффектов; мозг является недостаточно изолированной от среды системой для наблюдения таких эффектов. Также утверждается, что все квантовые флуктуации усредняются и их вычислительная роль полностью нивелируются.

Ключевые слова: квантовая биология; квантовая теория сознания; квантовая механика; синергетика; амплификация; нейрофизиология; эфепатическая передача; несинаптическая связь.

D. V. Vinnik

State University – Higher School of Economics
dvinstor@gmail.com

This article reviews arguments for the quantum brain hypothesis and against it. According to this hypothesis, quantum fluctuations within nerve cells and at synaptic clefts are able to amplify and translate their states to the brain's macrostructures level. Proponents appeal to the theory of neural avalanches, arguments about the non-equilibrium nature of cerebral dynamics and the theory of nonsynaptic signal transmission. Opponents insist that the thermodynamic conditions of nervous tissue prevent the emergence of quantum coherence and other macroscopic quantum effects; the brain is not enough isolated from the environment to observe such effects. All quantum fluctuations have to be averaged and their computational role have to be eliminated.

Keywords: quantum biology; quantum theory of mind; quantum mechanics; theory of chaos; amplification; neurophysiology; neural networks; ephaptic coupling; non-synaptic connection.

Существует междисциплинарный подход, известный как *квантовая биология*, который основывается на т. н. *гипотезе квантового мозга*. Согласно этой гипотезе, квантовые события внутри нервных клеток и на синаптических щелях способны транслироваться сквозным образом через уровни движения материи: от квантово-механического к физико-химическому, далее к нервно-биологическому и поведенческо-психическому. Существует и более экзотическая версия этой гипотезы, допускающая прямую онтологизацию тонких полевых физических структур в качестве субстрата самого сознания. Судя по всему, ее придерживается ирландский генетик Джохно Мак-Фадден, в 2002 г. предложивший теорию «сознательного электромагнитного информационного поля» (SEMI-field), согласно которой сознание является тем компонентом электромагнитного поля мозга, которое «загружается» в моторные нейроны. Однако основная полемика разворачивается именно в рамках общепринятой гипотезы [McFadden, 2002].

Ее сторонники исходят из того, что в аксонах, дендритах, на синаптических щелях и мембранах нейронов нашего электрохимического компьютера, должны иметь место эффекты квантового туннелирования, квантового спутывания, когеренции. Существование и даже тривиальность таких событий признают и те, кто отвергает гипотезу квантового мозга. Однако ее сторонники утверждают, что подобные квантовые события могут амплифицироваться, индетерминистичным образом меняя состояния как отдельных нейронов, так и целых нейронных комплексов. Возможность отдельного нейрона запускать каскад возбуждения или торможения миллионов или даже миллиардов других нейронов получила название «нейронная лавина». Существование нейронных лавин было доказано экспериментально Дж. Беггсом и Д. Пленцем в 2003 г. [Beggs et al., 2003]. Подобная цепь событий способна иметь своим результатом спонтанное изменение психического состояния и поведения живого существа, которые следует считать квантовым макрофеноменом. Питер Джедлика объясняет возможность *амплификации* квантовых сигналов сложной нелинейной динамикой мозга, чувствительной к небольшим колебаниям. Он допускает существование в мозге нетривиальных квантовых состояний, к которым он относит, прежде всего – когерентность [Jedlika, 2017].

Аргентинский математик Данте Чиальво развил эту идею, выдвинув «гипотезу критического мозга», согласно которой крупные нейронные сети работают вблизи фазовых переходов [Chialvo, 2010]. Это означает, что активность мозга будет непрерывно колебаться между двумя фазами: уменьшением и усилением. В рамках гипотезы предполагается, что в состоянии критичности вычислительные мощности мозга значительно возрастают. В 1995 г. Д. Стассинопулос и П. Бак предложили достаточно простую модель нейронной сети, для которой критичность является нормальным состоянием [Stassinopoulos et al., 1995].

Между тем, идея о критической природе нейродинамики принадлежит самому А. Тьюрингу, изложившему ее в 1950 году в статье «Вычислительные машины и интеллект» [Turing, 1950]. Тьюринг сравнивает мозг с ядерной сборкой, которая может находиться в подкритическом, критическом и сверхкритическом состояниях. Тип состояния определяется количеством делений, которые способен вызвать один нейтрон. Он ставит вопрос, существуют ли подобные состояния для умов и для машин, если сравнить нейтрон с идеей, а мозг с атомным ядром? Большинство разумов или мозгов представляются ему подкритическими, – обычно идеи, попадающие в разум большинства существ, порождают менее одной идеи в ответ. Лишь совсем немного умов можно характеризовать в качестве сверхкритических, – идея, представленная таким умам, может порождать концепции, состоящие из вторичных, третичных и еще более отдаленных идей. Далее Тьюринг задает еще более смелый вопрос: есть ли возможность создать сверхкритическую вычислительную машину?

Гипотеза вышла за пределы академического сообщества. Известный специалист по квантовым вычислениям Скотт Ааронсон выдвинул и популяризировал собственную теорию «свободного бита» (freebit), согласно которой «хаотическая динамика мозга» может усилить до макроскопического масштаба эффект от произвольного бита, сгенерированный в результате квантовой флуктуации. Он считает, что природа любого мозга носит неравновесный характер. Если бы они были ритмичны, как маятник, – они не могли бы поддерживать интересное поведение; будь они хаотичными, как погода, – они не могли бы поддержать рациональность [Aaronson, 2016].

Популярный американский психиатр Дж. Сатиновер в 2002 г. выпустил книгу «Квантовый мозг: в поисках свободы и человека будущего», в которой утверждал, что хаотическая динамика может усиливать квантовые флуктуации, модулируя крупную мезоскопическую и, возможно, макроскопическую активность нейронов [Satinover, 2002]. Израильский физик и нейробиолог Хаим Сомполинский написал эссе о свободе воли, заявив, что хаос в мозге может чрезвычайно усилить небольшие квантовые флуктуации до такой степени, что это повлияет на время возбуждения нейронов [Sompolinsky, 2005].

Значительную полемику вызвала недавняя работа М. Фишера [Fisher, 2015] и впоследствии примкнувших к нему С. Вайнгартена и П. Дораисвами. Они предположили существование механизм квантовых вычислений на субклеточном уровне, основанном на квантовой спутанности молекула фосфата кальция в нейронах.

В 2010 г. А. Вазири и М. Пленио исследовали резонансные явления в кальциевых каналах, будучи вдохновленными работами, доказывающими долгоживущую квантовую когерентность при переносе энергии на разных стадиях фотосинтеза. Они сделали вывод, что проявление резонанса проводимости ионных каналов может служить сигнатурой квантовой когерентности в такой системе [Vaziri et al., 2010]. В 2014 г. Г. Ваттай, С. Кауфман и др. в статье «Квантовая биология на грани квантового хаоса» утверждают, что квантовая когерентность может стать долгоживущей в сложных неравновесных системах, находящихся «на грани квантового хаоса» [Vattay et al., 2014]. С. Фуджисава, Н. Мацуки и др. утверждают, что самая высокая чувствительность к небольшим флуктуациям наблюдается именно в неравновесной точке фазового пространства мембранных потенциалов [Fujisawa, 2006].

Стоит обратить внимание на феномен «беспроводной», – индуктивной связи между соседними нервами, который был открыт Эмилем Дюбуа-Реймоном в середине XIX в. Настоящий эффект был назван «вторичным возбуждением». В 1942 г. французский нейрофизиолог греческого происхождения Ангелик Арванитаки также исследовал этот интересный феномен и назвал его «эфаптической передачей» (от греческого «ephapsis» – «трогать»), как способ трансляции нервной информации, отличный от передачи синаптической [Arvanitaki, 1942]. Это явление можно отнести к межаксонным помехам, т. к. оно обычно вызывается демиелинизацией нервов, снижающих их

электрическую изоляцию. Это может стать причиной аномальных ощущений, синестезии, невралгических болей, каузалгии. Однако ряд авторов сделали допущение, что эффекты межсинаптической индукции могут иметь и положительную функцию. К. Анастасио и Р. Перин показали, что внеклеточные поля способны влиять на мембранный потенциал нейронов и их пиковую активность с помощью эфаптической передачи. Они допускают, что электрические поля могут управлять и синхронизировать возбуждение множества нейронов и, таким образом, влиять на когнитивные функции и поведение [Anastassiou et al., 2011].

Противники гипотезы квантового мозга апеллируют всего к двум контраргументам, силу которых, однако, не стоит недооценивать. Первый контраргумент гласит о том, что на масштабах нейронной сети квантовые флуктуации статистически усредняются и нивелируются. Размеры нейромедиаторов слишком велики по своим размерам, чтобы квантовые феномены играли существенную роль в их функционировании. Фактически они отрицают возможность существования нейронных лавин, запущенных событиями с квантового субклеточного уровня.

Второй контраргумент говорит о том, что термодинамические условия функционирования нервной ткани препятствуют проявлению макроскопических квантовых эффектов. Мозги слишком «теплые» и слишком «влажные» для этого. Ц. Кох и К. Хепп утверждают, что рабочая температура в 300 кельвинов и сильная связь с окружающей средой должны приводить к тому, что декогеренция будет преобладать, и квантовые вычисления нейронов не будут возможны [Koch et al., 2006]. Известный физик и астробиолог Пол Дэвис настаивает на том, что расчеты скорости декогеренции времени выглядят чрезвычайно короткими. В самом деле, все известные интересные когерентные квантовые состояния, которые необходимы для любого нетривиального квантового вычисления, существуют только в хорошо изолированных искусственных условиях.

В 1999 году шведско-американский астрофизик Макс Тегмарк выступил оппонентом Р. Пенроуза. Обратившись к расчётам нейронной декогеренции, он сделал вывод, что степени свободы человеческого мозга, относящиеся к когнитивным процессам, следует рассматривать в качестве классической, а не квантовой системы [Tegmark, 1999].

Перечисленные контраргументы очень весомы, однако к настоящему моменту накопилось значительное количество эмпирических свидетельств, заслуживающих самого пристального внимания. Обратим внимание, что большинство сторонников теории критического мозга или «амплификаторов» вовсе не утверждает, что квантовыми свойствами можно объяснить все психические свойства и все поведение. В этом смысле их обвинение в редукционизме в их отношении выглядит несправедливо. Скорее они допускают существование «сквозных» квантово-механических свойств, обладающих некоторым объяснительным потенциалом. В конечном счете, нам известны

сквозные свойства классической механики: мозг целиком обладает массой, плотностью, электрическим сопротивлением, емкостью и т. п. Нельзя сказать, что эти интегральные физические свойства обладают большим объяснительным потенциалом, но он далеко не нулевой.

Если сторонники гипотезы квантового мозга правы, это должно иметь нетривиальные онтологические следствия. А именно, – все церебральные существа следует рассматривать как агентов мира первозданного хаоса микромира. Если это так, все они являются устройствами, способными усиливать случайные события квантово-механического мира до макромасштабов, реализуя их не только во внутренних состояниях своего мозга, но и вовне – в своем поведении.

Список литературы / References

- Aaronson S. (2016) The ghost in the quantum Turing machine. [Online]. Available at: <https://www.scottaaronson.com/papers/giqtm3.pdf> (Accessed: 15 November 2020).
- Anastassiou C. A., Perin R., Markram H., Koch C. Ephaptic coupling of cortical neurons. *Natural Neuroscience*. 2010. Vol. 2. P. 217–23.
- Arvanitaki A. Effects Evoked in an Axon by the Activity of a Contiguous One. *Journal of Neuropsychology*. 1942. Vol. 5, no. 2. P. 89–108.
- Beggs J. M., Plenz D. Neuronal avalanches in neocortical circuits. *The Journal of Neuroscience*. 2003. No. 23. P. 11167–11177.
- Chialvo D. R. Emergent complex neural dynamics. *Nature Physics*. 2010. Vol. 6. P. 744–750.
- Fisher M. P. A. Quantum cognition: the possibility of processing with nuclear spins in the brain. *Annals of Physics*. 2015. Vol. 362. P. 593–602.
- Fujisawa S., Matsuki N., Ikegaya Y. Single neurons can induce phase transitions of cortical recurrent networks with multiple internal states. *Cerebral Cortex*. 2006. Vol. 16. P. 639–654.
- Jedlika P. (2017) Revisiting the Quantum Brain Hypothesis: Toward Quantum (Neuro)biology? *Frontiers In Molecular neuroscience*. [Online]: Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5681944/#B7> (Accessed: 15 November 2020).
- Koch C., Hepp K. Quantum mechanics in the brain. *Nature*. Vol. 440 (7084). P. 611.
- McFadden J. The conscious electromagnetic information (cemi)field theory: the hard problem made easy? *Journal of Consciousness Studies*. 2002. Vol. 9. P. 45–60.
- Satinover J. The Quantum Brain: The Search for Freedom and the next Generation of Man. New York: John Wiley & Sons, Inc. 2001.
- Sompolinsky H. Scientific perspective on human choice. Judaism, Science, and Moral Responsibility. New York: Rowman & Littlefield. 2005. P. 13–44.
- Stassinopoulos D., Bak P. Democratic reinforcement: A principle for brain function. *Physical Review*. 1995. Vol. 5. P. 5033–5039.
- Tegmark M. (1999) *The Importance of Quantum Decoherence in Brain Processes* [Online]. Available at: URL: <http://cds.cern.ch/record/392718/files/9907009.pdf> (Accessed: 15 November 2020).
- Turing A. M. Computing machinery and intelligence. *Mind*. 1950. Vol. 59. P. 433–460.
- Vaziri A. M. (2010) Quantum coherence in ion channels: resonances, transport and verification. *New Journal of Physics*. [Online]. Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1367-2630/12/8/085001> (Accessed: 15 November 2020).
- Vattay G., Kauffman S., Niiranen S. Quantum Biology on the Edge of Quantum Chaos. *PLoS ONE*. 2014. Vol. 9(3).

Сведения об авторе / Information about the author

Винник Дмитрий Владимирович – доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ, Москва, dvinstor@gmail.com

ВЫВОДИМЫЕ ОБЪЕКТЫ ВТОРОГО РОДА И ОНТОЛОГИЯ ПАТТЕРНОВ

Н. В. Головки

Институт философии и права СО РАН
golovko@philosophy.nsc.ru
ORCID ID: 0000-0002-4707-1231

Выводимые объекты второго рода вводятся в теорию для того, чтобы объяснить возможность развития структурно однозначной теории (Р. Дэвид) по аналогии с традиционными представлениями о недоопределенности теории данными. Онтология паттернов (Д. Деннет, Дж. Лэдимен) меняет привычное «несистемное» представление об онтологии науки, что, в частности, позволяет отказаться от введения выводимых объектов второго рода и представить развитие структурно однозначной теории в более традиционном ключе, но уже в рамках «интерпретативистского» подхода к пониманию онтологии.

Ключевые слова: выводимые объекты, структурно однозначная теория, недоопределенность теории данными, онтология паттернов, Г. Рейхенбах, Р. Дэвид, Д. Деннет.

SECOND ORDER ILLATA AND PATTERN ONTOLOGY

N. V. Golovko

Institute of Philosophy and Law SB RAS
golovko@philosophy.nsc.ru
ORCID ID: 0000-0002-4707-1231

Second order illata were introduced into the theory in order to explain the possibility of the development of a structurally unique theory (R. David) by analogy with the traditional ideas about the underdetermination of the theory by data. The ontology of patterns (D. Dennett, J. Ladyman) changes the usual «non-systematic» view of the ontology of science, that allows to deny the necessity of the second order illata and to present the development of the structurally unique theory in a more traditional way, but already within the framework of an «interpretative» approach of understanding ontology.

Keywords: illata, structural unique theory, underdetermination, pattern ontology, H. Reichenbach, R. Dawid, D. Dennett.

Что значит, что бозон Хиггса существует? И если мы не хотим скатываться в откровенную антропологию и инструментализм, то ответ на этот вопрос предполагает, что у нас уже есть хорошая метафизическая концепция, интерпретирующая содержание научного знания именно с метафизических позиций. Мы говорим: «электрон существует» не потому, что нам так говорят ученые, а потому что у нас есть философская метафизическая теория, которая интерпретирует «электрон» как объект объективной реальности, как если бы электрон существовал «на самом деле». Проблема заключается в том, что таких метафизических теорий может быть много. Точно также, может быть много вариантов ответов на вопросы о том, в чем цель развития науки, какова лучшая методология, лучшая модель структуры научной теории, модель подтверждения и т. д. Мы исходим из того, что вокруг вопроса о существовании объектов, постулируемых успешной научной теорией, существует несколько различных философских дискурсов. Один философский дискурс, условно, идет «от науки», — мы рассуждаем о достоверности и обоснованности знания, о соотношении теории и данных, о теоретической нагруженности наблюде-

ний и т. д. Почему это дискурс «от науки», потому что мы пытаемся построить рациональную модель того, как в реальности развивается научное знание. Второй философский дискурс идет «от философии». Здесь мы говорим о структуре объективной реальности, об истинности, о фундаментальных категориях и объектах. Естественно, истинна где-то посередине. Нельзя просто так взять и забыть про один из этих дискурсов. Однако можно с уверенностью сказать, что на протяжении всей истории философии науки находилось не мало философов, которые успешно с этим справлялись. В этом смысле, неопозитивизм не был абсолютным злом в плане «отрицания метафизики», т. к. он породил и Г. Рейхенбаха, и Г. Фейгля, и У. Селларса, а впоследствии и современный научный реализм. Диалектический материализм, в свою очередь, в каком-то смысле, сделал «шаг назад», – начав с ленинской теории материи, он либо ей и ограничился, либо она полагалась чем-то самой собой разумеющимся (см., например: [Мостепаненко, 1969], или [Объективная диалектика, 1981]). В любом случае, разницы никакой и если мы посмотрим в статьи и книги по метафизике науки, опубликованные в 80-х – 90-х годах, то увидим, что обсуждение вопроса о существовании электрона, в лучшем случае, апеллирует к тому, что электрон – это просто объект объективной реальности (см.: [Головкин, 2013]). О том, как именно структурирована эта реальность ничего не будет. Все изменилось, когда в 2007 году вышла книга Дж. Лэдимена «Каждая вещь своим чередом» [Ladyman et al., 2007]. Стало понятно, что больше можно не говорить о реальности, как о вещи-в-себе, или о едином «всеобщем» Бытии Парменида, скрытом от нас границей между чувственным и рациональным. Реальность состоит из паттернов, выделяемых из имеющихся данных в различных интенциональных перспективах, существующих независимо от того, смог ли и сможет ли в принципе кто-то выделить данный паттерн [Dennett, 1991]. В этом смысле, бозон Хиггса и покрытый перьями динозавр – объективно существующие паттерны в соответствующей интерпретирующей перспективе. На наш взгляд, этот переход между представлениями о реальности как о вещи-в-себе и о реальности, в каком-то смысле, имеющей структуру, еще не до конца был осмыслен в современной философии науки. В качестве иллюстрации значимости перехода, а вместе с тем и онтологии паттернов, приведем пример сопутствующего изменения представления о развитии структурно однозначной теории. Такой экзотический объект выбран не случайно, т. к. как и подобает тому, что должно происходить в рамках «нормальной науки», большая часть современной философии науки легко может прожить без той части рассуждений, которая идет собственно «от философии».

Выводимые объекты второго рода вводятся в теорию для того, чтобы объяснить возможность развития структурно однозначной теории по аналогии с традиционными представлениями о недоопределенности теории данными. В 2003 году Ричард Дэвид, анализируя свойство дуальности, то как оно проявляется в теории струн, приходит к идее структурно однозначной теории,

основное свойство которой – теоретическая однозначность (theoretical uniqueness) заключается в том, что удовлетворяющая этому феномену теория имеет только одну модель и единственным образом предсказывает *все* имеющиеся эмпирические данные [Dawid, 2003]. Проблема заключается в том, как описать развитие такой теории, поскольку классическая гипотетико-дедуктивная модель развития научного знания, утверждающая, что теория должна дедуцировать следствия, которые должны проверяться или опровергаться эмпирически, в определенном смысле, не работает. В 2007 году нами была выдвинута гипотеза о том, что возможность развития теории струн как структурно однозначной теории можно описать, вводя особый вид выводимых объектов – выводимые объекты второго рода, которые являются внутренними проекциями абстрактных объектов (которыми и являются объекты структурно однозначной теории с точки зрения стандартной эмпирической науки) и, тем самым, будут обладать своим дополнительным содержанием, но это «дополнительное содержание» (в отличии от стандартной эмпирической теории) будет исключительно «теоретическим», в том смысле, что структурно однозначная теория недоопределена именно «теоретическим содержанием» [Головкин, 2007]. Что произойдет с таким рассуждением «от науки», если мы перейдем к онтологии паттернов?

Следуя Д. Деннету, паттерны являются абстрактными, нежели выводимыми объектами (см.: [Dennett, 1991]). И если у самого Г. Рейхенбаха, граница между *abstracta* и *illata* (будем использовать термины Г. Рейхенбаха) не была абсолютной и, отчасти, апеллировала к имеющимся данным, то Д. Деннета интересовала именно редукция *abstracta* к *concreta* в рамках заданной интенциональной перспективы. В онтологии Д. Деннета «вероятностную природу» *illata* можно представить как «редуктивную природу» *abstracta* в новой (другой, специально выбранной) интенциональной перспективе. Учитывая тот факт, что все интенциональные перспективы в онтологическом смысле – с точки зрения онтологического статуса выделяемых в их рамках паттернов равны, то у нас нет разницы между *abstracta* и *illata*. У нас нет разницы между канонической «эмпирической» научной теорией и структурно однозначной. Структурно однозначная теория – это паттерн, который выделяется на основании имеющихся данных в своей интенциональной перспективе. Возможное затруднение, вызванное тем, что эти «данные» могут, условно, «качественно» отличаться от знакомых всем «эмпирических» (оставим «эмпирический» в кавычках, учитывая неоднозначность, вызванную, например, тезисом Дюгема-Куайна) данных (а это будут исключительно теоретические данные), решается так. По определению, «элементами» паттерна – тем, из чего он состоит – являются паттерны низших уровней, которые в данной интенциональной перспективе даже не обязаны распознаваться как паттерны. В этом смысле, традиционные «эмпирические данные», которые участвуют в гипотетико-дедуктивной модели обоснования научной теории, те данные, которые должны быть воспроизводимыми и повторяемыми, которые участ-

вуют в верификации и фальсификации теории являются паттернами, выделяемыми в соответствующей интенциональной перспективе. То же самое можно сказать и о внутренних проекциях объектов структурно однозначной теории. Переход к онтологии паттернов лишает структурно однозначную теорию исключительности, которую она имела в парадигме «эмпирической науки», т.к. сама дихотомия теоретического и эмпирического перестает иметь каноническую значимость и кажущуюся непререкаемую фундаментальность.

Список литературы / References

- Головко Н. В.** Картина мира и методологический реализм. Новосибирск: Параллель, 2007.
Golovko N. V. Kartina mira i metodologicheskii realizm. Novosibirsk: Parallel, 2007. (In Russ.)
- Головко Н. В.** Натурализация метафизики: научный реализм и диалектический материализм. *Вопросы философии*, 2013. № 8. С. 24–33.
Golovko N. V. Naturalizatsiya metafiziki: nauchnyi realizm i dialekticheskii materialism. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 8. P. 24–33 (In Russ.)
- Константинов Ф. В., Марахов В. Г.**, ред. Объективная диалектика. М.: Мысль, 1981.
Konstantinov F. V., Marakhov V. G., eds. Ob'ektivnaya dialektika. Moscow, Mysl', 1981. (In Russ.)
- Мостепаненко М. В.** Философия и физическая теория. М.: Наука, 1969.
Mostepanenko M. V. Filosofiya i fizicheskaya teoriya. Moscow, Nauka. 1969. (In Russ.)
- Dawid R.** (2003) Scientific Realism in the Age of String Theory. *PhilSci Archive* [Online]. URL: <http://philsci-archive.pitt.edu/1240/> (Accessed: 13 November 2020)
- Dennett D.** Real Patterns. *Journal of Philosophy*, 1991, vol. 88, p. 27–51.
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Сведения об авторе / Information about the author

Головко Никита Владимирович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: golovko@philosophy.nsc.ru
Golovko Nikita V. – D. Sc., leading researcher of Institute of Philosophy and law SB RAS, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, e-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

УДК 115

doi:10.47850/S.2020.1.6

КАЖУЩЕЕСЯ НАСТОЯЩЕЕ И НЕРЕАЛЬНОСТЬ ВРЕМЕНИ

ДЖ. Э. МАКТАГГАРТА

А. С. Зайкова

Институт философии и права СО РАН

zaykova.a.s@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3300-0130>

Аргументация Дж.Э. МакТаггарта использует в том числе понятие «кажущегося настоящего», описывающее феноменальное переживание настоящего и недавнего прошлого. МакТаггарт утверждает, что, поскольку некоторое событие может быть в прошлом для одного, и внутри кажущегося настоящего и, значит, в настоящем для другого, получается противоречие, иллюстрирующее нереальность времени. Однако, поскольку кажущееся настоящее, фактически, может включать только прошлое, данный аргумент МакТаггарта не может быть применен.

Ключевые слова: МакТаггарт, кажущееся настоящее, фактическое настоящее, время, А-последовательность.

SPECIOUS PRESENT AND THE UNREALITY OF TIME OF J. M. E. MCTAGGART

A. S. Zaykova

Institute of Philosophy and Law SB RAS

zaykova.a.s@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3300-0130>

Argumentation by J. E. McTaggart uses among others the concept of "specious present", which describes the phenomenal experience of the present and the recent past. McTaggart argues since an event may be in the past for one, and inside the specious present and, therefore, in the present for another, we get a contradiction that illustrates the unreality of time. However, since the apparent present can only include the past factually, this argument cannot be applied.

Keywords: McTaggart, specious present, factual present, time, A-series.

Как полагал Джон Эллис МакТаггарт, время вовсе не является реальным, а то, что кажется нам временем и все временные свойства – это иллюзия, обманчивое явление нашего опыта [McTaggart, 1908]. В своей работе «Нереальность времени» он показал, что существует два способа говорить о сериях событий. А-серия, или А-последовательность – это упорядочение событий относительно настоящего, и свойства событий быть прошлыми, настоящими или будущими, он предложил назвать А-свойствами. В-серия, или В-последовательность располагает события относительно друг друга согласно более ранним или более поздним временным расположениям, и их часто озвучивают как В-отношения.

Далее МакТаггарт показывает несостоятельность как А-серии, так и В-серии событий в качестве определяющих временную онтологию. При этом он подчеркивает, что, когда мы воспринимаем что-либо прямо, непосредственно, сами события воспринимаются только как настоящие в рамках кажущегося настоящего: «Мы воспринимаем события во времени как настоящее, и они являются единственными событиями, которые мы воспринимаем непосредственно». Поэтому он полагает, что наше восприятие ближе к А-серии событий. Однако он использует интересный аргумент, доказывая, что убеждение в реальности А-серии приводит к парадоксу:

«Прямые восприятия, которыми я сейчас обладаю, подпадают под мое кажущееся настоящее. У меня есть только память или предчувствие тех из них, которые выходят за его пределы. Кажущееся настоящее различается по длительности в зависимости от обстоятельств и может быть разным у двух людей в один и тот же период времени. Событие М может быть одновременным с восприятием Х-ом Q и восприятием У-ом R. В определенный момент Q может перестать быть частью кажущегося настоящего Х-а. Следовательно, М будет в этот момент прошлым. Но в тот же самый момент R может все еще быть частью кажущегося настоящего У. Следовательно, М будет настоящим в тот же самый момент, в который оно будет прошлым» [McTaggart, 1908. Р. 464].

Таким образом, как мы видим, МакТаггарт исходит из того, что кажущееся настоящее, во-первых, соответствует тем событиям, которые находятся в настоящем, и, во-вторых, имеет индивидуальные особенности для каждого

человека в схожий период времени. Именно эти две предпосылки в совокупности и приводят его к противоречию.

Однако, как известно, все наши прямые восприятия происходят с задержкой. Эксперименты Б. Либета [Libet et al, 1979] году показали, что даже прямая стимуляция соматосенсорной коры – области головного мозга, куда и поступают все сигналы от органов чувств – воспринимается не ранее, чем через полсекунды, несмотря на субъективное ощущение испытуемых, что задержки восприятия не происходит.

Фактически, в кажущееся настоящее события, находящиеся только в настоящем не попадают; в него попадают только прошлые события. Таким образом, даже если воспринимаемое У-ом R принадлежит кающемуся настоящим, оно является прошлым, как и событие M, и воспринимаемое X-ом Q. Следовательно, парадокс, продемонстрированный МакТаггартом, исчезает.

Конечно, этот факт не отменяет вторую часть аргументов, не основанную на использовании кажущегося настоящего. Тем не менее, его главное суждение о том, что наше восприятие времени отличается от временной реальности, остается верным, как можно по-прежнему заметить из экспериментов Либета и их повторения другими исследователями.

Список литературы / References

Libet B., Wright Jr., E.W., Feinstein, B., Pearl D. K. Subjective referral of the timing for a conscious sensory experience. *Brain*, 1979. No. 102. P. 191–222.

McTaggart J. M. E. The Unreality of Time. *Mind*. 1908. Vol. 17. P. 457–474.

Сведения об авторе / Information about the author

Зайкова Алина Сергеевна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: zaykova.a.s@gmail.com

Zaykova Alina – junior researcher of Institute of Philosophy and law SB RAS, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, e-mail: zaykova.a.s@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ РАЗЛИЧНОГО УРОВНЯ АБСТРАКЦИИ

В. Н. Карпович

Институт философии и права СО РАН
kvn@philosophy.nsc.ru

Теоретическое знание может содержать различные уровни абстракции, представленные логическими конструкциями из наблюдаемых характеристик предметов в предметной области. Степень абстрактности определяется способом связи полученных конструкций с исходными опытными данными. Такие вспомогательные конструкции характеризуются как явные или неявные определения одних понятий (теоретических) через другие (термины наблюдения). Одним из приемов построения таких определений является операционализация абстракций системой редукционных предложений. В этом случае определяемое понятие оказывается «открытым», представляющим собой логико-методологический регулятив для расширения возможных связей теоретической модели ее практическими приложениями.

Ключевые слова: Теория, опыт, абстрагирование, наблюдение, определение, разрешимость, редукция, операционализация.

THEORETICAL DEFINITIONS FOR AUXILIARY CONCEPTS OF VARIOUS LEVELS OF ABSTRACTION

V. N. Karpovich

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Theoretical knowledge may contain various levels of abstraction represented by logical constructions from the observed characteristics of objects from the subject area of the theory. The degree of abstractness can be described by the complexity of the structures obtained from the initial observational terms. Such auxiliary constructions are characterized as explicit or implicit definitions of theoretical concepts in terms of observational. One of the techniques for constructing such definitions is the operationalization of abstractions by a system of reduction sentences. In this case a theoretical concept is characterized as “open” and plays a role of logical and methodological constraints for expanding the possible connections of the theoretical model with the help of concepts from the domain of intended practical application.

Keywords: Theory, experience, abstraction, observation, definition, decidability, reduction, operationalization.

При анализе научных и философских теорий важно различать первичные и вспомогательные понятия в концептуальном аппарате теорий. В естественнаучных теориях первые обычно обозначают как термины наблюдения, а вторые как теоретические термины. Научная теория в самом общем случае может быть представлена как система состоит из утверждений в соответствующем концептуальном аппарате (языке теории), упорядоченных дедуктивными связями, которые представляют собой минимальный критерий непротиворечивости для любой научной дисциплины.

В принципе, термины наблюдения – это не обязательно имена или характеристики эмпирически заданных объектов, это на самом деле понятия, для которых существуют эффективные процедуры распознавания. Например, в теории чисел по заданному числу можно узнать, является ли оно простым, для этого нужно лишь выполнить соответствующий алгоритм, возможно состоящий из карандашно-бумажных операций, который в конечном счете даст однозначный ответ на поставленный вопрос.

Теоретический термин (понятие) в этом случае представлен конструкцией, содержащей явные или неявные определения, каким-то образом связывающие вводимый вспомогательный конструкт к заданному описанию предметной области в терминах наблюдения. Степень связности теоретических конструкций с терминами наблюдения при этом варьируется от полной сводимости конструкта к терминам наблюдения до сравнительно глубокой теоретической конструкции, не разрешимой эффективно для некоторых задач распознавания. Известно также, что демаркацию философского и научного знания в свое время пытались проводить именно по связи теории и опыта. И действительно, если вспомнить классические философские вопросы о смысле жизни, о добре и зле, о справедливости т. п., то чаще всего результатом их анализа было в лучшем случае некоторое теоретическое представление о том, что это такое, а остальное отставлялась на усмотрение интерпретатора.

Вот один из самых известных случаев анализа, представленный в диалоге Платона «Евтифрон». Речь идет о справедливости, и на вопрос о ее сути, герой диалога отвечает, что она представляет собой «угодное богам». С этого момента диалог развивается в попытках осознать, насколько этот ответ удовлетворителен. Надо заметить, что при этом предполагается, что угодное богам можно определить наблюдением. Это первое определение справедливости можно теперь представить так:

Поступок *X* справедлив тогда и только тогда, когда человек характеризует этот поступок как совпадающий с образом поведения, а значит и волей богов.

Такой анализ (назовем его определением, которое устанавливает смысла понятия, представленного левой частью утверждения) по-разному оценивается сторонами диалога. Левая часть интересует Сократа как философа, правая же – Евтифрона, и трактуется как ограничения на возможные «справедливые поступки». Определение написано в виде эквивалентности, однако части его неравнозначны. Мало того, что оно представляет по-разному интересы участников диалога, оно и по значимости частей разное – левая часть определения теоретична, правая – операциональна, она указывает, какие условия нужно выполнить, чтобы признать нечто справедливым. Определяемая часть из-за предполагаемой асимметричности определения охарактеризована недостаточно полно, и на этом настаивает Сократ, утверждая, что воля богов сама может определяться независимым от них понятием справедливости. Тогда идея справедливости предшествует их наблюдаемому поведению и лишь проявляется в нем. Это значит, что определение в целом не исчерпывает смысла идеи, оно лишь указывает на ее проявление в наблюдаемых поступках, на что, собственно, и указывает Сократ. Ситуация повторилась в начале двадцатого века, когда Дж. Мур привел так называемый «аргумент открытого вопроса» по поводу определения понятия «благо».

Это пример иллюстрирует использование техники анализа и применения теоретических конструкций в философии и фундаментальной науке. В науке

такой прием характеризуют как «операциональные определения» для теоретических понятий. Абстракцию «любовь» или «политическая лояльность» можно, например, свести к совокупности наблюдаемых признаков, проявляющихся в совместном или альтернативном выборе поступков по отношению к другим людям или общественному институту, и составить соответствующую анкету, по которой и будут судить о проявлении изучаемых признаков. Важно то, что связь с наблюдаемыми признаками позволяет расширить дедуктивные возможности теоретического знания в целом. Определение в этом случае окажется креативным расширением дедуктивной теоретической системы, полученной не обязательно дедуктивным путем.

В естествознании операциональные определения используются таким же способом. Известный пример привел в свое время П. Бриджмен в связи с понятием «расстояние». В принципе, способы измерения как особые операции представляют собой разные «проявления» категории «расстояние», но их объединяют в одно, собирающее все различные способы его проявления.

Возникает некоторый логический парадокс. Пример из диалога «Евтифрон» иллюстрирует именно этот момент. Видно, что в анализе выявлены только необходимые признаки определяемого, тогда как достаточные даже не упоминаются. Предмет выделен для дальнейшего углубленного изучения, и можно дальше рассуждать о более важных характеристиках изучаемого предмета, и может оказаться, что признаков исходного определения недостаточно для существенного теоретического понимания предмета. В результате можно исследовать предмет дальше и получить расширение теории, распространяющее существенные признаки на другие, и тогда возникают связи теоретических понятий, представляющую собой теоретическую модель наблюдаемой области.

В рассмотренных примерах аналитической деятельности в науке используется конструкция с условными суждениями. И вот здесь-то и возникает парадокс. Формально он объясняется свойствами импликации в классической логике, которая характеризуется как «материальная». Какие еще свойства, кроме указанных в основании импликации и следствиях - неизвестно. Анализ понятия, «идеи» теоретически осмысленного предмета, оставляет его смысл (интенцию) открытой для дальнейшей интерпретации. Именно в этом заключается пресловутая «открытость теоретических понятий», в том числе и философских. Это средства систематизации наблюдаемых явлений, даже если они считаются таковыми условно.

Важно понимать, что есть разные способы получить «открытую» теоретическую конструкцию в процессе анализа. Самый простой – это рассматривать не одно определение, а несколько, их цепочку [1]. Конструкция теоретического понятия в этом случае будет включать явное указание на возможные проверочные условия. Определение опять окажется импликативным, но составляющая структура будет другой – это будет определение следующего вида:

«Если выполнены проверочные условия категории О, то наличие теоретического признака Т будет эквивалентно появлению наблюдаемой реакции категории Р».

Последовательность таких определений для разных пар O_i и P_i ($i \geq 1$) как раз и составит известный на каждый определенный момент список «проявлений» изучаемого теоретического свойства. Определение теоретического понятия в общем случае будет неполным, оно будет зависеть от степени исследованности предмета. В некоторых случаях удастся доказать утверждение о конечности перебора условий альтернативных ситуаций проверки O_i и тогда вся конструкция превратится в обычное явное определение изучаемого явления [Карпович, 1978].

Есть и другой вариант усовершенствования конструкции определения. Для этого нужно применить уже не классическую, а модальную логику, и использовать понятия необходимости, возможности и действительности. Тогда определения будут строиться не как фактически истинные, это будут контрфактические утверждения о совпадении теоретического понятия и его интерпретации в системе возможных миров. Прикладные возможности такого теоретического конструкта будут зависеть от модальности и его роли в возможных мирах по отношению достижимости [Wright, 2003]. Такое определение теоретического понятия приводит к метафизическим концептам, относящимся уже не только к теории познания, но и к онтологии. Возможно, что именно такие понятийные конструкции с модальностями отличают философски нагруженные теории от собственно научных, хотя современные разделы теоретической физики и космологии, наряду с другими теоретическими науками, также могут содержать такого рода вспомогательные построения.

Список литературы / References

Карпович В. Н. Термины в структуре теорий. Логический анализ. Новосибирск. 1978.

Karpovich V. N. Terms in the structure of theories. Logical analysis. Novosibirsk: Science, 1978. (In Russ.)

Wright C. Saving the differences: essays on themes from truth and objectivity. 2003.

Сведения об авторе / Information about the author

Карпович Валентин Никонович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск, Николаева 8, e-mail: kvn@philosophy.nsc.ru

Karpovich Valentin Nikonovich – D.Sc., professor, leading research assistant of Institute of Philosophy and law (IPL), Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaeva str. 8, kvn@philosophy.nsc.ru

**ПАРАДОКС ВЫВОДА ОБЩНОСТИ ХАРАКТЕРИСТИК ТИПОВ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ИЗ ИХ ЧАСТНЫХ РАЗЛИЧИЙ
И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ТЕРМИНАХ
КЛАССИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ ПРЕДИКАТОВ**

С. Б. Куликов

Томский государственный педагогический университет

Томск, Россия

kulikov.sergh@gmail.com

В докладе обсуждается парадокс вывода общности характеристик типов искусственного интеллекта из частных различий этих типов (далее – парадокс общности в частном), выявленный в ходе анализа гипотетических видов искусственного интеллекта [Куликов, 2015; 2019; 2020]. Выделение типов искусственного интеллекта теоретически позволяет моделировать его возможное развитие, но требует решения логических трудностей, возникающих в ходе построения моделей в научной, научно-популярной и(или) художественной литературе. В докладе представлены результаты анализа отношений естественного человеческого к искусственному машинному интеллекту, а также отношения гипотетически возможного естественного инопланетного к искусственному машинному типу интеллекта. Выявленный парадокс общности в частном заключается в возможности понять искусственный интеллект как тотально нечеловеческий. Показано, что проблема обусловлена способами обозначения и может быть решена в ходе интерпретации выявленного парадокса в терминах классической логики предикатов. Были достигнут следующие результаты:

Во-первых, оказывается принципиально важным, что возникновение парадокса неизбежно лишь при условии взаимного исключения, т. е. использование строгой дизъюнкции в отношении характеристик субъектов S , S' и S'' . В этом случае при сходстве двух субъектов по общим качествам действительно естественным образом становится необходим переход от сходства субъектов между собой в плане частных свойств к их же несходству по общим свойствам с неким третьим субъектом.

Во-вторых, установлено, что при переводе высказываний о типах интеллекта в вид формул логики предикатов строгой дизъюнкции при описании характеристик типов интеллекта и их носителей с необходимостью не предполагается. Поэтому в случаях, когда характеристики отличаются, но не исключают друг друга, вывод о справедливости отношений между носителями искусственного и инопланетного типов интеллекта, построенный на базе их отличия от человека, становится в принципе (теоретически) возможным.

Список литературы

- Куликов С. Б. Философский фикционализм и проблема искусственного интеллекта // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2015. Т. 10, № 2. С. 42–57. doi: <https://doi.org/10.17726/phil.IT.2015.10.2.811.93>
- Куликов С. Б. Фикционализм и логические трудности при разграничении искусственного и естественного типов интеллекта // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 442. С. 82–86. doi: <https://doi.org/10.17223/15617793/442/10>
- Куликов С. Б. Искусственный интеллект в его человеческом и нечеловеческом видах: логические вопросы деления понятий // *Тройная спираль: наука, бизнес и власть в исследовании искусственного интеллекта*, ВоГУ, Вологда, 13–14 октября 2020. doi: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.19606.16962>
- Kulikov S. B., Shirokova A. V. Artificial intelligence, culture and education // *AI & Society*. 2020. doi: <https://doi.org/10.1007/s00146-020-01026-7>
- Kulikov S. B. Non-anthropogenic mind and complexes of cultural codes // *Semiotica*. 2016. Vol. 2016, № 213. P. 63–73. doi: <https://doi.org/10.1515/sem-2015-0034>
- Steel S. Recovering Ancient and Medieval Contemplative Taxonomies as an Alternative to Bloom's Taxonomy of Educational Objectives // *Paideusis*. 2012. Vol. 20, № 2. P. 46–56.
- Kripke S. Naming and Necessity. Oxford: Basil Blackwell, 1980. 172 p.
- Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton: Princeton University Press, 1979. 401 p.
- Клини С. К. Математическая логика. М.: Мир, 1973. 480 с.
- Зыков А. Г., Поляков В. И., Скорубский В. И. Математическая логика. СПб.: НИУ ИТМО, 2013. 131 с.

УДК 165.3

doi:10.47850/S.2020.1.9

ИНТЕРРОГАТИВНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ Я. ХИНТИККИ И ЕЕ ВОЗМОЖНЫЕ ПРИМЕНЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А. Ю. Монсеева

Институт философии и права СО РАН

ajumo@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-1440-9598

В статье обосновывается возможность и перспективность применения интеррогативной эпистемологии Я. Хинтикки для моделирования когнитивной деятельности в процессе разработки искусственного интеллекта. В частности, рассматриваются различные аспекты, в которых концептуальный и формальный аппарат интеррогативной эпистемологии оказывается способным прояснить структуру познания и его цель, определить конкретные шаги, предпринимаемые исследователем, и условия, при которых эти шаги являются правомочными.

Ключевые слова: модели познания, теория игр, вопросы и ответы, стратегия, алгоритмизация.

J. HINTIKKA'S INTERROGATIVE EPISTEMOLOGY AND ITS POSSIBLE APPLICATIONS IN THE STUDY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

A. Yu. Moiseeva

Institute of Philosophy and Law SB RAS

ajumo@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-1440-9598

In the article the possibility and prospects of using J. Hintikka's interrogative epistemology for modeling cognitive activity in the process of developing artificial intelligence are substantiated. In particular, various aspects are considered in which the conceptual and formal apparatus of interrogative epistemology is able to clarify the structure of cognition and its purpose, to determine the specific steps taken by researcher and the conditions under which these steps are legitimate.

Keywords: cognition models, game theory, questions and answers, strategy, algorithmization.

Интеррогативная эпистемология – теория познания, которую разработал Я. Хинтикка в книгах «Исследование как исследование: Логика научного открытия» (Inquiry as Inquiry: A Logic of Scientific Discovery) [Hintikka, 1999], «Сократическая эпистемология: Исследования поиска знания посредством вопросов» (Socratic Epistemology: Explorations of Knowledge-Seeking by Questioning) [Hintikka, 2007], а также некоторых статьях, не вошедших в книги. Основная идея ее состоит в том, что познание представляется в виде процесса генерации вопросов и получения ответа на них от некоего «оракула», под которым можно понимать природу, человека или, например, электронный носитель информации, к которому познающий агент обращается с помощью некоторого интерфейса. В общем цель этого процесса состоит в том, чтобы получить объяснение какого-то конкретного положения дел, обладающее заданными свойствами. Скажем, в детективном расследовании обычно требуется установить личность преступника и то, какое именно преступление он совершил (если заранее известно, что какое-то преступление имело место); в науке исследователь отправляется от стремления подвести определенное частное явление под какой-то общий естественный закон; в психологическом объяснении человеческих действий требуется знание мотивов. В каждом конкретном случае исследование достигает цели, когда эпистемический агент получает ответ на тот вопрос, ради которого оно было начато, однако в начале исследования этот «самый большой» вопрос может быть неизвестен. И даже если он известен, получить на него ответ сразу невозможно – иначе все исследование выродилось бы до единственного шага. Результат получается при помощи последовательности, состоящей из «малых» вопросов и дедуктивных шагов, выводящих следствия их множества тех посылок, которые либо были приняты изначально, либо получены в качестве ответов на вопросы, заданные на предыдущих шагах.

Соответственно, на каждой стадии агенту приходится решать, какие именно посылки следует в данный момент использовать в качестве основания для дедукции или вопроса. Это решение, как правило, не является полностью обусловленным информацией, которая эксплицитно представлена в

посылках, оно зависит также от фоновой информации, которую (зачастую не сознательно) агент может привлечь для обоснования своего решения, от информации, содержащейся в самой его жизненной практике как одном из возможных «оракулов». Как полагает Я. Хинтиikka, основной недостаток «чисто» выводной (дедуктивной или индуктивной) модели поиска знаний состоит в том, что вся информация, которая может быть использована в процессе вывода, должна быть представлена с самого начала в виде эксплицитно сформулированных предложений языка. В интеррогативной же модели мы не обязаны формулировать все фоновое знание, на основе которого даются ответы на вопросы, и это гораздо лучше соответствует реальному положению дел, когда основная проблема исследователя зачастую состоит в том, что он не может определить, *какого вида* информация ему требуется.

Таким образом, задача, которую здесь решает агент, является задачей выбора стратегии, если понимать под стратегией способ применения в процессе исследования формальных правил, управляющих собственно дедукцией и интеррогацией. Успех стратегии, пишет Я. Хинтиikka, зависит от того, способен ли агент предугадать, куда может привести рассуждение, если руководствоваться ею. Инструментом такого предугадывания является моделирование на каждом этапе различных ситуаций или, как называет их Я. Хинтиikka, сценариев, в каждом из которых агенту нужно представить не только то фактическое состояние, в котором при данном сценарии находится познаваемая им реальность, но и то эпистемическое состояние, в котором находится он сам. Иначе говоря, агент должен обладать средствами представления своих собственных потенциальных знаний, которые могут стать реальными знаниями, если он задаст определенный вопрос и получит на него определенный ответ, чтобы предугадать, какие дальнейшие вопросы станут доступны ему в том эпистемическом состоянии. Все это нужно агенту, чтобы понять, какой стратегии ему следует придерживаться, чтобы «попасть» в сценарий, где он гарантированно получает в конце желаемое им знание.

Для формализации сравнительных преимуществ различных стратегий Я. Хинтиikka использует аппарат теории игр. В виде игры он представляет некоторое отдельное исследование, в виде игроков – агента и «оракула», а ходами в игре являются конкретные дедуктивные и интеррогативные шаги, предпринимаемые агентом в процессе исследования («оракул» пассивен – он может только отвечать на вопросы). Последовательность ходов и их результаты фиксируются в специальных таблицах, напоминающих таблицы Бета, при этом для каждого типа ходов существуют определяющие правила, в которых прописано, как оформляется ход данного типа и при каких условиях он возможен. Так, дедуктивные ходы описываются вариантом обычных правил построения табличного доказательства, записанных в стиле Генцена, где антецедент соответствует правому столбцу таблицы, а консеквент – ее левому столбцу [Hintikka, 1999. Р. 48]. Правила для вопросов определяют понятие presupпозиции вопроса и устанавливают, что вопрос может быть задан – т.е.

записан в правый столбец таблицы – только в том случае, если его пресуппозиция уже дана, т.е. присутствует в левом столбце. Также имеются специальные правила закрытия «веток» (подтаблиц) таблицы, согласно которым если в таблице закрыты все «ветки», это означает, что искомое знание получено агентом, т. е. игра окончена.

Далее, каждому ходу агента, модифицирующему таблицу, сопоставляется определенная «стоимость». Так, «стоимость» вопроса зависит от сложности ответа на него. (Сложность ответа на любой закрытый вопрос в рамках данной теории получает количественную оценку, связанную с квантификационной сложностью пропозиции, истинность которой устанавливается посредством этого вопроса. Сложность ответа на открытые вопросы тоже можно оценить путем переформулировки их в некоторое множество закрытых вопросов.¹) «Стоимость» дедуктивного хода равна количеству пустых символов, которые он вводит. Если допускаются также дефиниционные ходы – о такой возможности Я. Хинтиikka говорит в [Хинтиikka, 1987. С. 279]), – то их «стоимость» опять-таки соответствует квантификационной сложности дефиниенса. В целом, как пишет Я. Хинтиikka, интуитивный принцип, лежащий в основе оценки различных ходов, сводится к тому, что «ход тем дороже, чем больше он усложняет конфигурации индивидов, которые рассматриваются в дедукции (в смысле введения новых индивидов в доказательство). Эта «стоимость» добавления новых индивидов к нашему дедуктивному доказательству (независимо от того, являются ли они подлинными индивидами или «индивидами произвольными», которые репрезентируются пустыми именами) отражает важность таких ходов для успешной дедукции. Выбор нового индивида для введения – это важнейшее стратегическое соображение в наших играх» [Там же]. Соответственно, суммируя стоимость ходов, можно рассчитать общую стоимость для различных стратегий при различных возможных ответах «оракула».

Таким образом, решение задачи по алгоритмизации познавательной деятельности сводится, грубо говоря, к решению задачи по алгоритмизации процесса выбора стратегии, а эта задача, в свою очередь, сводится к задаче по алгоритмизации операций с набором предполагаемых индивидов. Напомним, что все эти задачи решаются для условий, в которых фоновое знание впервые получает формализацию, когда оно актуализируется в качестве ответа на какой-то вопрос. При этом, как подчеркивает Я. Хинтиikka, необходимость учитывать фоновое знание не означает, что решение не может быть полностью определено с помощью логических и эпистемологических принципов [Hintikka, 2007. Р. 86]. Но конкретный результат применения этих принципов будет всегда зависеть от контекста текущей познавательной задачи. Например, кажется очевидным, что если на определенном шаге исследования желаемое агентом эпистемическое состояние имеет вид

---

¹ То, что такая переформулировка всегда возможна, доказывается в [Hintikka, 2007. Р. 55].

(D1) Существует x , о котором известно, что для него выполняется $S[x]$,
то открытый вопрос вида

(Q1) Каково x , для которого выполняется $S[x]$?

стратегически предпочтительнее, чем закрытый вопрос вида

(Q2) $S[b]$?

В самом деле, хотя на оба вопроса можно получить один и тот же ответ вида $S[b]$, чтобы перейти в состояние (D1), достаточно одного вопроса вида (Q1), тогда как вопросов вида (Q2) придется задать столько же, сколько индивидов в универсуме. Но вопрос вида (Q1) предполагает пресуппозицию вида

(P) Известно, что существует x , для которого выполняется $S[x]$,

тогда как вопрос вида (Q2) не предполагает никаких содержательных пресуппозиций, поскольку $S[b] \vee \sim S[b]$ выполняется, каким бы ни было b . Соответственно, вопрос вида (Q1) является стратегически предпочтительным лишь при условии, что пресуппозиция вида (P) или дана, или может быть получена в результате последовательности шагов, имеющих относительно низкую «стоимость»¹. С другой стороны, если желаемое агентом эпистемическое состояние имеет вид

(D2) Известно, выполняется ли $S[b]$,

то для него будет разумно задать вопрос вида (Q2) вне зависимости от доступности (P).

Я полагаю, сказанного выше достаточно, чтобы показать, что интеррогативная эпистемология является как нельзя более подходящим концептуальным каркасом для обсуждения проблем, связанных с моделированием когнитивной деятельности в процессе разработки искусственного интеллекта. Не претендуя на то, чтобы сформулировать правила, определяющие выбор стратегии в каждом конкретном случае, она, по крайней мере, может прояснить само понятие стратегии применительно к познанию и уточнить критерии выбора. Кроме того, она провозглашает и обосновывает ряд важных концептуальных принципов, таких как различение определяющих и стратегических правил, параллелизм логической структуры дедуктивного и интеррогативного компонентов, невозможность оценки того, насколько эффективен отдельный познавательный ход, вне контекста стратегии в целом, и т. д. Поэтому настоящую статью можно воспринимать как призыв к тем авторам, которые занимаются исследованиями искусственного интеллекта, осваивать и использовать данный концептуальный каркас для повышения качества философского дискурса в своей области.

---

¹ Согласно Я. Хинтикке, именно такие соображения зачастую удерживали, например, Сократа от того, чтобы задавать открытые вопросы в диалогах со своими оппонентами [Ibid., p. 97].

Список литературы / References

- Хинтикка Я.** Философские исследования: проблемы и перспективы // *Вопросы философии*. Интернет-версия журнала. 04.08.2011 г. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=348&Itemid=52.
- Хинтикка Я., Хинтикка М.** Шерлок Холмс против современной логики: К теории поиска информации с помощью вопросов // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Переводы / Сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина. Общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 265–281.
- Hintikka J.** *Inquiry as Inquiry: A Logic of Scientific Discovery*. Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers, 1999.
- Hintikka J.** *Socratic Epistemology: Explorations of Knowledge-Seeking by Questioning*. – New York: Cambridge University Press, 2007.

doi:10.47850/S.2020.1.10

ЗАДАЧИ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТВОРЧЕСТВА *

А. Ю. Нестеров, А. И. Демина

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева

Понятие творчества – одно из наиболее общих. Чтобы построить теорию творчества, необходимо ответить на ряд вопросов.

Если определять творчество как создание нового, то первый фундаментальный вопрос – как возможно новое? Что такое создание нового, творчество в онтологическом смысле, как возможно новое в эпистемологическом смысле?

Как возможно новое в эпистемологическом смысле? Новое знание есть приближение к истине (в ее корреспондентском, когерентном, консенсусном или прагматистском варианте).

Как возможно новое в онтологическом смысле? Ответ на этот вопрос будет зависеть от того, в какой онтологии мы на него отвечаем. Фридрих Дессауэр дает ответ на этот вопрос в реалистской онтологии, формулируя концепцию «четвертого царства» [2017]. Все новое, что создает человек, уже существует в платоновском мире идей в виде предустановленных форм решений. Поэтому творчество есть извлечение идеи из четвертого царства сообразно поставленной человеком задаче.

П. К. Энгельмейер строит теорию творчества, исходя из понимания интуиции как пересборки опыта [2010], таким образом, новое есть новая комбинация существующих элементов опыта (трансцендентализм).

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А «Философия техники Фридриха Дессауэра: эпистемология и антропология реалистской теории творчества».

Краеугольным камнем в построении онтологии творчества остается проблема интерпретации потенциального космоса как источника творчества: из какого рода реальности возникает новое путем изменения человеческого опыта и навыков деятельности? Мы не видим вариантов не реалистской онтологии творчества. Для реализма же спектр такого рода интерпретаций включает в себя, с одной стороны, рационально понимаемый мир идей Платона (третий мир Поппера, четвертое царство Дессауэра), с другой стороны – объективную данность физического мира (диалектический материализм), с третьей стороны – объективно существующие механизмы в осуществляемых живой природой взаимодействиях физического и рационального миров в процессах субъективации и объективации.

Мы можем определить творчество как деятельность по созданию нового. Любая деятельность, по М.С.Кагану, necessarily содержит субъект, объект и процесс деятельности [1974]. Таким образом, с точки зрения теории деятельности, необходимо рассматривать субъекта творчества, его объект и процесс.

Отношение субъекта и объекта может носить, по Энгельмейеру, либо субъективирующий, либо объективирующий характер. Таким образом, любая деятельность, в семотических терминах, может быть либо рецептивной, либо проективной. Творчество как деятельность по созданию нового есть деятельность проективная, или объективирующая, которая тем не менее неразрывно связана с деятельностью рецептивной, субъективирующей [Нестеров, 2020]. Рецепция и проекция образуют своеобразный «семиотический круг», проекция невозможна без рецепции и сопровождается ею как условием своей возможности и в свою очередь выступает основанием для следующей ступени рецепции.

Вопрос о субъекте творчества включает в себя проблемы гения, таланта и рутины (Энгельмейер), индивидуального и коллективного творчества, психологические аспекты творчества, анализ функции субъектности на фоне учета неопределенностей и собственно нового.

Вопрос об объекте творчества: вопрос о критериях новизны – что считать новым? Что считать изобретением? Сферы творчества и их специфика (научное, техническое, художественное творчество).

Изучение процесса творчества включает в себя проблему этапов творчества («трехакт» Энгельмейера, «три формообразующие силы» Дессауэра и психологическая разработка этих моделей в прикладных теориях творчества).

Взаимодействие указанных компонентов творческой деятельности может быть рассмотрено в рамках семиотики как теории знаковой деятельности. Поскольку всякая деятельность является знаковой, творческая деятельность есть деятельность со знаками. С семиотической точки зрения, создаваемое в процессе творчества новое может быть новым смыслом, новым значением, новой интерпретантой или новым знаковым средством. В первом случае речь идет о новом положении знака в системе (синтактика), во втором – о впервые обнаруженном объекте или положении дел в действительности (семантика).

В третьем – об изменении навыка означивания (прагматика, то есть изменения соотношения сигнал – шум, среда – система, передний план – задний план, тема – рема и т. д.). Новое знаковое средство как материальное воплощение знака – новый термин, теория, технический или художественный объект.

Новое может создаваться на уровне чувственного восприятия (материальные объекты), на уровне рассудка, на уровне разума, и может быть рассмотрено на каждом из трех уровней на уровне синтаксиса, семантики и прагматики. Задача общей семиотической теории творчества в том, чтобы прояснить характер нового, возникающего на каждой из ступеней семиотического круга познания и деятельности в модели семиотического четырехугольника. Таким образом, семиотическая теория творчества вводит 24 модельных позиции схватывания категории нового: семантически новое на уровне рецептивного семиозиса (рецепции) в чувственном восприятии, семантически новое на уровне рецепции в рассудке, семантически новое на уровне рецепции в разуме, синтаксически новое на уровне рецепции в чувственном восприятии и т. д. Сходным образом для проективного семиозиса (проекции).

Список литературы

- Дессауэр Ф. Спор о технике / пер. с нем. А. Ю. Нестерова. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.
- Энгельмейер П. К. Теория творчества. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 208 с.
- Каган М. С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.
- Нестеров А. Ю. Типы неопределенности в рецептивном и проективном семиозисе // Философия науки. 2020. №2 (85). С. 28–44.

УДК 167.7

doi:10.47850/S.2020.1.11

ПРОЕКТ Г. КОЛЛИНЗА ПО РАЗВИТИЮ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ В СОЦИОЛОГИИ НАУКИ

Н. В. Николина

Томский государственный университет

nikolinanadya@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-0056-8133

Основная идея проекта, рассматривающегося в статье, заключается в том, что производство научных знаний – это не только экспериментальный процесс. Особую роль играет конвенция среди ученых в принятии теории. Чтобы продемонстрировать эту идею, Г. Коллинз с соавторами релятивистской эмпирической программы в социологии науки публикуют специальный выпуск «Знание и противоречие: исследования современного естествознания». Результаты, полученные авторами, обсуждаются в данной статье.

Ключевые слова: конвенция, консенсус, социология науки, релятивизм, достоверность.

H. COLLINS'S PROJECT FOR DEVELOPING A RELATIVISTIC EMPIRICAL PROGRAMME IN SOCIOLOGY OF SCIENCE

N. V. Nikolina

Tomsk State University

nikolinanadya@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-0056-8133

The main idea of the project discussed in the article is that the production of scientific knowledge is not only an experimental process. Convention among scientists is played a special role in the acceptance of theory. To demonstrate this idea, H. Collins and co-authors of the relativistic empirical programme in the sociology of science publish a special issue "Knowledge and Controversy: Studies of Modern Natural Science". The results obtained by the authors are discussed in this article.

Keywords: convention, consensus, sociology of science, relativism, credibility.

Современная философия науки, по мнению Г. Коллинза, ввела дополнительное измерение в описание природы научного знания. Этим измерением стало время, которое необходимо для достижения консенсуса между учеными. По сути, речь идет о роли конвенционализма в принятии той или иной теории. Теории рассматриваются как связанные друг с другом и с наблюдениями, но не фиксированными связями логики и соответствия. Теории связаны сетью, каждое звено которой требует времени, чтобы быть установленным по мере возникновения консенсуса, и, каждое звено которой потенциально может быть пересмотрено – «дайте только время» [Collins, 1981a. Р. 3]. Многие авторы этой новой модели намерены сделать философию науки совместимой с историей, сохраняя при этом эпистемологическую демаркацию между наукой и другими интеллектуальными институтами. Однако одна школа, вдохновленная, в частности, Л. Витгенштейном, а позднее феноменологами и этнометодологами, придерживается явного релятивизма, согласно которому естественный мир играет незначительную или вовсе несуществующую роль в построении научного знания. Релятивистская программа, как новая философия, оставляет место для исторического и социологического анализа процессов, которые ведут к принятию или не принятию нового научного знания.

В 1981 году Г. Коллинз выступил идейным вдохновителем и редактором специального выпуска «Знание и противоречие: исследования современного естествознания» журнала «Социальные исследования науки», посвященного релятивистской эмпирической программе в социологии науки [Collins, 1981b]. Идея возникла в связи, во-первых, с противоречивым статусом релятивистской программы. Исследования современной науки в этом жанре были представлены с 1975 года, но они были либо не опубликованы, либо не представлены в едином программном поле. Это привело к тому, что автор в каждом новом докладе должен был заново отстаивать релятивистскую позицию. К релятивистским программам в социологии науки, как на западе, так и в России относятся с осторожностью. Однако есть авторы, которые выступают в защиту релятивистской программы. Например, К. Кнорр-Цетина пишет, что

эпистемический релятивизм обычно ошибочно принимается за субъективный релятивизм. «Эпистемический релятивизм – это очень осторожная эпистемологическая перспектива, направленная, прежде всего, против более смелых доктрин эпистемического реализма» [Knorr-Cetina, 1982. P. 321].

Во-вторых, Г. Коллинз видит существенный вклад данного специального выпуска в том, что развивается эмпирическая программа в ее социологических деталях, кроме этого статьи способствуют пониманию взаимосвязи между научным знанием и более широкими социальными процессами. И, наконец, каждая статья является исследованием области современной науки: передача памяти; обнаружение гравитационного излучения; обнаружение магнитных монополей; экспериментальное исследование квантовой «нелокальности» и другое [Collins, 1981a].

В каждом исследовании автор опирался на понимание технических деталей рассматриваемой науки и использовал расширенные неформальные интервью с соответствующими учеными как часть метода. В большинстве случаев значимость альтернативных интерпретаций доказательств, которые типизируют противоречия, выступает в качестве рычага для выявления социальной природы локальных границ научной легитимности, в том числе неуловимых или скрытых границ. Все работы подтверждают потенциальную локальную интерпретационную гибкость науки, которая сама по себе не позволяет экспериментам быть решающими. В частности, дополнительно документируется социально согласованный характер экспериментальной воспроизводимости [Collins, 1981a].

Большая часть статьи Г. Трэвиса посвящена одному аспекту спора о передаче памяти – способности червей учиться [Travis, 1981]. То, что они могут учиться, изначально было неортодоксальным предположением, и одна попытка дискредитировать эту идею, была предпринята путем выборочного сообщения о негативных результатах в престижном профессиональном издании. В долгосрочной перспективе, однако, этот шаг потерпел неудачу, и некогда неортодоксальная точка зрения теперь фактически является ортодоксией.

Исследование А. Пикерингом магнитного монополя еще раз подтверждает неразрешенность экспериментальных данных [Pickering, 1981]. Однако Пикеринг концентрирует свое обсуждение на том, как эта дискуссия была свернута, что делает интерпретацию монополя несостоятельной. Он предполагает, что дискуссия была прекращена решениями экспериментаторов и критиков, чтобы сохранить максимальное число предварительных соглашений о том, что можно считать правильным экспериментом и что можно рассматривать как достоверные экспериментальные результаты. Поскольку именно теории позволяют ученым выстраивать предыдущие наборы соглашений за своими взглядами, связывая одну область науки с другой, теоретический консенсус становится чрезвычайно важным. Особое внимание Пикеринга к теории как к главному эффективному ограничению интерпретативной гибкости застав-

ляет его рекомендовать смещение акцентов к исследованиям по установлению теоретического консенсуса – часто устанавливаемого, как утверждает А. Пикеринг, без противоречий.

Б. Харви рассматривает эксперименты по «нелокальности» – экспериментальные проверки квантовой теории [Harvey, 1981]. В этом случае противоречивые экспериментальные результаты не приводили к явным противоречиям, поскольку результат меньшинства, который был не в пользу квантовой теории, не был поддержан ученым. Тем не менее, Харви показывает важность ненаучных предположений, которые должны были быть сделаны для того, чтобы этот эксперимент был отклонен. Харви вводит термин «правдоподобие», чтобы суммировать ранее существовавшие ограничения, которые позволяют ученым делать такие предположения с уверенностью. Это были общие договоренности о том, что представляет собой «неправдоподобность» и «правдоподобность» фактов, которые позволили бы закрыть дискуссию.

В статье Т. Пинча, посвященной дебатам о солнечных нейтрино, рассматриваются утверждения ученых о достоверности результатов различных подполей в рамках общей полемики [Pinch, 1981]. Пинч демонстрирует различия во мнениях, что каждое из подполей можно рассматривать как открытое или закрытое. Статья Т. Пинча показывает, каким образом идеи о достоверности или правдоподобии, или закрытости поддерживаются вне внутреннего круга ученых, которые находятся в непосредственном контакте с данными.

Таким, образом, статьи данного выпуска журнала вносят вклад в два этапа эмпирической программы релятивизма, во-первых, показывают интерпретационную гибкость экспериментальных данных, во-вторых, демонстрируют некоторые механизмы, с помощью которых потенциально бесконечные дебаты об интерпретации ограничены. Согласованная интерпретация повседневной лабораторной работы возможна только в рамках ограничений, исходящих извне этой работы. Недостающее звено – это детальная взаимосвязь сдерживающих механизмов с более широкой социальной структурой.

Этот проект стал основой для рефлексивного проекта в социологии науки, результаты которого были опубликованы в коллективной монографии «Знание и рефлексивность. Новые границы в социологии знания» под редакцией С. Вулгара [Woolgar, ed., 1988]. В рефлексивном проекте приняли участие авторы выпуска, о котором шла речь в данной статье, а так же другие исследователи в области социологии науки.

Список литературы / References

- Collins H.** Introduction: Stages in the Empirical Programme of Relativism. *Social Studies of Science*. 1981a. Vol. 11(1). P. 3–10.
- Collins H.,** ed. *Social Studies of Science*. Special Issue: “Knowledge and Controversy: Studies of Modern Natural Science”. 1981b. Vol. 11. No. 1.
- Harvey B.** Plausibility and the Evaluation of Knowledge: A Case-Study of Experimental Quantum Mechanics. *Social Studies of Science*. 1981. Vol. 11(1). P. 95–130.
- Knorr-Cetina K. D.** The Constructivist Programme in the Sociology of Science: Retreats or Advances? *Social Studies of Science*. 1982. Vol. 12. Iss. 2. P. 320–324.

- Pickering A.** Constraints on Controversy: The Case of the Magnetic Monopole. *Social Studies of Science*. 1981. Vol. 11(1). P. 63–93.
- Pinch T.** The Sun-Set: The Presentation of Certainty in Scientific Life. *Social Studies of Science*. 1981. Vol. 11(1). P. 131–158.
- Travis G.** Replicating Replication? Aspects of the Social Construction of Learning in Planarian Worms. *Social Studies of Science*. 1981. Vol. 11(1). P. 11–32.
- Woolgar S., ed.** Knowledge and Reflexivity. New Frontiers in the Sociology of Knowledge. SAGE Publications Ltd. 1988.

Сведения об авторе / Information about the author

Николина Надежда Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Томского государственного университета, Томск, ул. Ленина, 36, e-mail: nikolinanadya@gmail.com

Nikolina Nadezhda – PhD., associate professor, Tomsk state university, 634050, Russian Federation, Tomsk, Lenin str. 36, e-mail: nikolinanadya@gmail.com

УДК 167

doi:10.47850/S.2020.1.12

ПОНЯТИЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ В ФИЛОСОФИИ К. ПОППЕРА

С. Е. Овчинников

Институт философии и права СО РАН

step.ovch@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-8074-3901

В работе рассматриваются две основные интерпретации объективности знания в философии К. Поппера. Первая включает в себя оценку свойств теорий, а именно признание за ними содержательности и/или истинности. Вторая обращается к роли субъекта и научного сообщества в процессе познания, причем субъект рассматривается как источник ошибок, а сообщество как источник объективности. Критика постпозитивистского направления философии науки, показывает несостоятельность такого подхода, поэтому в данной работе предлагается понимание объективности познания через обращение к механизмам восприятия субъекта.

Ключевые слова: научная объективность, релятивизм, постпозитивизм, логика научного исследования.

THE CONCEPT OF OBJECTIVITY IN THE PHILOSOPHY OF K. POPPER

S. E. Ovchinnikov

Institute of Philosophy and law SB RAS

step.ovch@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-8074-3901

The work examines two main interpretations of the objectivity of knowledge in the philosophy of K. Popper. The first includes an assessment of the properties of theories, namely, belief in their meaningfulness and/or truth. The second refers to the role of the subject and the scientific community in the process of cognition, with the subject viewed as a source of errors and the community as a source of objectivity. Criticism of the postpositivist direction of the philosophy of science shows the inconsistency of such an approach, therefore, this work proposes an understanding of the objectivity of knowledge through an appeal to the mechanisms of the subject's perception.

Keywords: scientific objectivity, relativism, postpositivism, logic of scientific research.

Понятие объективности имеет множество интерпретаций, которые можно разделить на два больших класса. Первый формируется вокруг свойств научных теорий или знания в целом и выражает общую идею содержательности и/или истинности (эпистемологическая объективность [Мамчур, 2004]). Второй включает в себя рассуждения о роли субъекта в познании и, так или иначе, сводится к оправданию независимости знания от субъекта. Эта независимость, в свою очередь, может рассматриваться как в ценностном, так и «антропологическом» аспекте.

Позиция К. Поппера относительно обоих классов интерпретаций объективности известна. Он отрицает возможность нахождения окончательно истинной научной теории: «...основным механизмом роста знаний остается механизм предположений и опровержений, устранения нежизнеспособных объяснений, и поскольку при устранении конечного числа таких объяснений всегда остается бесконечное количество других возможных объяснений, Эйнштейн может ошибаться, точно так же, как может ошибаться амеба» [Поппер, 2002. С. 255]. Таким образом, теории становятся более объективными, но никогда не станут объективными «по-настоящему». В тоже время научный прогресс обеспечивается за счет принципов, относящихся ко второму классу интерпретаций, поскольку основную роль в процессе восхождения к объективности играет критика теории внутри научного сообщества: «Научная объективность – это не дело отдельных ученых, а социальный результат взаимной критики...» [Поппер, 2000. С. 305].

Ясно, что объективное знание должно быть независимо от субъекта, но эта независимость достигается у К. Поппера путем переноса «решающего голоса» на научное сообщество. Поскольку субъект в своем одиночестве может полагаться только на несостоятельную, по мнению К. Поппера, индукцию, то путь к объективности лежит через открытость научных положений для критики. Тем не менее открытое для критики знание всегда открыто для конкретного научного сообщества (на практике оно открыто лишь для очень ограниченного круга лиц, не говоря уже о некоторых математических гипотезах, доказательство которых понимает только автор). Такая позиция позволила П. Фейерабенду утверждать, что «вряд ли существует какая-либо разница между членами какого-нибудь “примитивного” племени, которые защищают свои законы как установленные богами или предками и распространяют их во имя интересов племени, и рационалистами, апеллирующими к «объективным» стандартам. Единственное различие между ними состоит в том, что первые знают, что они делают, а вторые – нет» [Фейерабэнд, 2009. С. 85]. Несмотря на перегибы на местах, сложно не согласиться со справедливостью критики, которую направил П. Фейерабэнд на методологию критического рационализма. Тем не менее ясно, что аргументация так называемых «релятивистов» против объективности научного метода в сущности является аргументацией против понимания научного метода постпозитивистской традицией в целом и К. Поппером в частности.

Другим подходом к пониманию объективности может быть возврат к рассмотрению субъекта наука в качестве источника объективности. С одной стороны, субъект способен избавляться от привносимых им в познание искажений при помощи различных методов, например, квантификации (это можно было бы назвать: «апофатическая методология науки»). С другой стороны, будучи продуктом эволюции, субъект познания обладает набором врожденных механизмов восприятия, результаты работы которых формируют фундамент знания. Претензии восприятия на фундаментальность подтверждаются тем, что человек обладает способностью сравнивать результаты работы разных эпистемических механизмов, а также результаты работы одного и того же механизма в разные моменты времени. Более того, из теории биологической эволюции следует, что механизмы восприятия развивались независимо друг от друга. Таким образом, объективность человеческих восприятий проистекает из согласованности изменений в результатах работы различных эпистемических механизмов. Поскольку эпистемические механизмы являются автоматически применяемыми теориями, то результаты их работы могут быть базисом для научной теории или, в рамках релятивистского тезиса У. Куайна, который гласит: «нет смысла говорить о том, что представляют собой объекты теории сами по себе, за пределами обсуждения вопроса о том, каким образом интерпретировать или переинтерпретировать одну теорию в другую. Предположим, мы работаем внутри некоторой теории и таким образом трактуем ее объекты» [Quine, 1968. Р. 207], они могут быть переинтерпретированы в научную теорию. Следовательно, объективность познания зависит от способности субъекта к объективному восприятию, которая имеет эволюционное происхождение.

Список литературы / References

- Мамчур Е. А.** Объективность науки и релятивизм. М., 2004.
Manchur E. Objectivity of science and relativism. Moscow, 2004. (In Russ.)
- Поппер К.** Эволюция и древо познания. Объективное знание. Эволюционный подход / Отв ред. В. Н. Садовский. М., 2002. С. 248–271.
Popper K. Evolution and the Tree of knowledge. In Sadovsky V. N. (ed.) Objective Knowledge. An Evolutionary Approach. Moscow, 2002. P. 248–271. (In Russ.)
- Поппер К.** Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2000.
Popper K. Evolutionary epistemology and logic of social sciences: Karl Popper and his critics. Moscow, 2000. (In Russ.)
- Фейерабенд П.** Наука в свободном обществе. М., 2009.
Feyerabend P. Science in a Free Society. Moscow, 2009. (In Russ.)
- Roberts D. M.** (2019). A Crisis of Identification [Электронный ресурс]. URL: <https://inference-review.com/article/a-crisis-of-identification> (Дата обращения: 14.11.2020).
- Quine W.V.O.** Ontological Relativity. *The Journal of Philosophy*. 1968. Vol. LXV. № 7.

Сведения об авторе / Information about the author

- Овчинников Степан Евгеньевич** – аспирант Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: step.ovch@gmail.com
Ovchinnikov Stepan – graduate student of Institute of Philosophy and law (IPL), Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, e-mail: step.ovch@gmail.com

В ЗАЩИТУ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

В. М. Резников

Институт философии и права СО РАН
mathphil1976@gmail.com

В работе показано, что современные философы недооценивают значения методологии науки. Так, на основе анализа требований к применению методов статистики сформулирована гипотеза: принятие концепции холизма основано не идейных основаниях, а на невозможности верификации условий применения методов в составе содержательных теорий. Кроме того, вопреки Попперу на основании метода проверки статистических гипотез показано, что фальсификация и верификация не оказываются принципиально различными операциями.

Ключевые слова: применение математики, объяснение, понимание, причина, холизм, верификация, фальсификация.

IN DEFENCE OF CONTEMPORARY METHODOLOGY OF SCIENCE

V. M. Reznikov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
mathphil1976@gmail.com

The article demonstrates that contemporary philosophers underestimate value of methodology of science. So on base of analysis of requests of applications of statistical methods I formulate such hypothesis. An acceptance of concept of holism is based on impossibility of verification of conditions of using of methods as part of scientific theories, but not on profound ideas. Because of, contrary to Popper on base of method of test procedure of statistical hypothesis I show that falsification and verification are not absolutely different operations.

Keywords: using mathematics, explanation, understanding, causality, holism, verification, falsification.

Энтузиазм и пиетет философского сообщества по отношению к научным методам в период от начала современной философии, связанного с Бэконом, Декартом, Галилеем, Ньютоном вплоть до этапа логического позитивизма, охватывая его и связанного с Карнапом, Нейратом, Рейхенбахом, Мизесом и др. сменился разочарованием и отсутствием к ним интереса современного философского сообщества. Современные философы критикуют методологию науки по следующим основаниям. Во-первых, они критикуют релятивизм, полагая, что при смене теорий исчезает интерес к методам, связанным с этой теорией. Во-вторых, за нерешенность проблемы индукции. Отметим, что критика не является серьезной. Во-первых, экспериментальные результаты оказываются корректными при смене теорий. Во-вторых, ученые полагают, что для задач, связанных с распознаванием образов, проблема индукции решена. Фактически, по отношению к роли и значимости методов возникли ножницы между представителями науки и философии. Так, научные работники с интересом изучают идеи методологии науки, так как творческое познание этой научной дисциплины является трамплином в становлении ученого. Кроме того, методы науки это сущностная часть научной деятельности, фактически идеи, которые не могут быть охвачены методами, остаются на периферии научной работы.

Целью работы является демонстрация аргументов в пользу значимости методологии науки. Приведены эпистемологические и прагматические аргументы в пользу методологии науки. В первой группе аргументов устанавливается связь методологии науки с известными философскими проблемами на основе применения формальных методов.

Во-первых, применение математики связано с проблемой понимания. Современный философ де Регт обосновывает, что понимание изучаемых явлений природы осуществляется на основе применения формальных теорий и моделей, интеллигибельных для исследователя. Теория и модель является интеллигибельной (понятной) для исследователя, если до получения полного решения проблемы на основе на этой модели у него формируется правильное качественное решение. Критерий понятности де Регта близок к требованию Фейнмана понимания физических процессов [De Regt, 2009]. Как известно, Фейнман полагал, что имеет место понимание физических процессов, если до решения сложных уравнений, описывающих эти процессы, он уже знал их качественное решение. Во-вторых, на основе применения математики сформулированы объяснения ряда явлений природы. Так, на основе использования геометрии получено объяснение формы ульев в виде шестиугольников. Также в биологии на основе применения методов теории колмогоровской сложности было установлено, что муравьи имеют навыки вычислений чисел порядка до ста [Ryabko, Reznikova, 2009].

В-третьих, исследование условий применения формальных методов приводит к новым постановкам философских проблем. Так, возникает гипотеза о том, что принятие концепции холизма основано не идейных основаниях, а на невозможности верификации требований для применения формальных методов, используемых в рамках содержательных теорий. Предположим, что применение формальной теории или модели для обработки данных предполагает, что эти данные обладают базовыми свойствами объекта этой теории. В случае математической статистики, такими свойствами оказываются распределение случайных величин и их независимость. Определение распределения, которому соответствуют данные, является сложной задачей, так как одним и тем же данным подходят разные распределения. Исследователь может предположить, что данные обладают определенным распределением, вывести на основе теории, относящейся к изучаемой области знания, проверяемые следствия, и если предсказания оказываются оправданными, то тем самым подтверждается гипотеза о принятом распределении, о корректности содержательной теории и используемом формальном методе. Получается, что по отношению к утверждению о корректности используемого метода, применяются требования, аналогичные требованиям к естественнонаучным дисциплинам. В этом случае холистская концепция, в рамках которой содержательная теория и формальный метод образуют единую конструкцию, представляется естественной. Приведем еще один пример рассуждений, основанных на логике первого порядка, в котором принимается концепция

холизма не по философским основаниям, а из-за ограниченности логики первого порядка. Пусть, известно, что из $A \cap B \rightarrow C$, однако имеет место $\neg C$, тогда по принципу контрапозиции получаем $\rightarrow \neg A \vee \neg B$. Мы не знаем, какое из суждений A или B является причиной того, что имеет место $\neg C$, поэтому в итоге причиной такого положения дел оказывается $\neg A \vee \neg B$.

Тогда возникает естественный вопрос, а имеются ли другие основания для принятия концепции холизма, несвязанные с невозможностью обоснованного применения формальных методов по формальным основаниям? В-четвертых, еще одна философская проблема о взаимоотношении фальсификации и верификации получает новое представление на основе применения формальных методов. Как известно, Поппер настаивал на принципиальном отличии проблем верификации и фальсификации знания. На первый взгляд, это действительно так. Предположим, что сформулирована следующая гипотеза:

“Все вороны черные”. Тогда подтверждение этой гипотезы на основе произвольного наблюдения черных ворон, не приводит к полному обоснованию этой гипотезы. В тоже время фиксация одной нечерной вороны приводит к опровержению гипотезы, поэтому фальсификация проще верификации. Теперь рассмотрим операции фальсификации и верификации на основе методов проверки статистических гипотез. В математической статистике для исследуемой гипотезы строится критическая область ее опровержения. Эта область включает события, которые реализуются с ничтожной вероятностью, в случае правильности проверяемой гипотезы. Если при экспериментальной проверке гипотезы происходит событие, принадлежащее критической области, то гипотеза опровергается. Если происходит событие, вне критической области, то гипотеза не опровергается, а временно принимается, и таким образом, косвенно подтверждается. Фактически в рамках одного и того же эксперимента, и на основе одного и того же метода осуществляется как фальсификация гипотезы, так и её подтверждение. Конечно, полной симметрии между фальсификацией и подтверждением гипотез нет, первая операция осуществляется прямо, вторая косвенно. Тем не менее, в противоположность Попперу это свидетельствует, что нет непреодолимой стены между фальсификацией и верификацией.

В-пятых, на основе исследования применимости математики, обнаруживается значимость философского понятия причинности для описания независимости в причинных описаниях. Напомним, что в известной работе Колмогорова, в которой была сформулирована аксиоматика теории вероятностей, были также сформулированы требования к ее применению. Колмогоров отмечал, что сложно сформулировать условия, обосновывающие использование модели независимых экспериментов. По мнению Колмогорова эта проблема не имеет решения в области математики, и относится к компетенции философии естествознания [Kolmogorov, 1956]. Известный философ Сачков отмечал, что он занялся проблемой независимости в результате изучения работы Колмогорова [Там же], и что эта проблема не была выделена и не изу-

чалась в философии науки. Отметим, что действительно, проблема независимости не исследовалась ранее в философии, тем, не менее, в ней имеются результаты, адекватные для исследования проблемы независимости. Во-первых, это понятие причинной связи действительно, если А причина В, то А независимо от В. Во-вторых, для исследования независимости имеет значение понятие общей причины, предложенное Рейхенбахом. Пусть события Х и Y связаны, если при учете события Z, эти события Х и Y оказываются независимыми, то Z является общей причиной этих событий. Понятие общей причины использовалось Суппесом для описания скрытых причин в области квантовой физики.

В-шестых, известны математические баталии между представителями различных интерпретаций теории вероятностей. Самой жесткой критике была подвергнута частотная интерпретация Мизеса. На основе условий применения частотной интерпретации мной показано, что ее критика со стороны других интерпретаций не является обоснованной, так как требования к применению этой интерпретации являются наиболее строгими. В-седьмых, выполнение требований корректного применения математики является пропедевтикой гипотетической эффективности математики. Поэтому определение интеллектуальных, вычислительных ресурсов для корректного применения математики являются необходимой составляющей для оценивания эффективности математики. В настоящей работе исследована связь некоторых философских проблем с различными методами математики. Математические методы являются частью методологии науки, поэтому фактически получены аргументы в пользу значимости методологии науки для исследования философских проблем.

Вторая группа аргументов в пользу значимости методологии имеет прагматический характер. Во-первых, в случае овладения методами науки, например формальными методами, философ получает новые средства для исследования философских проблем. Во-вторых, философ приобретает новую область исследований, относящуюся к науке.

В-третьих, успешное участие философов в научных исследованиях приводит к признанию научным сообществом значимости философских исследований, что повышает общественный статус философского сообщества в целом. В заключение, отметим, что методология науки имеет междисциплинарный характер, способствует интеграции различных наук, и является точкой роста знания в науке и философии.

Список литературы / Referencies

- De Regt W.** Understanding and scientific explanation. In *Scientific Understanding*. Pittsburgh: Pittsburgh University Press. 2009. P. 21–42.
- Kolmogorov A. N.** *Foundations of the theory of probability*. New-York, 1956.
- Ryabko B., Reznikova Z.** The Use of ideas of information theory for studying “Language” and intelligence in ants. *Entropy*. 2009. Vol. 11. P. 836–853. doi: 10.3390/e11040836

Сведения об авторе / Information about the author

Резников Владимир Моисеевич – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, Николаева, 8, email: mathphil1976@gmail.com
Vladimir Reznikov – Ph.D., associate professor, senior researcher of Institute of Philosophy and Law SB RAS, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, email: mathphil1976@gmail.com

УДК 167.7

doi:10.47850/S.2020.1.14

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКЕ

А. Л. Симанов

Институт философии и права СО РАН
als49@mail.ru

Методологическая функция философии в физическом познании реализуется прежде всего в конструктивной и нормативно-регулятивной формах, так как физика с самого начала вынуждена использовать вне-теоретические, философские положения именно в силу предельной общности понятий, лежащих в ее основании. Непосредственная экспериментальная проверка современных физических концепций представляется на данном этапе развития науки невозможной из-за ограниченных энергетических и технических ресурсов человечества. Поэтому основное внимание необходимо уделять разработке косвенных эмпирических методов.

Ключевые слова: физическая теория, методология, унификация, холизм, неклассическая наука.

PHILOSOPHY OF SCIENCE WITHIN CONTEMPORARY PHYSICS

A. L. Simanov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
als49@mail.ru

The methodological function of philosophy within physics is realized primarily in a constructive and normative-regulatory form, since physics from the very beginning is forced to use non-theoretical, philosophical positions precisely because of the ultimate generality of the concepts underlying it. Direct experimental verification of modern physical concepts seems impossible at this stage of the development of science due to the limited energy and technical resources of mankind. Therefore, from the methodological point of view, we should focus on the development of indirect empirical methods.

Keywords: physical theory, methodology, unification, holism, non-classical science.

Как показывает исследование имеющихся сейчас новых физических теорий и гипотез, физический язык в этом контексте развивается в направлении все большего обобщения описаний физических явлений и процессов математическими методами, математическим аппаратом. Особенно характерно в этом отношении развитие *М*-теории и суперструнных гипотез. Эти идеи идут в русле мировоззрения целостности – холизма, что подтверждает идею, согласно которой нельзя отделять квантовую реальность от структуры всей Вселенной, а состояние отдельной частицы имеет смысл лишь тогда, когда она рассматривается в рамках единого целого и ее поведение описывается законами, общими не только для всех частиц Вселенной, но и для Вселенной как

целого. Но здесь надо разрабатывать такой физический и математический языки, которые бы соответствовали в равной степени как частице, так и Вселенной. Следовательно, использование методологических возможностей философского знания в данном случае представляется необходимым. Необходим и сам анализ механизма и форм реализации методологической функции философии.

Методологическая функция философии в физическом познании реализуется прежде всего в конструктивной и нормативно-регулятивной формах, так как физика с самого начала вынуждена использовать внетеоретические, философские положения именно в силу предельной общности понятий, лежащих в ее основании (пространство, время, однородность и др.). Это, однако, не означает, что физические теории, независимо от степени их общности, включают эти понятия в свою структуру в их философском виде. «Вхождение» философских категорий, принципов и законов в концептуальный аппарат теории определяется спецификой предмета познания. Налагаясь «матрицей» на философские категории, принципы и законы, этот предмет «вычленяет» из их содержания то, что конструктивно входит в круг интересов теории, составляет основу ее содержательной структуры. Так, например, в космологии вычленяются физико-геометрические свойства пространства, принцип всеобщего и универсального взаимодействия применяется лишь к явлениям, происходящим в пределах светового конуса, закон отрицания отрицания конкретизируется при изучении последовательных этапов генерации многообразия элементарных частиц с «помощью» скалярного поля и т. п.

В то же время философское содержание категорий, принципов и законов обуславливает их нормативно-регулятивную форму. В этой форме философские категории, принципы и законы входят в теорию через физическую картину мира, которая с их помощью определяет методологию конкретно-научного исследования. И чем детальнее конкретизация философских представлений, чем корректнее и совершеннее сама философия, тем корректнее конструктивная и нормативно-регулятивная формы реализации ее методологической функции. Эти рассуждения можно отнести и к прогностической форме реализации методологической функции философии. Весьма показательным в этом плане является использование принципа причинности, в частности в космологии – в контексте включения в ее исследования квантовых представлений. Так, не считаются удачными те представления, которые приводят к нарушению принципа причинности, даже если они и обладают математическим формализмом, имеющим удовлетворительные следствия для дальнейшего развития теории. Отсюда вытекает требование поиска соответствующих конкретно-теоретических идей с формализмом, отвечающим принципу причинности, но в силу квантовых эффектов – неклассической интерпретации этого принципа.

Здесь следует отметить, что развитие философских представлений, уточнение, углубление содержания философских категорий, принципов и законов должны не просто и не только следовать за развитием естественно-научных

теорий, но и опережать его. В противном случае философия будет выступать методологией научного познания «постфактум», следуя за развитием науки на уровне обобщений конкретно-научных достижений. В современных условиях для философии этого явно недостаточно. Она должна не только обобщать, но в известных пределах и направлять развитие физического познания в частности и научного – в целом, предоставляя ему соответствующую развернутую методологическую базу. Это также позволит философии стать основой для успешного решения проблем интеграции физического знания, что определяет третью сторону развития интегративных процессов в физике.

Еще одна сторона интегративных процессов в физике связана с анализом структур и языка стандартных разделов физики и поиском общего для них. Традиционно физика делится на довольно самостоятельные разделы: классическую механику, оптику, электромагнетизм, термодинамику, статистическую физику, квантовую механику, атомную и ядерную физику и т. д. За этим в известной степени искусственным разделением порой не видно согласования разделов физики друг с другом. Так, например, второй закон термодинамики, традиционно связываемый с ограниченным классом явлений и процессов (тепловых), может рассматриваться как один из наиболее общих законов, которые управляют всеми процессами в природе. Но все вновь открываемые вещества и виды взаимодействий неизменно подчиняются этому закону.

Видимо, анализ всех физических законов и принципов с позиций возможной их общности для все более широкого класса явлений и процессов позволит выявить новые законы или дать более обобщенную формулировку законам классическим. Такой анализ целесообразно проводить на основе выделения роли и места в законах фундаментальных физических постоянных в качестве своеобразных законов сохранения универсального плана. Видимо, количество этих фундаментальных постоянных необходимо пересмотреть, поскольку имеются возможности их переформулирования друг через друга или через постоянные, имеющие более глубокий смысл и физически более содержательные. Очевидно, это подтверждает известный тезис о всеобщей гармонии природы, базирующийся на представлении об ограниченном числе возможностей существования воспринимаемого нами мира, т. е. на принципе простоты.

Как известно, развитие теории великого объединения носило и носит гипотетико-дедуктивный характер. Основная цель создания этой теории – унифицировать представления о силах взаимодействия между элементарными составляющими нашего мира. Первые попытки такой унификации были предприняты А. Эйнштейном, который стремился создать теорию, объединяющую электромагнитные и гравитационные силы на основе геометрического представления пространства-времени. Однако при построении своей теории Эйнштейн не учел множество не известных современной ему науке факторов, и прежде всего существование сильных и слабых ядерных взаимо-

действий. Поэтому его попытки оказались безуспешными в смысле создания единой теории поля, но весьма полезными с точки зрения методологии.

Фактически мы имеем сложившуюся сейчас и завоевывающую все большее влияние методологическую установку на создание конечной теории мира, пусть даже и не имеющей возможности быть проверенной эмпирически в ближайшем будущем, но тем не менее истинной. Можно ли согласиться с такой установкой парадигмального характера? Мы считаем, что делать это нельзя ни в коем случае.

Наше отрицательное отношение к такого рода установкам определяется следующим. Прежде всего, ограничение числа фундаментальных взаимодействий четырьмя ничем не обосновано. Тахионная гипотеза и возможный выход теоретических представлений о мире за пределы такой постоянной, как скорость света, вводимой, строго говоря, аксиоматическим образом, приводят к предположению о возможности существования других видов фундаментальных взаимодействий. Данная проблема обостряется и в связи с нерешенностью проблемы количества пространственно-временных измерений.

Таким образом, можно видеть, что представление о полноте философии неклассической физики и ее методологического обоснования лишь на первый взгляд выглядит простым и тривиальным, достаточно только признать принцип всеобщей универсальной взаимосвязи. Однако ситуация здесь гораздо сложнее. Если мы будем конкретизировать и не будем абсолютизировать этот принцип и такие представления, с одной стороны, и пойдем дальше конкретных методологических требований гипотетико-дедуктивного подхода и математических формализмов, ставших классическим в современной физике, – с другой, то выйдем на новые методологические представления. Причем они предполагают не только коренное преобразование мировоззрения, логики и психологии исследователя, но и уточнение предмета и объекта того, что можно назвать единой, в фундаментальном понимании, физикой, а, следовательно, выявления направлений ее развития. В действительности перед нами вырисовывается новая конкретно-научная программа, и новая методологическая парадигма.

Новая парадигма предполагает, на наш взгляд, создание единой физической теории как науки не о предметах, а о процессах. Начавшись с описания фундаментальных структур микро- и мегамира, их взаимосвязи, она должна перейти к изучению процессов, формирующих эти структуры и взаимосвязи. И здесь необходимо учесть и заново проанализировать роль и содержание фундаментальных физических констант, особенно с точки зрения их взаимосвязи: возможно ли такое сочетание констант, при котором значения каждой из них отличаются от общепризнанных, но структура мира остается такой, какой мы ее наблюдаем. Дело в том, что есть известные основания сомневаться в постоянстве ряда констант, в частности постоянной тяготения. Именно процессуальный подход позволит, по нашим первым прикидкам, построить теорию, в которой роль этих констант меняется с ведущей на вспо-

могательную, поскольку такой подход предполагает выделение глубинных процессов, определяющих константы. В рамках же классической физики считается, что константы сами определяют процессы: процессы таковы потому, что таковы константы.

Следует также сказать несколько слов об эмпирическом обосновании физики. Необходимо отметить, что непосредственная экспериментальная проверка современных физических концепций представляется на данном этапе развития науки невозможной из-за ограниченных энергетических и технических ресурсов человечества. Поэтому основное внимание необходимо уделять разработке косвенных эмпирических методов. К ним, в частности, можно отнести астрономические наблюдения и поиск редких процессов (таких, как распад протона), новых, предлагаемых теорией частиц (на основе анализа результатов взаимодействия космических лучей с земными материалами) и т. п. Видимо, математическое моделирование в такой ситуации будет одним из основных методов исследований, поскольку оно позволит проводить вычислительные эксперименты, осуществлять репрезентативную обработку

результатов косвенных исследований. В какой-то мере это даст нам возможность выбирать концепции, в большей степени удовлетворяющие критериям истинности.

Сведения об авторе / Information about the author

Симанов Александр Леонидович – доктор философских наук, в.н.с., профессор, Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: als49@mail.ru)

Simanov Aleksander Leonidovich – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: als49@mail.ru)

НЕОБХОДИМОСТЬ НОВОЙ ОНТОЛОГИИ В ОБОСНОВАНИИ КВАНТОВОЙ ТЕОРИИ ЖИЗНИ И СОЗНАНИЯ *

А. Н. Спаськов

Институт философии НАН Беларуси, Минск
spaskov.a@mail.ru

В статье обосновывается необходимость разработки новой онтологии, включающей в себя единые основания физической науки и науки о жизни и сознании. Выдвигается гипотеза о квантово-информационной природе материи, жизни и сознания. Формулируются основные понятия и принципы субстанциально-информационной онтологии.

Ключевые слова: онтология, квантовая реальность, материя, жизнь, сознание, субстанция, информация, хронотопос.

THE NEED FOR A NEW ONTOLOGY IN THE SUBSTANTIATION OF THE QUANTUM THEORY OF LIFE AND CONSCIOUSNESS

A. N. Spaskov

Institute of philosophy of the national Academy of Sciences of Belarus, Minsk
spaskov.a@mail.ru

The article substantiates the need for the develop of a new ontology, which includes the common foundations of physical science and the science of life and consciousness. A hypothesis is put forward about the quantum-informational nature of matter, life, and consciousness. The basic concepts and principles of substance-information ontology are formulated.

Keyword: ontology, quantum reality, matter, life, consciousness, substance, information, chronotopos.

Согласно классической онтологии, представленной в логически замкнутой форме уже в древнегреческой натурфилософии, в мире нет ничего кроме движущейся материи. В современной физике понятие материи включает в себя три фундаментальных сущности – вещество, поле и вакуум, а пространство-время является универсальной формой существования материи.

Последние революционные открытия в космологии темной материи и темной энергии существенно осложняют понимание структуры Вселенной. Но эти новые сущности, как мы полагаем, хотя и не вписываются в стандартную модель, но и не выходят за рамки классической онтологии, так как предполагают некоторую модификацию понятия материи и гравитации.

Перспективу построения более глубокой физической теории или «теории всего» связывают, прежде всего, с двумя научными направлениями. Первый подход, развиваемый в суперструнных теориях, является по сути модификацией атомизма и вместо неделимых атомов, имеющих разную форму и размеры, вводит более фундаментальные элементы материи – суперструны, имеющие различный спектр возбужденных колебаний, определяющий многообразие физических свойств.

---

* Публикация подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г20МС-031).

Другой подход, развиваемый в квантовой петлевой теории гравитации, связан с модификацией понятия пространства-времени. В этой теории вместо непрерывного пространственно-временного континуума, в котором, как на пустом фоне движутся онтологически самостоятельные элементы материи, вводится понятие атомов пространства-времени как некоторой фундаментальной квантовой структуры, динамические свойства которой и проявляются как движение материальных частиц.

Как видно, оба этих подхода основаны на одной и той же онтологии движущейся в пространственно-временной форме материи. При этом возможности построения новой физической теории на этих онтологических основаниях ограничены разными вариантами модификации таких базовых понятий, как пространство-время, материя и движение.

Поиск «окончательной физической теории», включающей в себя предельно глубокие физические начала основан на вере в возможность фундаментальной редукции всего многообразия материального мира к единому основанию. Философским обоснованием такого подхода является материалистический монизм, а понятие материи как раз и означает единую субстанцию, разные формы движения которой порождает все многообразие мировых процессов и событий.

Как видим, эта «теория всего» строится, в соответствии с классической онтологией, на чисто физических началах и в ее основаниях нет места понятиям жизни и сознания. Эти феномены возникают, согласно философии диалектического материализма, в процессе эволюции материи, как проявление более высоких форм движения. Таким образом, жизнь сводится к биологической форме, а сознание – к психической форме движения материи. При этом сознание понимается как высшая форма движения материи, возникающая в процессе эволюции вместе с его носителем – человеком.

Такой физикалистский подход доминирует и в современных исследованиях сознания – в аналитической философии, когнитивных науках и нейрофизиологии. Все эти подходы, так или иначе связывают проблему сознания с поиском особых форм движения материи. Очевидно, что на этом пути нас ожидает еще много научных открытий, но для подлинного понимания природы сознания этого недостаточно.

Это связано, как мы полагаем, прежде всего с ограниченностью классической онтологии. С одной стороны, мы изучаем объективный мир на основе эмпирических данных нашего чувственного опыта, представленного в нашем субъективном сознании. Следовательно, мы не можем объяснить природу объективного мира, основываясь только на материальных началах, но необходимо должны выводить принципы существования этого мира, основываясь на субъективной природе сознания.

С другой стороны, мы не можем объяснить саму природу сознания, основываясь только на материалистических принципах, так как в этом случае возникает логический круг и вначале, основываясь на принципах собственного

мышления мы объясняем природу материи, а затем на основе этой модели пытаемся объяснить природу сознания.

Ограниченность классической онтологии в вопросах происхождения материи и сознания видна уже из того, что она, не имея возможности дать разумное объяснение, возводит случайность в онтологический принцип материалистической науки. Случайной флуктуацией вакуума объясняют происхождение Вселенной, а случайной мутацией в физиологическом строении мозга объясняют происхождение сознания и человеческого разума.

Но наблюдаемая в природе случайность, как мы полагаем, не говорит об отсутствии необходимых причин и разумных оснований, а говорит лишь об ограниченности наших научных представлений и неведении этих причин и оснований. Точно также и наблюдаемая в природе закономерность не говорит нам ничего об источнике естественных законов. Но если Вселенная возникла случайно, то и законы, с необходимостью управляющие ею, также возникли случайно. Но как может необходимость происходить из случайности? Для разрешения этого логического противоречия остается одно – признать, что как случайность, так и закономерность, проявляемые в природе имеют один и тот же источник. Этот единый источник необходимости и спонтанности мы и называем субстанцией

Онтология – это прежде всего предмет научной веры, а не знания, так как истинные основания не могут быть доказаны, но на них, как на онтологическом базисе строится любое другое доказательство. Но если верить в законы, управляющие Вселенной, то включая случайность в систему основополагающих принципов, мы приходим к абсурду.

Квантовая механика, например, коренным образом отличается от классической, так как в ее схеме описания существенную роль играет вероятность, а значит и случайность. При этом, так как до сих пор не ясны онтологические основания квантовой теории, то и природа квантовой случайности тоже не ясна. Случайный характер квантовомеханического поведения говорит, по нашему мнению, о принципиальной невозможности описания квантового мира на языке предустановленных объективных законов. В этом случае нам остается принять в качестве онтологического основания квантового поведения либо объективную случайность, либо субъективную причину, действующую в квантовом мире.

Жизнь и сознание являются более сложными феноменами и их невозможно редуцировать к механическим и физическим причинам, хотя эта точка зрения и доминирует в современных физикалистских теориях. Мы полагаем, что как раз на квантовом уровне реальности механические движения нужно рассматривать как элементарные процессы жизнедеятельности квантовых субъектов с элементами разума (или точнее – интеллекта). Таким образом, появляется надежда решить две, неразрешимые в традиционной парадигме задачи – подвести единые онтологические основания под квантовую теорию и науку о жизни и сознании.

Это означает, что мы должны начинать построение онтологии с такого элементарного уровня, на каком еще нет фундаментального разрыва между феноменами жизни, сознания и механическими движениями, который наблюдается на макроскопическом уровне реальности. Но если на макроскопическом уровне мы имеем три, относительно автономные предметные области, которые традиционно изучаются отдельными естественнонаучными дисциплинами – физикой, биологией и психологией, то на квантовом уровне такое жесткое разделение, по всей видимости, уже невозможно без утраты целостности. Выходом из этой тупиковой ситуации, когда дисциплинарные методы анализа уже не работают, будет, как мы полагаем, создание новой единой онтологии на основе трансдисциплинарного синтеза, органически включающего в себя квантовую физику, квантовую биологию и квантовую психологию.

Но понятия квантовой биологии и квантовой психологии означают все же междисциплинарную методологию, когда квантовые подходы внедряются в традиционную сферу биологии и психологии. Поэтому будет более точным обозначение этих научных направлений, изучающих целостный квантовый мир, как квантовая теория жизни и квантовая теория сознания.

Это значит, что понятие жизни и сознания мы вводим как начальное условие существования квантовых объектов, также как и физического тела. Таким образом, мы должны построить некоторую идеальную модель квантового субъекта-объекта, имеющего собственное физическое тело, которое функционирует и воспроизводится в результате собственной жизнедеятельности и обладает собственным элементарным сознанием, задающим и регулирующим его квантовое поведение.

В соответствии с этой предварительной установкой, мы строим модель генезиса и коэволюции материи, жизни и сознания, в которой:

Жизнедеятельность определяется как метаболический процесс трансформации энергии и информации в результате ее поглощения (восприятия) и выделения (производства) физическими телами (на квантовом уровне – элементарными частицами). Жизнь – это синергия всех элементов, входящий в систему, в результате которой происходит их самоорганизация и саморазвитие.

Все элементы обладают элементарным сознанием (предсознанием), которое включает в себя собственную субъективную деятельность, а также процесс переработки и трансформации информации, в результате которой осуществляется коммуникация квантовых субъектов в процессе их совместной жизнедеятельности.

Мы начинаем построение новой онтологии с принципа субстанциального монизма, согласно которому: 1) все существующее многообразие необходимо должно иметь единое основание; 2) все возникающее многообразие необходимо должно иметь единую причину, находящуюся в основании любого действия, движения и изменения.

Это единое основание и единую причину мы объединяем в одном понятии субстанции, которую определяем в общем виде как генератор реальности, возникающей в объективной форме структурно упорядоченного информационного многообразия и изменчивости, реализуемых в феноменальном опыте субъективного представления. С понятием субстанции логически связано понятие информации, определяемое как генерируемое многообразие, имеющее форму и меру структурно упорядоченного и функционально связанного смыслового единства. Принципиально новым понятием, которое вводится для характеристики фундаментального носителя информации, является понятие хронотопоса.

В отличие от классической онтологии, в которой пространство-время является некоторым онтологическим эквивалентом пустоты иместилищем тел и событий, в новой онтологии физические тела и события, а также и психические феномены, возникающие в сознании, представляют собой не самостоятельные онтологически сущности, а квантовые состояния универсального носителя этих феноменов – хронотопоса. Таким образом хронотопос представляет собой как форму существования материи, так и необходимый атрибут психики.

Руководящим методологическим принципом в построении новой онтологии является принцип соответствия. Это означает, что система базовых понятий классической онтологии заменяется новым онтологическим базисом. Например, понятию материи, которое объединяет в себе такие эмпирически наблюдаемые физические сущности как вещество, поле и вакуум, соответствует понятие квантовых состояний хронотопоса. В этот же класс можно внести также темную материю и энергию, природу которых мы пока не знаем, но получаем возможность объяснить на новых онтологических основаниях.

Понятию пространства-времени в нашей схеме соответствует понятие хронотопоса. Но если в классической онтологии пространство-время понималось как форма существования материи или как универсальноеместилище эмпирически наблюдаемых явлений, то соответствующее ему понятие хронотопоса означает универсальную форму существования информации или фундаментальный носитель информации и распространяется, таким образом, как на объективный физический мир, так и на субъективный мир психики.

Но кроме этих понятий, которые соответствуют прежней онтологии, мы вводим принципиально новую сущность – информацию, и придаем ей относительно независимый онтологический статус наряду с другими базовыми понятиями. Таким образом, мы получаем возможность выйти за пределы чисто физической картины мира в сферу психики, соблюдая при этом соответствие физической онтологии. И если классическая онлогия основывалась на принципе материального единства мира, то в новой онтологии таким основополагающим принципом является принцип субстанциального монизма, что также говорит о логическом соответствии двух онтологий.

Сведения об авторе / Information about the author

Спасков Александр Николаевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий Центром философско-методологических и междисциплинарных исследований Института философии НАН Беларуси, Минск, Сурганова 1, корп. 2, e-mail: spaskov.a@mail.ru

Spaskov Aleksandr – Cand. Sci, Head of the Center of Interdisciplinary Research and Methodology of the Institute of Philosophy of Belarussian Academy of Sciences. Republic of Belarus, Minsk, Surganov str. 1/2, e-mail: spaskov.a@mail.ru

УДК 168

doi:10.47850/S.2020.1.16

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА Д. К. БЕЛЯЕВА: К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ ЭВОЛЮЦИИ ГОМИНИД

О. В. Трапезов

Институт цитологии и генетики СО РАН
trapezov@bionet.nsc.ru

Следуя концепции, предложенной академиком Д. К. Беляевым, стрессовое экстремальное селекционное давление могло сыграть решающее значение в эволюционном отделении предков человека от современных человекообразных обезьян. Стресс является одним из важнейших факторов эволюции. Вполне допустимо, что стресс как фактор наследственной изменчивости может коснуться и современного человека, поскольку невозможно оградить себя от все возрастающих разнообразных стрессирующих факторов.

Ключевые слова: факторы эволюции, стресс, Д. К. Беляев.

THE PHILOSOPHICAL HERITAGE OF ACADEMICIAN DMITRII BELYAEV ON SOME FACTORS OF THE HOMINIDES EVOLUTION

O.V. Trapezov

Institute of Cytology and Genetics SB RAS
trapezov@bionet.nsc.ru

Following the concept proposed by the academician Dmitrii Belyaev, stressful extreme selection pressure could play a decisive role in the evolutionary separation of human ancestors from modern great apes. Stress is one of the most important factors in evolution. It is quite possible that stress as a factor of hereditary variability can affect a modern person, since it is impossible to protect oneself from the ever-increasing variety of stress factors.

Keywords: factors of evolution, stress, D. K. Belyaev.

В 1981 г. на III Всесоюзном совещании по вопросам современного естествознания в своем пленарном докладе «О некоторых факторах эволюции гоминид» Дмитрий Константинович Беляев первым обратил внимание на стресс как один из важнейших факторов эволюции. Почему его так увлекла генетика стресса? Д. К. Беляев подчеркивал, что в эволюции предков современного человека и в эволюции домашних животных существуют общие закономерности в эволюционно-генетической роли стресса и стрессируемости. При этом вопрос становится более объяснимым, если принять во внимание, что преобладающую роль в ходе антропогенеза так же, как и в ходе исторической domestikации диких животных, играл отбор по поведению [Беляев,

1981]. Как известно, наиболее значительные этапы эволюции семейства гоминид произошли около 5–6 млн лет назад. Они привели к разделению ветви людей и человекообразных обезьян от общего предка. Но принципиально важно то, что между человекообразными приматами и человеком выявлен один и тот же комплекс поведенческих и морфофизиологических различий. Этот комплекс изменений можно представить как неотенический комплекс. У предков человека в условиях отбора на стрессоустойчивость во взрослой жизни удерживались не только ювенильные черты поведения, но и многие другие системы и признаки. Это стрессовое экстремальное селекционное давление и могло сыграть решающее значение в эволюционном отделении предков человека от современных человекообразных обезьян. Отбору по поведению Д. К. Беляев отводил решающую роль во всей дальнейшей эволюции разделившихся ветвей на гоминидном древе, в особенности в драматическом увеличении размеров мозга, объем которого от стадии австралопитека до современного разумного человека увеличился от 350 см³ до 1400–1500 см³. В настоящее время имеются данные, указывающие на то, что одним из существенных молекулярных коррелятов ускоренной фенотипической эволюции размеров мозга может быть ускоренная эволюция мозгоспецифических генов, особенно генов, вовлекаемых в детерминацию размеров мозга, например, ASPM и MCPH [Dorus et al., 2004; Evans et al., 2005; Mekel-Bordov et al., 2005]. Имеются доказательства в поддержку адаптивного характера ускоренной эволюции мозгоспецифических генов, т. е. их ускоренная эволюция может быть результатом стрессового экстремального селекционного давления на них. В ходе эволюции человека драматически увеличивался также и размах фенотипической изменчивости. Эти специфические черты биологической эволюции человека становятся более объяснимыми, как отмечал Д. К. Беляев, если принять во внимание, что в ходе эволюционного формирования человека мозг стал главной мишенью селекционного давления. Мозг в этих условиях эволюционировал как целостная система регуляции онтогенеза физиологических функций и, что особенно важно, генетической активности [Belyaev, 1979, Беляев, 1981]. Крайне интересны имеющиеся к настоящему времени доказательства того, что после отделения человеческой линии от человекообразных, в частности шимпанзе, в ней произошли более значительные изменения генетической экспрессии в ткани мозга, чем у шимпанзе [Gu J., Gu X., 2003]. Таким образом, стресс служит важнейшим модулем эволюции, ее фактором. Но стресс и стрессируемость неотделимы от СА-мой жизни, – они ее условие, а, следовательно, и фактор ускорения эволюции жизни, особенно на высших этапах ее организации, когда система нейрогормональной регуляции онтогенеза достигает большого совершенства. Вполне допустимо, что стресс как фактор наследственной изменчивости может коснуться и современного человека, поскольку невозможно оградить себя от все возрастающих разнообразных стрессирующих факторов. Будучи важным фактором прогрессивной эволюции, стресс при сверхсильных нагрузках мо-

жет привести к разнообразным, в том числе и неблагоприятным, последствиям в смысле изменчивости и формирования новых векторов отбора.

Список литературы / References

- Беляев Д. К.** О некоторых факторах эволюции гоминид. *Вопросы философии*. 1981. №. 8. С. 70–77.
Belyaev D. K. O nekotorykh faktorah evolyutsii gominid. *Voprosy filosofii*. 1981. No. 8. P. 70–77. (In Russ.)
Belyaev D. K. Some genetic evolutionary problems of stress. *Vestnik of the Academy of Medical Sciences of the USSR*. 1979. No. 7. P. 9–14.
Dorus S., Vallender E. J., Evans P. D. et al. Accelerated evolution of nervous system genes in the origin of *Homo sapiens*. *Cell*. 2004. V. 119. No. 7. P. 1027–1040.
Evans P.D., Gilbert S.L., Mekel-Bobrov N. et al. Microcephalin, a gene regulating brain size, continues to evolve adaptively in human. *Science*. 2005. V. 309. No. 5741. P. 1717–1720.
Gu J., Gu X. Induced gene expression in human brain after the split from chimpanzee. *Trends Genet.* 2003. V. 19. P. 63–65.
Mekel-Bordov N., Gilbert S. L., Evans P. D. et al. Ongoing adaptive evolution of ASPM, a brain size determinant in *Homo sapiens*. *Science*. 2005. V. 309. No 5741. P. 1720–1722.

Сведения об авторе / Information about the author

Трапезов Олег Васильевич – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института цитологии и генетики Сибирского отделения РАН, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева 10, e-mail: trapezov@bionet.nsc.ru
Trapezov Oleg – D.Sc., leading researcher of Institute of Cytology and Genetics, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Akademika Lavrentieva str. 10, e-mail: trapezov@bionet.nsc.ru

doi:10.47850/S.2020.1.17

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ ВИТГЕНШТЕЙНА НА РЕЛЯТИВИЗМ КУНА *

О. И. Целищева

Институт философии и права СО РАН
oxanatse@gmail.com

О. I. Tselishcheva

Institute of Philosophy and law SB RAS
oxanatse@gmail.com

Релятивизм Томаса Куна является предметом множества статей и ряда монографий. Понятия парадигмы и «нормальной» науки подвергаются многочисленным интерпретациям, диапазон которых чрезвычайно широк – от полного одобрения до полного неприятия с огромным числом промежуточных оценок.

Среди множества тем, связанных с анализом рациональности, представляет интерес, в какой степени философия позднего Витгенштейна повлияла на

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00437 «Неопрагматизм в философии науки: релятивизм и риторический поворот»).

концепцию научного изменения Куна. Концепция следования правилу Витгенштейна, которая является предметом интенсивных дискуссий, очень близка к концепции нормальной науки Куна, согласно которой поведение исследователей реализуется в рамках определенной парадигмы. И эта связь отнюдь не случайна, и можно догадываться, что идеи Куна сформировались под определенным влиянием Витгенштейна. На этот счет есть свидетельства людей, которые хорошо знали Куна. Согласно одному из них, известному философу Кэвеллу, с которым Кун был вместе в Беркли, тот очень интересовался работами Витгенштейна и больше того, недоумевал по поводу невнимания к этому мыслителю со стороны своих коллег. Естественно, что интересы Куна лежали совсем в другой плоскости, чем идеи Витгенштейна, но метод последнего был крайне интересен для Куна. В частности, Куну импонировала идея социального конструирования знания.

В настоящее время одним из наиболее дискутируемых является вопрос о том, предложил ли на самом деле Витгенштейн непреодолимый вариант скептического аргумента о возможности знания вообще. Убедительность или сомнительность такой интерпретации Витгенштейна напрямую связаны с судьбой релятивизма самого Куна. Действительно, относительно легко обнаруживаются аналогии между категориальным аппаратом нормальной науки в смысле Куна, а именно понятиями парадигмы, воспитания в рамках парадигмы, и образования в нормальном научном сообществе, и базисными витгенштейновскими концепциями, такими как языковые игры, семейное сходство, формы жизни.

Языковая игра предполагает, прежде всего, согласие «игроков» по поводу массы вещей, в первую очередь по поводу правил. Аналогия нормальной науки Куна с языковой игрой ведет к заключению, что поскольку целью «игры» в науку является достижение объективной истины, это последнее понятие оказывается также результатом соглашения членов научного сообщества. Витгенштейн говорит более прямо, что согласие подобного рода есть согласие относительно «формы жизни». Но в данном контексте «форма жизни» есть полный аналог нормальной науки. Если при традиционном понимании науки требуется согласие по поводу истинности или ложности утверждений науки, то по Витгенштейну речь идет о согласии по поводу «формы жизни».

Часто загадочные высказывания Витгенштейна, касающиеся этого понятия, лишь подсказывают, что это что-то вроде куновских парадигм, которые являются предметом согласия участников нормальной науки. И в самом деле, «формы жизни» определяются культурой, контекстом, историей и другими обстоятельствами, которые не позволяют считать, что эти формы жизни имеют отношение к объективной реальности.

От такого прямолинейного зачисления Витгенштейна в релятивисты предостерегают несколько обстоятельств. Первое из них – неясность самого Витгенштейна. В этом отношении характерно высказывание С. Крипке, одного из самых «громких» интерпретаторов Витгенштейна. Он, как и многие

другие исследователи, полагает, что «“Философские исследования” не являются систематической философской работой, где выводы, однажды в определенной степени установленные, не нуждаются в новой аргументации. Скорее, они написаны как некая непрерывная диалектика, где беспокойство, выраженное голосом воображаемого собеседника, сохраняется и никогда окончательно не утихает».

Таким образом, объявление Витгенштейна релятивистом, даже если оно и оправданно в каком-то смысле, не реабилитирует релятивизм Куна, поскольку перед этими философами стояли разные задачи, а их концептуальные аппараты различались радикальным образом.

Сведения об авторе

Целищева Оксана Ивановна – кандидат философских наук, Институт философии и права СО РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8; oxanatse@gmail.com
Tselishcheva O. I. – Ph.D., Institute of Philosophy and law SB RAS (8 Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russia) oxanatse@gmail.com

УДК 167

doi:10.47850/S.2020.1.18

ПЛАНКОВСКИЕ ВЕЛИЧИНЫ И «РАСШИРЕННАЯ СТО»

О. В. Шарыпов

Институт теплофизики СО РАН
sharypov@itp.nsc.ru

Планковская длина является объектом релятивистской квантово-гравитационной теории, поэтому более общим и последовательным направлением расширения СТО представляется использование постулата о релятивистски инвариантном и предельном характере всех планковских величин, введенного В.В. Коруховым в конце 90-х годов. Одним из примеров реализации этого постулата в его методологическом значении является модель вакуумоподобной среды, физические свойства которой характеризуются релятивистски инвариантными значениями, что качественно отличает ее от известных видов материи – вещества и поля.

Ключевые слова: планковские величины, планковская длина, инвариантный покой, В. В. Корухов.

PLANCK UNITS AND EXTENDED SPECIAL RELATIVITY

O. V. Sharypov

Institute of Thermophysics, Siberian Branch of the Russian Academy of Science
sharypov@itp.nsc.ru

The Planck length is an object of the relativistic quantum-gravitational theory, therefore, a more general and consistent direction of the special relativity extension, seems to be the use of the postulate of the relativistically invariant and limiting nature of all Planck units, that was introduced by V.V. Korukhov at the end of the 90s. One of the examples of the implementation of this postulate in its methodological meaning is the model of a vacuum-like medium, the physical properties of which are characterized by relativistically invariant values, which qualitatively distinguishes it from the known types of matter – matter and field.

Keywords: Planck units, Planck length, invariant rest, V. V. Korukhov.

Известные принципиальные трудности современных фундаментальных физических теорий стимулируют появление гипотез, связанных с постулиро-

ванием особых методологических функций мировых констант (таких как гравитационная постоянная G , постоянная Планка $\hbar$ и др.). Ряд современных исследований пределов применимости специальной теории относительности А. Эйнштейна (СТО) основывается на учете (наряду со скоростью света в вакууме c) дополнительного релятивистски инвариантного масштаба – планковской длины l_P (или планковской массы и т. д.). Согласно таким гипотезам, СТО является низкоэнергетическим пределом более общей теории («Doubly Special Relativity»). В условиях недостатка экспериментальных данных обсуждаются альтернативные варианты поправок к формулам СТО, при этом математическая форма поправок является произвольной, и вопрос об их величине остается открытым.

По определению, планковская длина является объектом релятивистской квантово-гравитационной теории. Поэтому более общим и последовательным направлением расширения СТО («Extended Special Relativity») представляется использование постулата о релятивистски инвариантном и предельном характере *всех* планковских величин – « $\hbar c G$ -принципа», предложенного В. В. Коруховым. Этот принцип обобщает известные теоретические результаты, предсказывающие существование предельных значений длины, времени, массы, плотности, потенциала электрического поля, ускорения, температуры и т. д., позволяя получить в рамках расширенной СТО новые выражения для законов сохранения.

Планковская длина, являясь инвариантной величиной, характеризуется конечным (ненулевым) значением, что приводит к новым возможностям в изучении проблемы структуры пространства. На место абстрактной математической точки пустого и неподвижного пространства-вместилища Ньютона ставится инвариантно покоящийся структурный элемент вакуумоподобной среды (планкеон), обладающий конкретными физическими характеристиками. Предположение о существовании предельной релятивистски инвариантной протяженности может быть связано с появлением в теории понятия максимальной скорости движения объекта. При относительной скорости $v \rightarrow c(1 - l_P^2/l_0^2)^{1/2}$ характерный пространственный размер объекта в системе отсчета наблюдателя стремится к предельному значению l_P , а масса движения – к планковской массе, являющейся предельным инвариантным значением в спектре масс элементарных частиц (здесь l_0 – размер объекта в собственной системе отсчета). Как следствие, частица с планковской массой («планкеон») должна обладать особым кинематическим состоянием – релятивистски инвариантным покоем. Это позволяет предложить согласующуюся с релятивистскими принципами модель вакуумоподобной среды. Физические свойства такой среды характеризуются релятивистски инвариантными значениями, что качественно отличает ее от известных видов материи – вещества и поля.

Сведения об авторе / Information about the author

Шарыпов Олег Владимирович – доктор физико-математических наук, доктор философских наук, заместитель директора Института теплофизики Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Академика Лаврентьева 1, e-mail: sharypov@itp.nsc.ru

Sharupov Oleg – D.Sc., deputy director of Institute of Thermophysics, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Akademik Lavrentiev str. 1, e-mail: sharypov@itp.nsc.ru

УДК 141

doi:10.47850/S.2020.1.19

ОНТОЛОГИЯ ДИСПОЗИЦИЙ КАК ОСНОВА СТРУКТУРНОГО РЕАЛИЗМА

И. И. Эртель

Институт философии и права СО РАН

ilyaehrtel@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-0891-0709

М. Эсфельд предлагает рассматривать в качестве основания структурного реализма онтологию внешних причинных свойств объектов, или диспозиций. Именно такой подход делает возможным реализм по отношению к объектам в том виде, как они понимаются С. Френчем и Дж. Лэдименом: объекты представляют собой «узлы» структуры. В работе сопоставляется онтология диспозиций с метафизикой категориальных свойств Д. Льюиса, и делается заключение о неуместности последней и перспективности первой в качестве основания структурного реализма и научной метафизики.

Ключевые слова: онтический структурный реализм, диспозиции, примитивные категорические свойства, физические свойства, научная метафизика.

DISPOSITIONAL ONTOLOGY AS A BASIS FOR STRUCTURAL REALISM

I. I. Ertel

Institute of Philosophy and Law SB RAS

ilyaehrtel@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-0891-0709

M. Esfeld has proposed to use the ontology of external causal properties, or dispositions, of objects as a basis for ontic structural realism. It is this approach that makes possible realism towards objects as they are understood by S. French and J. Ladyman – objects are mere nodes in the structure. In our paper dispositional ontology is contrasted with D. Lewis' metaphysics of categorical properties, and through this juxtaposition the last is rendered inappropriate and the first appears promising as a foundation for structural realism and scientific metaphysics.

Keywords: ontic structural realism, dispositions, primitive categorical properties, physical properties, scientific metaphysics.

С точки зрения Стивена Френча и Джеймса Лэдимена, если и можно говорить о существовании каких-либо объектов, то только в том плане, что эти объекты существуют лишь в качестве «узлов» структуры, то есть, как совокупности отношений [French, Ladyman, 2003]. Это означает, что такие объекты не могут существовать независимо от остальных связей данной структуры. Основным возражением, выдвигаемым против такого подхода,

является то, что идея структуры без объектов многим кажется неправдоподобной. В связи с этим Майклом Эсфельдом была предложена более умеренная версия онтического структурного реализма, построенная на онтологии внешних причинных свойств объектов. Основная идея ее заключается в том, что физические структуры являются «сетями» конкретных качественных физических отношений между объектами, но сами объекты не обладают какой-либо внутренней природой в дополнение к этим отношениям. Фундаментальные физические структуры являются каузальными, что позволяет согласовать такую онтологию с необходимостью физических законов и существованием необходимых связей в природе [Esfeld, 2009]. Противоположным подходом к природе объектов является метафизика внутренних категориальных свойств, одним из наиболее последовательных сторонников которой является Дэвид Льюис. Нашей задачей будет показать, что онтология каузальных свойств является более уместной в контексте построения натурализованной метафизики, апеллирующей к эмпирической науке.

Согласно метафизике категориальных свойств, свойства являются исключительно качественными: то, что они собой представляют, не зависит от причинных и номологических отношений, частью которых они являются. Внутренне присущими являются только те свойства, которыми объект обладает независимо от того, существуют ли другие объекты. В качестве примера метафизики, сочетающей и категориальные и внутренние свойства, можно привести следующее высказывание Д. Льюиса: «Это доктрина о том, что все, что есть в мире – это обширная мозаика частных локальных фактов – одна маленькая вещь следует за другой. У нас есть геометрия – система внешних отношений пространственно-временного расстояния между точками. Может быть, между точками самого пространства-времени; может быть, между микроскопическими кусочками материи, или эфира, или полей; либо, между и тем, и другим. И в этих точках мы имеем локальные качества – совершенно естественные внутренние свойства» [Lewis, 1986. P. xi–x].

Считая фундаментальные физические свойства естественными, внутренне присущими и категориальными, Д. Льюис признает распределение этих свойств в пространстве-времени примитивным. Распределение фундаментальных физических свойств существует как целое, и более того, каждый элемент этого распределения является контингентным. Следовательно, для каждого индивидуального проявления фундаментального физического свойства в любой точке пространства-времени мы можем его зафиксировать. Физические свойства, проявляющиеся в любой заданной точке или области пространства-времени, не налагают каких-либо ограничений на другие физические свойства, которые могут проявляться в других точках и областях пространства-времени. Из этого М. Эсфельд делает вывод, что в природе не существует необходимых связей. В связи с этим, возникает вопрос: как мы можем познавать фундаментальные физические свойства, если они являются внутренними и категориальными? Один из ответов на этот вопрос дает Фрэнк

Джексон: «Когда физики рассказывают нам о свойствах, которые они считают фундаментальными, она говорят о том, что эти свойства *делают*. И это не случайность. В сущности, мы узнаем о том, что собой представляют вещи, через то, как они влияют на нас или на наши измерительные приборы. ... Это действительно наводит на мысль о возможности того, что (1) существует два совершенно различных внутренних свойства, P и P^* , которые вступают в одинаковые причинные отношения; (2) иногда действует одно свойство, а иногда другое; и (3) мы ошибочно считаем, что существует только одно свойство, потому что это различие между ними не имеет значения. Очевидное развитие этой возможности ведет к неприятной идее о том, что мы не знаем почти ничего о внутренней природе мира» [Jackson, 1998. Р. 23–24]. Мы получаем знания о мире через причинные отношения между тем, что в нем существует. Следовательно, только в пределах причинной и структурной эквивалентности мы можем точно устанавливать что-то о существующих элементах мира. Поэтому, если все, что есть в мире, в основе своей имеет внутренние категориальные свойства, мы не можем знать этих свойств, поскольку они внутренние и категориальные. Одни и те же причинные и структурные описания будут истинными при различном распределении таких свойств. Таким образом, мы в принципе не способны заметить эти различия.

Отметим, что несмотря на то, что проблема категориальных свойств, в основе своей, является метафизической, здесь можно говорить и о некоторых ее следствиях для эпистемологии. Если фундаментальные свойства являются внутренними и категориальными, тогда можно представить ситуацию, когда возможны миры, которые будут различаться распределением проявляющихся в них внутренних свойств, на самом деле, не будут различаться, т.к. причинные и номологические отношения, действующие внутри этих миров, одинаковы. Такая позиция подразумевает, что свойства имеют примитивную качественную природу, поскольку они независимы от причинных и номологических отношений, и мы не способны узнать, каковы эти свойства. Такие миры мы должны считать различными, но они в принципе эпистемологически не различимы.

Существует точка зрения, что причинные описания, на самом деле, и являются описаниями внутренних свойств объектов [Whittle, 2006; Ney, 2007]. В этом смысле, приведенный пример невозможности познания внутренних свойств ввиду их независимости от причинных и номологических отношений может не быть серьезной проблемой. Однако эти описания внутренних свойств не способны раскрыть то, на какие свойства они указывают, поскольку свойства эти *независимы* от тех причинных ролей, которые они играют в данном мире. Два разных типа свойств, например, масса и заряд, могут меняться между собой причинными ролями в двух различных мирах, и при этом характер роли будет зависеть от устройства данного мира в целом. Следовательно, описание роли свойства «масса» и описание роли свойства «заряд» в

настоящем мире не сообщают нам ничего о сущности свойств, играющих эти роли.

Если мы стремимся построить метафизику, которая основывается на эмпирической науке, то позиция Д. Льюиса представляется весьма неудобной: только ради того, чтобы отстоять взгляд, что свойства являются внутренними и категориальными, приходится постулировать нечто, что является примитивным свойством и при этом приводит к различиям, которые невозможно обнаружить. Сидни Шумэйкер считает, что от такой точки зрения можно избавиться, если признать, что сущность внутренних свойств связана с причинными и номологическими отношениями, в которых они находятся [Shoemaker, 1980]. Именно такой подход предлагает М. Эсфельд. Если то, чем является данное свойство, привязано к определенным причинным отношениям, то само это свойство окажется диспозицией по отношению к определенным его следствиям. Если эта точка зрения верна и по отношению к фундаментальным физическим свойствам, то их можно считать диспозициями, не привлекая рассуждения Д. Льюиса о категориальных свойствах. Таким образом, онтологию внешних причинных свойств, или диспозиций, можно считать приемлемым альтернативным подходом к методологическим основаниям структурного реализма.

Список литературы / References

- Esfeld M.** The modal nature of structures in ontic structural realism. *International Studies in the Philosophy of Science*, 2009. No. 23. P. 179–194. doi: 10.1080/02698590903006917
- French S. & Ladyman J.** Remodelling structural realism: quantum physics and the metaphysics of structure. *Synthese*, 2003. No. 136. P. 31–56. doi: 10.1023/A:1024156116636
- Jackson F.** From metaphysics to ethics. A defence of conceptual analysis. Oxford. Oxford Uni. Press. 1998.
- Lewis D.** *Philosophical papers*. Oxford: Oxford Uni. Press. 1986. Vol. 2.
- Ney A.** Physicalism and our knowledge of intrinsic properties. *Australasian Journal of Philosophy*, 2007. No. 85. P. 41–60. doi: 10.1080/00048400601154376
- Shoemaker S.** Causality and properties, in P. Van Inwagen (Ed.) *Time and cause*. Dordrecht. Reidel, 1980. P. 109–135.
- Whittle A.** On an argument for humility. *Philosophical Studies*, 2006. No. 130. P. 461–497. doi: 10.1007/s11098-004-5751-7

Сведения об авторе / Information about the author

Эртель Илья Игоревич – аспирант Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: ilyaehrtel@yandex.ru

Ertel Ilya — post-graduate student in the Institute of Philosophy and Law SB RAS, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, e-mail: ilyaehrtel@yandex.ru.

**« АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО »
В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ
(материалы круглого стола)**

УДК 1 (091)

doi:10.47850/S.2020.1.20

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ИДЕИ ЭЛИЗАБЕТ ЭНСКОМ

М. А. Беляев

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
mabelyaev@msal.ru
ORCID ID: 0000-0002-7498-5231

В тексте рассматриваются взгляды Э. Энском на природу причинно-следственных связей. Согласно автору, идею необходимости следует сохранить за объяснениями, но не допускать при этом ссылку на необходимость применительно к самой связи событий. Тогда и определенность будет использоваться нами в двух различных значениях: как характеристика объясняющих суждений (и здесь она синонимична необходимости) и как характеристика реальности (здесь она не имеет ничего общего с необходимостью).

Ключевые слова: детерминизм, каузальность, объяснение, предсказание, необходимость, Э. Энском.

METAPHYSICAL IDEAS OF G.E.M. ANSCOMBE

M. A. Belyaev

Kutafin Moscow State Law University
mabelyaev@msal.ru
ORCID ID: 0000-0002-7498-5231

The text examines the views of E. Anscombe on the nature of causation. According to the author, the idea of necessity should be kept behind the explanations, but no reference to necessity should be made in relation to the connection of events itself. Then certainty will be used in two different contexts: as a characteristic of explanatory judgments (then it is identical with necessity) and as a characteristic of reality (then it has nothing to do with necessity).

Keywords: determinism, causality, explanation, prediction, necessity, E. Anscombe.

Среди работ Э. Энском встречаются философские сочинения, посвященные тем или иным метафизическим вопросам. Чистая метафизика ее интересовала в незначительной степени, обычно, эту проблематику она старалась связывать либо с философией сознания, либо с философией языка. Буквально три или четыре текста Энском посвящены проблеме причинности. Содержание одного из таких текстов будет рассмотрено нами ниже. Также мы сформируем некоторые критические замечания к позиции Энском, позволяющие в целом углубить то направление философской дискуссии, которое было задано ей в работе 1981 г.

Безусловно, любая проблематизация принципа причинности не может обойти стороной скептический аргумент Давида Юма. С его точки зрения, у нас нет оснований видеть в природе наличие причинно-следственных связей,

однако, такие связи есть в нашем уме. Там присутствует идея причинно-следственного отношения, а необходимость являет собой что-то вроде «логической части» этой идеи. Она выражается в виде конъюнкции событий, одно из которых мы называем причиной, а другое – следствием, и эта конъюнкция в нашем уме стабильна и неразрушима [Hume 2000, кн. 1, ч. 3]. Однако проецировать содержимое нашего ума на природу, как полагает Юм, по меньшей мере неосмотрительно.

Как полагает Э. Энском, причинность и логическую необходимость допустимо мыслить раздельно. Она, таким образом, оспаривает стабильность – или, как она сама говорит, универсальность – данной конъюнкции, содержащейся в уме. В своей работе [Anscombe, 1981] она вначале предлагает проанализировать возможные следствия совместного рассмотрения причинности и необходимости. Так, если принцип детерминизма («всякое событие возникло вследствие какой-либо причины») соединить с логической необходимостью, то нам придется утверждать, что всё происходящее в мире, происходит в силу законов природы, которые не знают исключений. Но это утверждение не универсально: с одной стороны, оно проблематично при переходе от макромира к микромиру, с другой – не относится к миру человеческих действий. Первое ограничение, как поясняет Энском, состоит в том, что универсальность и необходимость законов природы имеет смысл лишь в рамках Ньютонской механики, точнее, в рамках механики звездного неба, т. е. вращения планет вокруг Солнца. Мир элементарных частиц заставляет нас если не расстаться с понятием необходимой причинности, то по крайней мере поставить под сомнение ее универсальность. Что же касается второго ограничения, то это традиционная для философии проблема свободы человеческой воли или, что точнее, свободы выбора. Данная свобода оказывается под угрозой, если законы природы считать универсально действующими, т. е. действующими с необходимостью.

Однако, ни первая, ни вторая линии рассуждений не становятся главными в цитируемой нами работе. Ее автора интересует другое: значения определенности, причинности, необходимости и универсальности. Следует различать, убеждает читателей Э. Энском, определенность в смысле объяснения (каждое событие может быть объяснено в связи с наличием некоего предшествующего события или нескольких) и определенность в метафизическом смысле (когда законы природы «принуждают» события происходить именно так, а не иначе). Это различие можно увидеть следующим образом. Пока некоторое событие *X* не произошло, оно не может считаться обусловленным событием *Y*, т. е. *X* не определено метафизически, однако, событие *X* может быть определено в смысле объяснения еще до того, как оно произойдет.

От чего зависит, способны мы объяснить некоторое событие или нет? – задает вопрос Энском и отвечает на него так: это зависит от того, есть ли у нас первичное знание о причинности. Это знание неявным образом усваивается нами по мере пополнения словарного запаса – через переходные глаголы

(«поджигать», «причинять боль» и пр.) или безглагольные гипотетические конструкции («инфицированный» и т. п.), но не через наблюдение реальных событий. Здесь она следует позиции Юма. Связка «причина-следствие» вовсе не так соотносится с наблюдением, утверждает философ, чтобы можно было наблюдать следствие какой-либо причины. Наблюдаем мы во всех случаях именно события. Способность объяснять связь событий обеспечивается лингвистически, а само утверждение о связи X и Y – дополнительное к утверждениям о наблюдении названных событий.

Именно наличие соответствующих языковых конструкций позволяет нам говорить о том, чего фактически нет – объяснять будущие события так, будто бы они уже произошли. Перспективное объяснение называется предсказанием или прогнозом, но Энском ничего не говорит о том, на что может опираться такое объяснение, а ведь опирается оно всегда на сходные условия, имевшие место в прошлом. Полагаю, одних только языковых способностей здесь недостаточно: если бы предсказания наши регулярно не сбывались, мы бы делали их с большей осторожностью – и может быть, эта осторожность даже получила языковую «прописку». Но на этом мы сейчас останавливаться не будем.

Проблема в другом: когда мы объясняем событие, которое лишь должно произойти, мы конструируем фиктивный объект – его нет, но мы относимся к нему так, будто бы он есть в данный момент. И этот фиктивный объект мы наделяем некоторыми свойствами. Например, если наше объяснение будущего события A , которое произойдет в момент времени t_1 , опирается на причинно-следственную связь, то верными будут такие утверждения:

- (а) событие A t_1 обладает свойством «быть следствием события Bt_0 »,
- (б) событие A t_1 обладает свойством «быть причиной события Ct_2 ».

Здесь необходимо пояснение: предположение о существовании будущего события A не исключает нашей возможности предположить также существование события C , которое произойдет по времени позднее A , и в отношении которого наилучшим объяснением будет причинно-следственное соединение его с событием A .

Но верны ли утверждения (а) и (б)? Мы ведь наделили фиктивный объект двумя реальными свойствами («быть следствием» и «быть причиной»), а кажется, что реальные свойства должны иметь реальный носитель, в противном случае соответствующие атрибутивные суждения не будут иметь истинностного значения, т.е. их нельзя считать ни истинными, ни ложными. Таким образом, мы подходим к дилемме: либо и свойства эти тоже фиктивны, либо объяснение будущих событий невозможно. В первом случае мы, оперируя фиктивными объектами и свойствами, просто переносимся в рамки какого-то нарратива, в котором есть свои соответствия и правила. Мы оказываемся в пространстве вроде художественного произведения. Но такого рода нарративы нас не интересуют, коль скоро мы изначально рассуждали о законах природы. Во втором случае мы возвращаемся к вполне очевидному принципу,

согласно которому причинно-следственное объяснение пригодно лишь для тех событий, которые уже произошли, но не для будущих, и само объяснение носит исключительно ретроспективный, но не перспективный характер.

В таком случае центральное утверждение Энском о том, что необходимость должна иметь отношение только к объясняющим то или иное событие суждениям, было бы справедливым, если бы истинность такого рода суждений не зависела от времени. Кажется, что необходимое суждение либо всегда необходимо истинно, либо всегда необходимо ложно, но если у нас нет оснований принимать в расчет объяснения будущих событий, то нет и оснований, чтобы считать объясняющие суждения истинными вне зависимости от времени. Тогда вовсе нет оснований считать, что необходимость – характеристика суждений о причинно-следственной связи явлений.

Интересно, что в другой своей работе Энском, рассуждая о некоторых аспектах фрегеанской теории значения, замечает, что даже несуществующие объекты могут обладать свойствами. Например, будущие дескрипции могут иметь свойство «быть истинными» [Anscombe, 1988]. Если использовать этот довод применительно к рассуждениям о причинно-следственных объяснениях, то удастся избежать обвинений в фиктивном характере рассматриваемых объектов и их свойств, и таким образом, реабилитировать идею необходимости, сохранив ее, как и предлагает автор, за объяснениями, но не допуская разговора о необходимости применительно к самой связи событий. Тогда и определенность будет использоваться нами в двух различных значениях: как характеристика суждений (и здесь она синонимична необходимости) и как характеристика реальности (здесь она не имеет ничего общего с необходимостью).

Список литературы / References

- Anscombe G. E. M.** Causality and Determination. In: *Metaphysics and the Philosophy of Mind*. Oxford: Blackwell. 1981. P. 133–47.
- Anscombe G. E. M.** Existence and Truth. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1988. Vol. 88. Iss. 1. P. 1–12.
- Hume D.** *A Treatise of Human Nature*. David Fate Norton and Mary J. Norton (eds.). New York: Oxford University Press. 2000.

Сведения об авторе

Беляев Максим Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина.

Max A. Belyaev – PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Sociology Department, Kutafin Moscow State Law University.

ГИЛБЕРТ РАЙЛ В ИСТОРИИ АРИСТОТЕЛЕВСКОГО ОБЩЕСТВА XX в.

А. Б. Дидикин

Институт государства и права РАН
НИУ Высшая школа экономики
Аристотелевское общество
abdidikin@bk.ru
ORCID ID: 0000-0003-0808-8900

Доклад посвящен философскому наследию Гилберта Райла и его значению для осмысления истории Аристотелевского общества в Лондоне - уникальной интеллектуальной среды, где на протяжении более чем ста лет в процессе ежегодных дискуссий философы получали возможность апробировать собственные философские идеи. Райл выступил инициатором обоснования идей лингвистической философии, ставших предметом активных дискуссий в Аристотелевском обществе в период 40-50-х гг., в том числе в период своего пребывания на посту президента Общества в 1945–1946 гг. На примере философских идей Г. Райла анализируется интеллектуальный контекст формирования лингвистической философии в XX в.

Ключевые слова: Райл, язык, контекст употребления, диспозициональные предложения, логический бихевиоризм.

GILBERT RYLE IN THE HISTORY OF ARISTOTELIAN SOCIETY OF XX CENTURY

A. B. Didikin

Institute of State and Law of the Russian Academy of Science
Higher School of Economics
Aristotelian Society
abdidikin@bk.ru
ORCID ID: 0000-0003-0808-8900

The report is devoted to philosophical legacy of Gilbert Ryle and its importance for reflecting the history of the Aristotelian Society in London - a unique intellectual environment where for more than a hundred years in the process of annual discussions, philosophers have had the opportunity to test their own philosophical ideas. Ryle justified the ideas of linguistic philosophy that became the subject of active discussions in the Aristotelian Society during the 40–50s of the XX century, especially when G. Ryle was the President of the Society in 1945–1946. On the example of the philosophical ideas of G. Ryle the author analyzes the intellectual context of the formation the linguistic philosophy in the XX century.

Keywords: Ryle, language, context of usage, dispositional statements, logical behaviorism.

В 2020 году исполняется 140 лет с момента образования в Лондоне Аристотелевского общества – объединения философов и ученых, в котором на протяжении ежегодных дискуссий обсуждались наиболее значимые философские идеи континентальной и аналитической философии. Традиции, заложенные первым президентом Общества, английским философом Ш. Ходжсоном (1880–1894 гг.), состояли в том, чтобы по итогам дискуссий результаты публиковались для широкого доступа общественности в специальном издании – «Труды Аристотелевского общества». История развития Общества в XX столетии свидетельствует, что практически каждое направление аналитической философии получило свое обоснование в ходе дискуссий на заседаниях Аристотелевского общества. Существующие исследования посвящены в

основном раннему периоду функционирования Аристотелевского общества [Nasym; Юрьев, 2018], однако систематический анализ публикаций докладов в «Трудах Аристотелевского общества» позволяет раскрыть характер дискуссий относительно «лингвистического поворота» и формирования таких концепций как теория речевых актов Дж. Л. Остина и «логического бихевиоризма» Г. Райла.

Г. Райл в порядке ежегодной ротации выступал президентом Аристотелевского общества в 1945-1946 гг., опубликовав в качестве доклада для дискуссии *Knowing How and Knowing That* [Ryle, 1946], ставший в дальнейшем разделом его классической книги *Понятие сознания* [Райл, 1999]. Однако активным участником дискуссий в Аристотелевском обществе он стал намного раньше. Еще в 1932 г. в Трудах Общества был опубликован его доклад *Systematically Misleading Expressions* [Ryle, 1932], а позднее в 1938 г. – статья *Categories* [Ryle, 1938].

Рассуждая о бихевиористском подходе к пониманию природы сознания, Райл отмечал, что «глаголы, существительные и прилагательные, с помощью которых мы в повседневной жизни описываем способности, черты характера и сложные виды поступков окружающих нас людей соотнести с реальными способностями, чертами характера, поступками людей внешний наблюдатель не может, по крайней мере, до такой степени, чтобы данные комментарии «имели хоть малейший признак истинности» [Райл, 1999. С. 25]. Ключевой тезис Райла состоит в том, что работу сознания не следует описывать как комплекс каких-то точечных операций, а скорее нужно понимать в контексте наблюдаемого человеческого поведения. Сознание определяется действиями субъекта, а не конструированием метафизических сущностей.

Отсюда возникает вопрос – может ли один человек сквозь призму своего сознания понять другие сознания? Райл отмечает, что «любой, кто умеет играть в шахматы, уже понимает многое из того, что предпринимают другие игроки, а недолгое изучение геометрии позволяет простому мальчишке проследить значительную часть рассуждений Евклида» [Райл, 1999. С. 61]. Тем самым обучение правилам и наблюдение за повторяющимся поведением других людей указывает на то, что «не существует и метафизического глазка, через который мы непрерывно подглядываем и понимаем самих себя, хотя на основе повседневного поведения в общественной и частной жизни мы выучиваемся объяснять самим себе свои мотивы и действия» [Райл, 1999. С. 181]. Так как каждый человек может проследить отношения между своим личным опытом и внешними действиями, то можно провести аналогию и понять действия других людей. С помощью особых *диспозициональных утверждений*, по мнению Райла, следует описывать и толковать ментальные предикаты, не как внутренние, ненаблюдаемые, таинственные процессы и события, а как предрасположенность и способность к совершению действий, которые мы можем наблюдать.

Основной тезис Г. Райла о возможности анализа ментальных состояний субъекта через интерпретацию его поведения, станет исключительно важным для аналитической философии права [Stout, 2003]. Как человек мыслит, так он и действует. Так, например, если следователь осуществляет осмотр места происшествия, нотариус заверяет подлинность составленных документов, а судья приводит аргументы для принятия законного судебного решения, им не требуется для принятия правового решения вся совокупность причинно-следственных связей в природе, или объяснение того, что поведение человека полностью детерминировано, либо он не свободен, ибо не может контролировать ментальные процессы в сознании.

Список литературы / References

- Райл Г.** Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.
- Юрьев Р. А.** Значение Аристотелевского общества для развития аналитической философии. К вопросу о возникновении и развитии научных школ. *Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление*. 2018. № 3. С. 91–103.
- Nasim Omar W.**, ed. The Emergence of Analytic Philosophy and a Controversy at the Aristotelian Society: 1900–1916. The Virtual Issue. Aristotelian Society. URL: https://academic.oup.com/aristotelian/pages/virtu-al_issue_two_introduction.
- Ryle G.** Systematically Misleading Expressions. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1931–1932. 1932. Vol. 32. P. 139–170.
- Ryle G.** Categories. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1937–1938, 1938. Vol. 38. P. 189–206.
- Ryle G.** Knowing How and Knowing That: The Presidential Address. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1945–1946. 1946. Vol. 46. P. 1–16.
- Stout R.** Ryle's Behaviourism. *Revue Internationale de Philosophie*. 2003. Vol. 57. № 223 (1). P. 37–49.

Сведения об авторе

Дидикин Антон Борисович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, и.о. заведующего сектором философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН, профессор факультета права НИУ ВШЭ (Москва), член Аристотелевского общества (Великобритания).
Anton B. Didikin – D.Sc., Leading Researcher, Head of Department of Legal Philosophy, Legal History and Legal Theory, Institute of State and Law of Russian Academy of Science; Professor, Department of Law, Higher School of Economics, Moscow, member of Aristotelian Society (UK).

ДЖОРДЖ ЭДВАРД МУР В ИСТОРИИ АРИСТОТЕЛЕВСКОГО ОБЩЕСТВА XX ВЕКА

А. В. Нехаев

Тюменский государственный университет
Омский государственный технический университет
Томский научный центр СО РАН
a.v.nekhaev@utmn.ru
ORCID ID: 0000-0003-1358-743X

*Джордж Эдвард Мур – самый яркий представитель британского неореализма. На протяжении первой половины XX века он оставался несомненным лидером этого философского течения, органичным и плодотворным образом сочетавшего в себе элементы классического британского эмпиризма с новыми оригинальными инструментами концептуального анализа выражений обыденного языка. На примере новаторских идей в области моральной философии, изложенных Дж. Э. Муром в *Principia Ethica*, анализируется интеллектуальный контекст формирования философской метаэтики в XX в.*

Ключевые слова: Мур, моральная философия, метаэтика, аргумент открытого вопроса.

GEORGE EDWARD MOORE IN THE HISTORY OF ARISTOTELIAN SOCIETY OF XX CENTURY

A. V. Nekhaev

Tyumen State University
Omsk State Technical University
Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of RAS
a.v.nekhaev@utmn.ru
ORCID ID: 0000-0003-1358-743X

*George Edward Moore is the brightest philosopher of British neo-realism. During the first half of XX century he remained the undisputed leader of this philosophical movement, which organically and fruitfully combined elements of classical British empiricism with new original tools for the conceptual analysis of ordinary language expressions. By the example of innovative ideas in moral philosophy, outlined by G.E. Moore in *Principia Ethica*, there is analyzed the intellectual context of the formation of philosophical metaethics in the XX century.*

Keywords: Moore, moral philosophy, metaethics, open question argument.

История моральной философии XX в. открывается знаменитым исследованием Джорджа Эдварда Мура *Principia Ethica* (1903 г.) [Мур, 1984]. Именно эта работа, скромного по философским меркам объема, подготовила почву для появления новых оригинальных исследований языка этики и значения нормативных понятий [Darwall& Gibbard&Railton, 1992. Р. 115; Baldwin, 1999. Р. 66].

Мур считает, что принципы этики должны опираться на *понятие простого неприродного морального свойства* [Мур, 1984. С. 79; Moore, 1993. Р. 13–15]. Чтобы подкрепить свои взгляды, он проводит аналогию между моральными свойствами и нашим понятием цвета. По мнению Мура, наглядным примером того, что мы могли бы называть «простым понятием», служит понятие желтого цвета, ведь такое понятие нельзя объяснить в терминах каких-

либо других понятий или свойств [Мур, 1984. С. 63–64]. Сложные понятия, напротив, допускают дальнейший анализ, – например, если взять понятие лошади в качестве образца сложного свойства, в рамках анализа его можно будет разложить на сумму определений, включающих в себя более простые понятия, обозначающие совокупность свойств, которыми в природе обычно обладают реальные лошади [Мур, 1984. С. 64]. Понятие желтого цвета, однако, не допускает дальнейшего анализа, его невозможно объяснить тому, кто не имел реального визуального опыта, связанного с восприятием объектов, окрашенных в желтый цвет. Именно поэтому понятие желтого цвета является простым, которое в ходе анализа нельзя разбить на какие-либо составные части [Мур, 1984. С. 67; Soames, 2003. Р. 38]. То, что мы *видим как* желтое – это просто желтый цвет и более об этом цвете нам сказать нечего. Согласно взглядам Мура, это в равной степени верно и в отношении всего того, что мы могли бы назвать «моральными свойствами» [Мур, 1984. С. 63]. Никакое моральное свойство (например, понятие блага) нельзя посредством *правильного анализа* свести к каким-либо неморальным (природным или даже метафизическим) свойствам, ведь в противном случае, оно не было бы подлинным примером простого понятия [Moore, 1993. Р. 9; Feldman, 2019. Р. 37, 40].

По мнению Мура, вся прежняя моральная философия была основана на подобной натуралистической ошибке – представлении о том, что понятие блага на самом деле является тождественным некоторым природным (неморальным) свойствам и поэтому оно может стать объектом нашего анализа [Мур, 1984. С. 626 67–68; Moore, 1993. Р. 5; Baldwin, 1999. Р. 69–70; Feldman, 2019. Р. 41–48]. Для надежного обоснования своих этических взглядов Мур прибегает к помощи так называемого «аргумента открытого вопроса». Он применяется Муром как своеобразный практический тест и опирается на наши общие интуиции в отношении значения слов, которые мы обычно используем для выражения моральных свойств, показывая, что любое возможное определение для понятия блага в действительности не работает. Например, мы можем вполне разумно предположить, что подлинное благо (*G*) заключается в стремлении к удовольствиям (*P*), – т. е. считать, что $G = df P$. Если мы согласны с таким определением, тогда замена в наших моральных высказываниях «блага» (*G*) на «удовольствие» (*P*) никак не должна влиять на их значение. Тем не менее, на конкретных примерах легко убедиться, что это вовсе не так. Скорее напротив, мы убеждаемся, что всякая такая замена меняет исходное значение наших моральных высказываний. Допустим, мы интуитивно согласны с высказыванием (*PI*) «Вкусная пища приносит удовольствие», а значит имеем, казалось бы, все основания утверждать, что (*G2*) «Вкусная пища – это благо». Нетрудно заметить, однако, что «стремление к удовольствиям» в (*PI*) имеет иное значение, нежели «благо» в (*G2*), поскольку, даже если мы интуитивно принимаем истинность (*PI*), мы могли бы разумно и оправдано задать вопрос «Является ли благом вкусная пища?». Иными словами, мы можем знать, что (*PI*) истинно, в то время как

истинность ($G2$) остается для нас открытым вопросом. Истинность ($P1$) не делает высказывание ($G2$) тривиальным фактом, поскольку мы видим, что эти высказывания имеют разные значения. И оправданные подозрения в том, что моральные высказывания ($P1$) и ($G2$) в действительности не означая одного и того же, открыто свидетельствуют против нашей исходной веры в обоснованность определения блага как стремления к удовольствиям [Мур, 1984. С 73–75; Soames, 2003. Р. 45–62; Feldman, 2019. Р. 31–37]. По мнению Мура, какие бы в конечном счете определения для понятия блага мы не предложили, пытаясь редуцировать понятие блага (G) к некоторому неморальному (природному или метафизическому) свойству X , вопрос «Действительно ли это X есть благо (G)?» всегда останется открытым и осмысленным. Вполне очевидно, что этот вопрос было бы неразумно задавать, если бы нам все же удалось подыскать верное определение для понятия блага (G), успешно редуцирующее его каким-либо неморальным (природным или метафизическим) свойствам.

Аргумент открытого вопроса можно представить в виде следующей формальной структуры:

- (OQA1) Термины ' G ' и ' X ' обозначают одно и то же свойство, если и только если они являются по своему значению синонимами.
- (OQA2) Термины ' G ' и ' X ' не являются синонимами во всех тех случаях, когда вопрос «Являются ли G -объекты X ?» оказывается закрытым (бессмысленным), а вопрос «Являются ли X -объекты G ?» остается открытым (осмысленным).
- (OQA3) Если ' G ' есть «благо», тогда при любом натуралистическом понимании значения термина ' X ' вопрос «Являются ли X -объекты G ?» остается открытым (осмысленным).
- ∴ (OQA4) Благо (G) не является тождественным никакому природному свойству (X).

При помощи этого аргумента Мур вскрывает характерные особенности нашего интуитивного понимания феноменов морали, равно как и семантические возможности традиционных этических словарей, используемых для их описания. Ведь если бы, например, наш анализ понятия блага действительно оказался правильным, любые вопросы в отношении этого морального свойства были бы, в конечном счете, либо сняты, либо казались бессмысленными, поскольку в результате такого анализа мы должны были бы получить корректное определение в терминах, значение которых *синонимично* понятию блага, – т. е. $G = df X$, где X есть описание некоторого неморального (природного или метафизического) свойства тождественного тому, что мы интуитивно принимаем в качестве подлинного блага.

Этические взгляды Мура можно суммировать в следующих принципах: (Э1) благо, обладающее внутренней ценностью, является простым неприродным моральным свойством и не может быть определено нами при помощи каких-либо других неморальных (природных или метафизических) свойств; (Э2) обладая в силу этого уникальным статусом, простое понятие блага служит независимым объектом этического знания, определяющим его подлинные границы.

Список литературы / References

- Мур Дж. Э. *Принципы этики* / Пер. с англ. Л. В. Коноваловой. М.: Прогресс, 1984. 326 с.
- Baldwin T. G. E. Moore. London: Routledge, 1999. 338 p.
- Darwall S., Gibbard A., Railton P. Toward Fin de Siècle Ethics: Some Trends. *The Philosophical Review*. 1992. Vol. 101, no. 1. P. 115–189.
- Feldman F. The Naturalistic Fallacy: What It Is, and What It Isn't. *The Naturalistic Fallacy* / Ed. N. Sinclair. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2019. P. 30–53.
- Moore G. E. Preface to the Second Edition. *Principia Ethica: Revised Edition* / Ed. T. Baldwin. Cambridge: Cambridge Uni. Press. 1993. P. 1–27.
- Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*. Vol. 1: The Dawn of Analysis. Princeton: Princeton Uni. Press, 2003. 412 p.

Сведения об авторе

Нехаев Андрей Викторович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета, профессор кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета, научный сотрудник Томского научного центра СО РАН.

Andrei V. Nekhaev – DSc., Professor of Philosophy Department, Tyumen State University; Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University; Research Associate of the Laboratory of Logical and Philosophical Studies, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences.

УДК 1 (091)

doi:10.47850/S.2020.1.23

ЗНАЧЕНИЕ *SATURDAY MORNING MEETINGS* ДЖ. Л. ОСТИНА ДЛЯ «КОНТИНУИТЕТА» ОКСФОРДСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В. В. Оглезнев

Санкт-Петербургский государственный университет

Бременский университет

Аристотелевское общество

vitaly.ogleznev@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0287-6543

Доклад посвящен истории и значению, так называемых, *Saturday Morning Meetings*, – научного семинара, который Джон Лэнгшо Остин (президент Аристотелевского общества в 1956–1957 гг.) организовал в 1947 г. в Оксфордском университете для развития оксфордской философии. Идеи, которые обсуждались на этих неформальных встречах, впоследствии получили серьезное развитие в философской литературе, а многие участники семинара стали всемирно известными философами. Успех *Saturday Morning Meetings* можно объяснить тем, что это была не формализованная университетская институция, а сообщество единомышленников, которые считали, что только через совместное обсуждение возможно прояснение и решение философских проблем.

Ключевые слова: Остин, оксфордская философия, научное сообщество.

THE SIGNIFICANCE OF J. L. AUSTIN'S *SATURDAY MORNING MEETINGS* FOR «CONTINUITY» OF OXFORD PHILOSOPHY

V. V. Ogleznev

Saint Petersburg State University
University of Bremen
Aristotelian Society
vitaly.ogleznev@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0287-6543

I will try to focus in my talk on the history and significance of the so-called Saturday Morning Meetings—a scientific seminar that John Langshaw Austin (President of the Aristotelian society 1956-1957) organized in 1947 at the University of Oxford—for the development of Oxford philosophy. The ideas that were discussed at these informal meetings were subsequently seriously developed within the philosophy literature, and many participants of the seminar became world-famous philosophers. The success of the Saturday Morning Meetings can be explained by the fact that it was not a formalized University institution, but a community of like-minded people who believed that only through joint discussion philosophical problems could be clarified.

Keywords: Austin, Oxford philosophy, scientific community.

Осенью 1947 года Джон Лэнгшо Остин (президент Аристотелевского общества в 1956–1957 гг.) запускает, пожалуй, свой самый главный проект, который на долгие годы станет визитной карточкой оксфордской философии, – *Saturday Morning Meetings*. Это был еженедельный семинар, заседания которого проходили по субботам в течение всего учебного года, сначала в кабинете Дж. Л. Остина в оксфордском Магдален-Колледже, а затем и в других колледжах Оксфордского университета [Warnock, 1973. Р. 31–32]. Важно отметить, что это был семинар не в прямом смысле этого слова как некое формально-организованное институциональное образование с определенными педагогическими целями и задачами. *Saturday Morning Meetings* правильнее было бы называть свободной дискуссионной площадкой, клубом любителей философии. По задумке Дж. Л. Остина он предназначался не для профессоров философии, а прежде всего для молодых преподавателей философии, поэтому он иногда называл этот семинар *The Teaching Hacks*. Идея состояла в том, чтобы, с одной стороны, отвлечь молодых коллег от утомительной лекционной работы (которая в те годы занимала большое количество времени) и зарядить их интеллектуальной энергией, а, с другой стороны, чтобы они затем транслировали идеи, которые обсуждались на этих семинарах, своим студентам [Lacey, 2004. Р. 134–135]. Этот «круговорот» идей и можно считать в некотором смысле «континуитетом» оксфордской философии: обсуждая сложные философские вопросы в кругу единомышленников, начинаешь не только лучше понимать их содержание и возможные следствия, но и яснее объяснять их студентам, которые как бы начинают участвовать в их обсуждении. Все это стало возможным благодаря убежденности Дж. Л. Остина, что только «через совместное обсуждение, уделяя особое внимание деталям, возможен поэтапный прогресс в решении философских проблем» [Hart, 1972. Р. 47].

Поначалу правила участия в работе семинара были очень строгие – список участников был ограничен и составлялся лично Дж. Л. Остином. В первые недели семестра почти каждого учебного года участники получали от Остина маленькие записки, где указывалось, когда и где будут проходить встречи. На первом заседании утверждались вопросы, которые планировалось обсудить в течение предстоящего семестра, если только не продолжалось обсуждение вопросов предыдущего семестра [Warnock, 1973. P. 31]. Позднее правила смягчились, и приглашаться уже стали все желающие, если у них был интерес к обсуждаемым темам. На семинарах рассматривались и горячо обсуждались (в основном критически) разные философские вопросы, анализировались как отдельные фрагменты, так и целые философские тексты, такие как «Никомахова этика» Аристотеля, «Основоположения арифметики» Г. Фреге, «Синтаксические структуры» Н. Хомского, «Феноменология восприятия» М. Мерло-Понти и «Философские исследования» Л. Витгенштейна.

Многие участники этих субботних встреч впоследствии стали известными философами, а некоторые из них президентами Аристотелевского общества, например, Г. Л. А. Харт (президент в 1959–1960 гг.), П. Ф. Стросон (президент в 1969–1970 гг.), Р. М. Хэар (президент в 1972–1973 гг.). Регулярными участниками, помимо уже указанных, были М. Дик, Г. П. Грайс, С. Гэмпиш, П. Ноуэлл-Смит, Дж. Э. Пол, Д. Пэрс, Дж. Урмсон, Дж. Уорноки Э. Вузли.

Список литературы / References

- Warnock G. J.** “Saturday Mornings”, in *Essays on J. L. Austin*. Oxford: Clarendon Press, 1973. P. 31–45.
- Lacey N.** *A Life of H. L. A. Hart: The Nightmare and the Noble Dream*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Hart H. L. A.** “John Langshaw Austin”, in *Dictionary of National Biography 1951–1960*. Ed. by E.T. Williams and Helen M. Palmer. Oxford: Oxford University Press, 1972. P. 46–48.

Сведения об авторе / Information about the author

Оглезнев Виталий Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), приглашенный исследователь юридического факультета Бременского университета (Бремен, Германия), член Аристотелевского общества (Лондон, Великобритания)

Vitaly V. Ogleznev – D.Sc., Professor at the Department of the Theory and History of the State and Law, State University (Saint Petersburg, Russia), Visiting Scholar, Law School, University of Bremen (Bremen, Germany), Member of the Aristotelian Society (London, UK)

СВОБОДНЫЙ ПРАВОВОЙ ВЫБОР В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Д. Г. Тринитка

НИУ Высшая школа экономики

d.trinitka@hse.ru

ORCID ID: 0000-0003-2254-6170

В статье анализируется понятие «свободы выбора» через призму осуществления правового выбора, затрагивая философские, в том числе гносеологические способы познания реальности. Автор рассматривает механизм принятия правового решения, основываясь на ценностном подходе, рассматривая современные реалии совершения правового выбора в цифровую эпоху.

Ключевые слова: свобода правового выбора, цифровая эпоха, ценностный подход, свобода выбора.

THE FREEDOM OF LEGAL CHOICE IN THE DIGITAL AGE

D. G. Trinitka

National Research University Higher School of Economics

d.trinitka@hse.ru

ORCID ID: 0000-0003-2254-6170

The article analyzes the concept of “freedom of choice” through the prism of legal choice, affecting the philosophical, including epistemological, methods of cognition of reality. The author considers the legal decision-making mechanism based on the value approach, examining the modern realities of making legal choices in the digital age.

Keywords: freedom of legal choice, digital age, value approach, freedom of choice.

Человек сталкивается с принятием решения при выборе двух или более вариантов развития событий ежедневно в своей жизни. Без совершения выбора невозможно представить современную жизнь человека, как в гносеологическом плане, так и в поле социального действия. Правовой выбор достаточно часто выражается не только в акте подписания какого-либо договора, но и в простых действиях в интернете. Например, регистрация в социальной сети, просмотр сериала или покупка в онлайн магазине. Порой некоторые действия правового субъекта даже не осознаются им самим, хотя в правовом поле бездействие также является выбором социального действия.

В настоящее время в науке понятие «свобода правового выбора» является малоизученным в силу того, что используя данный термин, ученые-правоведы в большинстве апеллируют к свободе выбора договора и связывают принятие правового решения с экономической эффективностью и, следовательно «использованием» права для формирования устойчивых социально-экономических отношений, но забывают о том, что понятие свободы, в первую очередь философская категория, которое многогранно по своей сути и раскрывает себя во всех сферах жизни общества, в том числе и в правовой сфере, где она определяет все векторы и грани развития права.

Из этого вытекает закономерный вопрос: каким образом происходит свободный выбор человека? Как известно, что происходит в мире, то происходит в человеческом сознании, так как выводя субъект за рамки познания, невоз-

можно выстроить стройную гносеологическую систему. С позиций нейронауки, дать ответ на этот вопрос достаточно сложно, так как до сих пор не выявлен механизм формирования мозговой деятельности и его корреляции с сознанием человека. В настоящее время также имеет место роль дискуссии о том, определяет ли сам человек свой выбор или только мозг, который мы привыкли воспринимать в качестве нашего помощника, удивительной машины, которая способствует нашей деятельности [Узланер, 2020. С. 3]. Однако такое восприятие мозга может быть обманом: последние исследования в сфере нейрофизиологии показывают, что мозг принимает решение за 30 секунд до того, как сознание получает и обрабатывает такой импульс. Это значит, что все прошлые философские мысли о свободе воли необходимо пересматривать и само существование свободы выбора ставится под сомнение [Черниговская, 2012].

Рассматривая необходимость принятия правового решения, возникает вопрос: на основании чего оно строится? Стоит остановиться на ценностном подходе, так как именно благодаря этому механизму субъект выбора отделяет желаемое от нежелаемого, порождая тем самым свое социальное пространство, в рамках которого он существует. Однако подходы философов к определению понятия «ценность» разительно отличаются. Одни связывают ценность с психологической деятельностью субъекта, то есть какие эмоции, желания, интенции которые корреспондирует объект субъекту. Чем более желателен/эмоционально приятен/привлекателен исход, который ведет за собой выбор, тем более вероятнее он случится. Другие утверждают, что понятие «ценность» существует в объективном мире, вне зависимости от человека. Также существует точка зрения о том, что ценность необходимо понимать как качество самого лица или предмета выбора.

Таким образом, на предопределение выбора влияет множество факторов, которые в совокупности принято называть мотивацией субъекта. В свою очередь мотивация может быть разделена на 2 категории: субъективная и объективная. Субъективные факторы зависят от конкретного человека, его системы ценностей, убеждений, взглядов, которые у разных индивидуумов разные. Объективные факторы, влияющие на телеологический процесс, включают в себя социальное поле действия – условия, в которых принимается выбор, в том числе такие институциональные механизмы как право. Но перед нам встает очевидный вопрос: возможно ли такой выбор назвать свободным, если он заранее предопределен, в том числе правовыми рамками?

Интересным аспектом в современную цифровую эпоху представляет собой осуществление правового выбора в интернет-пространстве. Так, например, скачивая приложение или регистрируясь в социальной сети, субъект правовой деятельности не задумывается, что своими действиями он совершает правовой выбор. С развитием технологий многие действия людей дегенирируются, упрощаются – для чего раньше необходимо было тратить определенное время, сейчас уходит всего несколько секунд. Поставил галоч-

ку в строке «Подтвердите, что вам исполнилось 18 лет», и ты уже обладаешь полной правосубъектностью в интернете. Открываешь приложение одним касанием иконки, и ты становишься стороной пользовательского соглашения, которая обладает определенными правами и обязанностями.

В настоящее время некоторые интернет-сервисы пытаются подстраиваться под реалии современной жизни. Например, при регистрации на сайте Airbnb или Яндекс. Драйв пользователь проходит контроль, связанный с использованием услугами по аренде недвижимости или автомобиля, то есть достаточно серьезными сделками, которые имеют высокую стоимостную оценку. Однако это всего лишь малая толика всего интернет-пространства, на котором ежесекундно заключается огромное количество сделок, не говоря уже, например, о даркнете, который неподконтролен ни одной стране, что, безусловно, влечет опасность для всего мирового сообщества.

Правовой выбор в современных условиях обязан быть осознанным и верифицируемым с точки зрения контролирующих органов, которые точно также должны быть законными в онлайн, как и в оффлайн. Это может рассматриваться некоторыми как отсутствие свободы, свободного выбора, однако мы с ними не согласимся. Так как ограничения – это институт, который позволяет оставаться свободными, соблюдая «условия игры», т.е. общественного уклада, который строится на принципах законности и справедливости.

Таким образом, можно сказать о том, что правовой выбор на данном этапе исторического развития, свободен. Несмотря, а даже благодаря тому, что существует множество детерминант-условий, предшествующих совершению правового выбора, без которых невозможно реализовать полноценное существование развитого демократического правового общества, в котором индивидуумы обладают не только правами, но и обязанностями. Однако до сих пор остается не до конца определенным междисциплинарный феномен принятия правового решения с точки зрения нейронаук, который предстает нам выяснить в будущем.

Список литературы/References

- Узланер Д. Нейропсихоанализ и его концептуальные проблемы. *Социология власти*. М., 2020. Вып. 12. С. 48–72.
- Черниговская Т. В. Свобода воли и нейроэтика. Лекция нейролингвиста Татьяны Черниговской. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/selected/entry/55396/>
- Berlin I., 1969, 'Two Concepts of Liberty', in I. Berlin, *Four Essays on Liberty*, London: Oxford University Press. New ed. in Berlin 2002.

Сведения об авторе

Тринитка Дарья Геннадьевна – аспирант НИУ Высшая школа экономики, научный руководитель д.ф.н., к.ю.н. профессор А. Б. Дидикин. Место работы – факультет гуманитарных наук НИУ ВШЭ, специалист по учебно-методической работе, e-mail: d.trinitka@hse.ru

Trinitka Darya Gennadievna – postgraduate student of the Higher School of Economics National Research University. Place of work - Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, specialist in educational and methodological work, e-mail: d.trinitka@hse.ru

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГЕРОИ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА: Ш. ХОДЖСОН И ДЖ. Ф. СТАУТ

Р. А. Юрьев

Томский государственный университет
yuriev2003@mail.ru

Доклад посвящен малоисследованным, но в то же время достаточно примечательным философам и президентам раннего Аристотелевского общества Ш. Ходжсону и Дж.Ф. Стауту. Творчество Ш. Ходжсона, будучи практически неизвестным в философской историографии, тем не менее, породило достаточно интересную дискуссию по вопросу его места в возникновении феноменологического движения. Дж. Ф. Стаут так же интересен, но тем, что являясь одним из преподавателей у Дж. Э. Мура и Б. Рассела, последним был достаточно спорно отнесен к сторонникам идеалистического направления британской философии XIX-XX вв. На данный момент имеются немногие современные исследования, в которых рассматривается влияние Дж.Ф. Стаута на возникновение аналитической философии. В докладе будет рассмотрена метафилософская роль «здорового смысла» у Дж.Ф. Стаута.

Ключевые слова: Аристотелевское общество, Ш. Ходжсон, Дж.Ф. Стаут, здравый смысл, феноменология.

UNKNOWN HEROES OF PHILOSOPHICAL DISCOURSE: S. HODGSON AND G.F. STOUT

R. A. Yuriev

Tomsk State University
yuriev2003@mail.ru

S. Hodgson and G.F. Stout were remarkable, but insufficiently studied philosophers and presidents of the early Aristotelian society. The report is about their conceptions which despite almost unknown in the contemporary philosophy make us pay attention to them. For example S. Hodgson's philosophy was the subject of discussion about its place in the phenomenological movement. G. F. Stout's philosophy is interesting not only because he was the G. E. Moore's and B. Russel's lecturer. His philosophy was arguably ascribed to idealistic direction in British philosophy of XIX-XX century. There are few contemporary studies where the influence of G. F. Stout on the emergence of analytical philosophy is considered. The report will consider the metaphilosophical role of "common sense in G. F. Stout's philosophy.

Keywords: Aristotelian Society, S. Hodgson, G.F. Stout, common sense, phenomenology.

Британский философ Ш. Ходжсон, будучи первым президентом общества, был одним из главных действующих лиц Аристотелевского общества в его раннем периоде. Его первым президентским посланием был доклад «Философия в отношении к собственной истории» 11 октября 1880 года [Hodgson, 1882]. По мысли Ш. Ходжсона Аристотелевское общество должно учитывать разнообразные интересы и направления в философии. Именно благодаря ему новый круг интеллектуалов Общества будет декларировать, что не будет присоединяться ни к одной философской школе и направлению.

Относительно конца XIX – нач. XX века речь скорее следует вести о спорах между Ш. Ходжсоном и его современниками (особенно Дж. Ф. Стаутом), как правило, разворачивавшихся на страницах журналов *Mind* и выпусков Аристотелевского общества. После его смерти в 1912 г. его имя практически не

упоминалось в научных текстах, что наверняка связано с эволюцией британской интеллектуальной арены и возникновением аналитической философии.

Существуют исследования Холли Андерсена и Рика Груша [Andersen, Grush, 2009], где утверждается, что родоначальник феноменологии Э. Гуссерль был знаком с его работами и, возможно, находился под их определенным влиянием как непосредственно, так и опосредованно через работы У. Джеймса. По мнению авторов, это влияние Ш. Ходжсона хорошо объясняется и тем, что к началу 1905 г. Э. Гуссерль активно занимался проблемой сознания и готовил лекции по этой теме. Более того, они приводят определенные места в «Метафизике опыта», которые концептуально схожи с базовой идеей феноменологии – феноменологической редукции. Если нет прямых исторических свидетельств и ссылок самого Э. Гуссерля на работы британского философа, то Х. Андерсен и Р. Груш это связывают с тем, что работы по феноменологии внутреннего сознания времени готовились как лекции, а не в качестве текста для публикации. Поэтому возможно, что он при подготовке к лекциям читал в журнале *Mind* полемику между Ш. Ходжсоном и Дж.Ф. Стаутом по проблемам времени, а в его заметках к конспектам часто находились большие цитаты, без какого-то ни было указания источника. Отсюда, если говорить об исполнении своего замысла, то авторы называют Ш. Ходжсона «невоспетым героем», а то, что он полностью забыт – скандально. По этому вопросу можно так же обратить внимание на работы С. Спикера [Spicker, 1971; Spicker, 1973].

Джордж Фредерик Стаут был президентом Аристотелевского общества дважды (в 1899–1904 и 1938–1939 годы). Б. Рассел относит Дж. Ф. Стаута наряду с Дж. Э. МакТаггартом к идеалистическому направлению в философии, но причины данного отнесения, возможно, лежат не в теоретической плоскости, а скорее в их сложном личном общении. Здесь А. Уркхарт [Urquhart, 1994] указывает на обстоятельства опубликования расселловской статьи «О значении» в *Mind*, где Дж.Ф. Стаут был долгое время главным редактором.

Если в начале века основные дискуссии Дж. Ф. Стаута проводились с Ш. Ходжсоном, то в 30-е годы вернулся из Вены А. Айер, ставший одним из проводников идей логического позитивизма. Известно, что А. Айер опубликовал «Язык, истину и логику» после знакомства в Вене с идеями логического позитивизма Венского кружка. Именно А. Айер в Оксфорде активно распространял идеи логического позитивизма. В 40-е годы XX в. между А. Айером и Дж. Остином началась острая дискуссия по вопросу так называемых «чувственных данных». При Дж. Ф. Стауте не остался в стороне от дискуссий по феноменализму [Stout, 1938], о чем указывает Дж. Пассмор [Пассмор, 1998].

В первом президентском докладе 1900 года «Материальная вещь в представлении здравого смысла» [Stout, 1900] можно обнаружить идею метафилософской роли «здравого смысла», выступающем арбитром адекватности философских теорий. Пусть даже у Дж. Ф. Стаута внимание к языку факуль-

тативно в отличии от Дж. Э. Мура, которого можно отнести с полным правом к философам языка, что нельзя сделать относительно его учителя. Тем не менее, принципиальное доверие к «доксическим» очевидностям, отталкиваясь от которых философские взгляды предшественников проходят проверку на прочность, а не наоборот, когда изначальное сомнение в них дает в сухом остатке первопринципы философских спекуляций, позволяет судить о преемственности их подхода к «здравому смыслу» в общем и широком ключе. Мария ван дер Шаар [Schaar, 2013] пишет, что Дж. Э. Мур внимательно читал работы Дж.Ф. Стаута и «книги, что Мур рекомендовал своим студентам, будучи лектором, были «Аналитическая психология» (1896) и «Руководство по психологии» (1898)». Таким образом, можно говорить о том, что период возникновения аналитической философии является сложным историко-философским феноменом, а его исследование позволит избежать историко-философских клише и упрощений, противопоставляющих «британский идеализм» и «аналитическую философию» и упуская из виду вполне определенные аспекты генезиса последней.

Список литературы / References

- Пассмор Дж.** Сто лет философии. М.: Прогресс-Традиция, 1998.
- Andersen H., Grush R.** A Brief History of Time-Consciousness: Historical Precursors to James and Husserl. Andersen, Holly and Grush, Rick. *Journal of the History of Philosophy*, 2009. 47 (2).
- Hodgson S.** Philosophy In Relation To Its History. *The Journal of Speculative Philosophy*, 1882. Vol. 16 (3).
- Spicker S.** Shadworth Hodgson's Reduction as an Anticipation of Husserl's Phenomenological Psychology. *Journal of the British Society for Phenomenology*, May 1971.
- Spicker S.** The fundamental constituents of consciousness: Process-contents and the Erlebnisstrom. *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1973. Vol. 6.
- Stout G. F.** Phenomenalism: The Presidential Address. *Proceedings of the Aristotelian Society*, New Series, 39.
- Stout G. F.** Presidential Address: The Common-Sense Conception of a Material Thing. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1900. Vol. 1.
- Urquhart A. G. F.** Stout and the Theory of Descriptions. *Russell: The Journal of Bertrand Russell Archives*. 1994. 14 (2).
- van der Schaar M.** G. F. Stout and the Psychological Origins of Analytic Philosophy. Palgrave Macmillan. 2013.

Сведения об авторе

- Юрьев Роман Александрович** – кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии и логики Томского государственного университета.
- Yuriev Roman A.** – CSc in Philosophy, assistant professor. National Research Tomsk State University.

И С Т О Р И Я   Ф И Л О С О Ф И И

УДК 1(091)
doi:10.47850/S.2020.1.26

СТРАТАГЕМНОЕ МЫШЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ XVI–XVII ВЕКОВ

Т. Г. Завьялова

Новосибирский государственный университет
sunjing2006@yandex.ru

В статье решается проблема возможности теоретического освоения стратагемного мышления сторонниками конфуцианства. Выявлено, за счет изменения каких ценностей стратагемное мышление и поведение стали оцениваться ими как допустимые и эффективные. В качестве основных причин рассматриваются формирование философского синкретизма, усиление позиций индивидуализма и практицизма в общественном и индивидуальном сознании, формирование принципиально новой модели социального успеха.

Ключевые слова: китайская философия, Ван Янмин, стратагема, стратагемное мышление.

STRATAGEMIC THINKING IN THE CONTEXT OF CHINESE PHILOSOPHY OF THE 16th-17th CC.

The article solves the problem of the possibility of theoretical development of stratagem thinking by the supporters of Confucianism. It was revealed, due to the change in which values, stratagem thinking and behavior began to be assessed by them as acceptable and effective. The main reasons for these processes are the formation of philosophical syncretism, the strengthening of the positions of individualism and practicality in the public and individual consciousness, the formation of a fundamentally new model of social success.

Keywords: Chinese philosophy, Wang Yangming, stratagem, stratagem thinking.

В китайской культуре специализированных трактатов, посвященных стратагемному мышлению, немного. Как правило, это сочинения по военной стратегии и дипломатии или отдельные главы из них. Большую их часть ассоциируют с даосской традицией, или с сочинениями эклектического характера [Нань Хуайцзинь, 1996]. В начале XVII в. в Китае практически одновременно появляется целый ряд произведений в жанре *лэйшу* – традиционных энциклопедий, посвященных исключительно стратагемам – так называемые «Книги мудрости». Впервые этот факт обнаружил профессор Ся Сянчунь [1993]. Авторы этих произведений не были ни крупными политиками, ни военными, ни дипломатами. Как утверждает профессор Лю Тяньчжэнь [2013], все они получили классическое конфуцианское образование, сдавали государственные экзамены, большая часть из них занимала невысокие чиновничьи должности. Иначе говоря, это были вполне социализированные люди, жившие в рамках закона, предписанных правил поведения и своих должностных обязанностей. Картина мира и социальной действительности этой группы людей формировалась на основе чжусианства, в корне отрицавшего хитроумие и

обман. Стратегемы же по своей сути предполагают использование различных хитростей и уловок в кризисной ситуации. Вполне вероятно, что для понимания сути китайского стратегемного мышления необходимо в первую очередь выяснить, как стали возможны анализ и классификация стратегемного мышления людьми, воспитанными на жестких нравственных императивах и эталонных прецедентах, за счет каких изменений стратегемное мышление и поведение стали оцениваться ими как допустимое и эффективное.

Сам жанр энциклопедии-*лэйшу* предполагает ее практическое применение. В годы правления императора Ванли минская империя переживала глубокий кризис, затронувший практически все сферы жизни. Это время характеризуется дискредитацией авторитета императора в глазах чиновничества (вплоть до открытых конфликтов), коррупцией, крестьянскими восстаниями. Многие действующие чиновники уходили со службы, самые радикальные поднимали местные восстания или присоединялись к бандитским группировкам. Существование приказа «Парчовых одежд» (аналог НКВД) и системы палочных наказаний только усиливало их недовольство. Не сдавшие экзамены кандидаты, претендовавшие на должность, в поисках заработка становились частными учителями, врачами, писцами, секретарями — все эти занятия, гораздо ниже котиравшиеся в обществе по сравнению с государственной должностью, маркировали их как неудачников. Эти проблемы привели к критике идеалов государственного и общественного устройства, заданных классическим конфуцианством в интерпретации Чжу Си. Самое важное, что прослойка этих неудачников была достаточно многочисленной. Китай пережил не один социально-политический кризис, но не каждый такой кризис сопровождался появлением практических руководств по применению стратегем. Вполне вероятно, что здесь нужны были какие-то дополнительные условия.

Основания, по которым классифицировались стратегемы в «Книгах мудрости» различны, но у них есть одно общее свойство: вне зависимости от того, используется ли в качестве названия классов стратегем виды социальной деятельности, этапы мыслительного процесса или категории классической эстетики, по своему содержанию все четыре произведения являются развернутой экспликацией одной из базовых категорий китайской философии — мудрость-*чжи* (智).

На первый взгляд ничего странного в таком подходе нет, категория «мудрость» входит в традиционный набор базовых ценностей конфуцианства, в том числе и чжусианской редакции. Тем не менее, предисловия и послесловия «Книг мудрости» написаны в остром полемическом ключе [подробнее см. Завьялова, 2013], соответственно, их позиция не была единственной и во все не была сама собой разумеющейся для читающей публики. Если учитывать основные идеи, актуальные для минской философии, факт появления «Книг мудрости» именно в последние годы правления династии Мин представляется еще более странным.

С одной стороны, в истории китайской философии ни одно из учений не отрицало значимости мудрости в человеческой жизни. В конфуцианстве эта категория согласно учению Мэн-цзы является одним из четырех естественных задатков человеческой природы или одним из «пяти постоянств», сформулированных Дун Чжуншу. В даосизме мудрость – необходимое условие постижения Дао, в философии школы военных – одно из базовых свойств полководца. В буддийских текстах иероглифом *чжи* «智», в зависимости от контекста передаются санскритские термины праджня (Prajñā) или джняна (jñāna).

С другой стороны — в минской философии эта категория находится как бы на периферии философского дискурса и не привлекает большого внимания ни одного из ведущих мыслителей. Ссылок на философские дискуссии, участниками которых были авторы «Книг мудрости», в текстах самих произведений нет, исходя из этих соображений, необходимо будет реконструировать историко-философский контекст, сделавший возможным их появление.

В период правления династии Мин в рамках формирования религиозного и философского синкретизма происходило размывание границ трех основных парадигм китайской культуры. Этот процесс характеризовался не только взаимным заимствованием отдельных концептов и положений (как, например, в философской доктрине Ван Янмина), но и личным доброжелательным вниманием многих философов к произведениям конкурирующей парадигмы.

Буддизмом и даосизмом интересовались не только сторонники радикальных взглядов и социальные аутсайдеры, такие, как, например, Ли Чжи, но и вполне уважаемые с точки зрения отношения к государственной службе конфуцианские мыслители. Примеров таких достаточно много, в качестве характерных можно привести Ян Шэня и Цзяо Хуна.

Ян Шэня (杨慎)¹ считают самым выдающимся из «трех талантов династии Мин». Он получил высшую из всех возможных степеней на столичных экзаменах на шестом году под девизом правления «Чжэндэ» (1511 год), занимал должность придворного историографа в академии Ханьлинь, позже — императорского лектора по каноническим книгам. Написал комментарий к «Чжуан-цзы». Цзяо Хун (焦竑)² также получил высшую степень (чжуаньюань) на столичных экзаменах в 1589 году, был академиком Ханьлинь, занимал должность наставника императорских сыновей. Написал развернутый комментарий к «Даодэ-цзину» (老子翼) и «Чжуан-цзы» (庄子翼).

Даосскую и конфуцианскую классику вполне доброжелательно комментировали и буддийские монахи. К «четырем великим монахам династии Мин» относят Чжухуна (祿宏) Чжэнькэ (真可), Дэцина (德清) и Чжисюя (智旭).

---

¹ Годы жизни 1448 – 1559.

² Годы жизни 1540 – 1620.

Дэцин¹ написал комментарии к «Даодэ-цзину», «Чжуан-цзы», каноническому конфуцианскому трактату «Учение о середине» (中庸). Чжисюй² не только комментировал «Книгу перемен», но и написал развернутый комментарий к традиционному конфуцианскому «Четверокнижию».

Все вышеперечисленные примеры показывают, что в этот период синкретизм во взглядах был характерной позицией ключевых для китайской литературы и философии фигур. Безусловно, их примеру следовали и многочисленные менее известные последователи. И именно такая размытость границ и активное взаимодействие между тремя основными учениями создали первую предпосылку для относительной интеллектуальной свободы авторов «Книг мудрости».

Несмотря на такую идейную толерантность, нельзя сказать, что в минской философии отсутствовали противостояние позиций и интеллектуальная борьба. Самые ожесточенные дискуссии велись в рамках каждого из трех основных учений. Ко времени правления династии Мин как в китайском буддизме, так и в даосизме насчитывались десятки школ, направлений и сект. Похожая ситуация существовала и в конфуцианской традиции.

Официальная идеология императорского Китая сама по себе не представляла единого монолитного учения. Со времен правления династии Сун сформировалось жесткое противостояние сторонников «учения о принципе» (школа Чжу Си и братьев Чэн) и «учения о сердце» (школа Лу Цзююаня и Ван Янмина). Чжусианство подвергалось критике не только в рамках «учения о сердце». Основатель Юнканской школы Чэнь Лян (陈亮)³ активно критиковал учение Чжу Си за оторванность от жизни. По его мнению, в мире действует не путь идеального легитимного правителя, а путь гегемона, не справедливость и не чувство долга, а стремление к выгоде, а основа жизни общества – не «небесный принцип», а человеческие страсти. При династии Мин противоборство разных идейных позиций происходило и в кругу последователей одной школы. Наибольший контраст во взглядах характерен для сторонников яминизма: от жесткой декларации необходимости активно участвовать в жизни государства Дунлиньской академии до предельного эскапизма поздних последователей Тайчжоуской школы, переросшего в доктрину «фанатичного следования чань» (狂禅).

Период поздней Мин – это еще и время экономического роста, развития производства и товарной экономики, в результате которых появляется большая прослойка богатых людей и мода на роскошь, происходит изменение статуса торгового сословия. В это время появляются так называемые «изящные подношения» (взятки предметами искусства и антиквариата), книги и

---

¹ Годы жизни 1546–1623.

² Годы жизни 1599–1655.

³ Годы жизни 1143–1194.

произведения искусства из предмета роскоши становятся товарами, доступными и среднему классу. Расширяются контакты между чиновничеством и торговцами, люди, получившие конфуцианское образование начинают воспринимать иные ценности, связанные с выгодой и богатством, торговать своими картинами и каллиграфией, заниматься коммерческой издательской деятельностью, в том числе изданием учебников для подготовки к экзамену на должность, за деньги писать романы и пьесы на простонародном языке. В это время очень актуальна дискуссия о «радости Конфуция и Янь Хуэя» (孔颜之乐), которая была свидетельством кризиса самоидентификации у последователей конфуцианства. Иначе говоря, появился серьезный конфликт между теоретическими идеалами и обыденным сознанием: невозможно блаженно радоваться следованию Пути на голодный желудок. В сознании образованных людей появляется практицизм, консюмеризм и эгоизм, получившие дальше оформление в виде различных концепций этического индивидуализма. Из-за развития рынка предметов роскоши появляется бытовой и мировоззренческий эстетизм. Кроме того, развитие рыночных отношений позволило расцвести различным видам мошенничества, что нашло отражение в художественной литературе того времени. Но именно эти процессы поддерживали и укрепляли позиции индивидуализма в личном и общественном сознании. Это – второй фактор, определивший возможность появления «Книг мудрости».

Если говорить о мудрости в китайской культуре как об атрибуте личности определенного типа, то и здесь произошли очень серьезные изменения. Шэнжэнь (圣人) — совершенномудрый человек — высший эталон личности в китайской культуре, являвшийся обладателем не только совершенных добродетелей, но и превосходящий среднестатистического человека своими интеллектуальными способностями, которые позволяют ему принимать эффективные решения в такой ситуации, в какой никто другой этого сделать не способен. Наиболее точное определение совершенномудрого человека в период правления династии Мин дал современник авторов «Книг мудрости» Хуан Даочжоу (黄道周)¹ в «Жизнеописании Ай Кэли»: «Когда во времена бед, грозящих извне, мудрые не могут составить планов, храбрые не берутся их прекратить, милосердные не могут от них защитить, обладающие чувством долга не могут принять твердого решения, полагаются на совершенно-мудрых, выделяющихся среди других, и Поднебесная приходит к спокойствию».

В рамках школы Ван Янмина существовало демократической направление, ведущим представителем которого был один непосредственный ученик Ван Янмина — Ван Гэнь (王艮)². Он считался одним из первых последователей Тайчжоусской школы, но в своих взглядах на природу человека и на муд-

---

¹ Годы жизни 1585 – 1646.

² Годы жизни 1483 – 1541.

рость Ван Гэнь еще не дошел до радикального индивидуализма более поздних последователей этой школы. Он считал, что «Путь совершенномудрого ничем не отличается от того, каким следует простой народ каждый день» (圣人之道, 无异于百姓日用), что «любой встречный на улице – совершенномудрый» (满街都是圣人), и что «Путь совершенномудрых правителей древности Яо и Шуня, такой же, как и обычных простых людей» (尧舜与途人一, 圣人与凡人一).

Философская доктрина Ван Янмина была весьма противоречивой, но именно благодаря янминизму размываются границы между ранее конфликтовавшими мировоззренческими системами, происходит активный процесс заимствования конфуцианством понятий, доктрин и концепций из различных течений буддизма и даосизма. Все это сформировало крайне благоприятную среду для синтеза ранее несовместимого. Появилась иная модель социального успеха: отказаться от официальной службы и самому становится совершенномудрым (举业-圣学), предполагающая допустимость и привлекательность принятия индивидуальных нестандартных решений. Идейный меланж позволил быстрее адаптировать элементы военной и дипломатической теории, включавшие стратагемы, к конфуцианскому мировоззрению. Военные трактаты уже использовались гражданскими чиновниками при династии Сун для создания инструкций, включавших советы как избежать неприятностей на службе. Минские интеллектуалы продолжили и усовершенствовали этот опыт.

Список литературы / References

- Завьялова Т. Г. Историко-философский контекст развития стратагемного мышления в период правления династии Мин. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия*. 2013. Т. 11. № 1. С. 150–159.
- Лю Тяньчжэнь. Ваньмин чжишу дэ цзинши цзиншэнь ю вэньши циньхуай (2013) [刘天振. 晚明智书的经世精神与文士情怀. *中国社会科学网*]. Управление миром в «Книгах мудрости» поздней Мин и настроения образованных людей. Сеть «Социальные науки КНР» [Электронный ресурс]. URL: http://int.cssn.cn/sf/bwsf_wh/201607/t20160711_3117198.shtml (дата обращения: 26.11.2020)
- Нань Хуайцинъ. Лиши дэ цзинъянь [南怀瑾. 历史的经验. 复旦大学出版社]. *Опыт истории*. Шанхай, издательство Фуданьского университета, 1996.
- Ся Сянчунь. Люйлунь минвэй чжишу [戚夏淳. 略论明末智书/长沙理工大学学报: 社会科学版]. Краткое рассуждение о «Книгах мудрости» поздней Мин. *Ученые записки политехнического университета г. Чанша. Серия: социальные науки*. 1993. № 1. С. 83–85

Сведения об авторе / Information about the author

Завьялова Татьяна Георгиевна — старший преподаватель кафедры востоковедения ГИ НГУ, Новосибирск, ул. Пирогова 2, sunjing2006@yandex.ru

НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ МЕТОДЕ

В. В. Каримов

Новосибирский государственный университет
vitaliao41@mail.ru

Статья посвящена нарративному подходу в историко-философском исследовании. Нарративный метод противопоставляется, но не конкурирует с традиционной историко-философской работой. Диалоговый способ написания и прочтения философских текстов является одним из наиболее подходящих объектов для нарративного подхода и способен дать новый взгляд на стоящие перед историей философии проблемы, поскольку дает возможность для читателя включиться в диалог и взаимодействовать с автором. Тем самым тексты, написанные в диалоговом жанре в более ранние эпохи, могут быть без ущерба для их содержания и понимания перемещены в современный контекст и вовлечены в диалог с современностью.

Ключевые слова: история философии, нарративный подход, философские диалоги.

NARRATIVE APPROACH IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY

V. V. Karimov

Novosibirsk state university
vitaliao41@mail.ru

The report is devoted to a narrative approach in history of philosophy. The narrative method opposes, but does not compete with traditional work of the history of philosophy. The dialogue way of writing and reading philosophical texts is one of the most suitable objects for a narrative approach and is able to give a new look at the problems facing the history of philosophy, since it gives the reader an opportunity to engage in dialogue and interact with the author. Thus, texts written in the dialogue genre in earlier eras could without prejudice to their content and understanding, be moved into a contemporary context and involved in a dialogue with modernity.

Keywords: history of philosophy, narrative approach, philosophical dialogues.

Определяя границы нарративного исследования философских текстов (в частности, философских диалогов), следует обозначить элементы нарратива как такового, а также составляющие философского диалога, позволяющие или упрощающие исследование в нарративном ключе. Во-первых, историку философии при подобном исследовании всегда нужно иметь в виду характерные свойства любого нарратива: наличие цели и целевой аудитории у нарратива (и у автора в частности), присутствие временного и исторического контекста, влияющих на нарратив, а также возможность множественной интерпретации. Во-вторых, для проведения историко-философского исследования необходимо учитывать присутствующие в тексте (в диалоге) предрасположенности, позволяющие читателю и исследователю стать участником диалога, и, таким образом, получить собственный субъективный вариант прочтения и интерпретации. Что касается предрасположенностей, упомянутых ранее: это может быть как классическая схема построения философского диалога с присутствующими в нём персонажами, обозначим их как *С* (common man) и *W* (wise man), которая позволяет читателю не погружаться в позицию автора с нуля, а приходить к ней постепенно, находясь в позиции *С* и как бы отвечая на вопросы *W*, приводящие к пониманию его идей; также по-

добные предрасположенности могут выражаться в специфическом способе построения нарратива, в котором автор напрямую или косвенно обращается к читателю, также предоставляя ему возможность участвовать в рассуждениях вместе с ним. Таким образом, использовать нарративный метод можно не всегда. Для того, чтобы успешно его применить, необходимо, чтобы текст, как уже было обозначено выше, предрасполагал к его нарративному восприятию, а именно давал возможность участия в нём для читателя, а также, благодаря автору, взаимодействовал с ним. Также может возникнуть ситуация, в которой читатель занимает позицию *W*, если он до прочтения диалога уже придерживается позиции автора, согласен с ней и может самостоятельно создать новый рассказ, в котором он (читатель, становящийся рассказчиком) выступает в качестве *W*.

В данной работе автор не преследует цель заменить один подход к проведению историко-философских исследований другим или показать несомненное преимущество нарративного подхода над традиционным. Главным образом, автор стремится указать на то, что в дополнение к традиционному подходу возможно (и в некоторых случаях продуктивно) использовать альтернативный, нарративный подход, применяя который историк философии сможет лично поучаствовать в формировании идейной картины диалога, а также провести исследование без претензии на объективный и однозначный смысл идей философа. В конце концов, нарративное исследование диалогов вносит в историю философии некоторый простор, снимая границы «правильного» истолкования, добавляет определённого рода эстетичность чтению диалогов (ведь читатель как бы вступает в диалог с самим автором, погружаясь в текст). Нарративный подход – дополнение к уже существующим методам, предоставляющее свободу действий для исследователя и помогающее более разносторонне рассмотреть идеи исследуемого автора. Однако в случае, если историк философии придерживается объективистского метода и признаёт существование лишь объективного и единственного смысла при прочтении и изучении диалога, то нарративный подход не сможет использоваться им продуктивно (такой исследователь, вероятнее всего, будет избегать любых разночтений и интерпретаций). Нарративный подход наиболее продуктивно будет дополнять те методы исследования, которые своей целью ставят изучение авторской мысли в связи с конкретной авторской личностью и её отношением к своей «аудитории».

Согласно утверждениям Ж.-Ф. Лиотара, в XX в. в эпоху постмодерна возникло недоверие со стороны общества к «Великим рассказам», т. е. к тем нарративным структурам, которые формируют ценности, образ мышления, определённых «героев» эпохи в их единообразии и взаимосвязи друг с другом. Возникает ситуация, когда индивид видит вокруг себя множество разрозненных субъективных мнений, рассказов, идей, пересекающихся между собой, но не соединяющихся в единую картину. В подобной ситуации объективистский подход становится лишь одой из подобных идей, существующей

наравне с другими, и у исследователей возникает потребность исследовать процесс их возникновения, взаимодействия между их создателем и субъектами, которые воспринимают данные идеи. Такая ситуация не могла не привести к появлению и развитию нарративного поворота в сферах науки и философии. Теперь субъективное знание, наделённое всем спектром личностных особенностей его автора, становится объектом интереса исследователей, сосредоточивших своё внимание на взаимодействии автора и его аудитории. Также стоит заметить, что в данном взаимодействии принимают участие и все воспринимающие субъекты, так как в результате восприятия авторской мысли они создают собственный рассказ (субъективную интерпретацию текста) и сами становятся авторами, обращая своё внимание на новую аудиторию.

Нарративный подход, являющийся следствием нарративного и риторического поворотов, объединяет в своей сущности идеи постмодернизма о том, что текст должен восприниматься в непосредственной связи с автором, что существует возможность множественной интерпретации при его прочтении разными субъектами, и, наконец, что каждый воспринимающий субъект потенциально является автором. В качестве историко-философского инструмента, он не только легитимизирует субъективные, личностные и эмоциональные аспекты изучаемого текста, но и позволяет получить более полную и развёрнутую картину авторской позиции. Также нарративный подход содержит представление о базовых сущностных характеристиках нарратива, определённых исследователями нарратива Ж.-Ф. Лиотаром и Ф. Р. Анкерсмитом: нарратив неразрывно связан с автором, чтобы его познать, следует предпринять попытку понять авторские идеи и его замысел, цель, с которой нарратив был создан; нарратив всегда погружён в контекст (исторический, лингвистический и т. д.); нарратив воспринимается вне зависимости от объективного смысла, который может как присутствовать в нём, так и отсутствовать.

Философские диалоги, которые мы встречаем у Платона, Августина, Беркли, наиболее ярко демонстрируют применимость нарративного метода к их исследованию: в них есть взаимодействие автора и читателя посредством персонажей, они по большей части не подразумевают наличие единственного объективного смысла сказанного, в них присутствует простор для множественной интерпретации читателем. Также они содержат в своей структуре действующее лицо «Я» – не прямое взаимодействие с читателем, позволяющее ему погрузиться в текст и вступить в диалог с самим автором, что открывает доступ для непосредственного восприятия его идей.

В целом, нарративный подход не является чем-то принципиально новым, он является продолжением идей философии постмодернизма, а также следствием риторического и нарративного поворотов в философии и науке. Однако в настоящее время, когда многие историко-философские исследования

проводятся в объективистском ключе, снова перед исследователями встают проблемы прошлого, которые когда-то, как предполагалось, были решены.

Сведения об авторе / Information about the author

Каримов Виталий Владиславович – магистрант Института философии и права НГУ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова 1, e-mail: vitaliao41@mail.ru

Karimov Vitaliy – Master's Degree Student, Institute of Philosophy and law of Novosibirsk State University, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Pirogov str. 1, e-mail: vitaliao41@mail.ru

УДК 1 (091)

doi:10.47850/S.2020.1.28

КОНТЕКСТУАЛИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

И. С. Кауфман

Военно-Медицинская Академия им. С. М. Кирова (Санкт-Петербург)

kaufman.igor.s@gmail.com

ORCID ID 0000-0002-9839-3724

Долгое время методология «рациональной реконструкции» («презентизм») практически полностью преобладала в историографии философии Нового времени. Сущностью этой методологии было восприятие мыслителей Нового времени как предшественников («коллег») современной философии и «виганское» истолкование взаимодействия между философией и наукой Нового времени. В последние десятилетия историография новоевропейской мысли переживает методологическую трансформацию, которую К. Мерсер определила как «контекстуалистскую революцию». В статье будет кратко очерчена сущность методологии «рациональной реконструкции». Далее, будут рассмотрены ряд новаций и результатов «контекстуалистской» методологии.

Ключевые слова: историография философии Нового времени, «Рациональная реконструкция» (в истории философии), Контекстуалистская методология.

THE CONTEXTUALIST REVOLUTION IN HISTORIOGRAPHY OF THE EARLY MODERN PHILOSOPHY

I. S. Kaufman

Military Medical Academy (St. Petersburg)

kaufman.igor.s@gmail.com

ORCID ID 0000-0002-9839-3724

For many decades the methodology of “Rational Reconstruction”, which was also labeled as the appropriationism or presentism, dominates the Early modern philosophy scholarship. In the core of the methodology was the claims that one can read the Early Modern thinkers as ‘colleagues’ to the Modern Philosophy and the “Whig” interpretation of relation between the Early modern science and philosophy. Recently, the Early modern philosophy scholarship witnesses the methodological transformation that Ch. Mercer proposed to term as the “Contextualist Revolution”. In my paper I briefly contours the “Rational Reconstruction” methodology. Then I discuss the main claims of the Contextualist methodology and describe the innovative revisions results that it introduced brought in the Early modern scholarship.

Keywords: historiography of the Early Modern Philosophy, «Rational Reconstruction» (in history of philosophy), Contextualist Methodology.

Историография философии Нового времени в последние десятилетия переживает настоящий взрыв исследовательской активности. Появились журналы, специально посвященные истории философии Нового времени, новые

переводы, критические издания и комментарии, новые серии монографий. В любом выпуске журналов специализирующихся на истории философии, интеллектуальной истории, истории и философии науки обязательно присутствуют исследования по философии Нового времени. Согласно статистике, которую публикуют эти журналы, статьи по истории философии Нового времени стабильно находятся в первой тройке (по критерию исторической периодизации философии) из общего числа статей, присылаемых в журналы. Помимо очевидного количественного роста, в исследованиях последнего тридцатилетия очевидна и содержательная трансформация исследовательских концепций, аргументационных стратегий, используемых моделей и инструментов, привлекаемых источников и материалов. В недавней статье К. Мерсер для этой методологической трансформации предложена терминологическая характеристика «Контекстуальная революция» [Mercer, 2019]. Предметом нашего исследования станут дискуссии в рамках этой «революции», охватывающие почти сорокалетнюю эволюцию историографии философии Нового времени с 1980-х гг. до наших дней.

Дискуссии вокруг принципов исследования философии Нового времени начались, как это происходило неоднократно в историко-гуманитарных дисциплинах, с проблемы автономии соответствующего исследовательского поля. Традиционно, в течении многих десятилетий, в историко-философских исследованиях новоевропейской мысли доминировали концепции, которые можно определить, по аналогии с известными дискуссиями в истории и философии науки, как «рациональные реконструкции» истории философии (среди других обозначений этой стратегии встречаются такие термины как «апроприационизм» (appropriationism) и широко используемый российскими исследователями «презентизм»). Модель «рациональной реконструкции» практически монопольно определяла характер анализа философии Нового времени в силу ряда причин. Во-первых, важнейшие проблемы и дискуссии философии Нового времени рассматривались как мало чем отличающиеся от тех, которые были актуальны для посткантовской, позитивистской и постпозитивистской философской мысли. Во-вторых, в историко-философской и историко-научной литературе XIX–XX вв. мыслители Нового времени воспринимались как «коллеги» и предшественники «научной философии». Наконец, характер взаимодействия между философией и наукой Нового времени, самого по себе несомненно важнейшего для изучения новоевропейской мысли, оценивался исследователями крайне упрощённо. Причиной этого было доминирование «вигианской» парадигмы в интерпретации развития науки. Таким образом, методология «рациональной реконструкции» приводила к существенной утрате понимания сложности философского ландшафта Нового времени, искусственному спрямлению пути философии Нового времени, в реальности напоминавшему скорее лабиринт, игнорированию многих источников и самой актуальной среды новоевропейской мысли. Мерсер приводит в качестве примера программное высказывание ведущего в XX в. британского

исследователя философии Декарта Б. Уильямса: «моё исследование посвящено истории философии, а не истории идей. История идей является прежде всего историей, и лишь затем философией, тогда как с историей философии дело обстоит рано противоположенным образом» [Williams, 1978. P. 9; 1994].

К существенным проблемам в применении методологии «рациональной реконструкции», которые привели к «контекстуальной революции», надо отнести следующие: недостаточное обращение к историческому контексту, игнорирование моральных, теологических, религиозных и политических контекстов, стремление к «реконструкции» логики философа Нового времени исходя из модели «что *должен* был сказать философ» (вместо «что *действительно* он сказал») и наконец, что было (и остаётся) исключительно важным именно в случае философии Нового времени, игнорирование актуального историко-научного контекста. Рассматривая генезис и эволюцию «контекстуальной революции» в изучении философии Нового времени можно выделить ряд аспектов, в которых эта методология показала наиболее убедительные результаты. Во-первых, это новые методы в исследовательских реконструкциях интеллектуальных биографий как отдельных философов, так и философских «школ» Нового времени. К таковым, в частности, можно отнести критику «мифа об одиночестве» Декарта, Спинозы и Гоббса, пересмотр образа Декарта как «философа научной революции» и «механициста», пересмотр натурфилософских, теологических и политических истоков и импликаций британского эмпирицизма. Во-вторых, бывшее когда-то экзотическим привлечение имён, текстов, дискуссий, нарративов, иных материалов, традиционно относимых ко второму и третьему порядку философской и интеллектуальной жизни и историко-научного контекста XVII–XVIII вв., приобрело систематический характер. Анализ накопленного материала привёл к дискуссиям вокруг статуса «канонических» текстов Нового времени и границ канона, в частности к феминистскому / гендерному и «расовому» / постколониальному переосмыслениям новоевропейской мысли [Shapiro, 2004; 2016; Smith, 2015]. В-третьих, переосмысление характера взаимодействия философии и научных дисциплин Нового времени. Здесь особенно можно выделить исследование роли тех дисциплин и идей, которые впоследствии потеряли статус «научных» или перешли в статус «знания за пределами науки». Также результативным оказалось исследование «антикваризма», т. е. анализ того, какое значение для развития философии Нового времени имели не только «новые», но и «старые», «антикварные» дисциплины, методы, когнитивные практики и т. д. Далее, важнейшие достижения контекстуализма связаны с появлением новых комментариев, критических изданий, переводов как «канонических», так и «второстепенных» текстов. В этой области переход от «презентизма» к контекстуализму отразился с особой силой. Практически все издания мыслителей XVII–XVIII вв. были основаны на историографии и учебниках по истории философии XIX в. Особую роль здесь сыграли многочисленные (нео)гегельянские и неокантианские учебники по

истории философии и истории науки, регулярно издававшиеся со второй XIX в. до первых десятилетий XX в., в которых отразилась немецкая традиция историографии философии. Справедливости ради надо признать, что многие из этих учебники отличались подробностью и высоким уровнем гуманитарной эрудиции. Однако именно благодаря этому нормативный характер приобрела как редукция истории новоевропейской философии к схеме из примерно десятка канонических имён, так и характерные для большинство изданий новоевропейских мыслителей, выходивших до начала 1990-х гг., невнимательность к текстологии, справочному аппарату и небольшие объёмы комментариев. Наконец, последним отметим появление «больших» концепций истории философии и интеллектуальной жизни Нового времени. К таковым можно отнести концепцию «радикального Просвещения» Дж. Исраэля, исследования К. Скиннера и в целом «Кембриджскую школу». Также надо отметить радикальный поворот в биографических исследованиях, во многом задавших стандарты в истории философии Нового времени: интеллектуальные биографии Декарта (С. Гаукроджер, Д. Кларк, Ж. Родэ-Луис, Р. Уотсон), Спинозы (С. Надлера, продолжающийся проект изучения источников биографии Спиноза под руководством В. ван Бунге), Локка (Р. Вулхаус). В том, что касается учебников надо отметить монографии, посвященные Новому Времени, в «Кембриджской истории философии» [Garber & Ayers, 1998] и «Кембриджской истории науки», новаторскую оксфордскую серию «Философские категории» (Oxford Philosophical Concepts) и т. д.

Современная русская, а до этого советская, историография философии Нового времени, к сожалению обладает всеми чертами методологии «рациональной реконструкции». Достаточно указать на тот факт, что подавляющее большинство переводов (достаточно регулярно переиздающихся) мыслителей Нового времени сделаны несколько десятилетий, а в некоторых случаях и более столетия, назад, отражают позитивистские социологические или социально-экономические формы презентизма. Но не стоит забывать, что совсем именно эта методология недавно в целом преобладала в глобальной философской историографии Нового времени («раннего Модерна») как гуманитарной дисциплине. В последнее время бурный рост «контекстуализма» можно отметить в историографии Нового времени и Просвещения в пространстве Восточной Европы и Российской империи, что заметно, в частности, по современным русским исследованиям культуры Просвещения. Можно надеяться, что когда-то достаточно заметная русская историография новоевропейской философии сможет в полной мере воспользоваться теми перспективами, которые открывает «контекстуальная революция».

Список литературы / References

- Garber D., Ayers M.** eds. The Cambridge History of Seventeenth-Century Philosophy. 1998. Vols 1–2. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1998.
- Mercer C.** The Contextualist Revolution in Early Modern Philosophy. *Journal of the History of Philosophy*. 2019. Vol. 57.3. P. 529–548.

- Shapiro L.** Revisiting the Early Modern Philosophical Canon. *Journal of the American Philosophical Association* 2. 2016. P. 365–83.
- Shapiro L.** Some Thoughts on the Place of Women in Early Modern Philosophy. In Alanen L., Witt C. (eds.). *Feminist Reflections on the History of Philosophy*. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publ.. 2004. P. 219–50.
- Smith J. E. H.** *Nature, Human Nature, and Human Difference: Race in Early Modern Philosophy*. Princeton & Oxford, Princeton Uni. Press. 2015.
- Williams B.** *Descartes: The Project of Pure Enquiry*. Harmondsworth: Penguin Books. 1978.
- Williams B.** Descartes and the Historiography of Philosophy. In Cottingham J. (ed.). *Reason, Will and Sensation: Studies in Descartes's Metaphysics*, Oxford: Oxford Uni. Press. 1994. P. 19–27.

Сведения об авторе / Information about the author

Кауфман Игорь Самуилович – кандидат философских наук, преподаватель, Военно-Медицинская Академия им. С. М. Кирова (Санкт-Петербург), кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, kaufman.igor.s@gmail.com
Kaufman Igor – PhD, lecturer, Military Medical Academy (St. Petersburg), kaufman.igor.s@gmail.com

УДК 1(091)
doi:10.47850/S.2020.1.29

РЕАЛИСТСКИЙ АРГУМЕНТ ДЖ. МАРГОЛИСА К СПОРУ РОРТИ И ПАТНЭМА *

А. В. Косарев

Институт философии и права СО РАН
andrkw88@gmail.com

Дж. Марголис предложил сконструировать такой вариант реализма, который бы опирался на понятие концептуальной схемы, учитывал проблему несоизмеримости и был совместим с релятивизмом. В статье разбираются аргументы Марголиса, позволяющие ему сконструировать способ согласования реализма и релятивизма.

Ключевые слова: реализм, релятивизм, Дж. Марголис, несоизмеримость.

REALIST ARGUMENT BY J. MARGOLIS TO RORTY AND PATNAM POLEMIC

J. Margolis suggested constructing a version of realism that would be based on the conceptual scheme, which take into account the problem of incommensurability and be compatible with relativism. The paper examines the arguments of Margolis, allowing him to construct a way to reconcile realism and relativism.

Keywords: realism, relativism, J. Margolis, incommensurability.

Несмотря на принципиальную приверженность реализму, пусть и разного вида, Рорти и Патнэм в своем споре в защиту реалистской программы всякий раз выдвигали положения, которые не могли избежать релятивизации. Марголис предположил, что коль скоро реалистские аргументы не могут избавиться от релятивизма, то необходимо сконструировать такой вариант реализма, который был бы совместим с релятивизмом.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00437 «Нео-прагматизм в философии науки: релятивизм и риторический поворот»).

Патнэм к 80-м гг. прошлого столетия отказывается от привычной для философии формы метафизического реализма, соотносимой с сформулированной еще Аристотелем максимой, что истина – это соответствие наших утверждений действительности, а также, что может существовать только одно истинное и полное описание мира. Такая экстерналистская позиция может соответствовать разве что точке зрения Бога и не в состоянии корректно описать человеческие когнитивные принципы, что заставляет Патнэма перейти на интерналистские основания. Он формулирует понятие «внутренний реализм» и предлагает два скептических антиметафизических аргумента, один сродни картезианскому скептическому аргументу, утверждающему, что мы не можем выйти в познании за пределы нашей собственной эпистемической ситуации, а другой – кантианскому трансцендентализму, согласно которому предположение, что наша мысль или язык могут соотноситься в познании с чем-то совершенно независимым от них самих. Описанные выше аргументы оказываются несогласованными.

Марголис предлагает иной аргумент против метафизического реализма, в основе которого лежит признание релятивистского положения о несоизмеримости эпистемических критериев. По мнению Марголиса, современный релятивизм не является чем-то порочным и опасным для познания, он представляет собой форму скептицизма, которая выражается или существует во множестве дифференцированных версий, совпадая с тезисом о несоизмеримости, утверждающим, что не существует общего для всех этих версий концептуального основания [Margolis, 2007. Р. xiii]. Любое рассуждение или познание, привязанное к концептуальным схемам, немедленно релятивизирует всю систему, в которую оно включено. Дэвидсон пытался опровергнуть такой подход, возражая: отсутствие координирующего для всех концептуальных схем элемента подрывает саму идею концептуальной схемы, поскольку для их различения требуется некое внешнее и объединяющее их все звено [Дэвидсон, 1993. Р. 146; ср. Margolis, 1991. Р. 18–23]. Несмотря на возражения, несоизмеримость представляется Марголису тем основанием, которое позволяет сформулировать версию реализма, согласованного с релятивизмом.

Марголис утверждает, что в тривиальном смысле мы все – реалисты, сторонники минимального реализма, т. е. верим, что люди могут поддерживать исследования того, что они считают реальным миром и утверждать, что в результате они получают обоснованно подтверждаемую истину о мире [Margolis, 2007. Р. xiii–xiv]. Обосновать даже минимальный реализм трудно, поскольку сама подтверждаемость в его рамках оказывается несостоятельной: люди поддерживают исследования, которые считают истинными и подтверждаемыми, но подтверждаются они самими же этими исследованиями. Для преодоления круга здесь не хватает более мощной поддержки, например, подтверждения того, что познано людьми посредством когнитивных способностей титанов или богов [Ibid]. Этот аргумент уже встречался у Патнэма, подчеркивая уход в метафизический реализм.

Марголис предлагает свой вариант реализма – конструктивный реализм, наследующий минимальному реализму Куна. Этот вид реализма Марголис противопоставляет картезианскому реализму, который является формой метафизического: он признает когнитивные способности, позволяющие различать структуры независимой от них реальности, и свободны от контекста и аисторичны [Margolis, 2002. Р. 24–53]. Предлагаемый Марголисом конструктивный реализм, избавляясь от недостатков картезианского, отбрасывает корреспондентные принципы и признает, что основные эпистемические понятия (познание, истина, объективность, подтверждаемость) конструируются в зависимости от наших концептуальных схем, интерпретирующих реальность. Обращение к концептуальным схемам релятивизирует реальность до концептуальной схемы, отсылая к опыту конкретного эпистемического агента. Марголис полагает, что при таком подходе сохраняются реалистские требования: мир зависит от наших концептуальных схем, но при этом остается независимым от нас – мы его не конструируем, а только интерпретируем в соответствии с нашими когнитивными способностями. Также сохраняется и целостность мира в пределах концептуальных схем, что подразумевает тесное взаимодействие между познаваемым и познающим, и спасает от картезианских затруднений [Margolis 2002, р. 24–53]. Уход в субъективизм, отягощенный еще и отказом от аисторичности, предлагает еще один вариант обоснования реалистского тезиса о согласованности наших вер о мире и самого мира.

На первый взгляд Марголис предлагает оксюморон – реалистский аргумент против реализма. Однако для самого Марголиса ключевой задачей было не столько защищать реализм, и даже не обосновать возможность сконструировать релятивизм, совместимый с реализмом, сколько ответить на вопрос, насколько полезной будет такая форма релятивизма, возможно ли в рамках такого релятивизма предложить разумную теорию когнитивных сил нашей науки [Margolis, 2007. Р. xiii].

Независимо от того, считаем ли мы какие-то утверждения о мире истинными или рационально приемлемыми, с позиций реализма все прочие утверждения окажутся ложными, и даже в пределах концептуальной схемы мы останемся с наследием метафизического реализма, утверждающего, что может существовать только одно истинное и полное описание мира, с оговоркой, что оно истинно и единственно «для языка Lk». По мнению Марголиса, релятивизм в его более надежной версии способен избавить нас от этой проблемы, поскольку он допускает существование многих конкурирующих мнений, и при этом признание одного мнения не влечет исключения возможности защитить и обосновать все остальные. Однако возможно это будет только в том случае, если мы логически еще более ослабим модель значений истины, и откажемся от бивалентной концепции истинности (различения на «истину» и «ложь») в пользу множественных значений (различения на «истину» и «не-истину») [Margolis, 1991. Р. 1–12]. Марголис полагает, что этот шаг даст нам возможность уйти от несостоятельной реляционной

формы релятивизма к его надежному варианту, в котором в силу отсутствия бивалентности несовместимые утверждения оказываются совместно приемлемыми. Преимущества такого подхода заключаются в том, что он помогает спасти тезис о когнитивной компетентности человека в отношении мира, который, к тому же, усиливается тезисом о социальной, исторической и культурной подтверждаемости наших вер об окружающем мире.

Как показывает Марголис, действительно можно сконструировать такую форму релятивизма, которая бы не только не разрушала представления о познаваемости мира, но и в какой-то мере поддерживала реализм, подкрепляла тезис о когнитивной прозрачности мира и сохраняла веру в познавательные силы человека.

Список литературы

- Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия. Избранные тексты. Сост., вступ. ст., прим. А. Ф. Грязнов. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 144–159.
- Margolis J. Pragmatism without Foundations: Reconciling Realism and Relativism. New York: Continuum, 2007. (2d ed.) (Первое издание 1986 г.)
- Margolis J. Pragmatism, Praxis, and the Technological / J. Margolis // Philosophy of technology: practical, historical, and other dimensions / ed. by Paul T. Durbin. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 113–130.
- Margolis J. Reinventing Pragmatism: American Philosophy at the End of the Twentieth Century, Ithaca: Cornell University Press, 2002.
- Margolis J. The Truth about Relativism. Oxford, Cambridge: Blackwell, 1991.

Сведения об авторе / Information about the author

Косарев Андрей Викторович – кандидат философских наук, старший преподаватель Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

УДК 1(091)
doi:10.47850/S.2020.1.30

ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. С. Кравчик

Хайфа, Израиль

За каждой большой философией стоит определенная духовность, тот или иной духовно-мистический опыт, который находит в соответствующей философии сформулированную на основе этого опыта картину мира, мировоззрение: философия выступает как рационализированная и теоретически структурированная мистика. Философия Платона, например, базируется на мистике пифагореизма, надстраивается над ней, но к ней не сводится, а развивает определенные интенции и интуиции, заключенные в нем. Русская философия основывалась на православии, свято-отеческом мистическом учении исихазма и т. д. На каком духовном основании стоит марксизм и немецкая класси-

ческая философия, из которой марксизм вышел? Откуда там такой мощный заряд пассионарности и революционаризма, способный к таким радикальным социальным трансформациям и духовным изменениям целой эпохи? Здесь вкратце сосредоточимся на философии Гегеля. Мой главный тезис состоит в том, что духовным основанием гегелизма является франкмасонство, мистика иллюминатов во главе с Адамом Вейсгауптом и других тайных обществ (например, розенкрейцеров). Влияние на Гегеля последних признавалось, правда вскользь, уже в советской литературе, например в биографии Гегеля А.В.Гулыги, вышедшей в серии ЖЗЛ в 1970 г. и Гегель Г.В.Ф. Философия религии. В 2 т. Т. 1. / Пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Мысль, 1975. 532 с. (Филос. Наследие. Т. 66). С. 531. Такое влияние подробно изучают современные авторы. В частности, Жак Д'Онт (1920–2012), ученик известного в XX в. французского философа-неогегельянца Жана Ипполита, в книге «Гегель. Биография» приводит выдержки из речи гегельянца Фридриха Фёрстера на похоронах Гегеля. Он «рисует Гегеля “ливанским кедром”, “лавром, увенчавшим науку”, и также “звездой на солнечном небосклоне мирового духа”». Эти символические сравнения не случайны в устах Фёрстера: достаточно перелистать «Словарь франкмасонства» D. Ligon, чтобы понять, что «Ливанский кедр» – это «главный предмет рассуждений на 22 ступени Древнего Обряда... (Рыцарь Королевского Топора)»; «Ливан» – «слово пароль» для данной ступени; кедр изображен на переднике масона, к ней принадлежащего, именуемого, впрочем, «Ливанский принц». «Древо» обряда 4 ступени – «символ победы, одержанной над самим собой», который хорошо иллюстрирует обращение самого Фёрстера в гегельянство. «Лавр» и «лавровый венок» также обозначают 22 шотландскую ступень. Что касается «звезды», столь частого символа в масонстве, указанный словарь уточняет, что она редко связывается с солнечной системой, за исключением 20 ступени того же обряда. Сколько символики! Присутствующие на похоронах франкмасоны большего и пожелать не могли бы. Что же до непосвященных, то им оставалось только удивляться напыщенному стилю Фёрстера, неуместному и нелепому. Масоны сохранили «тайну». Непосвященные поудивлялись и забыли. Но довольствуйтесь после этого объяснением текста, которое не выходило бы за рамки непосредственно в нем сказанного! Великая берлинская ложа действительно находилась в ведении Йоркского царственного обряда. Фихте, имя которого Фёрстер не преминул упомянуть в своей речи, вступил в нее в 1799 г., пройдя посвящение в 1794 г.» (Ж.Д'Онт Гегель. Биография, С. 21–22) У еще одного представителя немецкой классики Й.Г.Фихте даже есть книга «Философия масонства», изданная в 1990-х гг. на русском языке. Далее Ж.Д'Онт пишет: «Некоторые историки характеризуют эту ложу как «консервативно-христианскую», но такая характеристика могла означать в то время совершенно различные, иногда прямо противоположные вещи. Может статься, целью намеков Фёрстера в 1831 г. была некая *captatio benevolentiae* со стороны властей? Ведь фактически, к этому времени масонство, несмотря на изменчивое

многообразие внутренних течений, а также, несмотря на умение приспосабливаться, в целом продолжает вызывать у властей беспокойство. Меттерних на Венском конгрессе вопреки Гарденбергу, выступившему адвокатом масонства, потребовал повсеместного его запрещения. В Берлине полиция и правосудие жестоко расправлялись со всеми, кого считали объединившимися в тайное общество, а масонство периодически причислялось к подрывным организациям. Выяснить, каковы были отношения у масонов с прусской монархией (Фридрих Вильгельм III официально был членом ложи), и каковы были связи Гегеля с масонством, дело нелегкое. Принадлежность к масонам – компонента поведения Гегеля, ее значения не следует ни отрицать, ни преувеличивать. Было бы неплохо, если бы масоны или хорошие историки масонства компетентно разобрались со «случаем Гегеля» в связи с его ныне подтвержденным членством. Если верить Фёрстеру, масоны гордятся тем, что Гегель – один из них» (Ж.Д’Онт. Гегель. Биография. С. 22–23). Автор статьи «Гегель между масонской ложей и прусской монархией» (<https://istp2012.livejournal.com/profile>) пишет: «Согласно общепринятой версии биографии Гегеля, в зрелые годы он отказался от революционных идеалов своей молодости и перешел в лагерь консерваторов. Французский исследователь Жак Д’Онт, пытается опровергнуть это мнение. Он утверждает, что Гегель до конца жизни оставался либералом, но в условиях победившей реакции был вынужден скрывать свои взгляды. Так, он обращает наше внимание на то, что философ на протяжении всей жизни поддерживал теснейшие связи с иллюминатами (баварская разновидность масонства). Масонство и филосемитизм служат теми маркерами политической благонадежности, по которым современный европейский истеблишмент отличает «своих» среди деятелей прошлого. Поэтому Д’Онт вынужден непрерывно (и даже несколько навязчиво) напоминать читателю о масонских покровителях Гегеля и его друзьях-евреях. Автор, видимо, хочет не просто очистить своего героя от регулярно возникающих подозрений в разного рода «криптосталинизме», но и поместить его в европейский пантеон рядом с такими образцовыми фигурами, как Гете, Шиллер, Моцарт или Бетховен (все четверо были масонами или иллюминатами)». Но масонством тогда мало кого можно было удивить: львиная доля политиков, деятелей культуры и интеллектуалов Европы той поры были членами тех или иных тайных обществ. Масонами были почти все создатели так называемой «украинской национальной идеи» (Г.С.Сковорода, И.Котляревский, все представители Кирилло-Мифодиевского братства: Н.И.Костомаров, П.А.Кулиш, Т.Г.Шевченко, а также основатель Харьковско-го университета В.Н.Каразин, И.Я.Франко, М.С.Драгоманов, М.С.Грушевский, В.К.Винниченко и др.). Если верить современным историкам, например А.И.Фурсову, то в середине XIX в. произошло огосударствление масонства, т. к. в результате революций они пришли к власти почти во всех странах Европы. Гораздо более интересной является составляющая влияния на Гегеля другого тайного общества – иллюминатов А.Вейсгаупта. Сре-

ди близких друзей и покровителей Гегеля были двое прямых учеников А.Вейсгаупта – Гёте и Гердер. Именно Ж. Д'Онт обратил внимание на близость Гегеля к иллюминатам – тайной организации, созданной А.Вейсгауптом по типу ордена иезуитов. Не исключена возможность, что Гегель сам был иллюминатом. Для руководителя иллюминатов. А. Вейсгаупта «подлинное учение Христа совпадает с учением разума» (J.D'Hondt. *Die geheimen Quellen des Hegelschen Denkens*. Berlin, 1972. S. 56). Для сравнения: «Чистый, не знающий пределов разум есть само божество. В соответствии с разумом упорядочен план мироздания; разум раскрывает перед человеком его назначение, непреложную цель жизни; он часто меркнул, но никогда полностью не угасал, даже во мраке всегда сохранялось слабое его мерцание». Так начинается ранняя статья Гегеля «Жизни Иисуса» [Гегель. *Философия религии*. С. 35]. А вот другая чисто иллюминатская цитата из Гегеля: «Только вера в разум позволяет человеку выполнить свое высокое назначение. Разум не осуждает природные инстинкты, но направляет и облагораживает их. Лишь тот, кто не повинуется разуму, сам осуждает себя, ибо он не осознал его света, не хранил его в своей душе и таким образом своими долами засвидетельствовал, какой дух его породил. Он скрывается вдали от сияния разума, повелевающего видеть в нравственности свой долг, ибо злые дела его бояться света, который преисполнит его стыдом, презрением к самому себе и раскаянием. Тот же, кто искренне хочет исправиться, охотно идет на суд разума, не боится его порицаний, не пытается уклониться от самопознания, к которому разум ведет его» (Гегель Г.В.Ф. *Философия религии*. С. 39). Напомню, что в 1786 г. в Баварии были обнаружены и опубликованы документы, изобличающие баварских иллюминатов в подготовке так называемой Великой французской революции, по сути, захвату власти во всех европейских странах, что, отнюдь не помешало этой и многим другим революциям, которые осуществляли тайные общества, состоятся. Вот этот момент самый интересный: теория революции, завуалировано изложенная Гегелем в диалектике раба и господина из «Феноменологии духа», и развитая позднее в «Коммунистическом Манифесте» К.Марксом (который, как сегодня известно, также считал себя учеником А.Вейсгаупта, наравне с М.Бакуниным и Т.Герцелем), на мой взгляд, вдохновлены произведениями А.Вейсгаупта. Далее, вероятнее всего, именно они направили Гегеля на критику метафизики И.Канта. Изначальная идея А.Вейсгаупта о том, что теперь абсолютными становятся социальные изменения и трансформации, угодные всемогущему Ордену иллюминатов, хорошо видна у Гегеля. Неизменные метафизические субстанции И.Канта, выраженные в категориях, которые предложила еще Высокая Схоластика Средневековья, с позиций всеобщего диалектического историцизма Гегеля превращаются в моменты гегелевской Абсолютной Идеи, т. е. теряют свои изначальные черты субстанциальности и становятся пластичными формами всемогущего Диалектического Разума, который будет их мять всяко-разно на свое усмотрение. Подобно чему сталинская эпоха мя-

ла судьбы миллионов людей во имя абсолютной как тогда казалось идеи построения индустриальной сверхдержавы СССР. (Если продолжать утверждать, что человек и его душа субстанциальны, т. е. сотворены Благим Творцом, то их не сильно-то и помнешь!) Именно такое диалектическое «обнуление» метафизики идеологически было необходимо, чтобы начать глобальные трансформации Человека и Общества, задуманные иллюминатами еще в 1776 г., когда создавался этот Орден, и писались его основные документы (устав Ордена иллюминатов называется «Завет Сатаны»). Взгляды Гегеля около 1800–1802 гг. изменились самым коренным образом и это совпадает со временем начала знакомства Гегеля с Гете и Орденом иллюминатов. Если его юношеские тексты написаны вполне в духе Просвещения, то спустя всего несколько лет философ оппонирует Просвещению и не жалеет резких слов по его адресу («Просвещение уже по происхождению своему, а также в себе и для себя выражает плоскую обыденность рассудка и его спесивое самовозвеличивание над разумом» [О сущности философской критики вообще и ее отношении к современному состоянию философии в частности (1802 г.) // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в 2-х т. М., 1970. Т. 1. С. 280].). Революционный дух Просвещения теперь для иллюмината Гегеля не достаточно радикален. Если в молодости он считает государство системой чисто механического насилия и призывает его уничтожить, то теперь государство становится у него «действительностью царства небесного» и «шествием Бога в мире» («*Действительность царства небесного – именно государство*» [Иенская реальная философия (1805–1806 гг.) // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в 2-х т. М., 1970. Т. 1. С. 382]), в котором отдельные индивиды – «не более, чем моменты» («...Я покажу, что не существует идеи *государства*, ибо государство есть нечто *механическое*, так же, как не может быть идеи *машины*. Идею составляет только то, что имеет своим предметом *свободу*. Следовательно, мы должны выйти и за пределы государства! Ибо любое государство не может не рассматривать людей как механические шестеренки, а этого как раз делать нельзя, следовательно, оно должно *исчезнуть*... Я изложу принципы истории человечества и разоблачу до конца все эти жалкие творения рук человеческих – государство, конституцию, правительство, законодательство.» [Первая программа системы немецкого идеализма (1796 г.) // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в двух томах. М., 1970. Т. 1. С. 211–212]). Было бы слишком просто объяснять этот поворот чистым приспособленчеством. Перед ним проступали контуры новой, невиданной философии будущего – философии диалектического революционаризма, до предела накачанной энергетикой иллюминатства, претендующая на его, иллюминатство, теоретическое выражение. Именно она позже разбудила Маркса, а затем и Ленина, вселив в их Демонический огонь Революции.

Сведения об авторе / Information about the author

Кравчик Антон Станиславович – кандидат философских наук, независимый исследователь, г. Хайфа, Израиль.

СОМАЭСТЕТИКА И ВОПРОС О НОРМАХ

Ю. С. Магомедова

Институт философии и права СО РАН
Mag_ys@mail.ru
ORCID 0000-0003-1699-0443

Статья посвящена исследованию специфики неопрагматической этики на примере концепции американского философа Ричарда Шустермана. Даются основные характеристики дисциплины под названием «сомаэстетика», выявляются дискуссионные стороны трактовки этических норм и ценностей. Особое внимание уделено обсуждению феномена, который мы называем «эстетизация этоса».

Ключевые слова: неопрагматизм, сомаэстетика, Р.Шустерман, этос, эстетизация, нормы.

SOMAESTHETICS AND THE QUESTION OF NORMS

Y. S. Magomedova

Institute of Philosophy and Law SB RAS
Mag_ys@mail.ru
ORCID 0000-0003-1699-0443

The article is devoted to research of specifics of neopragmatic ethics on the basis of the concept of the American philosopher Richard Shusterman. The main characteristics of the discipline named "somaesthetics" are given, and discussion aspects of interpretation of ethical norms and values are revealed. Special focus is given to the discussion of a phenomenon we term "aestheticization of ethos".

Keywords: neopragmatism, somaesthetics, R.Shusterman, ethos, aestheticization, norms.

К настоящему времени в англоязычной исследовательской литературе появилось множество работ, посвященных проблемам, связанным с сомаэстетикой. С 2015 г. дважды в год выходит журнал по сомаэстетике (Journal of Somaesthetics), в азиатских и европейских странах проводятся конференции, посвященные данной тематике. Что касается отечественного контекста, то в рамках программы Второго Российского эстетического конгресса отдельная секция будет посвящена проблемам чувственности, обсуждению вопросов, связанных с сомаэстетикой. Можно утверждать, что неопрагматическая эстетика все чаще находится в центре научных дискуссий, привлекая к себе значительное внимание.

«Новые имена могут быть полезны в стимулировании нового мышления» – так обосновывает автор концепта отказ от более привычных терминов (например, «философия тела») [Shusterman, 2010]. Здесь, на наш взгляд, философ следует заветам своего друга и учителя Р.Рорти, который в поздний период творчества трактовал философию как культурную политику, в задачи которой входила коррекция лингвистических практик. Переименование позволяет Шустерману, с одной стороны, провести демаркацию эстетики старой, которая, по его мнению, до сих пор не может избавиться от клейма платонизма, и эстетики преображенной. С другой стороны, акцентируя внимание на греческом корне, он пытается удержать два смысла телесности, которые обозначены в немецкой феноменологии: Körper (физическое тело как объект)

и Leib (тело как субъективное переживание опыта) [Shusterman, 2012. P. 17]. По мнению философа, необходимо избавиться от культурных аберраций, связанных с восприятием тела через ассоциируемый с греховностью термин «плоть»; необходимо перенаправить сознание нашего тела, избавиться от узких и вредных стереотипов соматического успеха, которые пронизывают нашу рекламную культуру [Shusterman, 2012. P. 46]. Шустерман дает следующее определение сомаэстетике: это – «критическое мелиористское исследование опыта и использование своего тела как локуса сенсорно-эстетической оценки и творческого самоконструирования» [Shusterman, 2010. P. 72]. Отказываясь от теории в качестве когнитивной привилегии, пытаясь обойти классические оппозиции, дуализм любого рода, этические проблемы Шустерман пытается решить при помощи эстетического инструментария. На наш взгляд, речь идет о феномене, который можно обозначить как «эстетизация этоса». Заметим, что отказ прагматистов от универсалистской морали в пользу «локальной» морали конкретных ситуаций переформатировал этику – основой моральных, ценностных представлений становятся ресурсы человеческой чувственности, а не некие универсалии (культурные, космические или божественные).

Согласно М. Нуссбаум, современный этический дискурс задается полемикой анти-утилитаристов, которые являются наследниками «платонизма», – рационалистической традиции, – с анти-кантианцами, которые, в отличие от противоположного лагеря, испытывают меньше доверия к разуму, и полагают, что моральная жизнь управляется чувствами, интуициями, привычками [Nussbaum, 1999]. Если отталкиваться от этого различия, то неопрагматистскую этику можно смело поместить под зонтик анти-кантианства. Так, согласно телесно-ориентированной (embodied) философии Шустермана, работа над этосом возможна при условии подключения сомаэстетического измерения – единственным способом оказать сопротивление властному дискурсу и насильно принятым нормам оказывается телесная терапия. При этом подразумевается, что благодаря практикам мы улучшим наше соматическое сознание и опыт. Однако понятие совершенства невозможно без допущения, что существуют определенные нормы, пусть даже расплывчатые, или оценочные стандарты. В связи с этим естественно возникает вопрос об источнике этих норм. В виде тезисов представим пресуппозиции, на которых будет основано решение вопроса:

1. Нормы и ценности контекстуальны, социокультурно обусловлены.
2. Методы соматических практик формируются существующими нормами (йога в современных западных обществах существенно отличается от подобных практик в древней Индии).
3. Возможно исследовать различные практики, не разделяя культивируемых в них ценностей и норм.

Таким образом, сомаэстетика – это не определенная доктрина, в рамках которой предлагаются особые методы работы с телесностью, скорее это сфе-

ра исследования различных соматических практик с различной методологией и культивируемыми ценностями. Иначе говоря, нет окончательного соматического словаря. При этом Шустерман допускает принятие того, что мы обозначим как «метаценности». Так, одной из таких метаценностей сомаэстетики является повышенная восприимчивость. То есть, более ценной будет та практика, которая улучшает нашу соматическую осознанность – позволяет контролировать телесные движения, отслеживать смену ощущений и пр. Шустерман видит проблему в том, что большинство из нас не привыкло следить за темпом дыхания, позой, жестами, движениями мускул и другими соматическими чувствами. Он полагает, что из имплицитного состояния эти чувства должны перейти в эксплицитное, то есть выйти на уровень осознанности. И в этом случае возможно будет фиксировать наличие стресса (физического или эмоционального), проблематичных привычек, которые разрушительно воздействуют на нас, но могут быть исправлены или скорректированы. Еще одна метаценность телесной практики – эмпатия. Воспитывая собственные чувства, мы оказываемся более чуткими и к другим людям.

В заключении приведем пример. Одной из форм экспериментальной сомаэстетики является симультанный перформанс – перцептивная сессия нового искусства. В симультанном перформансе условия предполагают одновременную работу в совместной импровизации, работу с различными выразительными потоками – голос чтеца, музыка, изображение, движение. Эти выразительные потоки должны формировать друг друга таким образом, чтобы вызвать ярко выраженный эффект чувственного резонанса. Сам же опыт трактуется как континуальная разомкнутая мультисенсорная практика, исследовательская площадка для новой чувственности: каждый из участников перформанса должен реагировать и откликаться на выразительные жесты друг друга. Таким образом, в процессе импровизации участники практикуются в эмпатии, способности чутко улавливать намерения другого. Многие другие виды перформативного искусства также подразумевают работу над этосом.

Итак, можно сделать вывод о том, что вопрос о нормах в сомаэстетическом проекте – это вопрос о степени нашей чувствительности. Мы полагаем, что в условиях, когда универсалистские этические теории терпят крах, когда невозможно прийти к согласию по поводу того, какие аргументы считать разумными, имеет смысл обратить внимание на эвристический потенциал сомаэстетики.

Список литературы / References

- Nussbaum M. Virtue Ethics: A Misleading Category? *The Journal of Ethics*. 1999. Vol. 3. No. 3. P. 163–201.
- Shusterman R. Pragmatism and Cultural Politics: From Rortian Textualism to Somaesthetics. *New Literary History*. The Johns Hopkins University Press. 2010. Vol. 41. № 1. P. 69–94.
- Shusterman R. *Thinking through the Body: Essays in Somaesthetics*. Cambridge. 2012.

Сведения об авторе / Information about the author

Магомедова Юлия Станиславовна – преподаватель, концертмейстер Тюменского государственного института культуры, Тюмень, ул. Республики 19, соискатель Института философии и права СО РАН, Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: mag_ys@mail.ru

Yulia S. Magomedova – Lecturer, accompanist at Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Republic Str. 19, applicant at the Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, e-mail: mag_ys@mail.ru.

УДК 1 (091)

doi:10.47850/S.2020.1.32

ПОЛЬЗА ИЛИ ВРЕД ОТ ФИЛОСОФИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ФИЛОСОФОВ XIX ВЕКА (И. М. Скворцов, В. Н. Карпов, П. И. Линицкий)

О. Д. Мачкарина

Мурманский государственный технический университет
machkarinaod@mstu.edu.ru

Автор раскрывает взгляды И. М. Скворцова, В. Н. Карпова, П. И. Линицкого – русских философов-академистов XIX века на роль философии в познании окружающего мира в его целостности и постижении «вечного закона», на связь философии с частными науками и определение места философии в системе образования, ее влияние на формирование мыслительной культуры личности обучающегося, на роль философии в самопознании и воспитании нравственной личности.

Ключевые слова: русская философия, философия, гносеология, философия и философствование, критический анализ, воспитание и образование, нравственность.

BENEFIT OR HARM FROM PHILOSOPHY: REFLECTIONS OF 19TH CENTURY PHILOSOPHERS (I. M. Skvortsov, V. N. Karpov, P. I. Linitsky)

O. Machkarina

Murmansk state technical University
machkarinaod@mstu.edu.ru

The author reveals the views of I. M. Skvortsov, V. N. Karpov, P. I. Linitsky – Russian religious philosophers of the XIX century on the role of philosophy in the knowledge of the world around him in its integrity and comprehension of the "eternal law", on the connection of philosophy with private sciences and determination of the place of philosophy in the system of education, its influence on the formation of the thought culture of the student's personality, on the role of philosophy in the self-knowledge and upbringing of the moral personality.

Keywords: Russian philosophy, philosophy, epistemology, philosophy and philosophizing, critical analysis, upbringing and education, morality.

В связи с переходом к «цифровой» экономике, внедрением информационных технологий во все сферы экономики и общественной жизни, изменением структуры общественного производства возникли и новые требования к подготовке специалистов в Вузах, необходимость формирования особых компетенций, отвечающих требованиям современного производства. Это повлияло на содержание практико-ориентированной образовательной програм-

мы соответствующей специальности и на структуру учебного плана, в котором прикладные дисциплины значительно преобладают над дисциплинами гуманитарного блока. Изменился и статус философии в спектре учебных дисциплин. Перед руководителями программ встал вопрос о роли философии в подготовке специалиста: польза или вред от неё? Исходя из предполагаемого ответа, вытекающего из интересов кафедры, они и определяют судьбу дисциплины, тем более, что в новых ФГОС философия, как обязательная дисциплина, не предусмотрена. Нужна ли сегодня философия инженерам и биологам, врачам и учителям, что для них важнее? Чтобы ответить на этот вопрос автор предлагает обратиться к истории философской мысли, погрузиться в эпоху, когда, озвученная в 1849 г. позиция министра просвещения П. А. Ширинского-Шихматова: «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен», была реализована запретом с 1850 г. преподавания философии в университетах. Философия сохранила свое положение только в духовных академиях, которые в дальнейшем стали кузницей подготовки профессиональных философов. Среди тех, кто настаивал на необходимости чтения философских курсов, на качественной философской подготовке в Киевской духовной академии стали И. М. Сковрцов и его ученики В. Н. Карпов, перенесший этот настрой в Санкт-Петербургскую духовную академию, П. И. Линицкий и другие.

От философии ждали многого, прежде всего, конкретных рекомендаций по разрешению жизненно важных проблем. Среди тех, кто видел важную роль философии в воспитании и образовании личности и считал философию полезной для учащихся, был Иван Михайлович Сковрцов (1795–1863), ученый-богослов, педагог, ординарный профессор Киевской духовной академии. Руководствуясь рекомендациями М. М. Сперанского, профессор Сковрцов стремился сформировать у слушателей академии способности самостоятельного поиска в обширной философской литературе, заложить основы систематической мыслительной культуры, культуры критического анализа, которая вырабатывалась им самим в процессе философских дискуссий со слушателями курсов, свободных дискуссий по важным вопросам. Опираясь на знание языков, Сковрцов считал важным в процессе обучения обращение преподавателей и учащихся к первоисточникам, что делал сам и требовал от других, вырабатывая тем самым у учащихся способность мыслить самостоятельно, понимать и толковать тексты, рефлексировать, опираясь на собственные мировоззренческие принципы, расширять знания путем самообразования. Именно в философии он видел ту основу, которая поможет человеку разобраться в том, что составляет основу его свободы, определиться с тем, что является его истинным благом. На собрании студентов в 1819 году по поводу открытия Киевской Духовной академии Сковрцов произнесет: философия это «величественное и прекрасное произведение духа нашего», «удивительное и великолепное здание», предназначенное преимущественно «для достижения потребностей духа нашего» [Сковрцов, 1863. С. 50].

«Святыищем» философии являются метафизические истины, обусловленные единым началом, выходящие за пределы опытного знания, «за горизонт человеческих чувств и разума» [Там же. С. 52]. Философия в его представлении — это гармоничная система истин, особая наука, из которой «заимствуют свет и основания прочие науки». Это наука, развивающая в человеке «потребность свободного мышления» [Скворцов, 1863. С. 129]. Совокупность этих истин Скворцов называет *philosophia prima*. «Полнейшая совершеннейшая» истина — *philosophia secunda*, к которой и стремится философствующий ум, как к полному и всестороннему познанию целостности всех вещей. Посредством решения сложных метафизических вопросов, философия позволит человеку «возвыситься» до идеи Бога.

Обязанность философии, как считал русский богослов, посредством анализа разумной природы нашего духа открыть основные элементы истины и, очистив их от посторонней примеси, изложить в ясных и точных понятиях. Скворцов включает разум в структуру религиозного сознания, указывая на то, что разум учит человека умеренности в наслаждениях, учит, как избегать страха и скорби, достигать гармонии. В соответствие со своими религиозными убеждениями, теолог видит начало истинной философии в Боге, а целью философии — познание «вечного закона Высочайшей Премудрости и свое предопределение». Как и Григорий Нисский, Скворцов видит возможность применения философии к толкованию религиозных текстов, священного Писания, что и старается привить своим ученикам, формируя в них соответствующие умения и навыки.

Учеником И. М. Скворцова стал Карпов Василий Николаевич (1798–1867), выпускник Киевской духовной академии, воспитанный как философ, который продолжит дело своего учителя уже в стенах Санкт-Петербургской Духовной академии. Как и Скворцов, В. Н. Карпов, а в дальнейшем и П. И. Линицкий, отстаивают мысль о философии как науке самопознания.

Всякие рассуждения о пользе философии, как и о пользе наук, Карпов считал бесполезными и скучными, поскольку определили философию наукой. История показывает, что любое образованное общество никогда не ставило под сомнение пользу наук, в то время как к философии оно относилось с презрением и даже с оскорблением. Как пишет Карпов во «Введении в философию» (1840), философия воспринималась чаще всего как «язва религиозной, нравственной и политической жизни государства» [Карпов, 2013. С. 110]. Но стоит обратить внимание на то, что Карпов связывает пользу науки с «благородством» целей, именно такую цель он видит в философии, которая позволяет определить место, значение и отношения человека в мире. Человек должен знать свою собственную природу и следовать ее «предписаниям», знать в какие отношения «поставить самого себя», и это касается и общественных отношений, и гражданского общества. Незнание всеобщей связи человеком может привести к беспорядку в общественных отношениях и в гражданском обществе, к нарушению законов природы, к нарушению гар-

монии — «строгого целого». Философия — это наука о мыслимом (философия мыслимо-субъективного и философия мыслимо-объективного) — это система, посредством которой определяется гармоническое бытие мира и законы его развития. Как наука философия отличается от частных наук тем, что систематизирует и обобщает результаты специальных наук, тем самым объединяет результаты их исследования в единое целое, формирует систему знаний об окружающем мире.

Рассуждения о полезности философии приводят В. Н. Карпова к обсуждению различий между философией и философствованием. Философствование не всегда философия, чаще всего это упражнение ума, которое Карпов характеризует как простое «чесание слуха» [Карпов, С. 111], и такое действие он считает бесполезным. Философия же проникнута общей идеей, построенной на определенных принципах. И тогда полезность определяется тем, что мы хотим от философии: кому и для чего она нужна? Ответом Карпова на такую постановку вопроса является: польза философии в том, что она позволяет определить место и значение человека в мире, условий его бытия, сферу его обязанностей и прав. Только разные варианты ответов определяются самим человеком, поскольку у каждого свой «ум в голове», свое «царство целей». В зависимости от этих условий человек и ищет варианты ответов с помощью философии [Карпов, С. 111]. И этот поиск беспределен, как и нравственность.

Карпов В.Н. подчеркивает, что на развитие человека влияют условия национального быта, культура общества, в котором он формируется как личности, государственные законы и политика, религиозные верования. Благодаря этому «универсальный» субъект постепенно превращается в уникальный, единичный, характеризующийся определенным национальным типом, в личность, для которой характерна своя философия жизни. Поэтому, делает вывод Карпов, в России нужна своя отечественная, оригинальная философия, которая была бы полезна и для религии, и для национального быта, и даже для частных наук, поскольку все будут исходить из одних, общих для всех оснований.

Петр Иванович Линицкий (1839–1906) — профессор Киевской Духовной Академии, «учитель-философ», для которого философия была «своего рода воздухом, которым он дышал» [Линицкий, С. 775]. Перед преподавателем стояла важная задача, обозначенная еще И.М. Сковрцовым и осуществляемая в стенах Духовной академии: сформировать у учащихся понятие об истинном духе философии, «приучить» их к философским исследованиям [Флоровский, 2009. С. 303]. Дух времени, влияние научно-технического прогресса в конце XIX – начале XX века, диктовали свои требования к образованию: «Все хотели знать свое место в мире. Все жаждали философского просвещения, и мы не хотели быть слепыми в мире» [Триодин, 1906. С. 773]. И в этом им помогал профессор Линицкий, который стал для них «наставником, руководителем», спасавшим своих учеников от «безнадежного скептицизма», «вещавшим» им истину, «вдохновлявшим» их своей любовью к ней. Линиц-

кий в воспоминаниях учеников стал тем, кто помогал им найти такого мыслителя в истории философии, который был ближе всех к истине, найти ответы на вопросы: «Зачем живу? Зачем страдаю?»

Действительно, П. И. Линицкий в воспитании личности особую роль отводил философии, поскольку справедливо считал, что философия способствует формированию свободного, критического и самостоятельного мышления личности, «умственного творчества и нравственного совершенства». Прежде всего, речь идет о формировании знаний и умений выстраивать диалог, структурировать мысль. Для всех исследователей, посвящающих себя науке, независимо от предмета изучения, необходимо «философское образование в полном объеме», которое развивает в человеке способности к философскому мышлению [Линицкий, 1891. С. 12].

Как бы не развивалось и не проявлялось свободомыслие, но «бессмыслие», как справедливо считал профессор, «есть зло несравненно худшее, чем свободомыслие» [Линицкий, 1907. С. 48] В философии Линицкий видел побуждение к превосходству умственному, а вместе с ним и к нравственному совершенству.

Как наука философия не ограничена конкретной областью исследования, как частные науки и не имеет конкретных практических задач. Вопросы, которые поднимает философия, имеют «всегдашнее» значение для человеческого духа. Философия направлена на формирование общего мировоззрения, т.е. «стремится к единству в познании, к соединению частного в общем» [Линицкий, 1874. С. 7]. Философия тесно связана с различными науками, философ черпает знания из опытных наук как материал, который перерабатывает в рамках определенной идеи, как, впрочем, используют результаты исследования пограничных наук и эмпирические науки, тем самым, подтверждая: с одной стороны, достоверность полученного знания, с другой, — расширяя область применения результатов познания.

Необходимо подчеркнуть справедливость позиции Линицкого, утверждавшего, что предназначение науки не ограничивается только решением практических задач. Важным для наук является не только приобретение новых знаний и формулирование теорий, но и предвидение возможных последствий применения полученных результатов, осознание ответственности.

Список литературы / References

- Карпов В. Н.** Введение в философию. *Сочинения в 3 т.* Мелитополь, Изд-во Мелитопольской городской типографии. 2013. Т.1.
Karpov V. N. Introduction to the philosophy of writing In 3 vols. Melitopol, Publishing house of Melitopol city printing house. 2013.
- Линицкий П. И.** О внешних отношениях знания (организация школы). *Вера и разум.* 1891. Т. II. Ч. I. С. 1–21.
Linitsky P. I. On the external relations of knowledge (school organization). Faith and reason. Vol. II. Part I, 1891. P. 1–21
- Линицкий П. И.** О свободе воли. *Философские и социологические этюды.* Киев, Типография И. И. Горбунова. 1907. С. 1–48.

- Linitsky P. I.** The freedom of the will. Philosophical and sociological studies. Kiev, Printing House of I. I. Gorbunov. 1907. P. 1–48.
- Линицкий П. И.** Обзор философских учений. Киев, Тип. С. Т. Еремеева. 1874.
- Linitsky P. I.** Review of philosophical teachings. Kiev, S. T. Yermeyev Type. 1874.
- Скворцов И. М.** Метафизические начала философии. Аскоченский В. И. *История Киевской духовной академии, по преобразовании ее, в 1819 году*. СПб., 1863. С. 49–67.
- Skvortsov I. M.** Metaphysical beginnings of philosophy. Askochensky V. I. History of the Kiev theological Academy, after its transformation, in 1819. St. Petersburg, 1863. P. 49–67.
- Триодин.** Речи у гроба почившего профессора Киевской духовной академии П. И. Линицкого. *Труды Киевской духовной академии*. 1906. С. 737–775.
- Triodin.** Speeches at the coffin of the late Professor of the Kiev theological Academy P. I. Linitsky. Proceedings of the Kiev theological Academy. 1906. P. 737–775.
- Флоровский Г.** Пути русского богословия. М., «Институт русской цивилизации». 2009.
- Florovsky G.** Russian Russian theology pathways. Moscow, «Institute of Russian civilization». 2009.

Сведения об авторе / Information about the author

Мачкарina Ольга Дмитриевна – профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философии и права Мурманского государственного технического университета machkarinaod@mstu.edu.ru

Machkarina Olga D. DSc in Philosophy, Professor, Professor of Department of Philosophy and Law, Murmansk State Technical University machkarinaod@mstu.edu.ru

УДК 1(091)+122
doi:10.47850/S.2020.1.33

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ДЕЙСТВИЯ СТОИКОВ *

А. А. Санженakov

Институт философии и права СО РАН
sanzhenakov@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-5789-6632

В статье рассматриваются эпистемологические основания теории действия стоиков. По мнению стоиков, правильность действий идеального морального субъекта (мудреца) происходит от знания, которым он владеет. При этом знание можно рассматривать двояким образом – либо это осведомленность в божественном плане, либо это правильная аксиологическая оценка внешней предметности. В языковом плане знание выражается в субъект-предикатных суждениях, на которые дает согласие моральный агент, что приводит к появлению стремления, предопределяющего действие. Скептики обратили свою критику на критерий истины стоиков – постигающее представление и его результат (постижение), полагая, что тем самым они разрушили этику и теорию действия стоиков, поскольку эти части учения зависят от теории познания. Однако то знание, благодаря которому становится возможным моральное совершенство морального субъекта намного шире, нежели простое безошибочное постижение отдельных предметов внешней реальности.

Ключевые слова: стоики, скептики, теория действия, знание, мудрец.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 19-411-543001.

EPISTEMOLOGY AND THEORY OF ACTION OF THE STOICS

A. A. Sanzhenakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS

sanzhenakov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5789-6632

The article is devoted to the epistemological foundations of the theory of action of the Stoics. According to the Stoics, the ideal moral subject acts correctly because she possesses knowledge. This knowledge can be understood in two ways: either it is awareness in the divine plan, or it is a correct axiological assessment. In linguistic terms, knowledge is expressed by subject-predicate judgments, to which the moral agent give an agreement, which leads to the appearance of an impulse, which prompts action. Skeptics turned their criticism to the Stoic criterion of truth – the comprehending representation and its result (comprehension), believing that by doing so they destroyed the ethics and Stoic's theory of action, since these parts of the teaching depend on the theory of knowledge. However, the knowledge, thanks to which the moral subject receives his perfection, is much broader than a simple accurate comprehension of individual objects of external reality.

Keywords: Stoics, Skeptics, theory of action, knowledge, wise man.

Как известно, у стоиков было представление об идеальном моральном субъекте – мудреце, который *всегда* поступает правильным образом. Одной из отличительных черт мудреца является обладание знанием. Поэтому мудрость они определяли как «знание вещей божественных и человеческих» (ФРС I 35). Можем ли мы сказать, что моральное совершенство этого идеального субъекта, проявляющееся в непогрешимости его действий, основывается именно на знании? Если да, то какого рода это знание? Исходя из стоической доктрины, мы можем предположить следующее.

Знание — это осведомленность в божественном плане. Мудрец знает, как должно поступить, поскольку его разум тождественен божественному и действия согласуются с волей мирового логоса. Общеизвестен пример Эпиктета, о том, что если бы его нога имела разум и знала, что ей предстоит загрязниться, то она бы стремилась бы к этому, тем самым реализуя то, что ей предначертано судьбой.

Знание — это правильная оценка внешней предметности. Мудрец поступает правильно, потому что не воспринимает внешние предметы как благо, но верным образом делит их на предпочитаемое безразличное и непредпочитаемое безразличное. Кратко напомним, что согласно стоикам, только нравственно-прекрасное есть благо, и только порочное есть зло, поскольку первое во всех случаях приносит пользу, а второе — безусловный вред. Есть вещи безразличные с моральной точки зрения — они могут принести как пользу, так и вред. Любые материальные блага можно использовать как с пользой, так и наоборот.

Следует отметить, что два эти варианта дают нам разные образы морально-правильного человека. В первом случае он согласуется с некоторыми канонами и правилами, поэтому мы можем вести речь о нормативном измерении, которому стоический мудрец соответствует. Во втором случае правильное было бы говорить о правильной аксиологической оценке, иными словами, мудрец стоиков знает свое благо и не искушается мнимыми благами. Если выделенные выше два вида знания не сводимы друг к другу, то следует за-

даться вопросом, дают ли различные эпистемические основания теории действия и этики различные образы морально совершенного субъекта? Для ответа на этот вопрос рассмотрим подробнее теорию действия стоиков.

Центральное место в структуре поступка, согласно стоикам, занимают согласие и влечение (стремление), причем оба эти элемента связаны с суждениями субъекта действия (согласие направлено на полный *лектон* — субъект-предикатное высказывание, а влечение — на неполный *лектон*, то есть только на предикат). Как и Аристотель, отправной точкой действия стоики видели чувственное восприятие: через ощущения (*αἰσθησις*) человек получает впечатление или представление (*φαντασία*), без которого не может возникнуть действие (ФРС I 73). Вместе с тем стоики создали буферную зону между чувственными представлениями и действием в виде суждения (*ᾠσιονμα*) и согласия (*συγκατάθεσις*) относительно этого суждения, вследствие которого возникает влечение или стремление (*ὁρμή*), приводящее к действию [Inwood, 1987. Р. 44]. Введение этого буфера позволило стоикам внести элемент свободы в процесс принятия решения.

Таким образом, знание в концепции действия стоиков фигурирует в виде субъект-предикатных высказываний типа «Х есть благо» или «Х есть зло». Однако такие суждения, по мнению стоиков, являются ложными, при условии, если Х — это любой предмет внешней реальности. Поскольку только нравственно-прекрасное может считаться истинным благом, и только порочное — злом, все прочее относится к (морально) безразличному. Поэтому для стоического морального субъекта достижение совершенства возможно лишь в том случае, если он руководствуется суждениями «Х есть предпочитаемое / непредпочитаемое безразличное». В таком случае будет возникать, соответственно, «разумное стремление» (*εὐλογος ὀρεξις*) и «разумное уклонение» (*εὐλογος ἑκκλισις*). В то время как предикцирование «блага» и «зла» предметам внешней реальности приводит к чрезмерному стремлению или же чрезмерному уклонению, то есть к страсти. В основании этих рассуждений заложено одно важное убеждение стоиков — правильное (морально должное) отношение к миру предполагает корректное постижение этого мира, иначе говоря, истинное познание. С другой стороны, неверное познание приводит к неправильной мотивации субъекта действия. Иначе говоря, стоики приравнивали моральный прогресс и интеллектуальное развитие: «человек добьется некоторого прогресса в достижении добродетели, если он приобретет лучшее понимание того, как устроен мир и какую роль он должен играть в нем» [Løkke, 2015. Р. 89].

Против стоиков выступили скептики. Последние в отличие от первых полагали, что критерия истины не существует, и отрицали в качестве такового стоическое «постижение» — результат «постигающего впечатления». По свидетельству Секст Эмпирика, Аркесилай следующим образом опровергал доктрину стоиков. «Ведь то, что они называют постижением и согласным соответствием постигающему представлению, возникает или в мудром, или в

глупом. Но если оно возникает в мудром, то оно есть наука (ἐπιστήμη), а если в глупом, то – мнение. Общего при этом между ними нет ничего, кроме названия» [Секст Эмпирик, 1975. С. 91]. В самом деле постижение есть универсальная базовая категория, которая может приобрести устойчивость и стать знанием, а может стать изменчивым мнением. Все зависит от душевных качеств познающего субъекта (какой *тонос* его душевной пнеумы, говоря словами стоиков). Вместе с тем это не отменяет того, что постижение предоставляет нам адекватные данные об окружающей нас действительности.

Подводя итоги, отметим, что скептики атакуют эпистемологическую часть учения, которая в теории действия касается субъекта высказывания, а не целого субъект-предикативного высказывания. В то время как стоическая теория представляет собой сложный комплекс, в котором эпистемология переплетается с аксиологией. Уничтожая, как скептики думали, эпистемологическую часть, они тем самым обезглавливают стоическую теорию в целом. Например, доказывают, что человек не может действовать и достигать счастья. Однако стоическое постижение не дает нам знания о том, что золото, к примеру, является предпочитаемым безразличным. Нет прямого перехода между истинным утверждением «это есть золото» и утверждением «золото есть благо». В связи с этим скептикам следовало бы критиковать не только учение о постигающем впечатлении, но и аксиологию стоиков, которая хоть и базируется на эпистемологии, но включает в себя также и неэпистемологические предположения.

Список литературы / References

- Секст Эмпирик. *Сочинения в двух томах*. М., 1975. Т. 1.
Sextus Empiricus. *Works in two volumes*. Moscow, 1975. Vol. 1. (In Russ.)
Фрагменты ранних стоиков. М., 1998. Т. 1: Зенон и его ученики.
Fragments of the early Stoics. Moscow, 1998. T. 1: Zeno and his followers.
Inwood B. *Ethics and Human Action in Early Stoicism*. Oxford, 1985.
Løkke H. *Knowledge and Virtue in Early Stoicism*. Dordrecht, 2015.

Сведения об авторе / Information about the author

- Санжеников Александр Афанасьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com
Sanzhenakov Alexander – Ph.D, senior researcher of Institute of Philosophy and law SB RAS, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com

**ПЕРЕОСМЫСЛЯЯ НАСЛЕДИЕ ИСТМАТА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ
РЕАЛИЙ НА ПРИМЕРЕ УЧЕНИЯ О БРАКЕ И СЕМЬЕ
(к 200-летию Ф. Энгельса)**

А. В. Шевченко

Томский государственный университет
a_shevchenko_1990@mail.ru

Данная статья приурочена к юбилею знаменитого исследователя и классика марксистской философии – Ф. Энгельса. В ней даётся обзор его творческого наследия и подчеркивается важность рецепции этого наследия для современных изысканий в различных областях общественной жизни. Особое внимание уделяется попыткам осмысления творчества Энгельса относительно вопросов семьи и брака. Автор приходит к выводу, что материалистическое понимание истории общества и его институтов – это инструментальный необходимый для объективного понимания социальной реальности.

Ключевые слова: Энгельс, Маркс, марксизм, материализм, семья, брак, любовь.

**RETHINKING MATERIALISM'S LEGACY IN THE CONTEXT OF MODERN REALITIES
ON THE EXAMPLE OF THE TEACHING OF MARRIAGE AND FAMILY
(to the 200th anniversary of F. Engels)**

A. V. Shevchenko

Tomsk State University
a_shevchenko_1990@mail.ru

This article is timed to the anniversary of the famous researcher and classic of Marxist philosophy – F. Engels. It provides an overview of his creative heritage and emphasizes the importance of the reception of this heritage for modern research in various areas of social life. Particular attention is paid to attempts to comprehend the work of Engels on issues of family and marriage. The author comes to the conclusion that the materialistic understanding of the history of society and its institutions is a toolkit necessary for an objective understanding of social reality.

Keywords: Engels, Marx, Marxism, materialism, family, marriage, love.

В ноябре 2020 года исполняется двести лет с того самого дня, когда в немецком городе Бармене, в семье фабриканта, родился Фридрих Энгельс, человек, который «после своего друга Карла Маркса (умершего в 1883 г.) был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире» [Ленин, С. 5].

Эта дата для широкой публики в нашей стране пройдет незамеченной по причине укоренившейся, особенно среди образованной публики, моды на то, чтобы всячески критиковать и высмеивать марксизм, объявлять его порочной и тупиковой концепцией. Однако всякий, кто обратится к работам основоположников данного учения, увидит, что и по сей день многие сделанные ими выводы о закономерностях функционирования общества не потеряли своей актуальности. Значит ли это, что на эти выводы можно полагаться в их неизменном виде, как на догму? Конечно же, нет! Марксизм это не догма, как думают некоторые, а метод, метод постижения действительности во всей сложности. В свете этого становится очевидно, что различные аспекты реальности постоянно должны подвергаться переосмыслению с учётом тех изменений, которые происходят вокруг.

Данная статья является, в свете вышесказанного, не просто данью памяти видному мыслителю и напоминанием о тех вопросах, по которым он высказывался при жизни, но так же (и даже в большей степени) попыткой наметить пути переосмысления и уточнения его творческого и философского наследия, опираясь на новейшие данные отдельных наук и на события, сигнализирующие об актуализации отдельных остросоциальных вопросов. Это может оказаться ценным, как для специалистов позиционирующих себя в качестве марксистов и неомарксистов, так и для всех людей, выступающих в своём творчестве и исследованиях с материалистических позиций.

Будучи юношей, обучаясь в гимназии и занимаясь коммерцией, будущий революционер обнаруживает склонности к литературе и искусству. Этот интерес сохранялся и впоследствии, во многом предопределив попытки осмыслить эти области человеческой жизни с классовых позиций. В 1841 г., блистая эполетами прусского артиллериста, Энгельс ходил на лекции Шеллинга в берлинском университете, вместе с такими позднее известными личностями как С. Кьеркегор и Я. Буркхардт. В этот же период он сближается с младеггелянцами, занятыми критическим переосмыслением концепций великого диалектика, что создало почву для будущего взаимопонимания с Марксом.

Вскоре после очного знакомства с Марксом, Энгельс пишет свою первую крупную работу, в которой критикует несправедливые реалии буржуазного общества — «Положение рабочего класса в Англии». Фабрики Манчестера, где находились производства его отца, близкое знакомство с трудом и бытом занятых там рабочих, оказали удручающее впечатление на молодого человека, подтолкнув его к социалистическим идеям и к стремлению изменить общество. Указанная работа стала образцом марксистской социологии не только привлекающей обширный фактический материал (данные медицины, демографии, преступности, рационов питания и метров жилья) но и вскрывающей причинно-следственные связи между условиями труда и образом жизни (т. е. то, к чему чуть под другим углом подходил Маркс в своих «...рукописях 44-го года», формулируя социалистическое отношение к проблеме отчуждения). Энгельс не просто возводил очи горе и высказывал благие пожелания по поводу нравственности или безнравственности тех или иных элементов окружавшей его социальной реальности, что делали тогда многие морализаторы и политэкономы, но показывал, что общественное (а, как следствие, и индивидуальное) сознание не может быть иным, пока бытие остается таким, какое оно есть. Изменения же возможны лишь в случае системных изменений в отношениях между трудом и капиталом, ибо беды коренятся не в злонамеренности отдельных личностей, а в самом существе производственных отношений. Таким образом, уже в этой работе Энгельс выступил как убежденный материалист. Работа над последующими трудами, написанными совместно с Марксом в преддверии и в ходе событий 1848 года (Святое семейство, в котором авторы окончательно порывали с некогда важным для них левогегелянством и знаменитый Коммунистический манифест),

окончательно сформировали мировоззрение Энгельса как социалиста и материалиста.

Работы Энгельса известны у нас до сих пор гораздо меньше, чем работы Маркса и Ленина, которые с избытком конспектировались студентами в советский период. Друг Маркса воспринимался в большей степени как его последователь, нежели как самостоятельный общественный деятель и учёный. Однако это не совсем так. Не будет преувеличением, что без Энгельса не было бы Маркса и марксизма и не только в том смысле, что Энгельс высылал Марксу деньги после его эмиграции в Англию и не только в том смысле, что Энгельс собирал из рукописей друга второй и третий тома *Капитала*, но и в смысле успешных действий на том «фронте работы», который Энгельсом был выбран.

У двух соратников после того, как их революционный и творческий дуэт окончательно сложился, присутствовало своеобразное разделение труда. Если Маркс занимался вопросами «базиса», то есть исследованиями в области политэкономии, то Энгельс в большей степени (и, по всей видимости, с большим интересом) занимался вопросами «надстройки», т. е. юридическими, военными, политическими, религиозными и семейными вопросами. Хотя именно Энгельс сподвиг, в своё время, Маркса почитать Смита и Риккардо, опираясь на работы которых, тот и пришел к критике политической экономии, т. е. — к *Капиталу*. Его работы, посвященные диалектико-материалистическому осмыслению различных граней «надстройки» и интересуют нас с точки зрения возможности посмотреть, как далеко ушли в своём развитии эти элементы, а так же частные науки о них, в чем мы правы, а в чем есть смысл обратиться к наследию истмата.

Соратник Маркса обладал широким кругозором и разнообразными исследовательскими интересами. Так, в работе «К жилищному вопросу» он критиковал сторонников Прудона и продолжал развивать свои идеи, связанные с проблемой перенаселения городов в эпоху индустриализации и улучшения условий жизни рабочих. В работе «Крестьянская война в Германии» иллюстрировал влияние внутренних противоречий в обществе на процесс развития и смены одних экономических формаций другими. В работе «Диалектика природы» формулировал материалистические основы понимания естественных наук. В цикле статей по военным вопросам подвергал критике идеалистическое понимание военного дела, доказывал прямую зависимость войн и внешней политики от внутренних противоречий общества, а способов войны — от её материальной основы. В трактате «О происхождении семьи, собственности и государства» разрушал иллюзии о, якобы, раз и навсегда данных моральных нормах взаимодействия полов и организации семейной жизни. Ввиду невозможности подробно остановиться на всех вышеназванных сферах, разберем для примера последнюю — вопросы брака и семейной жизни.

В своей работе «О происхождении семьи, собственности и государства» Энгельс дал марксистский обзор истории этих институтов и анализ движущих сил их развития. В этом он опирался на наработки американского учёного Моргана, которые будучи рождены на свет в неблагосклонной к таким новшествам среде, легко могли утонуть в море критики или могли замалчиваться сколь угодно долго. Поэтому, как позднее писал К. Каутский, было чрезвычайно важно спасти наработки Моргана от забвения, что и сделал Энгельс [Каутский, 2018. С. 101]

Энгельс понимал общество как исключительно материальную и развивающуюся через противоречия систему. Семья же в таком обществе была частью такой системы, а не самостоятельным феноменом. По этой причине семью он трактовал не как нечто неизменное, раз и навсегда данное, существующее по каким-то своим отдельным правилам, а как часть этой самой общественной системы, часть процесса развития, как следствие условий материальной жизни людей и в первую очередь как следствие отношений связанных с производством и распределением благ (экономического базиса). Именно поэтому, опираясь на Моргана, Энгельс проследил развитие института брака у различных народов, проиллюстрировав, что присущее викторианской Англии и кажущаяся незыблемой моногамия существует лишь ничтожный по историческим меркам период, равно как романтическая любовь – не универсальный феномен, а продукт куртуазных вечеринок средневекового Прованса. Тем самым, позднейшие исследования многих видных специалистов, начиная от этнографа Малиновского и заканчивая философом Расселом лишь больше подтверждали выводы Энгельса и более рельефно, на более богатом фактическом материале демонстрировали реальность.

В наше время вопросами того, что условно именуют расплывчатым термином «семейные ценности» озабочены многие. Чиновники и религиозные догматики формулируют свои рецепты, касательно таких проблем, как демографическая яма, статистика разводов, семейно-бытовое насилие и т. д. Однако как большинство людей (среди которых есть и специалисты частных наук, и эксперты и сановники) понимает феномен семьи и брака? Понимают они его так, как понимали идеалисты, которых Энгельс в своё время подвергал критике, т. е. как нечто не зависящее от условий жизни людей и от отношений между ними. Такой идеалистский подход удобен, так как, придерживаясь его легко уверовать в некую универсальную мораль, а несоответствие этой морали реалиям объяснить частными ошибками отдельных лиц и несовершенной «человеческой природой», а вовсе не убожеством той социально-экономической системы, в которую помещены индивиды. На деле же нет никакой универсальной морали, она изменчива, как и нравы человека.

Если кто-то ратует в наше время за гуманизацию отношений в семьях, за снижение бытовой преступности и насилия, то ему надо не высказывать благие пожелания или сетовать на «тлетворное влияние бездуховной западной культуры», а взглянуть на то в каких условиях живут люди, какими заботами

и страхами наполнена их повседневность. Ещё в своих ранних работах два друга-революционера указывали на то, что отчужденный характер труда порождает животное поведение наемного рабочего, пришедшего домой с работы, ведь дома он (работник) «ест, пьёт, спит, совершает половой акт» [См. напр.: Маркс, Энгельс. Т. 42. С. 91], в то время как в процессе труда должен был бы утверждать свою родовую сущность, но не может этого сделать. Так может быть проблема не в упадке духовных начал, а в том, что буржуазное общество (как и всякое общество ранее) накладывает на брак и семью ряд особенностей, где из достоинств диалектически вытекают пороки и недостатки.

К слову новые поколения молодых людей всерьез заняты переосмыслением того, что ещё их родители считали незыблемыми ценностями. Они пробуют свободные отношения, полиамирию другие формы любовных связей и совместной жизни. При этом — да, они ошибаются, да заходят в тупики, да ранят свою душу, но они ищут, в них есть пассионарность, тяга к поиску, они сыты по горло лицемерностью и двойственностью той морали, которую им внушали, они разочаровались в навязанных шаблонах поведения и реализации себя во взаимодействии с окружающими (в том числе и в половом). Уверен, что молодые поколения нащупают те форматы, которые будут отвечать их экзистенциальным запросам не взирая на реакционное влияние клириков и консервативных идеологов, и будут иметь смелость жить так, как диктует им их стремление к счастью и свободе, тем самым подтверждая тезис о зависимости морали от условий жизни, и об изменчивости реальности, а вместе с тем и правоту Энгельса.

Список литературы / References

Ленин В. И. Сочинения. Изд. 5-е. Т. 2.

Каутский К. Фридрих Энгельс: Его жизнь, деятельность, сочинения. Изд-во «Ленанд», 2018. 104 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 42.

Сведения об авторе / Information about author

Шевченко Александр Вячеславович – аспирант философского факультета Томского государственного университета, e-mail: a_shevchenko_1990@mail.ru

АНТИЧНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Работа секции на конференции и публикации докладов реализованы при поддержке РФФ, проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях»

УДК 1 (091)
doi:10.47850/S.2020.1.35

АНТИФОНТ О ПРАВЕ *

Е. В. Афонасин

Институт философии и права СО РАН
afonasin@post.nsu.ru

В выступлении речь пойдет о понятии личной ответственности у Антифонта в контексте традиционного для греков разделения естественного и позитивного права. Та eikota (вероятные суждения), как мы увидим, противопоставляются Антифонтом ergon или ta pragmata (фактам), однако это не решает, но лишь усложняет интерпретационные проблемы.

Ключевые слова: софистика, аргументация, риторика, убеждение.

ANTIPHON ON LAW

Eugene Afonasin

Institute of philosophy and law SB RAS
afonasin@post.nsu.ru

In the paper I deal with the concept of legal responsibility in Antiphon viewed against the background of popular Greek distinction between natural and positive law. Ta eikota (probable inferences), as we will see, are opposed in Antiphon to ergon or ta pragmata (the facts), but this does not solve and even worsen all the interpretative difficulties.

Keywords: sophistry, argumentation, rhetoric, persuasion.

Из произведений афинского политика Антифонта (ок. 480–411) до нас дошли три судебных речи ¹ и три тетралогии, которые представляют собой скорее схему судебной аргументации и составлены с учебными целями, хотя и, по сравнению с речами Горгия, они написаны с гораздо большим вниманием к различным юридическим деталям. Первая тетралогия посвящена подробному разбору случая умышленного убийства в ситуации, когда обвинение не располагает неопровержимыми уликами против подсудимого и вынуждено

---

* Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

¹ «Против мачехи», которую сын обвиняет в отравлении своего отца; «Убийство Герода», в которой обвиняемый в умышленном убийстве житель острова Лесбос защищает себя от обвинения, основанного лишь на косвенных уликах, и «Мальчик из хора», где разбирается случай гибели мальчика из хора, выпившего данное ему неизвестное «лекарство от простуды».

прибегать к косвенным свидетельствам и вероятным умозаключениям, на которые, соответственно, подобными же методами отвечает защита, стремясь, как и в речах Горгия, слабый аргумент сделать более сильным¹. Основная цель Антифонта – исследовать значимость вероятных суждений (*ta eikota*) в судебной практике, и вывод, по-видимому сводится к тому, что лишь неопровержимые факты (*ergon* или *ta pragmata*) в конечном итоге предоставляют суду окончательные доказательства. Однако, как показывает аргумент, развиваемый во второй тетралогии, все не так просто: даже если факты не вызывают сомнений, их правильное толкование может оказаться непреодолимой проблемой². Данный текст примечателен в качестве одного из древнейших исследований проблемы вины (в том числе, по небрежности) и личной ответственности, когда ни одна из сторон не может выдвинуть «истинного» представления о «факте» и вынуждена довольствоваться лишь тем или иным «мнением», так что истина «дела» затемняется «словом» оратора, стремящегося быть как можно более убедительным. Как и в предыдущей тетралогии, Антифонт не склоняется ни на одну сторону и не сообщает решения по этому делу. Наконец, в третьей тетралогии вопрос личной ответственности Антифонт рассматривает с точки зрения психологических причин, таких как ярость и потеря контроля, пытаясь выяснить, кто из борцов «более виновен» в случившемся, так что удар пострадавшего как бы стал причиной для ответного и фатального удара ответчика³. Как полагают некоторые авторы, в судебных речах и тетралогиях Антифонта различим знаменитый софистический «метадискурс» о взаимосвязи «природы» и «закона», причем Антифонт неизменно ратует за их согласование, как и в том папирусном фрагменте из сочинения «Истина», где проблема естественного права раскрывается с помощью примечательного наблюдения по поводу свидетельского показания. В самом деле, как согласовать естественный принцип, предписывающий «не вредить другому» с правовой обязанностью давать правдивые свидетельские показания?

В целом, в сфере права и морали подобными «позитивистами» были и другие современники Антифонта, такие как софист Фрасимах, учивший, что свои же собственные «божественные» установления боги «проглядели», так

---

¹ Рассматривается следующий случай: пострадавший был найден мертвым на улице, однако его смертельно раненый слуга все же успел назвать имя убийцы.

² Разбирается пример, популярный в античной литературе: на стадионе один юноша получил смертельную рану из-за копья, брошенного другим юношей. По свидетельству Плутарха (*Перикл* 36.5), Перикл и Протагор как-то провели целый день, разбирая подобный случай. Никто не отрицает самого факта убийства, однако следует ли данную ситуацию считать случаем непреднамеренного убийства, наказываемого, по афинским законам, изгнанием? Или же погибший юноша проявил неосторожность, оказавшись на линии огня в неподходящее время, а значит сам виноват в своей смерти? Наконец, может быть, виноваты родители обоих юношей или же организатор тренировок, не обеспечивший должную безопасность?

³ Рассматривается случай, когда в пьяной драке один борец убил другого.

что «величайшее благо для людей», справедливость, явно не оказалось в их числе (Гермий, Комментарий к «Федру» Платона, 267с, р. 251.18–22). Как следствие, справедливость среди людей превратилась в «нечто, полезное более сильному (τὸ τοῦ κρείττονος ὑμμερόν)». Именно они устанавливают законы в своих интересах и извлекают из них выгоду (Платон, *Государство* 338с). Точно так же, одна из ключевых фигур так называемой Тирании Тридцати 404/3 г., политический деятель и писатель Критий полагал, что право (как божественное, так и гражданское) — это человеческое творение, поэтому «благородный нрав» превыше любого закона, тогда как «справедливость и сама может оказаться тираном» (Критий, фр. 25 DK, из сатировой драмы *Сизиф*). И все же, все они, и прежде всего Антифонт, отнюдь не отвергали традиционные правовые и моральные установления. Как раз напротив: они признавали их ценность и учили пользоваться ими в своих законных интересах, учитывая правовой, социальный и политический контекст того или иного дела. Этому учили софисты, в этом же помогали написанные ими речи.

Сведения об авторе / Information about author

Афонасин Евгений Васильевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН, afonasin@gmail.com

УДК 125:1(091)
doi:10.47850/S.2020.1.36

ЗЕНОНОВСКИЕ ОБЪЕКТЫ В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЯХ *

И. В. Берестов

Институт философии и права СО РАН
berestoviv@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-0782-761X

Мы анализируем современные мысленные эксперименты с некоторыми зеноновскими объектами и машинами бесконечности. С одной стороны, мы продолжаем анализ примеров из статьи Hawthorne, 2000, указывая на неполноту нашего постижения анализируемых в этой статье примеров. С другой стороны, с помощью способа рассуждения, связанного с тем способом, который применяется в статье Hawthorne, 2000, мы показываем, как можно сделать апорию Дихотомия Зенона Элейского устойчивой к её традиционному опровержению.

Ключевые слова: Зенон Элейский, Дихотомия, машины бесконечности, зеноновские объекты, мереологическая сумма, континуум, открытый интервал, выполнение бесконечной последовательности действий.

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

ZENO OBJECTS IN CONTEMPORARY DISCUSSIONS

I. V. Berestov

Institute of Philosophy and Law SB RAS

berestoviv@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-0782-761X

We analyze contemporary thought experiments with some Zeno objects and infinity machines. On the one hand, we continue to analyze the examples from Hawthorne, 2000, pointing out the incompleteness of our comprehension of the examples from this paper. On the other hand, using a mode of reasoning associated with that of Hawthorne, 2000, we show how Zeno of Elea's Dichotomy can be made immune to its traditional refutation.

Keywords: Zeno of Elea, Dichotomy, machines of infinity, Zeno objects, mereological sum, continuum, open interval, completing of an infinite sequence of acts.

Настоящий доклад посвящён анализу подхода к зеноновским объектам из статьи [Hawthorne, 2000]. Вообще, зеноновский объект есть объект, содержащий бесконечное число частей, причём таким способом, что это порождает некоторую нелепость, апорию, нечто контринтуитивное, или, по крайней мере, видимость чего-то из этого [Prosser, 2009]. Зеноновские объекты вряд ли можно изготовить в реальности, они являются исключительно умозрительными построениями. Зеноновские объекты могут быть использованы как аргумент в пользу тезиса «с бесконечностью что-то не так». Например, что допущение существования бесконечного числа вещей абсурдно вообще, или конкретный вид их расположения недопустим; или выполнение бесконечного числа действий (любых или определённого типа) невозможно. Первое связывает зеноновские объекты непосредственно с аргументами Зенона Элейского о невозможности существования сложного объекта (см., например, 29 В 1 DK). Второе связывает зеноновские объекты с аргументами Зенона против движения *Дихотомия* и *Ахиллес*.

Широко известными и довольно простыми зеноновскими объектами является, например, куб $1\text{ м}^*1\text{ м}^*1\text{ м}$, состоящий из бесконечного числа слоёв, нижний слой в $1/2\text{ м}$ красный, следующий в $1/4\text{ м}$ синий, следующий $1/8\text{ м}$ снова красный, и т. д. до бесконечности. Странность такого объекта заключается в том, что невозможно определить цвет верхнего слоя. Взглянув на этот слой сверху, непонятно какой цвет мы увидим. Однако довольно трудно превратить эту странность в полноценный аргумент, обосновывающий невозможность существования куба, являющегося композицией (или мереологической суммой, fusion) слоёв, заданных указанным способом. Действительно, представленный способ задания куба не определяет цвет, который будет виден сверху, ибо этим цветом должен быть цвет его последнего слоя, но, поскольку число слоёв бесконечно, последнего слоя не существует. Поэтому можно сказать, что в одном возможном мире наблюдатель, находящийся над кубом, увидит синий цвет, в другом – красный, в других мирах он увидит произвольные надписи произвольных цветов, любые картины и т. д. Из этого вовсе не следует невозможность существования так заданного куба.

В [Thomson, 1954] представлен несколько более сложный зеноновский объект – «лампа Томсона». Представим себе лампу, включённую $1/2$ минуты,

затем сразу же выключенную $1/4$ минуты, затем сразу же снова включённую $1/8$ минуты, и т. д. до бесконечности. Как и в предыдущем случае – исходя из представленного описания ситуации – невозможно определить, будет ли лампа Томсона включена или выключена через минуту после того, как её впервые включили. В одних возможных мирах она включена, в других выключена. Как и в предыдущем случае, из этого вовсе не следует невозможность существования такой лампы. Заметим, что в этом случае зеноновским объектом является не просто лампа Томсона в некоторый момент времени, а положение дел, описывающее состояние лампы в течение всей минуты, состоящее из положений дел, состоящих в том, что лампа в течение $1/2$ минуты включена, затем в течение $1/4$ минуты выключена и т. д.

В [Hawtone, 2000] анализируется несколько зеноновских объектов, обсуждение которых восходит к [Benardete, 1964, pp. 255–260]. В первом случае речь идёт о шаре, катящимся по ровной дороге АВ слева направо от точки А к точке В и далее. Дорога ровная, без препятствий и идёт вниз под небольшим уклоном, свернуть с неё или покинуть её невозможно. Точка В отстоит от точки А на 2 мили, и в точке В имеется стена с номером 1, толщиной в 1 фут. В точке, отстоящей от А на $1\frac{1}{2}$ мили, также имеется стена номер 2, толщиной в $1/2$ фута. В точке, отстоящей от А на $1\frac{1}{4}$ мили, также имеется стена номер 3, толщиной в $1/4$ фута. В точке, отстоящей от А на 1 и $1/8$ мили, также имеется стена номер 4, толщиной в $1/8$ фута, и т. д. до бесконечности. Каждая стена непроницаема, т. е. шар, столкнувшийся с ней, не преодолеет её. Кроме того, примем, что шар, столкнувшийся с какой-либо стеной, остановится в точке столкновения. Спрашивается: будет ли шар остановлен, и, если будет, то в какой точке и стеной с каким номером? Если шар продвинется от точки С, находящейся на расстоянии в 1 милю от А, на какое-либо расстояние l , то между шаром и точкой С будет находиться бесконечное число стен. Поскольку стены непроницаемы, для любого l можно доказать, что шар не может откатиться от С на расстояние l . Также для любого номера стены n , можно доказать, что шар не достигнет стены с номером n , поскольку для любого n существует стена с номером $n+1$, находящаяся ближе к С, чем стена с номером n . Из этого следует, что шар не сдвинется от С на какое-либо расстояние, и будет остановлен в С. Мы получили положение: шар будет остановлен, но, однако, ни одна стена не остановит шар. Этот вывод кажется парадоксальным, но противоречия здесь нет, а значит, не доказано, что зеноновский объект, состоящий из мереологической суммы бесконечного числа стен, не может существовать. В [Hawtone, 2000] утверждается, что именно мереологическая сумма стен — а не какая-либо отдельная стена, имеющая порядковый номер — остановит шар. Шар (замкнутый интервал) в момент задержания не касается ни одной из стен, но касается их мереологической суммы (интервал, открытый со стороны шара) — если прикосновение понимать как отсутствие у шара и мереологической суммы общих точек и отсутствие точек между ними.

В [Hawtome, 2000] предложено и «более радикальное» рассуждение. Пусть стены, воздвигнутые от С до В, будут не воздвигнуты актуально, но каждая стена лишь может быть воздвигнута некоторым могущественным демоном. Первый демон намерен воздвигнуть стену номер 1 на расстоянии в 2 мили от А только если шар не будет задержан на отметке в $1\frac{1}{2}$ мили от А. Второй демон намерен воздвигнуть стену номер 2 на расстоянии в $1\frac{1}{2}$ мили от А только если шар не будет задержан на отметке в $1\frac{1}{4}$ мили от А. Третий демон намерен воздвигнуть стену номер 3 на расстоянии в $1\frac{1}{4}$ мили от А только если шар не будет задержан на отметке в 1 и $\frac{1}{8}$ мили от А. И т. д. до бесконечности. В этом случае можно доказать, что ни один демон не воздвигнет стену, но шар, тем не менее, будет остановлен в точке С. В этом случае шар будет задержан мереологической суммой не реальных стен, а лишь намерений демонов. Коллектив демонов задержит шар силой мысли. И опять, здесь нет никакого противоречия, доказывающего невозможность зеноновского объекта в виде такой суммы.

Правда, возникает трудноразрешимое затруднение – не рассматриваемое в [Hawtome, 2000] — с тем, как квалифицировать деяния демонов, если задержание движущегося объекта является противоправным деянием. Например, если из А к В движется Ахиллес, то его задержание будет нарушать права и свободы Ахиллеса. Непонятно, как в этом случае квалифицировать деяния демонов: как всего лишь намерение задержать Ахиллеса (ведь ни один демон так и не воздвиг стену), или как преступное задержание Ахиллеса (ведь Ахиллес всё-таки был задержан)? Кроме того, кого следует осудить за задержание Ахиллеса: каждого демона или мереологическую сумму демонов? Если виновата мереологическая сумма, то как осудить за преступное задержание только её, не осуждая каждого демона — ведь ни один демон не совершил преступного деяния, и может быть обвинён лишь в преступном намерении?

Представленному описанию ситуации с шаром, демонами и стенами не противоречит, что мереологическая сумма намерений демонов воздвигла свою собственную стену, благодаря которой и произошло задержание, или мереологическая сумма намерений демонов задержала шар без возведения стены. Однако ни один из этих вариантов не следует из этого описания. Из этого описания мы можем вывести лишь, что шар будет задержан в точке С. Но совершенно непонятно, что именно его задержит. Если мы примем дополнительное условие, что в рассматриваемой нами ситуации ничто, кроме намерения каждого отдельного демона, не может воздвигнуть стену, то останется только последний вариант: мереологическая сумма *намерений* демонов задержала шар без возведения стены. И мы опять возвратились к тому, что демоны задержали шар силой мысли. Если же мы примем «естественное» допущение, что шар может быть задержан только стеной, возведённой каким-либо отдельным демоном, то наше описание ситуации просто станет противоречивым: шар задержан; ни один отдельный демон не воздвиг стену;

задержать шар может только стена, воздвигнутая отдельным демоном; если на пути шара нет стен, то шар не будет задержан.

Рассмотрим, наконец, на какие размышления об *Обратной* (или *Регрессивной*) *Дихотомии* может навести обрисованный выше подход из [Hawtome, 2000]. Ахиллесу, для того, чтобы, идя слева направо, от А дойти до В, нужно пройти сначала левую половину АВ, чтобы пройти её, нужно пройти левую половину левой половины АВ, и т. д. до бесконечности. Зенон утверждает, что в силу *этого* Ахиллес никогда не дойдёт до В¹. Но в силу чего именно? Если мы будем считать, что невозможно последовательно, одна за другой, пройти точки на АВ, соответствующие числовой последовательности ... , 1/8, 1/4, 1/2, 1, то это утверждение ложно: из допущения, что АВ пройден – причём каждая из указанных точек пройдена позже предыдущей, – противоречие не выводится. Оно не выводится даже если указанная последовательность точек – как предполагается – бесконечна, а значит, не содержит первой точки, которую Ахиллесу надо пройти раньше всех остальных точек из этой последовательности.

Однако истинность положения (0) Ахиллес достиг точки В подразумевает не только (1) Ахиллес последовательно прошёл *все* полученные посредством дихотомии точки, но также и (2) Ахиллес, находящийся в определённый момент времени t_0 в точке А, появился в наименьшем интервале, содержащем все точки, образованные указанной процедурой дихотомии. Таким интервалом является интервал (АВ]. Появление Ахиллеса в (АВ] есть начало выполнения Ахиллесом задачи по преодолению бесконечной последовательности уменьшающихся интервалов. Поскольку мы рассматриваем Ахиллеса как равномерно движущуюся точку, (3) Ахиллес появился только в одной точке интервала (АВ], и его появление произошло только в один момент времени t_1 .

Но в какой именно точке Ахиллес появится? Ахиллес не может появиться в точке, лежащей на (АВ] *ближе* к А, чем все точки, получаемые дихотомией: этой точкой может быть только А, находящаяся вне (АВ]. Ахиллес также не может появиться в точке D, лежащей на (АВ] в какой-либо точке, получаемой дихотомией, или *ближе* к В, чем какая-либо точка, получаемая посредством дихотомии. Действительно, каждой такой точке предшествует другая точка Е, содержащаяся в рассматриваемой последовательности точек, и находящаяся ближе к А, чем D. Значит, Ахиллес, появившийся в D, пройдёт не все точки интервала (АВ], получаемые дихотомией, а только и те из них, которые лежат на интервале [DB]. Это противоречит требованию (1). Таким образом,

---

¹ В дошедших до нас редакциях *Дихотомии*, собранных в 29 А 25 DK, недостижимость В для Ахиллеса выводится с использованием следующего допущения: *бесконечного числа точек невозможно коснуться в конечное время*. Это допущение в наше время считается ложным. Однако ни одна из редакций *Дихотомии* не считается текстом, написанным самим Зеноном. Это даёт нам некоторое право предложить ниже трактовку *Дихотомии*, не использующую это допущение.

получаем: (4) Ахиллес не появился ни в одной точке интервала (AB]. Но (4) противоречит (3). Мы получили, что (0) имплицитно утверждает тождественно ложное положение. Следовательно, (0) ложно, и следует заключить, что Ахиллес никогда не доберётся из А в В.

Аналогичное рассуждение можно провести для случая *Прямой* (или *Прогрессивной*) *Дихотомии*. Ахиллесу, чтобы дойти из А до В, идя слева направо, нужно пройти сначала левую половину АВ, затем левую половину оставшейся правой половины, и т. д. Примем, что Ахиллес, если он закончил выполнять бесконечную последовательность задач по достижению В, то он должен покинуть [AB], оказавшись в В. Примем, что Ахиллес может покинуть интервал [AB] только в какой-либо точке этого интервала. Из этого можно получить, что Ахиллес не покинет [AB], не выполнит все задачи по достижению В, и не достигнет В.

Список литературы / References

- Benardete J.** *Infinity: An Essay in Metaphysics*. Oxford (UK): Clarendon Press, 1964. 289 pp.
Hawthorne J. Before-Effect and Zeno Causality. *Noûs*. 2000. Vol. 34. No. 4, pp. 622–633.
Prosser S. Zeno Objects and Supervenience. *Analysis*. 2009. Vol. 69. No. 1, pp. 18–26. doi:10.1093/analys/ann003.
Thomson J. F. Tasks and Super-Tasks. *Analysis*. 1954. Vol. 15, pp. 1–13.

Сведения об авторе / Information about the author

Берестов Игорь Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, 630090, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: berestoviv@yandex.ru
Berestov Igor – Ph.D, senior researcher of Institute of Philosophy and Law SB RAS, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, e-mail: berestoviv@yandex.ru

УДК 1(091)
doi:10.47850/S.2020.1.37

КОСМОПОЛИТИЗМ И ПАТРИОТИЗМ В РАННЕЙ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТОР

В. В. Бровкин

Институт философии и права СО РАН
drakar@ngs.ru
ORCID: 0000-0002-0344-3304

Установлено, что в период раннего эллинизма в греческой философии усилилось противостояние между двумя противоположными тенденциями – патриотической и космополитической. Патриотические ценности сохранили свое влияние. Выразителями патриотических идей были Аристотель, Ксенократ, Анникерид, Менедем, частично ранние стоики. В то же время усилились и позиции космополитизма, который был представлен в философии киников, ранних стоиков и Феодора. Установлено, что образование эллинистических монархий оказало влияние на развитие обеих тенденций. Сближение греков с народами Востока способствовало распространению космополитических идей. А основание греческих городов в эллинистических государствах способствовало сохранению полисных ценностей, одной из которых был патриотизм.

Ключевые слова: космополитизм, патриотизм, ранняя эллинистическая философия, полис, эллинистическая монархия.

COSMOPOLITANISM AND PATRIOTISM IN EARLY HELLENISTIC PHILOSOPHY: SOCIO-HISTORICAL FACTOR

V. V. Brovkin

Institute of philosophy and Law SB RAS
drakar@ngs.ru

ORCID: 0000-0002-0344-3304

It is established that in Early Hellenistic philosophy the opposition between two tendencies – Patriotic and cosmopolitan increased. Patriotic values have retained their influence. The exponents of Patriotic ideas were Aristotle, Xenocrates, Anniceris, Menedemus, and partially the early stoics. At the same time, the positions of cosmopolitanism, which was represented in the philosophy of the cynics, the early Stoics, and Theodorus, also strengthened. It is also established that the formation of Hellenistic monarchies influenced the development of both tendencies. The rapprochement of the Greeks with the peoples of the East contributed to the spread of cosmopolitan ideas. And the Foundation of Greek cities in the Hellenistic States contributed to the preservation of Polis values, one of which was patriotism.

Keywords: cosmopolitanism, patriotism, early Hellenistic philosophy, polis, Hellenistic monarchy.

В данной работе мы рассмотрим вопрос о том, какие факторы социально-исторического развития обусловили противостояние между двумя тенденциями (космополитической и патриотической) в ранней эллинистической философии. Как известно, космополитизм уходит корнями в IV в. до н. э. Первым космополитом был киник Диоген Синопский. С началом эпохи эллинизма космополитические идеи получают более широкое распространение в греческой философии. Радикальной версии космополитизма придерживались киники и Феодор Безбожник. Космополитизм киников не оставлял шанса на компромисс с социальной и политической реальностью. На новый уровень космополитизм вывели ранние стоики, которым удалось придать этому учению умеренный характер. Космополитическая теория ранних стоиков как учение о двойном гражданстве открывала возможность одновременно служить двум государствам – всемирному и обычному. Но, вопреки распространенной точке зрения в научной литературе [Целлер, 1996. С. 191; Лосев, 2000. С. 10; Шестова, 2019. С. 115], космополитизму не удалось стать преобладающей тенденцией в ранней эллинистической философии. Вытеснить патриотические ценности космополитизм не смог. Приверженность патриотизму осталась влиятельной тенденцией в греческой философии в данный период. Она хорошо просматривается у Аристотеля, Ксенократа, Анникерида, Менедема. Влияние патриотических ценностей прослеживается также у перипатетиков и академиков. Нельзя не отметить и ранних стоиков, у которых во всю силу проявилась двойственность в виде сосуществования двух тенденций – космополитической и охранительно-консервативной.

Традиционно принято считать, что ослабление полисных ценностей и усиление космополитических настроений в периоды поздней классики и раннего эллинизма было связано с кризисом полисной системы. Этот кризис был вызван нескончаемыми войнами за гегемонию в Греции и обострением социально-политической борьбы. Эти процессы ослабляли и разрушали Грецию изнутри. Кризис полисной системы характеризовался разложением мораль-

ных и религиозных норм, упадком общественных и политических ценностей. Все это сопровождалось атомизацией общества, ростом индивидуализма и как следствие – усилением тенденции к отчуждению индивида от общества. Мы разделяем данную точку зрения, но лишь частично. Мы согласны с тем, что в период раннего эллинизма Греция испытывала серьезные проблемы. Но мы не согласны с мнением о том, что этот кризис привел греческие полисы в состояние полного политического бессилия. Мы полагаем, что, не смотря на все разрушительные процессы, полисная система устояла. В условиях господства эллинистических царств, греческие полисы также продемонстрировали жизнеспособность. Можно согласиться с Э. Брауном, который пишет: «Широко распространенное предположение, что полис рухнул при имперских правительствах преемников Александра, в лучшем случае спорно, а в худшем – совершенно ошибочно» [Brown, 2006. Р. 549]. Как отмечает Э. Браун, в эллинистическую эпоху полисы продолжали предоставлять возможность для участия в политической жизни, и многие философы выступали сторонниками активного участия в политической деятельности [Brown, 2006. Р. 549]. Даже будучи ослабленными, патриотические ценности продолжали играть важную роль в жизни полисов и тем самым оказывать влияние на философию.

Распространение космополитизма в греческой философии как правило связывают с образованием эллинистических монархий. Завоевания Александра и появление государств, основанных его преемниками, способствовало сближению между греками и различными народами Востока. Значительные изменения произошли в политической сфере. На свет появились огромные многонациональные государства, во главе которых стояли монархи с неограниченной властью. На Востоке были основаны новые греческие полисы. При этом процесс сближения был двусторонним. Греческие колонисты заселяли Ближний Восток и Египет, выходцы из Азии усиливали свое присутствие в Греции. Оживились торгово-экономические и культурные связи. Религиозная жизнь греков обогатилась восточными элементами. Причем настолько, что это привело к появлению такого феномена как религиозный синкретизм. С образованием эллинистических монархий греки вышли далеко за пределы своей прежней цивилизации. Интеллектуальная элита Греции столкнулась с новыми вызовами, на которые должна была ответить. Одним из этих ответов как раз и стало распространение космополитических идей в греческой философии.

Но как мы установили, было бы большим преувеличением считать, что космополитизм имел оглушительный успех в ранней эллинистической философии. Во-первых, космополитические идеи были представлены только в философии киников, ранних стоиков и Феодора. Во-вторых, космополитизму не удалось вытеснить патриотизм, который и в период раннего эллинизма оставался важной ценностью для многих греческих философов. Следует ли из этого, что образование эллинистических монархий оказало слабое влияние на

распространение космополитизма? Мы полагаем, что нет. Мы разделяем точку зрения о большом влиянии этого исторического процесса на развитие греческой философии. Но мы полагаем, что образование эллинистических монархий оказало влияние не только на распространение космополитизма, но и на сохранение патриотизма. Дело в том, что основание новых государств на Востоке сопровождалось появлением на их территории греческих полисов. Самыми крупными и известными из них стали Александрия, Антиохия, Селевкия, Апамея. Известно, что изначально гражданами этих городов были представители греко-македонского населения. Новые города обладали основными чертами полисного устройства. В заключении исследования, посвященного вопросу о полисном устройстве Александрии, М. Ю. Серова пишет: «Для нее было характерно наличие института гражданства и гражданской общины, которая выбирала некоторых городских магистратов и решала дела города посредством таких демократических органов, как Совет и Народное собрание. Однако, несмотря на такие демократические элементы, александрийская гражданская община строго контролировалась царской администрацией. И, следовательно, Александрия представляла собой типичный восточно-эллинистический полис, где сочетались как греческие полисные установления, так и монархические черты» [Серова, 2005. С. 49]. Сохранение основных черт полисного устройства в городах, основанных на Востоке в период раннего эллинизма, является очень важным моментом. На наш взгляд, это доказывает важную роль, которую играли традиционные полисные ценности в этих городах. Несмотря на снижение политической активности граждан в эллинистических полисах, патриотические ценности в них должны были сохраниться. И не стоит забывать, что для многих греков эллинистические царства стали новой родиной и домом, что также не могло не способствовать развитию патриотических чувств.

Еще одним доказательством важной роли патриотизма в основанных на Востоке полисах является отношение их жителей к правителю государства. Если говорить кратко, то отношения между эллинистическими монархами и их подданными из числа греко-македонского населения носили добрый характер. Монархи защищали интересы жителей греко-македонского происхождения, а те, в свою очередь, преданно им служили. Такая форма взаимовыгодных отношений явилась следствием того, что греко-македонские завоеватели оказались на новой территории в окружении местного населения. Как пишет Г. Кестер, «новые поселенцы работали и сражались не только за царя, но и за свою безопасность и процветание» [Koester, 1995. Р. 44]. Таким образом, можно сказать, что образование эллинистических монархий оказало влияние на развитие противоположных тенденций в греческой философии. Сближение греков с многочисленными народами Востока способствовало распространению космополитических идей. А основание греческих городов в эллинистических государствах имело следствием сохранение полисных ценностей, одной из которых был патриотизм.

Итак, как мы установили, в ранней эллинистической философии усилилось противостояние между двумя тенденциями – космополитической и патриотической. Усиление первой тенденции было связано с развитием космополитических идей у киников, ранних стоиков и Феодора. Распространению космополитических идей способствовал кризис полисной системы и образование эллинистических монархий, которое привело к культурному сближению между греками и народами Востока. Но вытеснить патриотические ценности космополитизму не удалось. К приверженцам патриотизма из числа греческих философов можно отнести Аристотеля, Ксенократа, Анникерида, Менедема. Влияние патриотических ценностей прослеживается в философии перипатетиков и академиков. У ранних стоиков патриотизм как часть охранительно-консервативной тенденции уживался с тенденцией к космополитизму. Как мы установили, образование эллинистических царств способствовало не только распространению космополитизма, но и сохранению патриотических ценностей. Это было связано с основанием на Востоке греческих полисов и развитием патриотических чувств у греческих переселенцев к новой родине. Высокий ценностный статус патриотизма в греческой философии был связан также с сохранением полисной системы в период раннего эллинизма.

Список литературы / References

- Лосев А. Ф.** История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 2000.
Losev A. F. History of ancient aesthetics. Early Hellenism. Moscow. 2000. (In Russ.)
- Серова М. Ю.** К вопросу о полисном устройстве Александрии Египетской. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История.* 2005. № 2. С. 44–49.
Serova M. To the Question of Alexandria Egyption's Polis. *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2005. No. 2. P. 4449. (In Russ.)
- Целлер Э.** Очерк истории греческой философии. СПб., 1996.
Zeller E. Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung. St. Petersburg, 1996. (In Russ.)
- Шестова Т. Л.** Античные истоки современного космополитизма. *Век глобализации.* 2019. № 3 (31). С. 108–122.
Shestova T. Modern Cosmopolitanism and its Ancient Origins. *Age of Globalization*, 2019. No. 3. P. 108–122. (In Russ.)
- Brown E.** Hellenistic Cosmopolitanism. In Mary Louise Gill and Pierre Pellegrin (eds.). *A Companion to Ancient Philosophy.* Oxford: Basil Blackwell. 2006. P. 549–558.
- Koester H.** History, Culture, and Religion of the Hellenistic Age. Second Edition. New York/Berlin: Walter de Gruyter. 1995. 409 p.

Сведения об авторе / Information about the author

- Бровкин Владимир Викторович** – младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, Николаева 8, e-mail: drakar@ngs.ru
Brovkin Vladimir – Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, e-mail: drakar@ngs.ru

ДВЕ ФОРМУЛИРОВКИ ТЕЗИСА ПРОТАГОРА В «МЕТАФИЗИКЕ» Г *

Н. П. Волкова

Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, ул. Николаева 8
go2nadya@gmail.com

В докладе речь пойдет об аристотелевской интерпретации Тезиса Протагора (ТП) в Метафизике Г и его связи с Тезетом Платона. Особое внимание уделяется спору о различии двух формулировок ТП, имеющему место среди современных ученых. Если первая формулировка отрицает только принцип непротиворечия, то вторая позволяет Аристотелю интерпретировать ТП в контексте учения Анаксагора.

N. P. Volkova

Two Formulations of the Thesis of Protagoras in Metaphysics Г and Plato's Theaetetus

This presentation deals with the Aristotelian interpretation of the Thesis of Protagoras (TP) in Metaphysics Г and its connection with Plato's Theaetetus. Particular attention is paid to the dispute about the difference between two formulations of TP, which takes place among modern scholars. If the first formulation only denies Principle of Non-Contradiction, the second allows Aristotle to interpret TP in the context of the teaching of Anaxagoras.

В докладе будут рассмотрены две формулировки тезиса Протагора, данные Аристотелем в «Метафизике». Известно, что сочинение Протагора, которое, открывалось утверждением о том, что «человек есть мера всех вещей» (ТП), – до нас не дошло. Однако ТП оказал большое влияние на философскую мысль Античности, Нового и Новейшего времени. ТП подвергался самым различным интерпретациям, перечислить все их не представляется возможным. Рассмотрим только некоторые из них. В «Трех книгах Пирроновых положений» Секст Эмпирик говорит, что поскольку Протагор объявляет мерой всех вещей человека, а под «мерой» нужно понимать критерий истины, то Протагор тем самым вводит относительность (οὐτως εἰσάγει τὸ πρὸς τι). Интерпретация Секстом меры как критерия истины позволила Эдуарду Целлеру назвать доктрину Протагора релятивизмом (от лат. relatio), а Протагора объявить зачинателем этого философского направления. Традиционно считается, что под «человеком» Протагор понимает индивида, а не человеческую природу. Однако в работе 1948 г. «Софисты» Эжен Дюпреель предлагает «обобщающее толкование» (l'interprétation générique) термина «человек» в ТП. Таким образом, в Протагоре Дюпреель видит предшественника Канта, ведь если рассматривать «человека» как род, то, Протагор окажется первым, кто ввел представление о том, что «природа удаляется из объекта, чтобы обнаружить саму себя в познающем субъекте». Вопрос о том, что Протагор понимал под существованием вещей, тоже не оставался без внимания. Самая

---

* Работа выполнена при поддержке РНФ проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

радикальная интерпретация «существования» принадлежит Беркли, объявившему, что если вещь не воспринимается, то она не существует.

«Теэтет» и «Метафизика» Г. Аристотель также не оставил ТП без внимания. Хотя он никогда не цитирует ТП, зато предлагает разные его формулировки, самая лаконичная из которых: «все мнения по необходимости совершенно истинны» (*Metaph.* 1009 а 11–12). Считается, что эту интерпретацию Аристотель заимствует из «Теэтета», где Платон ясно показал связь между ТП и идеей о том, что все восприятия верны (*The.* 152а–с). Однако не стоит сводить влияние «Теэтета» на анализ ТП в «Метафизике» Г к простому заимствованию формулировки. Во-первых, оба философа решают одну и ту же проблему – проблему познания. В Платон спрашивает о том, что такое знание и что значит знать (ἐπιστήμη ὅτι ποτὲ τυγχάνει ὄν (*The.* 145 е 9)), а Аристотель ищет такую форму знания, которой соответствовало бы имя «мудрости», сферой исследования которой будут первые начала и причины. Во-вторых, в обоих текстах ТП помещен в самом начале исследования, посвященного указанной проблеме знания. Потому что и Платон, и Аристотель видят в ТП преграду для построения своих теорий познания. Если Платон опровергал ТП потому, что считал, что ТП лежит в основании утверждения о том, что знание – это чувственное восприятие, то Аристотель полагал, что ТП противоречит одному из его главных теоретических принципов — принципу противоречия (ПП). В-третьих, оба философа ставят вопрос о знании в контексте вопроса о бытии: нельзя ответить на вопрос, что значит знать, если не ответить на вопрос о том, что значит быть, поэтому за словами Протагора Платон видит онтологию Гераклита, а Аристотель — Анаксагора.

Место ТП в «Метафизике». ТП Аристотель анализирует в «Метафизике» Г, главы 4–6. Известно, что четырнадцать книг «Метафизики» представляют собой компиляцию текстов Аристотеля, а также кого-то из его учеников, созданную редакторами после смерти Аристотеля. В книге А, которую издатели поставили в начале, цель философии представлена как метод устранения удивления и недоумения, которая достигается благодаря обретению «знания о первых началах и причинах». Для этого необходимо найти такую форму знания, которой соответствовало бы имя мудрости (*Metaph.* 982 в 11). Помимо постановки задачи в книге А Аристотель оценивает работу по поиску начал своих предшественников-философов. После короткой книги, обозначенной буквой альфой малой, следует книга В. В ней Аристотель формулирует 14 апорий, связанных с исследованием первых принципов, большинство них рассматриваются более или менее подробно в остальных книгах «Метафизики». Наконец книга Г открывает основные, содержательные рассуждения трактата, которые начинаются вопросом о предмете первой философии и делении философских наук. Книга Г состоит из трех частей. Глава 1 кратко излагает природу первой философии как особой, общей, науки, обладающей своим специфическим предметом исследования. Она исследует сущее как таковое, или сущее, поскольку оно сущее (τὸ ὄν ᾧ ὄν). Главы 2 и 3

(до 1005 b 8) защищают первую философию как науку, обладающую специфическим предметом исследования. В них мы узнаем, что все сущее связано с сущностью, поэтому вопрос о сущем трансформируется в вопрос о сущности. Кроме того, поскольку предметом первой философии является «первое», этим первым объявляются не только «сущности», но и «аксиомы». Остальная часть книги (начиная с 1005 b 8 и далее) состоит из исследования того, что в настоящее время известно как принципы противоречия (ПП) и исключенной середины. ТП рассматривается в 4–6 главах, как представление, противоречащее ПП. ПП и исключенной середины рассматриваются Аристотелем как примеры общих начал, или аксиом, применимых во всех сферах доказательного знания.

Две формулировки ТП. Согласно Аристотелю, первое не подлежит доказательству, в противном случае цепочка доказательств уходила бы в бесконечность. Первые недоказуемые посылки являются безусловными, наиболее существующими, и наиболее познаваемыми, к ним относится и ПП. Однако есть такие люди, которые не согласны с ПП:

Есть, однако, такие, кто, как мы сказали, и сам говорит, что одно и то же может в одно и то же время и быть и не быть, и утверждает, что так считать вполне возможно (*Metaph.* 1005 b 35–1006 a3). (1)

Перед нами первая формулировка ТП. Таким образом, ТП, по мысли Аристотеля, опровергает ПП. Затем следует вторая формулировка:

если относительно одного и того же вместе было бы истинно все противоречащее одно другому, то ясно, что все было бы одним (*Metaph.* 1007b 18). (2)

Аристотель поясняет это утверждение следующим образом:

Одно и то же было бы и триерой, и стеной, и человеком, раз относительно всякого предмета можно нечто одно и утверждать, и отрицать, как это необходимо признать тем, кто принимает учение Протагора (*Metaph.* 1007 b 20–23).

Вторая формулировка ТП названа Майклом Ведином сильным вариантом опровержения ПП. Ведин видит во второй формулировке ТП интересный поворот (*curious turn*) в Г 5. В каком смысле «все будет одним»? Кристофер Кирван предлагает понимать эти слова Аристотеля в том смысле, что у каждой вещи могут быть любые предикаты, в том числе и противоположные, тогда всё, сказываемое о вещи, будет тавтологией, то есть одним. Но Ведин справедливо отмечает, что эта интерпретация подходит и в случае первой формулировки ТП, которая, с его точки зрения, представляет собой слабый вариант отрицания ПП, тогда как вторая – сильный. Зачем же Аристотель предлагает вторую формулировку, если есть первая? Со своей стороны, Ведин показывает, что вторая формулировка ТП связана с учением Анаксагора о гомеомериях – частицах, в которых все вмешано со всем. В онтологии Анаксагора речь уже не идет о сущности, чем бы она ни была, пусть даже чем-то вроде «первой материй», и предикатах. Используя терминологию

Аристотеля, смешению подвергаются не качества вещей, а сами вещи. Такая позиция противоречит фундаментальному аристотелевскому разделению на подлежащее и сказуемое, сущность и предикаты. Отделив сущность от ее предикатов, Аристотель, во-первых, показал невозможность одному и тому же быть и человеком, и триерой, а во-вторых, невозможность высказывать об одном и том же противоположные утверждения. Если же принять ТП во второй формулировке, то нужно сделать все сказуемые свойствами, в том числе и те, что указывают на сущность. В итоге это означает отказ от сущности и сути бытия, отрицание самого разделения на субъекты и предикаты. Именно вторая формулировка позволяет Аристотелю увидеть за ТП учение о гомеометриях.

УДК 1(091)

doi:10.47850/S.2020.1.39

АНТИЧНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ДО ПЛАТОНА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ *

М. Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН

rina.volf@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1458-0440

В докладе предлагается рассматривать античную эпистемологию с трех позиций. Во-первых, требуется решить вопрос о соизмеримости античной и современной эпистемологий, отталкиваясь от принципа JTB. Особенности античной эпистемологии предлагается обсудить на примере т.н. «горгианских умов» и первой доплатоновской постановки проблемы соотношения чувственного и интеллектуального познания, а также на примере обсуждения методов познания, преемственность и фамильное сходство между которыми можно проследить от Парменида до Платона.

Ключевые слова: античная эпистемология, принцип JTB, горгианские умы, методы познания.

ANCIENT EPISTEMOLOGY BEFORE PLATO: PRELIMINARY REMARKS

M. N. Volf

Institute of Philosophy and Law SB RAS

rina.volf@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1458-0440

Paper proposes to examine ancient epistemology from three positions. Firstly, it is required to resolve the issue of the commensurability of ancient and modern epistemologies, basing on the JTB principle. It is proposed to discuss the features of ancient epistemology using the example of the "Gorgians' minds" and the first pre-Platonic formulation of the problem of the relationship between sensory and intellectual cognition, as well as on the example of discussing the methods of cognition, their continuity and family resemblance between which could be traced from Parmenides to Plato.

Keywords: ancient epistemology, JTB principle, Gorgian minds, methods of cognition.

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях»).

Что является предметом античной эпистемологии и кто включен в число канонических фигур для данного раздела философии, казалось бы, не является ни загадкой, ни проблемой. На первый взгляд ответ очевиден: знание, его природа и Платон с Аристотелем, соответственно. При более глубоком погружении в вопрос ситуация несколько сложнее. Во-первых, есть проблема, а действительно ли знание понималось одинаково не только в рамках сопоставления античной и современной философии, но и рамках разных периодов становления самой античной философии; во-вторых, можно ли говорить о доплатоновской эпистемологии, если трактаты, специально посвященные вопросам знания, отсутствовали, и соответственно, интерпретации, допускающие досократическую эпистемологию, не всегда принимаются лояльно, особенно контекстуалистски ориентированными историками философии. В-третьих, если все-таки признать доплатоновскую эпистемологию состоятельным направлением, вопросы знания и веры оказываются для нее не самыми приоритетными.

Ниже подробнее раскроем перечисленные пункты.

1. Вопрос о соизмеримости древней и современной эпистемологии

Позитивный ответ на этот вопрос, а вернее жизнеспособность античной и тем более досократической эпистемологии, существенно зависит от того, сведем ли мы античную эпистемологию к естествознанию или натурализму, или к вопросам логики и семантики и критериологическому подходу.

Современные эпистемические теории проходят проверку на состоятельность через соответствие Стандартному анализу (т. н. концепция JTB), который включает в себя понятие истины и обоснованности, а также признания убеждений пропозициональными установками. Если эти условия соблюдены, мы имеем дело с эпистемическим учением. Для доплатоновских учений эти требования выполняются с очень большой натяжкой

Знание суть естественное состояние, но однако знание у древних, в отличие от JTB существенно отличается от веры, в каком-то смысле, оно обладает отдельной сущностью. Если JTB не исключает допущения, что знание – это тип веры, и что если S знает, что p, из этого не следует, что S больше не верит, что p, то согласно античному пониманию знания эти принципы не работают. Несмотря на то, что известный пассаж из *Менона*, т. н. «Дорога в Ларису», иллюстрирует *прототип* JTB, последний все же имеет существенные различия с формулой, предложенной Гетье. Знание древних имеет божественную природу и обладание знанием переводит знающего на совершенно другой онтологический уровень (ср. «божественность» открытой Парменидом истины), отсюда же берет начало различия доксистического и эпистемического знания.

Однако следует согласиться с Л. Герсоном (L. P. Gerson), что основанием для сопоставимости древних и современных взглядов является то, что все стороны принимают знание как высшее когнитивное достижение, даже если,

или особенно если, существуют споры относительно критериев его признания. Соответственно, даже при существенных расхождениях с ЛТВ, сопоставить античную и современную эпистемологию все же таки можно. Два других пункта в большей мере характеризуют специфику доплатоновской эпистемологии в отрыве от значений знания.

2. Горгианские умы и досократическая *mind-body problem*

Данный пункт происходит из установки, что постигаемые мыслью вещи расходятся с объектами веры, которые по большей части продукт чувственного восприятия.

Можно выстроить линию: из обсуждения природы богов и их способа воздействовать на мир (ср. Ксенофан, «Бог мыслью все потрясает») возникает установка на релятивность восприятия относительно его контекста и абсолютность *божественного* знания. Принцип «подобное к подобному», которым как правилом познания руководствовались досократики усугубляет разрыв между знанием и представлением (верой): уникальные способности Бога никак не сопоставимы с характерными человеку свойствами его природы. Отсюда принципиальный разрыв между телом и его познавательной перцептуальной активностью и умом с его мышлением.

Называет вопрос: пока не появляется явных концепций, обосновывающих различие между умом и телом, чувственное восприятие может считаться в какой-то мере дающим знание. Из чего следует, что знание требует физического взаимодействия познающего и познаваемых вещей. На самом раннем этапе (Ксенофан) это было достаточным аргументом для того, что человек может проникнуть в природу божественного знания. Мостом для этого послужила концепция гераклитовского логоса как мысли, выраженной на чувственном уровне посредством звуков. Однако попытки обосновать коммуналность логоса и в принципе ввести обоснованность как критерий приемлемости каких-либо вер в конечном итоге не стали сильнее скептических возражений, в частности, горгианских скептических аргументов о том, что знание не только не передаваемо, но и невозможно, поскольку, во-первых, логос не передает значения, а только знаки, во-вторых, разные категориальные формы постижения несоизмеримы между собой и не сводимы одна к другой, и наконец, слушающий мыслит не тоже самое, что произносит говорящий, в противном случае это влечет тождество их умов. Соответственно, умы, на которые распространяются скептические аргументы Горгия, будем называть горгианскими умами, благодаря которым снова воспроизводится проблема несоизмеримости тела и ума, восприятия и мышления.

Особняком в античной философии стоит проблема метода — достижения истинного, *божественного* знания.

3. Метод познания и происхождение семейства платоновских методов

Впервые метод как «путь познания» появляется у Парменида, который в проэмии рисует весьма яркий образ достижения божественного и доселе не-

ведомого людям способа получения истины. И хотя знание, добытое таким образом крайне *не практично*, не применимо ни к какому способу восприятия *физического* мира как его познания, оно, тем не менее, оказывается ценным в рамках собственных задач. Характерными признаками элейского метода, упрочившегося у младших элеатов, и получивших дальнейшее развитие у Платона, являются рассуждение от противного и выдвижение и обоснование гипотез. В рамках платоновской философии мы находим семейство методов со сходными элейскими признаками, очевидно восходящие к Пармениду, Зенону и Горгию: сократический эленхос, диэреза, гипотетический метод, метод двух сторон («специальное доказательство (и то, и другое вместе)»). Очевидно, восхождение к *божественным* идеям требует и аналогичного метода, который уже показал надежные результаты. При этом Платон не отказывается и от тех результатов, которые получены в рамках софистических скептических возражений Горгия, вероятно, поскольку они блокируют возможность какой-либо прямой когерентности мышления и восприятия.

Тем самым, античная эпистемология до Платона, хотя и не решает эпистемические вопросы в рамках прямого соответствия критериям ЛТВ, тем не менее, имеет свою специфическую область задач, в рамках которой специфически понимается не только знание, но и способы его достижения. Наследование задач, формулировок проблем в рамках подходов к решению этих задач убеждает нас в согласованности античных эпистемических представлений, и позволяет сформулировать подходы к оформлению специфического проблемного поля доплатоновской эпистемологии.

Сведения об авторе / Information about the author

Вольф Марина Николаевна – доктор философских наук, доцент, директор Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Николаева 8, e-mail: rina.volf@gmail.com

Volf Marina – D.Sc. in Philosophy, director of Institute of Philosophy and law (IPL), Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, e-mail: rina.volf@gmail.com

ТРАКТАТЫ АРИСТОТЕЛЯ «О ЖИВОТНЫХ» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ (XVIII–XIX вв.)

О. С. Егорова

Институт философии и права СО РАН
oksana12egorova@gmail.com

Статья посвящена изучению рецепции наследия Аристотеля в русской культуре XVIII–XIX вв., в частности, рассмотрению вопроса рецепции трактатов «О животных». Основываясь на анализе научных, философских, публицистических и художественных работ отечественных авторов изучаемого периода, в которых содержатся отсылки к указанным античным трактатам, делается вывод о роли аристотелевских трудов в русской культуре.

Ключевые слова: De Animalibus, Аристотель, «История животных», русская культура, рецепция.

ARISTOTLE'S WORKS «DE ANIMALIBUS» IN RUSSIAN CULTURE (XVIII–XIX cc.)

O. S. Egorova

Institute of Philosophy and Law SB RAS
oksana12egorova@gmail.com

The article is dedicated to the analysis of Aristotle's heritage reception in Russian culture XVIII–XIX cc., especially to the problem of "De Animalibus" works' reception. The research is based on the study of scientific, philosophical, fiction and social and political essays texts of the Russian authors in the mentioned period, which contains some references to Ancient works. As a result we made a conclusion on the role of Aristotle's works in Russian culture.

Keywords: De Animalibus, Aristotle, "History of Animals", Russian culture, reception.

Изучение рецепции трактатов Аристотеля, сгруппированных под общим названием «О животных» (De Animalibus), представляет интерес в рамках комплексного исследования влияния наследия древнегреческого мыслителя на русскую культуру XVIII–XIX вв. К указанным работам Стагирита относятся: «История животных» (486a5–638b37), «О частях животных» (639a1–697b30), «О движении животных» (698a1–704b3), «О способах передвижения животных» (704a4–714b23), а также «О возникновении животных» (715a1–789b20). О характере влияния перечисленных работ на отечественную культуру в своих предисловиях к изданиям переводов Аристотеля высказывались, в частности, В. П. Карпов и Б. А. Старостин. Однако обзор, представленный в их статьях, не раскрывает тематику в полной мере. Таким образом, в ходе данного исследования были изучены научные, философские, публицистические и художественные тексты отечественных авторов на предмет выявления в них влияния аристотелевских трудов. Дальнейший анализ отобранных текстов позволил сделать следующие выводы.

В первую очередь, следует отметить, что в исследуемый период не существовало переводов на русский язык ни одного их трактатов «О животных». Первые из них появились лишь в 1930-х — 1940-х гг., а завершающие данный цикл переводы вышли уже в наше время — 2016–2017 гг.

Говоря о научных работах отечественных авторов, необходимо выделить две группы текстов: 1) труды исследователей разных направленностей, тематически *не посвященные* Аристотелю; 2) работы, непосредственно *относящиеся* к изучению наследия Стагирита. Результаты исследования первой группы текстов наглядно свидетельствуют о редком и весьма поверхностном обращении к биологии Аристотеля в научной литературе, в частности, в работах биологической и медицинской направленностей. Так в XIX в. именно в последних наиболее явно прослеживается не востребованность античных трудов: ввиду своей архаичности они сохранили лишь историческую значимость, постепенно уступив научное поприще работам светил европейской науки. Среди работ данной группы текстов исключение составляют «Очерки истории медицины» С. Г. Ковнера [Ковнер, 1888]. Поскольку в этом историко-медицинском исследовании автор впервые в истории русской культуры осуществил подробный пересказ (на внушительном объеме в сто страниц) содержания и основных положений «Истории животных» и «О частях животных» Аристотеля. Благодаря этому тексту широкая аудитория читателей могла получить хорошее представление о понимании данного вопроса.

Научные работы отечественных авторов, относящихся непосредственно к изучению наследия Аристотеля, и имеющие отсылки к трактатам «О животных», начали появляться только к середине XIX века. Однако в их числе отсутствуют исследования, напрямую посвященные изучению биологических трактатов Стагирита. Чаще это статьи и научно-популярные монографии, содержащие биографические сведения об Аристотеле, а также беглый обзор его трудов. В подобных работах трактаты по биологии зачастую освещаются крайне скупое, уходят на второй план. В некоторых случаях авторы довольствуются перечислением их названий (при этом не всегда указывая трактаты «О движении животных» и «О передвижении животных»), или же несколькими общими абзацами, заимствованными из работ зарубежных коллег.

Трактаты Аристотеля «О животных» также весьма редко попадали в контекст отечественной философии. На протяжении изучаемого периода наиболее частыми в данной группе текстов являются обращения к «Истории животных». В своих философских трудах авторы обращались к указанной работе за фактологическими данными, используя их в качестве наглядных примеров в виде метафор и аллегорий. Наиболее яркой иллюстрацией подобного использования аристотелевского трактата может служить одно из писем Г. С. Сковороды от 1763 г., адресованное М. И. Коваленскому [Сковорода, 1973, с. 254–255]. В данном случае эпистолярное наследие было отнесено нами к разделу философских работ, поскольку оно содержит ряд этических наставлений и автокомментариев Г. С. Сковороды к собственным трудам. В указанном письме Г. С. Сковорода описывает различные типы людей, «преданных музам» (вероятнее всего, имея в виду «творческих», «талантливых» личностей), сопоставляя каждый из них с образом определенного животного. Описывая характерные черты животных, в одном из случаев автор дает пря-

мую отсылку к Аристотелю. Более подробный анализ письма Г. С. Сковороды, и сопоставление приводимых в нем «биологических» данных с текстом «Истории животных» показал, что практически все они прослеживаются в аристотелевском трактате. Однако следует отметить, что подобная фактология бытовала не только у Аристотеля, но и во многих античных и средневековых источниках.

Немногочисленные публицистические работы, содержащие отсылки к трактатам Стагирита по биологии, относятся к концу изучаемого периода. Примечательно, что именно в публицистике Аристотель зачастую причисляется к сторонникам либо противникам тех или иных направлений научной и общественной мысли. Это прослеживается в некоторых научно-популярных публицистических статьях по естествознанию Д. И. Писарева, в частности, в статье «Прогресс в мире животных и растений» [Писарев, 1894]. В ней автор, будучи приверженцем идей Ч. Дарвина, видит в Аристотеле противника эволюционной теории, и ввиду своих личных убеждений дает весьма скромную историческую оценку трудам и роли Стагирита. Что касается художественной литературы, то в ней не удалось обнаружить отсылок к трактатам «О животных», что вполне очевидно, учитывая тематику последних.

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы. Во-первых, по жанровой принадлежности изученные работы отечественных авторов, имеющие отсылки к трактатам Аристотеля по биологии, в своем большинстве относятся к научной литературе. Однако, как и в работах иных исследованных жанров, рецепция трактатов «О животных» в них весьма поверхностная и фрагментарная. Во-вторых, хронологически изученные научные работы охватывают период с середины XVIII в., однако с той особенностью, что исследования, относящиеся непосредственно к наследию Аристотеля, появляются лишь в 1840-х гг., в то время как философские и публицистические труды отечественных авторов, относящиеся к данному исследованию, по преимуществу приходятся на 1860-е гг. В-третьих, можно утверждать, что наибольшей популярностью из пяти трактатов «О животных» в русской культуре обладала «История животных». Трактаты «О движении животных» и «О способах передвижения животных» в противоположность ей крайне редко фигурируют в исследованных текстах. В-четвертых, абстрагируясь от жанров изученных работ, и основываясь на биографических сведениях об авторах, можно сделать следующий вывод. В изучаемый период наиболее часто к аристотелевской биологии обращались, что вполне закономерно, естествоиспытатели и биологи, а также философы, реже – публицисты. В исключительных случаях отсылки к наследию Стагирита обнаруживаются в трудах социологов, математиков и филологов. Исходя из полученных результатов, следует заключить, что трактаты Аристотеля «О животных» на протяжении изучаемого периода оставались малоизвестными широкой публике, и не играли значительной роли в русской культуре. В защиту отечественной истории философии добавим только то, что и на За-

паде интерес к биологическим трактатам в полной мере проявился только после 60-х гг. XX в., что обусловлено подъемом интереса к естествознанию в целом и биологическим наукам в частности.

Список литературы / References

- Ковнер С. Г.** *Очерки истории медицины*. Вып. 3. Платон. 1888. С. 28–128.
Kovner S. G. *Essays on the History of Medicine*. Iss. 3. Plato. 1888. P. 28–128. (In Russ.)
- Писарев Д. И.** *Сочинения Д. И. Писарева. Полное собрание в шести томах*. Т. 3 (1). СПб., 1894. С. 327–496.
Pisarev D. I. *Works of D. I. Pisarev. Complete Collection in six volumes*. Vol. 3 (1). St. Petersburg, 1894. P. 327–496. (In Russ.)
- Сковорода Г. С.** *Сочинения в двух томах*. Т. 2. М., «Мысль». 1973. 486 с.
Skovoroda G. S. *Essays in two volumes*. Vol. 2. Moscow, 1973. 486 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Егорова Оксана Сергеевна – младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: oksana12egorova@gmail.com
Egorova Oksana – junior researcher of Institute of Philosophy and law SB RAS, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, 8 Nikolaev str. e-mail: oksana12egorova@gmail.com

УДК 1(091)
doi:10.47850/S.2020.1.41

«ДВОЙНЫЕ РЕЧИ» (DISSOI LOGOI) *

К. С. Ковальчук

Институт философии и права СО РАН
k.kovalchuk@nsu.ru

В выступлении речь пойдет о переводе первых трех глав примечательного софистического текста, получившего название «Двойные речи» (Dissoi logoi). Дошедшее до нас в качестве приложения к рукописям сочинений Секста Эмпирика, это собрание кратких трактатов призвано продемонстрировать софистический способ аргументации (в духе Протагора). В них рассматриваются различные подходы к таким понятиям, как зло и добро, безобразное и прекрасное, несправедливое и справедливое и исследуются возможности аргументации за и против той или иной позиции.

Ключевые слова: софистика, аргументация, риторика, убеждение.

PAIRS OF ARGUMENTS (DISSOI LOGOI)

Xenia Kovalchuk

Institute of philosophy and law SB RAS
k.kovalchuk@nsu.ru

The speech will touch on first three chapters of a remarkable sophistic text called the Pairs of Arguments (Dissoi logoi). Transmitted as an appendix to the works of Sextus Empiricus, this collection of short treatises seeks to show the sophistic (Protagorean) way of argumentation. They address such opposite notions as bad and good, ugly and beautiful, unjust and just, and explore the possibilities of arguing pro and contra a given position.

Keywords: sophistry, argumentation, rhetoric, persuasion.

---

* Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

«Двойные речи» (δισσοὶ λόγοι) — это одно из немногих полностью дошедших до нас софистических сочинений. Девять кратких глав, написанных на дорическом диалекте древнегреческого языка, посвящены общим проблемам софистики, связанным с этикой, политикой и эпистемологией. Изначально считалось, что «Двойные речи» были созданы в конце пятого века до н. э. из-за упоминания в тексте в качестве недавнего события поражения Афин в Пелопонесской войне. Однако, отрывки из текста, которые прямо указывают на несколько платоновских диалогов (в частности «Теэтет», «Менон», «Протагор», «Гиппий Большой»), говорят о принадлежности сочинения началу или середине четвертого века [Robinson, 1979. Р. 34–41].

Условное название «δισσοὶ λόγοι», данное этому тексту первыми издателями, не только античной традиции просто повторяет первые два слова первого предложения: «Двойные речи произносятся в Элладе теми, кто философствует о добре (τὸ ἀγαθόν) и зле (τὸ κακόν)», но и открывает читателю инструмент, который использует автор в своих рассуждениях — антилогику или противоречие. То есть вместо того, чтобы опровергнуть одну из двух позиций и примирить противоречивые этические утверждения, автор демонстрирует свою позицию в «антилогичной» манере, приводя аргументы от лица каждой из двух противоречащих сторон.

Некоторые исследователи полагают, что «Двойные речи» — это заметки, состоящие из лекций на разные темы, и не должны толковаться как единое произведение [Dillon, Gergel, 2003. Р. 319]. С другой стороны, нельзя не заметить, что автор связывает последние и первые главы посредством рассуждения о сложных понятиях этики и политики. «Двойные речи» заслуживают тщательного изучения не только потому, что это одно из немногих полностью сохранившихся софистических сочинений. Немаловажно так же, что они являются ранним образцом использования антилогического метода (или метода противоречия) в отстаивании позиции этического и эпистемологического релятивизма, начало которого обычно возводят к Протагору.

Диоген Лаэртий (*Жизни философов* 9.51) пишет по поводу основных идей Протагора: «Он первый сказал, что по поводу всякого дела имеются две речи, противоположные друг другу. Именно так он ставил вопросы и получал ответы, будучи первым в этом деле» (пер. Е. В. Афонасина). В полной мере осознавая состязательный характер греческой культуры, Протагор был убеждён, что аргумент может быть усилен, если его противопоставить противоположной точке зрения. Это то, что Аристотель (*Риторика* 1402a23) назвал «слабый довод делать более сильным»: обучая подопечных, он ставил их в изначально более слабую позицию с тем, чтобы они попытались укрепить слабую аргументацию настолько, насколько это возможно, вплоть до момента, когда она сравняется или даже превзойдет изначально более сильную. Подобный метод убеждения, замечает далее Аристотель, весьма возмущал афинян.

Как и Протагор, неизвестный автор нашего трактата отстаивает релятивистскую и абсолютистскую позиции, время от времени, впрочем, демонстрируя свои предпочтения: «Я и сам присоединяюсь к этим [последним]», то есть, следуя тексту, к релятивистам. Автор сводит противоречивость этических понятий к их лингвистической корректности — добро, благородство, справедливость и их противоположности верны для говорящего ровно в тот момент, когда он о них говорит.

Абсолютисты, согласно тексту, утверждают, что такие понятия, как хорошее и плохое, великое и низменное, справедливое и несправедливое, истинное и ложное, представляют собой взаимоисключающие противоположности, в то время как релятивисты полагают, что одно и то же может быть одновременно хорошим для одного и плохим для другого, истинным для одного и ложным для другого, или даже — для одного и того же. Он начинает каждую из глав с защиты релятивистской позиции, опираясь на примеры, которые подчеркивают случайность каждого противоречия, ссылаясь на точку зрения человека и его культурную идентичность. В то время как питание, питье и интимные отношения доставляют удовольствие здоровым, они же причиняют страдания тем, кто страдает от недуга. Развивая далее мысль о том, что страдания одного человека — это счастье другого, автор цинично утверждает: «А смерть есть зло для умирающих, но добро для гробовщика и расхитителя могил».

Затем автор пытается обосновать и противоположную позицию, показывая, что предыдущий аргумент не позволяет нам просто заменить хорошее на плохое, как будто это одно и то же. Если бы это было так, то мы могли бы иметь право поступать плохо с близкими нам людьми, а не хорошо, и не видеть разницы между благом нищего и благом царя. И хотя этот аргумент приводит к заключению, что хорошее и плохое отличаются друг от друга, автор признает, что не может сказать нам, что такое добро, оставляя нас с релятивистской позицией: добро представляется человеку таковым лишь будучи воспринято в определенное время и в определенном месте.

Далее эта же идея демонстрируется на примере общественных установлений, что напоминает знаменитое рассуждение о законах Антифонта. Так, если греки считают инцест чем-то отвратительным, то персы — вполне законным и т. д. Величие и низость определяются путем совершения правильных поступков в нужное время, и значимость культурной практики не осуждается даже в том случае, если она оценивается различными культурами в противоречивых формах.

Три «двойные» речи, перевод которых предлагается читателю, призваны проиллюстрировать эту позицию. Перевод выполнен на основании недавнего издания Лакса и Моста (Laks, Most, 2016), с учетом основательного издания Робинсона (Robinson, 1979). Оставшаяся часть трактата будет представлена в одной из наших будущих публикаций.

Список литературы / References

- Dillon J., Gergel T. (ed.) *The Greek Sophists*. London: Penguin. 2003.
Laks A., Most G., trans. and ed. *Early Greek Philosophy*, vol. IX: Sophists. Cambridge: Harvard University Press. 2016.
Robinson T. M., trans. and ed. *Contrasting Arguments: An Edition of the Dissoi Logoi*. New York: Arno Press. 1979.

Сведения об авторе / Information about the author

Ковальчук Ксения Сергеевна – аспирант Института философии и права СО РАН, Новосибирск
Kovalchuk Xenia – graduate student, the Institute of philosophy and law SB RAS, Novosibirsk

УДК 1 (091)

doi:10.47850/S.2020.1.42

ФИЛОСОФИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ: ИЗГНАНИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ В ВИТТЕМБЕРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ XVI ВЕКА *

А. М. Стрельцов

Институт философии и права СО РАН
streltsov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1116-1884

Хотя вскоре после начала движения Реформации в Германии основанная на апроприации Аристотеля средневековая схоластика была изгнана из стен Виттембергского университета, уже в 1530-е годы гуманистически настроенный реформатор Филипп Меланхтон реорганизовал учебный план университета, поставив естественную и моральную философию Аристотеля в основание образовательной программы. Основательное знакомство с аристотелевской философией наряду с вкраплением других философских идей предшествовало узкой специализации студентов (теология, право и т.п.).

Ключевые слова: Филипп Меланхтон, Виттемберг, схоластика, методология, Аристотель, *habitus*.

Согласно Меланхтону, который сам регулярно преподавал философию Аристотеля и выпускал комментарии на его труды («О душе»), естественно-философские работы Аристотеля необходимы для развития самой культуры мышления, чтобы можно было использовать чувственновоспринимаемые вещи в качестве эпистемологического основания в естественных науках и далее опираться на строгую и основывающуюся на фактах аргументацию (*demonstratio*) в отличие от спекулятивных силлогизмов схоластов.

Иначе говоря, философия требуется, чтобы выработать определённый уклад (*habitus*, ἔξις) как практику соотнесения всего познаваемого с правильным методом, усвоенным в рамках изучения философии Аристотеля, в русле выбранной специальности. Моральная же философия Аристотеля («Никомахова этика»), как полагалось, нужна для обоснования телеологии, а именно, что люди устроены так, чтобы повиноваться божественным образом установ-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

ленному порядку – земной власти, и, соответственно, избегать смуты и мятежа.

Будучи твёрдо убежденным в том, что его философские и педагогические инициативы служат делу Реформации, Меланхтон сознательно дистанцировался в отдельных своих положениях как от средневековой схоластики, так и от взглядов самого Аристотеля. Главным образом это было обусловлено его стремлением утвердить божественное провидение в природе и обосновать ограничение человеческого разума вне божественного откровения.

Хотя гуманистическая, отчасти родственная позиции Эразма Роттердамского ориентация Меланхтона уступила далее место более узконаправленной протестантской схоластике, всё же его педагогическая реформа, снискавшая ему титул «учителя Германии», обусловила характер высшего образования в германских университетах в XVI–XVII вв. и, таким образом, создала предпосылки при опосредующем влиянии Лейбница и вольфианства для генезиса классической немецкой философии.

Сведения об авторе

Стрельцов Алексей Михайлович — аспирант, Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: streltsov@mail.ru

УДК 1(091)
doi:10.47850/S.2020.1.43

ПРОДИК О ПРАВИЛЬНОСТИ ИМЕН *

Т. М. Суворкина

Институт философии и права СО РАН
in1642p@mail.ru

Продик Кеосский по праву считался одним из самых знаменитых софистов своего времени. Однако ни исследования в области риторики, ни примеры красноречия и изощренной аргументации (хотя, несомненно, все это тоже было областью его интересов) являются его главным наследием. В докладе речь пойдет о его методе сопоставления синонимичных слов, который применялся для определения их точного значения и выявления различий. Этот метод стал результатом глубокого интереса к изучению языка и, возможно, стал ответом на скептическое отношение современников к тому, что можно считать реальным и моральный релятивизм, проистекавший из таких воззрений.

Ключевые слова: софистика, история лингвистики, риторика, убеждение.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

PRODICUS ON CORRECTNESS OF NAMES

T.M. Suvorkina

Institute of philosophy and law SB RAS
in1642p@mail.ru

Prodicus of Ceos was rightfully considered one of the most famous sophists of his time. However neither research in the field of rhetoric, nor examples of eloquence and sophisticated argumentation (although, undoubtedly, all this was also his area of interest) are his main legacy. This paper will focus on his method of comparing synonymous words, which was used to determine their exact meaning and identify differences. This method was the result of a deep interest in the study of language and, perhaps, was a response to the skepticism of contemporaries about what can be considered real and the moral relativism that flowed from such views.

Keywords: sophistry, history of linguistics, rhetoric, persuasion.

Продик был уроженцем города Иулида, одного из городов острова. Известность ему принесли публичные выступления в Афинах, куда он часто приезжал по государственным делам в качестве посла своего родного города (Гиппий Большой 282с). Нам очень мало известно о трудах Продика, лишь два или три названия, которые упоминаются у других авторов. Судя по дошедшим до нас сведениям, Продик был универсальным ритором, интересовавшимся всеми областями человеческой мысли, включая естественные науки и «физику». Но более всего Продик известен не своей риторикой и космологическими теориями, но своеобразным интересом к «лингвистике», а именно к точному определению терминов и тонкому различению почти синонимичных слов. Каждому явлению соответствует определенное слово, а потому Продик настаивал на правильности их употребления. Такая требовательность к точности, возможно, является реакцией на скептицизм Демокрита и всех тех, кто утверждал, что в словах не отражается реальное положение вещей. Метод Продика заключался в попарном сопоставлении близких по смыслу слов, чтобы путем анализа установить «правильное» значение каждого из них. Пример употребления этого метода мы можем увидеть в диалоге Протагор (337а–с). Там Продик сопоставляет слова «беспристрастность» и «безразличие», «спорить» и «ссориться», «одобрять» и «восхвалять», «наслаждаться» и «радоваться». Так беспристрастность, в отличие от безразличия, предполагает справедливость, ссора не предполагает доброжелательности, присущей спору, одобрение не может содержать в себе лжи, как восхваление, а пустое удовлетворение своего тела, которое мы называем наслаждением, не может сравниться с радостью души. Подобное понимание положения вещей проскальзывает и в рассказе о Геракле – самом известном отрывке, подробное изложение которого мы можем обнаружить в воспоминаниях Ксенофонта и который, согласно схолиям к Облакам Аристофана, был частью «Времен года» (Воспоминания о Сократе 2.1.21–34). Эта история знакомит нас с юным Гераклом на пороге взрослой жизни, который встречает двух женщин, Порочность (Какία) и Добродетель (Аρετή), одна из которых предлагает легкий путь бесконечных удовольствий на протяжении всей земной жизни, другая же обещает повести дорогой долгой и трудной, но которая позволит по-

настоящему насладиться своими достижениями и, таким образом, заслужить уважение у людей и награды от богов в будущей жизни. Между ними завязывается спор, и причина противостояния двух женщин кроется не в том, что они олицетворяют собой разные блага, а в том, что, по уверению Порочности, они предлагают одно и то же, но путь Порочности гораздо короче и легче.

Стоит отметить что Продик, судя по всему, был одним из тех немногих софистов, к которым Платон испытывал симпатию. Это отчетливо видно хотя бы по тому, что Платон освободил его от тех прямых саркастических высказываний, которыми он обычно награждает других подобных преподавателей ораторского искусства в своих диалогах. Вместо этого мы встречаем такие характеристики, как «этот муж казался мне наимудрейшим и божественным» (Протагор 340e–341a), «его мудрость – божественная и древняя», и «великолепный Продик» (Пир 177b), и даже если предположить, что все эти эпитеты применялись с некоторой долей иронии, живой интерес Платона к продиковым изысканиям в области языка отрицать нельзя. Вероятно, в поисках точности слов и строгого определения терминов Платон видел первый, хоть и ограниченный, шаг к диалектике Сократа. Можно предположить, что настойчивое требование выявлять различия между почти идентичными по значению словами подтолкнули Сократа к собственному подходу к философии и точному определению моральных аспектов.

Сведения об авторе

Суворкина Татьяна Михайловна — аспирант, Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: in1642p@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ СЛАВЯНОФИЛОВ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (материалы круглого стола)

**Работа круглого стола на конференции и публикации докладов
реализованы при поддержке РНФ, проект № 20-68-46021
«Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917»**

doi:10.47850/S.2020.1.44

МИССИОНЕРСКИЙ МОТИВ В ВИЗАНТИНОЦЕНТРИЗМЕ И. В. КИРЕЕВСКОГО И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ *

Д. С. Бирюков, А. А. Хахалова

Институт философии и права СО РАН

THE MISSIONARY MOTIF IN BYZANTINOCENTRISM OF IVAN KIREYEVSKY AND ITS HISTORICAL SIGNIFICANCE

D.S. Biryukov, A.A. Khakhalova

*Ключевые слова: И. В. Киреевский, славянофильство, Византия, Варлаам Калабрийский, историография.
Keywords: Ivan Kireyevsky, Slavophilism, Byzantium, Barlaam of Calabria, historiography.*

В середине XIX в. – после «греческого проекта» Екатерины II, но до появления в России академической византистики – в русской интеллектуальной культуре начинает играть заметную роль образ Византии. Так, Византия играет ключевую роль в программной статье представителя славянофильского движения Ивана Васильевича Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (письмо к гр. Е. Е. Комаровскому)», опубликованной в 1-м (единственном изданном) томе альманаха славянофилов «Московский сборник» за 1852 г.¹ (с. 1–68)². Здесь Киреев-

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 20-68-46021 «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917».

¹ Подобные идеи, в менее развернутом виде, выражены Киреевским в статье «В ответ А.С. Хомякову» (1839) и в статье «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856).

² В этом издании сочинение И.В. Киреевского было опубликовано с цензурными сокращениями. Без цензурных правок впервые оно было опубликовано в издании: Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2 т. / Под ред. М. Гершензона. М., 1911. Т. 1. С. 174–222. Здесь реконструкция полного текста была осуществлена М.О. Гершензоном на основании статьи: Веневитинов М.А. И.В. Киреевский и цензура «Московского сборника» // Русский архив. Кн. 10. 1897. С. 287–291. Современное переиздание: Московский сборник. Издание подготовил В.Н. Греков. СПб.: Наука, 2014. (Серия «Литературные памятники»).

ский проводит представление о Византии как о цивилизации, воплотившей совершенный тип просвещения, в рамках которого достигим совершенный вид познания. В этом качестве Византия, в аспекте того типа просвещения, который воплощает собой эта цивилизация, фактически предстает у Киреевского в качестве идеального «Я» по отношению к России, унаследовавшей у Византии этот вид просвещения, но не воплотившей его еще в полной мере. По крайней мере, такая историософия просматривается в тех текстах Киреевского, где он выступает как публицист; образ же Византии, представленный в переписке Киреевского более сложен, но его я здесь касаться не буду.

Коллективный разум Европы, утверждает Киреевский, в его эпоху достиг собственных границ и осознания этих границ; он убедился, что для полноценного мышления требуются иные источники познания, чем те, которые мышление может обрести в себе самом¹. Вследствие этого разочарования, вызванного самой природой западноевропейского просвещения, европейский человек (и западно-, и восточноевропейский, т. е. русский человек) утерял веру в возможности разума и стоит на распутье. Он может оставаться в наличном, разлагающем положении, либо вернуться к утерянной первоначальной чистоте основополагающих начал². Согласно Киреевскому, таковая чистота воплощена в альтернативном к западно-европейскому византийском (точнее: византийско-христианском) типе просвещения и, соответственно, в просвещении древнерусском, которое является продолжением просвещения византийского, поскольку Древняя Русь переняла христианство из Византии, причем, с чистого листа, не будучи отягощенной античным элементом в своей национальной культуре³. В чем же специфика основополагающих, философских начал этого типа просвещения? Как правило, указание на византийско-древнерусский тип просвещения и соответствующий образ мышления и познания дается у Киреевского в описательном ключе. Так, он говорит, что для этого типа просвещения характерна обращенность к живой, внутренней сути вещей в противовес западной внешней рассудочности и наружной логической стройности⁴; для него характерна цельность, связность внутреннего и внешнего в противовес западной односторонности и разрозненности сил разума⁵. Согласно Киреевскому, византийская христианская мысль, особенно развивавшаяся после разделения Церквей, имеет внутреннюю связь с философией Платона и платонизмом, для какового характера цельность и гармония⁶. Соответственно, богословы Римской церкви, по Киреевскому, тяготели к Аристотелю, облекая в одежды аристотелизма истины церковного преда-

---

¹ Киреевский И.В. Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и примеч. Ю. В. Манна. М.: Искусство, 1979. (Серия "История эстетики в памятниках и документах"). С. 252–253.

² Там же. С. 253.

³ Там же. С. 258–259.

⁴ Там же. С. 260–261.

⁵ Там же. С. 288–290.

⁶ Там же. С. 272.

ния¹. Киреевский утверждает, что эти начала византийско-древнерусского просвещения не могут быть механически перенесены в сегодняшний день. Современность требует развития просвещения и философии на материале современных наук и с включением достижений западного просвещения, но на основании именно тех истин, которые даны в византийско-древнерусском типе просвещения².

В этом контексте я хочу обратить внимание на важную интенцию, в том или ином своем аспекте присутствующую в обсуждаемых текстах Киреевского. Эту интенцию я мог бы назвать миссионерской. Так, уже в начале статьи «О характере просвещения Европы» Киреевский, говоря о тупике, в который, по его мнению, зашла западноевропейская образованность, в качестве желаемой альтернативы упоминает о возврате мыслящих людей Европы к первоначальной чистоте основных убеждений, каковые еще замечаются в России; однако же он признает это уже почти невозможным³.

Внимательно читая эту статью, мы можем заметить, что через весь ее текст лейтмотивом проходит мотив миссионерства. Он возникает вследствие самой заявляемой оппозиции между целостностью европейского Востока и односторонностью европейского Запада, на которой построен весь ход рассуждений Киреевского: сама эта оппозиция заряжена представлением о необходимости восприятия европейским Западом, с характерной для него односторонностью, той полноты и цельности, которые может разделить с Западом сохранивший их европейский Восток. Поэтому эта миссионерская интенция оказывается не чем-то случайным и проходным для хода мысли Киреевского, но проводится мыслителем систематически и распространяется не только на современность, но и на прошлое.

Действительно, по Киреевскому, попытки проникновения византийского просвещения на Запад были и ранее. В связи с этим мыслитель упоминает, во-первых, паламитские споры XIV в., в результате которых оппонент Григория Паламы Варлаам Калабрийский эмигрировал в Италию, где просвещал Петрарку и основал ученую академию (в этом отношении Киреевский, очевидно, спутал Варлаама с Виссарионом Никейским). Однако этот опыт соприкосновения цивилизаций, по Киреевскому, был неудачным, поскольку Варлаам, не понявший догматы православной Церкви и выступивший против них, сам оказался зараженным аристотелевским рационалистическим духом⁴. Здесь мы встречаем одно из редчайших упоминаний в русской литературе первой половины-середины XIX в. паламитских споров, которые еще не вошли в узус русской культуры того времени как светской, так и религиозной

---

¹ Киреевский И.В. Критика и эстетика. С. 267–268, 271–272.

² Там же. С. 293.

³ Там же. С. 253–255.

⁴ Там же. С. 271, ср. 274.

(контексту и возможным источникам представлений Киреевского о паламизме я посвящаю отдельную статью).

И во-вторых, византийское просвещение попало на европейский Запад через греков, оказавшихся там после захвата турками Константинополя в XV в. Согласно видению Киреевского, это привело к разрушению всего здания западной схоластики, хотя и для кардинального переформатирования способа мышления, характерного для западноевропейской цивилизации было уже слишком поздно. При этом схоластическая односторонность, характерная для западного мышления вообще, естественным образом продолжила играть ведущую роль в Западной Европе ¹.

И здесь мы обнаруживаем интересный феномен: у Киреевского и его окружения, а вслед за ними и в позднейшей русской академической литературе трактовка ординарных исторических фактов – эмиграции в Италию Варлаама Калабрийского в XIV в., а затем греков после захвата турками Константинополя в XV в. – становится идеологически заряженной, и в некотором смысле маркером отношения к той или иной партии в споре между славянофилами и западниками. Эту идеологическую заряженность, обусловленную описанным мною выше миссионерским месседжем Киреевского, связанного с представлением о просвещении Запада греками в XIV–XV вв., мы обнаруживаем у таких российских историков, византинистов и ренессансоведов второй половины XIX в. – первой половины XX в., как М.М. Стасюлевич ², Ф.И. Успенский ³, М.С. Корелин ⁴, Ю.А. Кулаковский ⁵, А.А. Васильев ⁶, когда они ведут речь об эмиграции греков в Италию в XIV–XV вв.

Неявной причиной для этого, на наш взгляд, нередко являлся вчитываемый в эти исторические факты миссионерского мотива, который, как мы видели, обнаруживается в историософии Киреевского, т.е. которым заряжена трактовка этого факта в одном из изводов славянофильства; точнее – отношение к этому миссионерскому мотиву (и соответствующей славянофильской историософии) того и иного автора. Таким образом, имея в виду это наблюдение, пристальный взгляд позволяет различать обусловленный време-

---

¹ Киреевский И.В. Критика и эстетика. С. 258, 269.

² Стасюлевич М. Общий курс истории средних веков (от падения З.Р. империи в 476 г. до падения В.Р. империи в 1453 г.). С приложением 25 повторительных и генеалогических таблиц. Санкт-Петербург, 1856. С. 317, 319.

³ Успенский Ф.И. Философское и богословское движение в XIV веке // Журнал Министерства Народного Просвещения. I. 1892. С. 63, ср. 58, 60.

⁴ Корелин М. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Вып. II. М., 1892. (Ученые записки императорского Московского университета. Отдел историко-филологический). С. 998-999.

⁵ Кулаковский Ю.А. История Византии. Киев, 1910. С. 12.

⁶ Васильев А.А. Слава Византийской империи. М.: Алгоритм, 2013. Раздел «Византия и итальянское Возрождение».

нем идеологический контекст в казалось бы беспристрастных изложениях исторических фактов.

Список литературы

- Васильев А. А.** Слава Византийской империи. М.: Алгоритм, 2013.
- Веневитинов М.А. И.В. Киреевский и цензура «Московского сборника»** // Русский архив. Кн. 10. 1897. С. 287–291.
- Киреевский И. В.** Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и примеч. Ю. В. Манна. М.: Искусство, 1979. (Серия «История эстетики в памятниках и документах»).
- Киреевский И. В.** Полн. собр. соч.: В 2 т. / Под ред. М. Гершензона. М., 1911. Т. 1.
- Корелин М.** Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Вып. II. М., 1892. (Ученые записки императорского Московского университета. Отдел историко-филологический).
- Кулаковский Ю. А.** История Византии. Киев, 1910.
- Московский сборник. Издание подготовил В.Н. Греков. СПб.: Наука, 2014. (Серия «Литературные памятники»).
- Стасюлевич М.** Общий курс истории средних веков (от падения З.Р. империи в 476 г. до падения В.Р. империи в 1453 г.). С приложением 25 повторительных и генеалогических таблиц. Санкт-Петербург, 1856.
- Успенский Ф. И.** Философское и богословское движение в XIV веке // Журнал Министерства Народного Просвещения. I. 1892.

Сведения об авторах / Information about the author

- Бирюков Дмитрий Сергеевич** – д. филос. н., PhD, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН.
- Хахалова Анна Алексеевна** – к. филос. н., научный сотрудник Института философии и права СО РАН.

doi:10.47850/S.2020.1.45

АЛЕКСЕЙ ХОМЯКОВ И РЕЦЕПЦИЯ ОРИГЕНИЗМА В РОССИИ *

А. А. Каменских

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Пермь)
Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
kamen.septem@gmail.com

Говоря о истории рецепции интеллектуального наследия Оригена Александрийского в русской философии и богословии, в каждом конкретном случае следует принимать во внимание несколько вопросов:

1) Каковы степень и источники знакомства данного отечественного автора с текстами Оригена? (При этом понятно, что сравнительно позднее появление русских переводов сочинений Оригена¹ само по себе не может рассматри-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-68-46021, «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917».

¹ Таким первым переведённым на русский язык сочинением Оригена стало, что неудивительно, *De principiis*, в 1899 г. изданное в переводе и с комментарием Николая Петрова Казан-

ваться как непреодолимое препятствие для такого знакомства: к примеру, известно, что некие сочинения Оригена были ещё в личной библиотеке Григория Сковороды¹⁾.

2) В какой форме осуществлялась такая рецепция? Так, приходится различать академические исследования трудов Оригена (увы, сравнительно немногочисленные)² и многообразные формы «русского оригенизма» (примеры которого можно найти в ряде сочинений Владимира Соловьёва, Сергея Булгакова, Николая Бердяева³⁾, когда оригеновские или квази-оригеновские концепции включались в круг идей того или иного отечественного автора.

3) Наконец, в истории рецепции оригенизма в России приходится учитывать сюжеты с восприятием некоего мыслителя как оригениста при том, что действительное влияние идей Оригена на его мысль по меньшей мере спорно. Последнее можно сказать, к примеру, о том же Григории Сковороде⁴⁾.

Все перечисленные вопросы вполне релевантны при обсуждении гипотезы об оригенизме Алексея Степановича Хомякова. Впервые данная гипотеза была сформулирована В.М. Лурье в 1994 г. в статье «Догматические представления А.С. Хомякова»⁵⁾. Подводя итог работе над комментарием к богословским сочинениям знаменитого славянофила, В.М. Лурье постулирует тезис о том, что уже в своих первых собственно богословских сочинениях 1844 и 1846 гг. (второе письмо Пальмеру и маленький трактат «Церковь одна») и особенно в работах середины и второй половины 50-х (прежде всего – «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях по поводу одного послания Парижского архиепископа», 1855 г.⁶⁾ – т. н. «Бро-

---

ской духовной академией: Творения Оригена, учителя александрийского, в русском переводе. Вып. 1. О началах (с введением и примечаниями). Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1899. К сожалению, издание, задуманное как многотомное, остановилось на первом томе.

¹ Ковалинский М. И. Житие Григория Сковороды, составленное другом его // Сковорода Г.С. Сочинения. Харьков: Типография губернского правления, 1894. С. 14.

² Исторически первым таким исследованием была диссертация Василия Болотова «Учение Оригена о Святой Троице» (1879). – Болотов В. В. Учение Оригена о Святой Троице. СПб.: тип. Ф.Г. Елеонского, 1879.

³ Kamenskikh A. Origen in Russian Philosophy: from Gregory Skovoroda to Nikolai Berdyaev // СХОАН. 2015. Vol. 9(2). 446–459.

⁴ О Григории Сковороде как оригенисте см.: Лебедев А.С. Г.С. Сковорода как богослов // Вопросы философии и психологии. 1895. Вып. 27(2). С. 170–177; Эрн В. Григорий Саввич Сковорода: жизнь и учение. М., 1912. С. 64; Мень А. Библиографический словарь. Т. 3. М., 2002. С. 125; Шлем Г. Г. Очерк развития русской философии. Т. 1. М., 2008. С. 115; Malinov A. V. The Method of Symbolic Interpretation of Grigory Skovoroda // Scrinium. 2013. 9. 297–320. Критику данного воззрения см.: Kamenskikh A. Ibid., 446–450.

⁵ Лурье В.М. Догматические представления А.С. Хомякова (очерк становления и развития) // Славянофильство и современность. Сб. статей / Ред. Б.Ф. Егоров и др. СПб.: Наука, 1994. С. 158–176.

⁶ См.: Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях по поводу одного послания Парижского архиепископа // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.: Университетская тип., 1886. С. 93–168.

шюра II», и «Ещё несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях по поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры», 1858 г.¹ – т. н. «Брошюра III») А.С. Хомяков совершает теологический выбор, который помещает его собственную богословскую мысль в поле оригенизма². Так, в оригенистском ключе интерпретируется трактовка А.С. Хомяковым веры (посредством которой устанавливается связь между человеком и Церковью) как «нравственного начала» и далее деификация и онтологизация этой «нравственности». Поскольку Иисус трактуется Хомяковым как «вполне нравственное существо», справедливыми кажутся интерпретация «недопроявленности» нравственного начала как меры человеческого и ангельского несовершенства и вывод о необходимой греховности людей и ангелов, которая – количественно, но не качественно, – отличает их от Бога³. В свою очередь, положение о «недостаточной нравственности» людей и ангелов по сравнению с Богом ведёт, согласно В.М. Лурье, к тезису о всеобщей ангельско-человеческой телесности (степени телесности корреспондируют, таким образом, со степенями греховности), что также позволяет трактовать хомяковские теологумены как неооригенистские. Таким образом, согласно гипотезе о хомяковском оригенизме, предложенной в 1994 г. В.М. Лурье, «если бы грех мог исчезнуть полностью, то различий между Творцом и тварью не осталось бы: в этом намечен вывод о неразлучности тварности и греховности, разработанный в Бр. III»⁴.

Я позволил бы себе характеризовать эту гипотезу 1994 г. как «сильную версию хомяковского оригенизма». Она по-своему логична, внутренне непротиворечива, однако уязвима для критики. По большому счёту Ориген, которому якобы вторит А.С. Хомяков, предстаёт здесь как почти чистый неоплатоник: «Ориген сохранял языческое (неоплатонистическое) восприятие мира и человека как род некоего рассеяния единого бога, который единственно и является подлинной индивидуальностью («энада»); сама мысль о существовании человеческой личности в такой системе не возникает»⁵. Между тем, платоническая (неоплатоническая) интерпретация учения Оригена выглядит крайне спорной: у Оригена нет ни следа учения об эманации; «мысль о существовании человеческой личности» у Оригена предельно внят-

---

¹ Хомяков А.С. Указ. соч. С. 169–258.

² Пока, в 1994 г., это сходство трактуется В.М. Лурье не в конкретно-историческом, но лишь в типологическом ключе: «любое учение, становясь околоцерковным, попадает еще и в особый типологический ряд и обретает в нем такое историческое родство, о котором обычно не подозревают его создатели» (Лурье В.М. Указ. соч., с. 164).

³ Лурье В.М. Указ. соч. С. 163. Ср. там же: «фактически ангелы и люди есть некие степени деградации Божества, а их участие в Церкви – стремление к недостижимому пределу совершенства».

⁴ Лурье В.М. Указ. соч. С. 165.

⁵ Лурье В.М. Указ. соч. С. 164. Ср. далее, с. 170: «Ориген ... не верил в индивидуальность тварных существ».

ным образом формулируется, скажем, в его учении о свободе выбора, которое именно Ориген вводит в круг христианской мысли¹. Вера «в индивидуальность тварных существ» для Оригена настолько значима, что ей он подчиняет всю свою космологию и эсхатологию. Излишне прямолинейной интерпретацией кажется и приведённый выше тезис «Если бы грех мог исчезнуть полностью, то различий между Творцом и тварью не осталось бы: в этом намечен вывод о неразлучности тварности и греховности, разработанный в Бр. III». – В текстах самого Оригена достаточно ясно постулировано различие между Богом и совокупностью сотворённых умов – различие, предшествующее грехопадению последних и не снимаемое «восстановлением всего». Таким образом, «сильную версию хомяковского оригенизма» следовало бы, по всей вероятности, отложить как несколько искусственную (чрезмерно сильную) – вместе с самой гипотезой об «оригенизме» А.С. Хомякова, – если бы не новые изыскания В.М. Лурье.

«Слабая версия хомяковского оригенизма», которая постулируется Лурье в комментарии 2020 года к трактату «Церковь одна» и ко второй французской брошюре А.С. Хомякова («Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях по поводу одного послания Парижского архиепископа», 1855»)², в значительно большей степени нюансирована и избавлена от излишне прямолинейных суждений о «духе системы» оригенизма, хотя и не вполне от них свободна. Так, можно не согласиться с интерпретацией в качестве однозначно оригенистского положения А.С. Хомякова о том, что тело Церкви по воскресении «будет подобно телесности ангелов» (§ 10 трактата «Церковь одна»). Учение о телесности ангелов, безусловно, есть у Оригена – и да, для Оригена принципиально важно учение об «общей телесности» ангелов и людей: та или иная степень «телесности» – общий признак всего творения, в большей или меньшей степени падшего. Однако у Оригена мы не находим учения о том, что в воскресении человечество усваивает себе *ангельскую* телесность: по Оригену, во всеобщем восстановлении преобразуются и ангелы (постольку поскольку нынешние тела ангелов суть следствие их «падшести»)³.

В равной мере уязвимо для критики и продолжающее «сильную интерпретацию» суждение об эсхатологии Оригена, в которой якобы постулируется «учение о тождестве “конца” и “начала”, сводящее наше спасение лишь к очищению от грехов» (в комментарии к первой французской брошюре Хомякова). Прежде всего, у Оригена всё же нет такого тождества, он подчёркивает невозможность нового грехопадения, что делает некорректным отождествление «конца» и «начала» — таким образом, спасение не сводится лишь к очи-

---

¹ Ориген. О началах. III. 1-2. – Главы, которые Василий Великий включает в свою Филокалию.

² А. С. Хомяков, Полн. собр. соч. / под ред. Б. Ф. Егорова и А. П. Дмитриева. Т. 2. СПб. (в печати).

³ Ориген, О началах. III.6.8-9.

щению от грехов, к нему добавляется «научение», метанойа¹. Более того, если принять чтение РА 3.6.9 в версии Иеронима, у Оригена можно найти и учение об обожении творений: «И будет Бог всё во всём так что вся телесная природа обратится в ту субстанцию, которая лучше всего, т.е. в божественную, лучше которой нет никакой субстанции»².

Безусловно ценной находкой, которую делает В.М. Лурье в 2020 г., можно считать обнаружение наиболее вероятного источника хомяковского «оригенизма». Таковым оказывается второй том «Общей истории христианской религии и церкви» Августа Неандера (1843)³. О том, что Хомяков был знаком с этим изданием и использовал его, свидетельствуют прямые цитаты в других сочинениях (первая французская брошюра).

Заслуживают внимания два важных аргумента, приводимых В.М. Лурье:

1) Хомяков во второй брошюре говорит о том, что творение чувственного мира предшествует всеобщему грехопадению – но Неандер именно эту концепцию считает первоначальным учением Оригена и посвящает этому вопросу специальное обширное примечание (S. 1076–1077).

2) «Учение Оригена о падении «умов» излагается Неандером (S. 1076–1078) с использованием той характерной лексики, которая будет сохраняться у Хомякова: у Неандера в немецком «умы» – *Intelligenzen*, у Хомякова во французском – *intelligences* (у Оригена в греческом было νόες, в латинском переводе Руфина *intellectus*). Если бы Хомяков не ориентировался на Неандера, то вполне (или даже более) вероятно, что в качестве французского термина он бы выбрал *intellects*».

Однако если Хомяков, вслед за неандеровской трактовкой Оригена, принимает возможность телесного и при этом безгрешного состояния творения, что остаётся от «сильной версии», т. е. гипотезы 1994 г., которая весь хомяковский «неооригенизм» строила на тождестве телесного и греховного?

Более того, остаётся открытым вопрос, почему именно позиция Оригена была выбрана Хомяковым как в наибольшей мере отвечающая его собственным богословским интенциям? – В какой-то степени, возможно, ответ на этот вопрос кроется в относительном аисторизме системы Оригена и сознательном аисторизме (в котором историческое предстаёт как только акцидентное) А. С. Хомякова: «...Таков смысл учения и самой жизни Иисуса: они вполне независимы от случайностей исторических и от личного произвола»⁴.

---

¹ Ориген, О началах. III.6.1.

² Перевод Н.В. Петрова.

³ A. Neander, *Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche*. Zweite und verbesserte Auflage. Bd. 2., welcher den vierten und letzten Abschnitt der ersten Abtheilung enthält. Hamburg: Bei Friedrich Perthes, 1843, S. 1070–1087; cp. S. 1196–1231.

⁴ Хомяков А.С. Семирамида (гл. «Место, принадлежащее христианству в историческом развитии мира») // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1904. Т. 6. С. 409.

Сведения об авторе / Information about the author

Каменских Алексей Александрович – к. филос. н., Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Пермь), Институт философии и права СО РАН (Новосибирск), kamen.septem@gmail.com

doi:10.47850/S.2020.1.46

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ДИАЛОГ А. С. ХОМЯКОВА И Ю. Ф. САМАРИНА *

М. Д. Кузьмина

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского
государственного университета промышленных технологий и дизайна
Институт философии и права СО РАН

А. С. Хомякова и Ю. Ф. Самарина, состоявших в переписке, связывали не только дружеские отношения, но и отношения по модели учитель – ученик. Сказывалась и значительная разница в возрасте (Хомяков родился в 1804 г., Самарин – в 1819 г.), и, соответственно, в опыте жизни и философствования, и тот факт, что Самарин вынужденно уехал по службе в представлявшийся славянофилам гибельным Петербург. Он направляет А. С. Хомякову в Москву доверительные, во многом даже исповедальные письма, признаваясь в своих слабостях и прося руководства. Он беспокоится, замечая на себе тлетворное влияние Северной столицы. Петербург изображается в его письмах к Хомякову в традициях прозы Н. В. Гоголя, в первую очередь повести «Невский проспект», – как абсурдно-фантазмагорическое, лживое, inferнальное пространство. Лейтмотивом звучит повторяемый им вопрос: «...что мне делать?». Хомяков отвечает своего рода развернутой проповедью, действенность которой определяется целым рядом факторов. Он спокойно и уверенно разъясняет корреспонденту его состояния и ситуации. Дает советы, облекая их в пословичную форму (напр.: «...все перемелется и будет мука, <...> все ошибки исправятся силою жизни...»), подкрепляя авторитетом библейского слова (под его пером рождаются образы, восходящие к ветхо- и новозаветным: метафора болезни, пустыни, битвы, сеяния хлеба и др.), «пророчествуя» и напоминая свои уже сбывшиеся «пророчества» (ср.: «Вы, может быть, вспомните наш разговор с вами и Аксаковым, когда я вам обоим обещал внутреннюю борьбу и даже пророчил, что она начнется у вас прежде, чем у него»). Одной из любимейших в его письмах становится темпоральная категория будущего. Но, разъясняя и «пророчествуя», он оновременно сопереживает, утешает. И получает отклик: Самарин во многом следует за ним. Их отношения, выразившиеся в переписке, представляют своеобразный светский вариант отношений духовного отца и духовного сына. Вызывая доверие

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-68-46021, «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917».

к своим словам и к своей личности, Хомяков руководил Самариным, воспитывал его, вел за собой.

Сведения об авторе

Кузьмина Марина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург), Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

УДК 1(091)

doi:10.47850/S.2020.1.47

ВИКТОР ДЕ БЮК — БОЛЛАНДИСТ, ДРУГ ИВАНА ГАГАРИНА, ПОТАЕННЫЙ КРИТИК ХОМЯКОВА *

В. М. Лурье

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

До недавнего времени было известно только о факте дружбы, идейной близости и сотрудничества между бельгийским иезуитом Виктором Де Бюком (Victor De Buck, 1817–1876) и русскими иезуитами Иваном Сергеевичем (в католичестве Иоанном-Ксаверием) Гагариным (1814–1883) и Иваном Михайловичем Мартыновым (1821–1894). Но только недавно, благодаря изданию переписки между ними, стали известны подробности обсуждавшихся ими тем, особенно связанных с различными идеями по сближению православной и католической церкви, не исключая и подробностей полемики Гагарина с Хомяковым. Переписка сохранилась в очень большом объеме, так что издатели даже отказались от ее публикации на бумажных носителях: *Au service de la réconciliation des Églises, Jean Gagarin, Jean Martynov et Victor De Buck: correspondance*, Présentation, édition et commentaire par R. Danieluk et B. Joassart. (Tabularium Hagiographicum, 7). Bruxelles: Société des Bollandistes, 2014, 1320 pp. (р. 81–1284, т. е. весь объем издаваемых текстов, – на CD-ROM в виде pdf файла)¹.

Как видно из переписки, Иван Гагарин подробно обсудил с Де Бюком резкую критику, которой подверглась в третьей французской брошюре Хомякова (1858) его книга «Станет ли Россия католической?» (1856). Результаты

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 20-68-46021 «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917».

¹ Относительно биографии Де Бюка см. вступительную статью к этому изданию (*ibid.*, р. 27–41), а также в особенности см. классический труд Ипполита Делеэ, созданный к трехсотлетию Общества болландистов: H. Delehayе, *À travers trois siècles. L'œuvre des Bollandistes. 1615–1915*, Bruxelles: Bureaux de la Société des Bollandistes, 1920, р. 190–214. Об Обществе болландистов, существующем внутри ордена иезуитов в Бельгии до сих пор, см. также: В. М. Лурье, *Введение в критическую агиографию*, СПб.: Аxiōma, 2009.

этого обсуждения отразились в большой статье Гагарина «Сторонники и противники объединения [православной и католической церквей]»¹, которая, в основном, посвящена Хомякову. Гагарин использовал в ней подробные рекомендации Де Бюка, хотя и далеко не во всем им последовал. Переписка Гагарина с Де Бюком касалась и более поздней полемики Гагарина с Хомяковым.

Как Гагарин, так и Де Бюк были единомышленны в том, что Хомяков представляет свое собственное богословие, а не православное, и это богословие по сути пересказывает то ли Гегеля, то ли ему подобных немецких философов, которые от настоящего христианства отстают даже дальше, чем обычные лютеране. Весь этот материал я надеюсь рассмотреть подробно в комментариях к богословским сочинениям Хомякова в составе его академического полного собрания сочинений, которое сейчас начало издаваться под редакцией Б. Ф. Егорова (1926–2020) и А. П. Дмитриева. Целью настоящего сообщения является только общее знакомство с Виктором Де Бюком как доселе неизвестным, но весьма влиятельным участником полемики вокруг богословия Хомякова.

В течение своей истории Общество болландистов состояло обычно из нескольких человек, четырех или пяти, которые занимались изучением и изданием житий святых. С 1643 по 1940 год Общество выпускало знаменитое издание *Acta Sanctorum*, вокруг которого строилась вся его работа. В 1792 г., в силу политических и экономических обстоятельств, Общество было полностью расформировано, но в 1837 г. возрождено. Главной фигурой первого периода деятельности этого возрожденного общества стал Виктор Де Бюк, который пришел в него в 1840 г. совсем молодым человеком, но сразу проявил себя в качестве одного из лучших сотрудников (полноправным членом Общества он стал только в 1850 г.). С его смертью, которой предшествовала безвременная кончина лучших сотрудников (три человека за четыре года), этот период и закончился, поставив Общество на грань нового краха, – которого, однако, удалось избежать талантами и научным подвигом других людей (в том числе, Ипполита Делеэ), превративших, в итоге, Общество болландистов в ведущую научную школу первой половины и середины XX века. Теоретические основы этой научной школы и, в частности, необходимость изучения агиографической литературы сразу на всех языках, на которых она дошла, были заложены во времена Де Бюка, но не смогли быть реализованы уже тогда из-за преждевременной смерти лучших сотрудников. Однако первый шаг был сделан, причем, благодаря помощи русских иезуитов, один из которых, Иван Мартынов, близкий друг Гагарина и переводчик на русский его книги «Станет ли Россия католической?», становится фактически сотрудником Общества, хотя и без формального членства. К изучению житий святых, помимо источников на латинском и греческом языках, теперь, благодаря

---

¹ J. Gagarin, Les partisans et les adversaires de l'union, *Études de théologie, de philosophie et d'histoire*, nouvelle série, t. I (1859) 54–91.

сотрудничеству Мартынова, стали привлекать материалы на церковнославянском, причем, включая жития тех святых, которые жили после разделения между православием и католичеством.

В предисловии к сделанному Мартыновым латинскому переводу Киево-печерского патерика в *Acta Sanctorum* Де Бюк подробно излагает свои принципы отношения к православию, особенно русскому. Нетрудно убедиться, что они совпадали с представлениями Гагарина. Русские христиане, по мнению Де Бюка, не отличаются от католиков в вере, хотя и не принадлежат к истинной Церкви, поскольку для принадлежности к ней нужна не только правильная вера, но и общение с истинной иерархией, возглавляемой папой Римским; тем не менее, не следует называть их схизматиками, как будто бы они были Церкви совершенно чужды. Приведем соответствующий пассаж, так как в нем содержится и неявное упоминание о Хомякове (*Acta Sanctorum Octobris*. T. X, Bruxellis: Typis Henrici Goemaere, 1861, p. 863):

Et ne quis contendat injuria eos orthodoxos appellari, juverit in memoriam revocare gravissimos viros, qui Russorum symbolicos et liturgicos libros diligenter versarunt, jam pridem sibi firmiter persuasum habere doctrinam eorum ecclesiasticam (theologorum russorum quorundam placita hic curanda non sunt) verbis potius quam rebus a catholica diversam esse eamque jure merito orthodoxam dici posse. Cæterum ex hac indulgentia nil mali enasci potest, quum non in una doctrina tesseram veræ ecclesiæ, quam concilia œcumenica unam, sanctam, catholicam et apostolicam nuncuparunt, positam esse nemo non noverit; et quum catholicum nomen, de quo orthodoxi parum cogitant, quodque romanæ ecclesiæ clientibus, non secus ac umbra corpori, adhæret, sufficiens nota et indicium sit <...>.

Чтобы никто не считал несправедливым именовать их православными, следовало бы припомнить весьма авторитетных мужей, которые, тщательно изучив символические и литургические книги русских, твердо уверились в том, что их (русских) церковное учение (если не иметь в виду мнения отдельных русских богословов) более словами, нежели содержательно отличается от католического и поэтому совершенно справедливо может называться православным. Из снисхождения в этом вопросе не следует, однако, делать неправильных выводов, поскольку, как всем известно, не одним только учением определяется та истинная Церковь, которую вселенские соборы называли единой, святой, соборной (католической) и апостольской, и что имя католической, – на которое православные даже не претендуют, тогда как оно следует за верующими Римской церкви так же, как тень за телом, – само по себе достаточно для обозначения ее <...>.

Этот пассаж тематически пересекается, разумеется, с темой полемики между Хомяковым и Гагариным по поводу термина «соборная» и написан во время этой полемики, около 1859 или 1860 г., хотя и опубликован чуть позднее. Среди «некоторых русских богословов» тут в первую очередь, как мы теперь знаем из исторического контекста, подразумевался Хомяков, а под настоящим православным богословием – прежде всего, русское академическое богословие XIX в. (а также согласное с ним греческое), которое и на самом деле, если не касаться отношения к римскому примату, мало чем отличалось от католического – если отличалось вообще.

Конечно, внутри современного ему католичества Де Бюк оказывался не центристом, а умеренным либералом. Де Бюк был далеко не чужд публичной церковно-общественной деятельности, так что иногда его церковное положение оказывалось под большой угрозой. В середине 1850-х годов Де Бюк вступил в затяжной конфликт с влиятельным духовенством, которое не вполне бескорыстно создавало культы, якобы, мощей святых, используя кости умерших христиан, вынесенные из римских катакомб, и на основании случайных признаков определяя их как кости мучеников. Де Бюк строго доказал неправомочность такой практики. В итоге этой полемики создание подобных культов было запрещено папским решением, но при жизни Де Бюка поддержка его позиции папским престолом не была открытой и выражалась лишь в том, что его самого не подвергали репрессиям.

Де Бюк оказался очень близок с Гагариным и по взглядам, и по темпераменту, хотя Гагарин не мог разделить его глубоких интересов в академической науке. С Мартыновым ситуация была обратная: он стал близок Де Бюку как коллега-ученый, но, несмотря на общность взглядов, не был ему близок по темпераменту.

Де Бюк не только возражает Хомякову, но и соглашается с ним, причем, иногда и в таких вопросах, где его согласие может выглядеть неожиданным. Так, по поводу изложения Хомяковым троичного догмата¹, он говорит, что Хомяков неверно понял латинское учение об исхождении Св. Духа, и то учение, которое он излагает в качестве латинского, и на самом деле ошибочное, но зато собственное учение Хомякова об этом правильное, – такое же, как сам Де Бюк незадолго перед тем изложил в статье, опубликованной в журнале, редактировавшемся Гагариным: *Et à ce propos, je vous ferai remarquer que dans Khomiakoff, pag. 101, note, vous trouverez sur la procession du Saint-Esprit toute la doctrine que j'ai exposée (Au service..., p. 349, письмо Гагарину от 29 июля 1859 г.; пер.: «По этому поводу я хотел бы обратить Ваше внимание, что у Хомякова, стр. 101 [оригинального издания третьей французской брошюры, 1858], примечание, Вы найдете относительно исхождения Святого Духа то самое учение, которое изложил я²»).*

Православное учение об исхождении Святого Духа, как его понимает Хомяков в этом месте (и в очень близкой к нему латинской заметке «О Троице»), сводится к тому, что Отец и Сын представляют собой внутренние неразделимые субъект и объект познания, а само познание есть «отражение» познанного объекта (Сына). Де Бюк обратил внимание на жесткую субординацию трех божественных лиц у Хомякова, которая не ограничивается утверждением об Отце как единственном «начале» для двух остальных ипо-

---

¹ В подстрочном примечании в конце третьей брошюры; см. рус. пер. в: А. С. Хомяков. *Сочинения*. М., 1994, т. 2. с. 190.

² Ср.: V. De Buck, *Essai de conciliation sur le dogme de la procession du Saint-Esprit, Études de théologie, de philosophie et d'histoire*, 2 (1857), p. 307–351, оsob. p. 331.

стасей, а ставит Духа в смысле бытия самой Его ипостаси после Сына: «образ Сына», как его понимает Хомяков, является «отражением» объекта познания и не может оказываться впереди объекта ни в каком смысле. Такое учение вполне совместимо с неосхоластическим богословием, которого придерживался Де Бюк, и вообще с латинским пониманием *Filioque* после Лионского собора 1274 г.

Фигура Виктора Де Бюка заслуживает большого внимания не только в связи с Хомяковым и славянофилами, но и вообще в связи с русской культурой XIX века – особенно в той ее важной, но до сих пор относительно слабо изученной части, которую представляло католическое или филокатолическое крыло «западников».

Сведения об авторе / Information about the author

Лурье Вадим Миронович – д. филос. н., ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск)

doi:10.47850/S.2020.1.48

ХОМЯКОВ И ВИКО О СПИНОЗЕ, СВОБОДЕ И О НАШЕМ БУДУЩЕМ.

Мини-заметка

Д. И. Макаров

Уральская государственная консерватория им. М.П. Мусоргского

1. В своей «Заметке о свободе» (Хомяков 1994, т. 2: 331–332) Хомяков критикует Спинозизм в манере, весьма сходной с той, в которой это уже проделал Вико за добрых сто двадцать лет до него (Вико 1994: 34, прим. (а)). Оба автора указывают (вопреки Гегелю), что, говоря словами Вико, Спиноза отнял у человека «всякий выбор и собственное намерение», а у Бога – «всякое Провидение» (идею какового Вико считает врождённым человеческому сознанию – Вико 1994: 22). Хомяков говорит, что необходимость у великого голландца необходима по недоразумению; Вико замечает, что в таком мире, каков описанный Спинозой, «повсюду должна царствовать прихоть для того, чтобы повстречать желаемый Случай или Фатум» (Вико 1994: 34, прим. (а)). Именно поэтому Хомяков резко и заявляет: Спиноза – не материалист, «он хуже, он – ничего» (Хомяков 1994, т. 2, 331). «Мысль, пространство, Бог, человек, природа – всё равно...» (там же). Но особенно неприятно, что у Спинозы нет личности. Негативный образ Спинозы представлен и в раннем рассказе Сигизмунда Кржижановского «Спиноза и паук» (1921), где именно паук наслаждается свободой, которой нет у философа, знавшего «меньше, чем ему было нужно знать» (Кржижановский 1991: 167) – «свободой от мышления» (там же).

2. Представляется, что Хомяков и Вико, стоя (один – больше, другой – меньше, но это сейчас даже не особенно важно) на почве христианской ан-

тропологии (достаточно синкретичной у обоих), смогли предугадать наступление тех времён, когда «свобода от мышления» стала из химеры ума ужасающей реальностью и в которые выпало жить Кржижановскому и его современникам.

Сведения об авторе / Information about the author

Макаров Дмитрий Игоревич – д. филос. н., заведующий кафедрой общих гуманитарных дисциплин Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского.

doi:10.47850/S.2020.1.49

РОЛЬ СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ХАРАКТЕРА А. С. ХОМЯКОВА И И. В. КИРЕЕВСКОГО *

Е. И. Мирошниченко

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

В тезисах рассматривается проблема влияния семьи и семейных отношений на формирование мировоззрения и характера будущих основателей славянофильского движения: А.С. Хомякова и И.В. Киреевского. Автор приходит к выводу, что активный характер Хомякова был обусловлен ролью матери, которую она играла в семье. Тогда как более созерцательный характер Киреевского связан с характером его матери и годами жизни без отца.

Ключевые слова: славянофилы, Хомяков, Иван Киреевский, социальная психология.

FAMILY IN FORMATION OF WORLDVIEW OF ALEXEI KHOMYAKOV AND IVAN KIREEVSKY

E. Miroshnichenko

The thesis considers the problem of influence family relationships on formation of worldview and character of leaders of Slavophilism: A.S. Khomyakov and I.V. Kireevsky. Author concludes that activity in Khomyakov's character was due to role played by his mother in family. As for more theoretical character of Kireevsky we suppose that it was related with the character of his own mother and was influenced by the life without father.

Keywords: Slavophilism, Khomyakov, Ivan Kireevsky, social psychology.

Несмотря на обилие исследований по истории славянофильства, до сих пор отсутствуют работы, в которых разбиралась бы проблема влияния семьи на формирование мировоззрения и характера представителей этого движения. Между тем, изучение среды, в которой воспитывались молодые Хомяков и Киреевский, их взаимоотношения с родителями могли бы прояснить не только направление их мысли, но и фундаментальные различия во взглядах.

Как известно, основателей славянофильства соединяли родственные связи: отец Ивана Киреевского был троюродным братом матери А.С. Хомякова [5, с. 12]. И тот, и другая были представителями почтенного старинного московского рода, поэтому Москва для славянофилов была ещё и своего рода се-

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 20-68-46021 «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917».

мейным символом. Семья играла значительную роль в формировании личности как Хомякова, так и Киреевского. Сравним, какие взаимоотношения царили в их семьях по трём пунктам: отношения отца и сына, отношения матери и сына и отношения отца и матери.

Тип отца у обоих был характерным для эпохи: просвещённый дилетант, знаток иностранных языков. Отец Киреевского организовал домашнюю лабораторию, где ставил химические опыты и занимался биологией. Отец Хомякова увлекался математикой. Любовь к наукам, по всей видимости, досталась детям от их отцов. При этом отец Хомякова отличался некоторой безвольностью, пассивностью в характере. Так однажды он проиграл в карты огромную сумму денег, в результате чего его супруга взяла власть в доме в свои руки, сформировав в муже чувство вины. У Киреевского отец был храбрым человеком, имел сильную волю, был майором в отставке. Он героически погиб, заботясь о больных тифом во время войны 1812 г. Таким образом, у Хомякова был недостаток в образе сильного отца, о котором он, соответственно, практически не упоминает ни в своих работах, ни в письмах. Очевидно, главное влияние на Хомякова оказывала мать, Мария Алексеевна. Отец Киреевского умер, когда последнему было всего 6 лет, но героический образ отца не мог не повлиять на мировосприятие юного славянофила. Особое благородство, чувство собственного достоинства – всё это досталось Киреевскому, несомненно, от отца.

Для Хомякова главную роль в воспитании, несомненно, играла мать, о которой он всегда отзывался очень тепло. Воинственный и решительный характер матери, по всей видимости, передался и сыну. Также передалась любовь к православию и церковности. После войны 1812 г. она построила на свои деньги церковь. Завитневич сообщает, что однажды она позвала Хомякова и его брата и заставила их принести клятву, что они не будут вступать до брака в связь с женщиной [3, с. 229]. Таким образом, мы видим, что в семье царила идея послушания матери. У Киреевского ситуация несколько иная. Молодые братья и сестра Киреевские воспитывались в течение пяти лет молодой вдовой Авдотьей Петровной Елагиной, отличавшейся женственностью и нежностью. В этот период на молодого Киреевского оказывали влияние поэт В.А. Жуковский и знаток немецкой философии А.А. Елагин, за которого вдова Елагина и вышла в 1817 г. Отсутствие отца в 1812–17 гг. сказалось на характере Киреевского: нельзя не отметить некоторую женственность и нерешительность у него.

В отношениях между родителями мы наблюдаем следующую картину. У Хомякова, несмотря на то, что родители любили друг друга, мать стояла во главе семьи, отец же безропотно ей подчинялся. У Киреевских мать относилась к отцу с уважением и почитанием, тем более что была намного моложе его. Наибольшее же влияние на Киреевского, по-видимому, оказала не семья, а атмосфера литературного салона, организованного его матерью [1, с. 200]. Также сыграл роль особый патриархальный быт и дворянский московский

уклад жизни, в которых был свой ритм, соблюдение обычаев и уважение к православной традиции.

Следует, однако, обратить внимание на различие в характере религиозности юных Хомякова и Киреевского. Если первый воспринимал христианство просто и в рамках традиционного уклада, то для второго вера была окрашена неким романтическим ореолом. В этом отношении нельзя согласиться ни с С.П. Жаба [2, с. 25], который считал Киреевского атеистом, ни с Гершензоном [4, с. 423], согласно которому Киреевский был глубоко верующим православным христианином. Скорее всего, вера Киреевского до определённого времени носила несколько философский, отвлечённый характер.

В 1825 г. Хомяков едет в Европу, Киреевский – в 1830 г. У обоих весьма скептическое отношение к европейской культуре. Тем не менее, они испытали её сильное влияние. Киреевский, вернувшись в Россию, организует издание нового журнала, называет его «Европеец». Насколько можно судить, Хомяков и Киреевский встречались в середине 20-х гг. в кружке Любоумров, а затем в салоне Авдотьи Елагиной, но их отношения не были близкими. После 1834 г. под влиянием своей жены, Киреевский начинает склоняться к традиционному православию. В 1839 г. случается знаменитый спор Хомякова и Киреевского «о старом и новом», после чего они завязывают более тесные отношения. В 1840 г. Киреевский переходит в письмах Хомякову на «ты» [4, с. 74–75].

Несмотря на различия в психологических типах («созерцательный» Киреевский и «воинственный» Хомяков), между ними складываются самые дружеские отношения. В основе этих отношений, как нам кажется, лежит «активный» характер Хомякова, сформировавшийся под влиянием властной матери, и «пассивный» характер Киреевского.

Список литературы

1. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989.
2. Жаба С. П. Русские мыслители о России и человечестве. Париж, 1954.
3. Завитневич В. З. Алексей Степанович Хомяков. Т. 1. Кн. 1. Киев, 1902.
4. Иван и Пётр Киреевские в русской культуре. Калуга, 2001.
5. Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков. М., 2000.

Сведения об авторе / Information about the author

Мирошниченко Евгений Игоревич – младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск)

ПЕРЕВОД КАНТОВСКОГО DING AN SICH (К СЛОВАРЮ ТЕРМИНОЛОГИИ А.С. ХОМЯКОВА)

Н. В. Серебренников

Томский политехнический университет

Термин И. Канта Ding an sich переводился на русский язык по-разному. Укажем за 1803–1858 гг. известные нам выражения.

Первый перевод немецкой фразы появился в издании «Основания для метафизики нравов». Профессор Я.А. Рубан представил «an sich» как «по себе» — «бытие само по себе», «цель сама по себе» и «цель по себе самой», вещь «в своей сущности», т. е. «существо само по себе», «явление самого себя» со свойствами вещи самой по себе¹.

Профессор А.И. Галич дал два-три варианта — «вещь сама по себе»² и «вещь своесущная»³, или «самосущная вещь»⁴, различая «в смысле *положительном* нечто такое, что не может быть созерцаемо чувствами, как оно само есть по себе», и называемое “в смысле *эмпирическом* вещью *своесущною*...”⁵.

Преподаватель философских наук Ф.А. Надежин, приводя перевод «сами по себе»⁶, решительно склонился к эффектной формулировке «вещь в себе»⁷, или «сами в себе»⁸, намекающей на непознаваемость.

Эту трактовку как бы утвердил архимандрит Гавриил (В.Н. Воскресенский), учивший о невозможности «знать, что такое предметы сами в себе»⁹.

Термином «вещь в себе» постоянно пользовался С.С. Гогоцкий¹⁰, лишь однажды уточнивший, что есть «вещь сама в себе», она же «вещь сама по себе, существующая в своём собственном элементе...»¹.

---

¹ Кантово основание для метафизики нравов. Пер. с нем. Якова Рубана. Николаев, 1803. С. 92–99, 105, 107, 108. 110, 112, 115–117, 145–147, 161, 163, 167, 171, 175.

² Александр Галич. История философских систем: в 2 кн. СПб., 1819. Кн. 2, содержащая в себе историю новейшей философии. С. 188, 189, 302, 303, 315, 323, 325, 328, 331, 333, 334.

³ Там же. С. 194, 197, 217, 332, 337.

⁴ Там же. С. 319.

⁵ Там же. С. 328. Иными словами «Вещь. 1) В пространном смысле значит всё то, что мы можем мыслить, не противореча самим себе, 2) в тесном, что не только мы представляем себе, но что и существует независимо от наших мыслей. Та называется и *умственным, логическим* предметом, а эта *действительным, реальным, бытным...*» // Он же. Лексикон философских предметов. СПб., 1845. Ч. 1. С. 174. Издание прекратилось на ч. 1.

⁶ Ф. Надежин. Очерк истории философии по Рейнгольду. СПб., 1837. С. 144, 161.

⁷ Там же. С. 160, 162, 169, 177, 184, 185, 189, 190, 208, 224, 231.

⁸ Он же. Очерк науки философии. СПб., 1845. С. 137.

⁹ Архимандрит Гавриил. История философии: в 6 ч. Казань, 1839. Ч. 4. С. 71, 78.

¹⁰ Сильвестр Гогоцкий <sic>. Критический взгляд на философию Канта. Рассуждение, написанное магистром философии для получения звания доцента философии. К., 1847. С. 2, 16, 18, 38, 52, 58, 60, 65, 66; С.С. Гогоцкий. Философский лексикон: в 4 т. К., 1857. Т. 1. С. 251, 356.

Между тем, в отзыве на 1 том «Философского лексикона» Хомяков отметил отсутствие в нём «весьма важных слов: *Вещество* (как вещь о себе)», *Впечатление, Время...*². Перевод «вещь о себе» не обрёл ни одного адепта, но тоже возможен и воспринимается в русском языковом поле как вещь, заявляющая о собственной природе и открытая для познания. В одной и той же статье Хомяков применил термины «*вещь (предмет) в себе*»³ и «*вещь о себе*»⁴, различия не выделяя⁵. Несмотря на интерпретации термина немецкими философами и провокации образной русской речи, он понимал Ding an sich единственно как предмет мышления.

Сведения об авторе / Information about the author

Серебренников Николай Валентинович – д-р филологических наук Томского политехнического университета, Томск.

doi:10.47850/S.2020.1.51

ГЕРЦЕН И СЛАВЯНОФИЛЫ В 1867 Г.: ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ

А. А. Тесля

Санкт-Петербург
mestr81@gmail.com

Непосредственные отношения А.И. Герцена со славянофилами прекратились по существу в 1864 г. — последним эпизодом была встреча Герцена с Ю.Ф. Самариным в Лондоне и последующий обмен письмами (послуживший отчасти основой для последующей публикации «Писем к противнику»). Однако на этом эволюция отношения Герцена к славянофильству (как отчасти и отношения участников славянофильского круга, прежде всего И.С. Аксакова, к Герцену) не прекратилась.

Напомним, что 1863 – 1864 гг. являются точкой наибольшего сближения славянофилов с правительственной политикой — когда целый ряд видных членов славянофильского круга и близких к ним лиц становятся видными

---

¹ Там же. С. 484.

² А.С. Хомяков. О современных явлениях в области философии. Письмо к Ю.Ф. Самарину // А.С. Хомяков. Полн. собр. соч.: в 8 т. М., 1900. Т. 1. С. 316–317. Написание «вещь о себе» сверено с автографом: Гос. исторический музей (М.). Ф. 178. № 17. Л. 142–142 об. (Сердечно признателен А.Г. Юшко за фотокопии).

³ А.С. Хомяков. О современных явлениях в области философии. С. 294, 303.

⁴ Там же. С. 311.

⁵ По замечанию еп. Григория (В.М. Лурье), «“о себе” – по-церковнославянски то же самое, что “в себе”. напр., в тропаре Богородице на положение Ея пояса во Влахернах и Ризы в Гефсимании (31 августа и 2 июля, одинаковый тропарь): “...о Тебе бо естество обновляется и время”».

деятелями не только в проведении, но и формулировании имперской политики в отношении Царства Польского (и, шире, «польского вопроса» в Российской империи в целом). Этот же период для Герцена и его круга — период максимальной оппозиционности, фактически революционных настроений, от активного включения в проект «Земли и воли» вплоть до прямой и деятельной поддержки Январского восстания, в том числе организации вооруженной экспедиции на поддержку действий восставших в Литве.

К 1867 г. позиции обеих сторон существенно сближаются — Герцен и, правда, в существенно меньшей степени, Огарев пересматривают прежние политические ориентиры, в том числе вступив в 1866 г. в конфликт с польской эмиграцией. Политически Герцен сдвигается все более в умеренную сторону, рассматривая «социализм» как широкую перспективу, направление движения, а не конкретную политическую программу (итог этой эволюции выразится в начале 1869 г. в цикле писем «Между старичками», в итоге оформленном в письма «К старому товарищу», опубликованный посмертно). Со своей стороны славянофилы оказываются все более оппозиционными по отношению к текущей правительственной политике — что выразится в позиции газеты «Москва», редактируемой Аксаковым (и в итоге, в 1868 г., закрытой властями), и в решении Самарина начать заграничное издание серии «Окраины России» (первый выпуск выйдет в 1869 г.).

В 1867 г., воспользовавшись публикацией в «Голосе», обвинявшей Герцена и Бакунина в причастности к «тайному обществу зажигателей», Герцен обращается с открытым письмом к Аксакову, которое тот публикует в «Москве» — и, в продолжение этого текста, публикует большое развернутое, второе письмо к Аксакову, опубликованное в «Колоколе». Здесь он подчеркивает свое уважение к Аксакову, его репутации — и, отмежевываясь от обвинений «Голоса», делает это исключительно лично, ничего не говоря о Бакунине.

Предсказуемым образом это вызывает острую реакцию со стороны Бакунина, который пишет два письма с обличением в том числе и Аксакова и одновременно с критикой Герцена (письма эти публикуются в «Колоколе» приложением ко второму письму к Аксакову — с характерным примечанием Герцена, в котором тот берет на себя защиту Аксакова от обвинений Бакунина в его непосредственном участии в репрессиях против поляков).

Однако наиболее интересно, что это высказывание Герцена вызывает реакцию со стороны целого ряда других персонажей — в том числе и тех, которые ранее, в ситуации 1862–1864 гг. дистанцировались от Герцена. Тургенев, восстановивший сношения с Герценом в том же 1867 г., решительно высказывается против его иллюзий в отношении нынешней позиции славянофилов, отмечая в частном письме к Герцену, что тот не представляет степени эволюции Аксакова, особенно со времен его женитьбы на А.Ф. Тютчевой. Примечательно, что в этот же момент против герценовской позиции решительно протестует Е.В. Салиас де Турнемир, близкая к герценовскому кругу с 1840-х гг. — сохранилось, не отправленное в конце концов из опасений несдержан-

ности Бакунина, ее письмо к последнему, где она берет Бакунина под свою защиту в споре с Герценом и резко критикует попытки Герцена представить позицию славянофилов как позицию «честных противников».

Сказанное позволяет сделать вывод, что публичные письма Герцена к Аксакову были восприняты широким кругом лиц — от Бакунина до Тургенева — как попытка нового сближения со славянофилами, воспринимая как более или менее реалистическая и, соответственно, становящаяся должным объектом противодействия.

Сведения об авторе / Information about the author

Тесля Андрей Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. Адрес: (1) Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034; (2) ул. Чернышевского, 56, г. Калининград, Российская Федерация 236016 mestr81@gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.354

doi:10.47850/S.2020.1.52

АКАДЕМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА 2013 Г. В ОЦЕНКАХ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН

На старте реформы, начавшейся в середине 2013 г., много говорилось об архаичной организационной структуре академической науки, следствие которой – непрозрачность в расходовании средств; о необходимости избавления ученых от несвойственных им функций управления имуществом и коммунальным хозяйством; о важности обновления системы академий наук, не соответствующей задачам, стоящим перед наукой. На ее месте планировалось учредить «клуб академиков»; наличие подведомственных научных организаций при нем не предусматривалось. Право управления научным имущественным комплексом предполагалось передать особому органу управления с условным названием «Агентство научных институтов». В организации научной деятельности планировалось перейти к адресной поддержке научных лабораторий при одновременной ликвидации системы академических институтов как основной формы организации научной деятельности. (На их месте должны были появиться своеобразные лизинговые центры, сдающие научное оборудование в аренду). Основным объектом государственной научной политики должна была стать научная группа (сектор, лаборатория, временный творческий коллектив), при конкурсной системе финансирования и прямых контрактах с исследователями.

Принятый в сентябре 2013 г. федеральный закон определил главные функции обновленной Академии: координация фундаментальных и поисковых научных исследований; экспертная деятельность; научно-методическое руководство научной и научно-технической деятельностью в стране. Из ее состава исключались институты, исследовательские центры и т. д., которые занимались непосредственной научной деятельностью. Для оперативного управления институтами и их имущественным комплексом создавалось Федеральное агентство научных организаций, разрабатывавшее и утверждавшее программы развития, государственные задания и планы проведения фундаментальных и поисковых научных исследований подведомственных научных

организаций, а также осуществлять оценка эффективности их деятельности: с учетом мнения РАН.

С целью выявления мнения научного сообщества о последствиях реформы нами были проведены полуструктурированные интервью с научными сотрудниками подавляющего большинства академических институтов Томского, Красноярского и Иркутского научных центров. На основании полученных результатов мы можем судить о том, как научные сотрудники оценивали необходимость реформы, степень ее влияния на науку – в смысле эффективности, гибкости, ориентации на практику и т. д.

Прежде всего следует отметить тот факт, что спустя два года после начала реформы уже мало кто сомневался в ее *необходимости*; в то же время подавляющее большинство респондентов резко критиковало *методы* ее проведения. Что касается оценки учеными основных мероприятий и направлений реформы, то внедрение новых норм и правил функционирования фундаментальной науки, носящих зачастую сугубо формальный и зачастую бесполезный (если не сказать вредный) характер с точки зрения специфических задач, поставленных перед наукой обществом и государством, ожидаемо вызывало с их стороны негативную оценку.

Для профессионального ученого существенную роль в мотивации труда играют внеэкономические мотивы, такие как искренний интерес к профессии, желание завоевать авторитет среди коллег по цеху, иметь хорошую профессиональную репутацию. В силу этого обстоятельства вольное или невольное желание авторов реформы изъять из науки этот ценностный аспект, сделать науку *конвейером* по производству экономически востребованного знания и прикладных технологий вызывает сопротивление со стороны ученого сообщества, прежде всего среднего и старшего поколений.

Главное, на что обращали внимание все без исключения участники нашего исследования – это тот совершенно невероятный по объему бюрократический вал, который обрушился на научные учреждения после организации ФАНО. Стремление все зарегулировать, спланировать, прописать четкие *формальные* критерии выполнения намеченных заданий, по их мнению, в корне противоречит самой сути научной деятельности, носящей поисковый характер. Положение не спасает и то обстоятельство, что пришелся этот удар большей частью по руководству институтов. Методы и приемы руководства наукой, внедряемые вновь созданными органами управления, нацелены на формирование совершенно новой системы профессиональных ценностей ученого. Самым ярким проявлением сугубо бюрократического подхода к науке является внедрение чисто формальных показателей для оценки деятельности как всего института, так и отдельного ученого, что также оценивается как «крайне беспокоящий» фактор. По мнению самих ученых, разработка подобных критериев – важнейшая задача, требующая объединения усилий самых разных сторон.

Важным негативным фактором стала также психологическая усталость заметной части научных работников от постоянных изменений. Меняется

все, от принципов планирования до формы отчетов, что приводит чуть ли не к нервным срывам. Пока ситуация коснулась в основном руководящего уровня научных учреждений, но по цепочке это доходит и до «рядовых» сотрудников.

Одним из краеугольных камней предстоящей реформы была идея сделать научную группу или отдельного ученого основным субъектом планирования и управления в науке. Идея вполне здравая – с точки зрения авторов реформы – тем более что многочисленные исследования показывали наличие в науке изрядной доли «балласта» – исследователей, имеющих низкие показатели цитирования, малое число публикаций, отсутствие грантов, патентов, хоздоговоров и пр. Возможные управленческие решения также напрашивались вполне очевидные: сосредоточить имеющиеся (отнюдь не беспредельные) ресурсы на работоспособной части научного сообщества, обеспечив тем самым прорыв на ряде важнейших технологических направлений.

По мнению респондентов, авторы подобных идей упускали из вида специфику устройства российской науки, во многом доставшуюся ей по наследству от науки советской. И одна из важнейших черт здесь – крайне важная роль, которую играют коллективы институтов в процессе научного поиска. Малая эффективность некоторых ученых отнюдь не означает, что это *плохие* ученые. Зачастую именно они являются генераторами идей, для них важнее сам процесс, «делание науки», а не поиск денег на исследования или оформление результатов в виде отчетов, статей и книг. Другой важнейший фактор – наличие интеллектуальной среды, в которой только и могут рождаться новые идеи. Иными словами, плохо формализуемое в рамках бюрократической логики наличие питательной среды науки в виде коллег по цеху, общение с которыми не ограничено ни временем, ни жесткими институциональными рамками, является сегодня (и еще долгое время будет являться) условием успешного функционирования российской науки, по крайней мере в ее фундаментальной части.

Важный организационный момент – многие институты представляют собой сложнейшие технологические комплексы, формировавшиеся десятилетиями, и силовой слом сложившихся институциональных практик может оказаться фатальным. По меткому выражению одного из наших респондентов, *«вокруг ускорителя всегда существует несколько научных групп, [в силу чего] финансировать надо не группу, финансировать надо ускоритель»*. В силу примерно тех же соображений критиковалась идея укрупнения институтов, создания на их базе объединений национального/регионального уровня, своеобразных научных консорциумов.

Преобладание негативных оценок отнюдь не означает, что все ученые приняли реформу «в штыки». Отметим наличие положительных оценок реформы: речь идет о части научной молодежи, которая восприняла реформу и как способ сломать закостеневшую структура Академии наук, и как шанс для ускорения собственной карьеры.

Опыт проведения академической реформы показывает, что научная сфера крайне консервативна, инерционна и не поддается быстрым изменениям; революционные преобразования институционального устройства науки, равно как и революционные научные открытия, очень часто заканчиваются фиаско. Понимая это, научное сообщество продолжает рассчитывать на то, что государственная научная политика будет эволюционировать в сторону, благоприятную для науки. Накопленный отечественной академической наукой адаптационный потенциал позволяет демпфировать негативные последствия реформы, но он не беспределен, тем более что заметная часть ученых просто устала от постоянных изменений, пребывая в состоянии «полной деморализации». В целом проведение радикальной реформы отечественной академической науки вполне укладывается в общий тренд трансформации сферы интеллектуального производства страны по неолиберальному сценарию. Отсюда стремление перевести финансирование и управление наукой на рыночные рельсы. Другое дело, что в силу специфики российской модели государственного капитализма «рыночный» зачастую означает «бюрократический». Стремление государства в условиях недостатка необходимых ресурсов реформировать науку, сделав ее, с одной стороны, управляемой и недорогой, с другой, стороны, современной и экономически эффективной, постоянно наталкивается на сопротивление научного сообщества, пытающегося сохранить традиционные ценности научной профессии.

Сведения об авторе / Information about the author

Аблажей Анатолий Михайлович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, e-mail: ablazhey63@gmail.com
Ablazhey Anatoly – candidate of science (philosophy), leading researcher, Institute of Philosophy and law, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Russian Federation, Novosibirsk, e-mail: ablazhey63@gmail.com

УДК 347.19
doi:10.47850/S.2020.1.53

УЧАСТИЕ ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Е. Б. Абакумова

Институт философии и права СО РАН
civilization1981@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2340-3032

В статье рассматриваются теоретико-правовые основы участия военных образовательных организаций в гражданских правоотношениях. Показано, что специфика статуса военной образовательной организации обуславливает особенности правового регулирования образовательной деятельности данных учебных заведений. Обосновано, что гражданские правоотношения, в которых участвуют военные образовательные организации относятся к категории «вторичных», то есть обеспечивающих процесс и результат образовательной деятельности.

Ключевые слова: военные образовательные организации, образовательные правоотношения, гражданские правоотношения в сфере образования.

PARTICIPATION OF MILITARY EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN CIVIL LEGAL RELATIONS

E. B. Abakumova

Institute of Philosophy and Law SB RAS

civilization1981@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-2340-3032

The article discusses the theoretical and legal basis for the participation of military educational organizations in civil legal relations. It is shown that the specifics of the status of a military educational organization determines the features of legal regulation of educational activities of these educational institutions. It is proved that civil legal relations in which military educational organizations participate belong to the category of "secondary", that is, providing the process and result of educational activities.

Keywords: military educational organizations, educational legal relations, civil legal relations in the field of education.

Специфика отношений в сфере образования проявляется в том, что они неоднородны по своему характеру и содержанию. Любая военная образовательная организация, выполняющая функции непосредственного исполнителя образовательного процесса, является участником целого комплекса правоотношений, вступая во взаимодействие с различными субъектами права: государством, гражданами, юридическими лицами, работниками, военнослужащими, контрольно-надзорными органами и т. д.

К образовательным организациям Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон № 273-ФЗ) относит некоммерческие организации, осуществляющие на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основного вида деятельности в соответствии с уставными целями¹. В зависимости от того, кем создана образовательная организация, она может являться государственной, муниципальной или частной. При этом под образовательной деятельностью понимается деятельность по реализации образовательных программ. Образовательные организации, осуществляющие деятельность по реализации образовательных программ в области обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка могут быть только федеральными государственными учреждениями.

В соответствии с Перечнем военных образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования в нашей стране функционируют 34 военные образовательные организации². Рассматриваемые организации могут создаваться в форме государственных казенных учреждений,

---

¹ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2012.

² О перечне военных образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования: Распоряжение Правительства РФ от 04.11.2004 г. № 1404-р (ред. от 10.02.2020) // Собрание законодательства РФ, 08.11.2004, № 45, ст. 4469.

подведомственных Министерству обороны РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, МЧС России и Росгвардии. Деятельность военно-образовательных организаций осуществляется на основании как федеральных законов, так и подзаконных актов министерств и ведомств, в систему которых они входят.

Система военного образования, с одной стороны, неразрывно связана с образовательной системой страны, с другой, поскольку относится к военной организации государства, обладает особым статусом. Номинально считаясь одной из ветвей высшей школы России, отечественная система военного образования существует и развивается в значительной степени автономно. Цели, задачи и основные направления политики Российской Федерации в области подготовки кадров для военной службы определены в Концепции федеральной системы подготовки граждан Российской Федерации к военной службе на период до 2024 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2010 г. №134-р 1.

Военно-образовательные организации находятся в подчинении главкомандующих видами и командующих родами войск, руководителей центральных органов военного управления. Вместе с тем, образовательный процесс в данных организациях строится в рамках федеральных государственных стандартов, разрабатываемых Министерством науки и высшего образования РФ, и контролируется Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки РФ (за исключением трех ведущих военных ВУЗов: ФГКВОУ ВПО «Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации», ФГКВОУ ВПО «Военная академия Министерства обороны Российской Федерации», ФГКВОУ ВПО «Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации») 2.

В научной литературе [Мазурина, 2014; Ягофаров, 2008] получила распространение точка зрения, что все общественные отношения в сфере образовательной деятельности можно разделить на две категории:

— преципионные (первичные), т. е. образовательные правоотношения в собственном смысле слова, возникающих на основе норм образовательного права между обучающимися и образовательным учреждением в связи с организацией, управлением и осуществлением образовательной деятельности;

— комиторные (вторичные) – все иные правоотношения, складывающиеся на основе норм административного, гражданского, трудового, финансового отраслей права, опосредованно обеспечивающих процесс и результат образовательной деятельности.

---

¹ О Концепции федеральной системы подготовки граждан Российской Федерации к военной службе на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 03.02.2010 г. № 134-р (ред. от 19.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 15.02.2010, № 7, ст. 772.

² Об утверждении перечня федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, которые вправе разрабатывать и утверждать самостоятельно образовательные стандарты по всем уровням высшего образования: Указ Президента РФ 09.09.2008 г. (ред. от 01.02.2020) // Собрание законодательства РФ. № 37, 15.09.2008, ст.4184.

Вместе с тем, такой подход не является доктринальным, поэтому представляется необходимым обосновать ошибочность отнесения образовательных правоотношений к разновидности гражданско-правовых. Как известно, основной характеристикой гражданско-правовых отношений является равенство, автономия воли и самостоятельность их участников. Между тем, в содержании образовательного отношения не существует абсолютного равноправия участников, поскольку обучающиеся обладают значительно меньшей степенью воздействия на образовательные отношения, чем образовательные организации [Коротенко, 2016]. Более того, эти правоотношения в определенной мере носят публичный характер, поскольку государство рассматривает развитие сферы образования и обеспечение реализации конституционного права каждого гражданина на образование как свою важнейшую задачу. При этом государство обеспечивает общедоступность и бесплатность общего образования и на конкурсной основе бесплатность среднего профессионального, высшего профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Публичный характер образовательным отношениям придает обязанность образовательных учреждений вести обучение и воспитание в соответствии с государственным образовательным стандартом как нормативным правовым актом, отражающим социальный заказ. Образовательные организации, реализуя этот социальный заказ, выступают от имени государства, они наделены определенными государственно-властными полномочиями [Сырых, 2010].

В действующем законодательстве отсутствует легальное определение образовательных отношений, а в литературе иногда смешиваются понятия «образовательные правоотношения» и «правоотношения в сфере образования». Но эти термины, как справедливо отмечает П.М. Ходырев, следует разграничивать: «Правоотношения в сфере образования – более широкое понятие, охватывающее любое правоотношение, так или иначе обеспечивающее организацию и осуществление образовательной деятельности» [2012]. Из этого следует, что содержание образовательных правоотношений составляет деятельность по реализации образовательных программ, а целью иных правоотношений в сфере образования является создание условий для этой деятельности.

Значительную долю в структуре правоотношений военных образовательных организаций занимают хозяйственные отношения. Именно они формируют имущественную базу для осуществления их основных образовательных функций. Для участия в хозяйственных отношениях военные образовательные организации должны приобрести статус юридического лица путем государственной регистрации в порядке, установленном Федеральным законом от 8 августа 2001 г. №129-ФЗ «О государственной регистрации юридических

лиц и индивидуальных предпринимателей»¹. Заметим, что право образовательной организации участвовать в гражданском обороте возникает с момента ее государственной регистрации как юридического лица, а право на осуществление образовательной деятельности — с момента выдачи соответствующей лицензии.

Публичные функции, связанные с подготовкой военных кадров, использование в своей деятельности сведений, составляющих государственную тайну, наличие на балансе имущества военного назначения, ограниченного в обороте, налагает дополнительные ограничения на участие военных образовательных организаций в гражданском обороте. Так, целями осуществления экономической деятельности военной образовательной организации могут являться:

- обеспечение, развитие и совершенствование образовательного процесса;
- совершенствование учебно-материальной базы, внедрение новых технологий обучения, осуществление научной и инновационной деятельности;
- стимулирование труда профессорско-преподавательского состава и научных работников, сохранение и укрепление научно-педагогического потенциала организации.

Таким образом можно резюмировать, что гражданско-правовые правоотношения, в которые вступают военные образовательные организации, имеют целью не непосредственную реализацию образовательной функции, которая имеет публично-правовую природу, а связаны с обеспечением этой функции. Именно в отношениях такого рода наличествуют все присущие гражданскому праву признаки: свобода договора, равенство и самостоятельность субъектов, имущественный характер правовых гарантий и мер ответственности за нарушение прав и неисполнение обязанностей.

Список литературы / References

- Коротенко Т. А.** О сочетании властно-подчинённого и равноправного взаимодействия субъектов образовательных отношений в сфере высшего профессионального образования. *Вестник ННГУ*. 2016. № 5. С. 182–186.
- Korotenko T. A.** On the combination of power-subordinate and equal interaction of subjects of educational relations in the field of higher professional education. *Bulletin of the UNN*. 2016. No. 5. P. 182–186. (In Russ.)
- Мазурина А. О.** Образовательное право как комплексная отрасль в системе Российского права. *Наука и современность*. 2014. № 34. С. 215–221.
- Mazurina A. O.** Educational law as a complex branch in the system of Russian law. *Science and modernity*. 2014. No. 34. P. 215–221. (In Russ.)
- Сырых В. М.** Образовательные услуги и образовательные правоотношения: дискуссионные взгляды и действительное содержание. *Журнал российского права*. 2010. № 4. С. 69–79.
- Syrykh V. M.** Educational services and educational legal relations: debatable views and actual content. *Journal of Russian law*. 2010. No. 4. P. 69–79. (In Russ.)
- Ходырев П. М.** Правоотношения в сфере образования: опыт конструирования теоретической модели. *Юридическая наука*. 2012. № 4. С. 49–52.

---

¹ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 26.11.2019) // Собрание законодательства РФ, 13.08.2001, № 33 (часть I), ст. 3431.

Khodyrev P. M. Legal relations in the field of education: experience in constructing a theoretical model. *Legal science*. 2012. No. 4. P. 49–52. (In Russ.)

Ягофаров Д. А. Концептуальные направления теоретико-правовых исследований образовательного права. *Право и образование*. 2008. № 5. С. 4–16.

Yagofarov D. A. Conceptual directions of theoretical and legal research of educational law. *Law and education*. 2008. No. 5. P. 4–16. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Абакумова Екатерина Борисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Новосибирского военного института им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН, Новосибирск, e-mail: civilization1981@mail.ru

Abakumova Ekaterina Borisovna – Ph.D, docent of the Department of Civil law, Novosibirsk military Institute named after General of the army I. K. Yakovleva of the national guard of the Russian Federation, senior researcher of Institute of Philosophy and law, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Russian Federation, Novosibirsk, e-mail: civilization1981@mail.ru

УДК 347.191

doi:10.47850/S.2020.1.54

СУЩНОСТЬ ФАКТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

А. Н. Артемова

Институт философии и права СО РАН
megadelicious@yandex.ru

В последнее время наблюдается тенденция к развитию и использованию в отечественном гражданском законодательстве и судебной практике по гражданским делам категории фактического контроля и таких понятий, как «контролирующее лицо» и «лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица». Вместе с тем сущность фактического контроля остается нераскрытой в доктрине гражданского права. В статье автор предлагает собственный подход к раскрытию сущности фактического контроля через теорию злоупотребления правом.

Ключевые слова. Фактический контроль над корпорацией; отношения фактического контроля; злоупотребление правом, злоупотребление правоспособностью, обход закона.

THE ESSENCE OF EFFECTIVE CONTROL IN THE CIVIL LAW OF RUSSIA

A. N. Artemova

Institute of Philosophy and Law SB RAS
megadelicious@yandex.ru

Recently, there has been a tendency to develop and use the category of effective control and concepts such as "controlling person" and "a person who has the actual ability to determine the actions of a legal entity" in domestic civil legislation and judicial practice in civil cases. At the same time, the essence of de facto control remains undisclosed in the doctrine of civil law. In the article, the author proposes her own approach to disclosing the essence of effective control through the theory of abuse of law.

Keywords. Effective control over the corporation; relationship of effective control; abuse of law, abuse of legal capacity, circumvention of the law.

Как известно, правоотношение есть общественное отношение, урегулированное нормой права, иными словами, юридическая форма общественного отношения. С одной стороны, урегулирование тех или иных отношений правом выражает интерес государства в том, чтобы данные отношения находи-

лись в рамках правового поля. С другой стороны, будучи отражением фактических отношений, правоотношения всегда будут отставать во времени от соответствующих общественных отношений, и всегда на каждом отрезке времени будут существовать такие общественные отношения, которые не получили еще правового оформления, не стали правоотношениями. Наглядным примером таких отношений служат отношения между корпорацией и лицом, фактически контролирующим ее. Такие отношения представляют интерес для законодателя, об этом свидетельствует закрепление категории «фактический контроль» в российском гражданском законодательстве. Вместе с тем основания возникновения фактического контроля настолько разнообразны, что в законе невозможно предусмотреть все возможные отношения между корпорацией и лицами, фактически контролирующими ее.

Представляется, что с правовой точки зрения фактический контроль над корпорацией представляет собой злоупотребление правом. Принципиальное значение для установления злоупотребления правом имеет наличие у правонарушителя субъективного права, ибо «злоупотребить, то есть использовать какое-либо право “на зло” можно лишь в процессе его осуществления» [Бармина, 2015. С. 58]. С этой точки зрения представляется возможным злоупотребить правоспособностью, поскольку гражданская правоспособность представляет собой «право на право» [Алексеев, 1995. С. 95], субъективное право наиболее общего характера, на основе которого возникают все остальные субъективные права. Как отмечает Я. Р. Веберс, такое понимание правоспособности возникло и развивалось благодаря законодательной регламентации правоспособности и успехам в разработке теории субъективного права и правоотношения [Веберс, 1976. С. 48].

Взгляд на правоспособность гражданина как на право, признанное за ним государством, сформировался в доктрине благодаря таким советским ученым, как С. С. Алексеев, С. Н. Братусь, Я. Р. Веберс, В. П. Грибанов, М. М. Агарков, Ц. А. Ямпольская, Д. М. Чечот, А. В. Мицкевич, Е. А. Флейшиц.

Подход к правоспособности как субъективному праву разделяется и современными учеными такими, как Е. А. Суханов, Н. В. Козлова, С. А. Сулейманова, Т. Ю. Удовиченко, Ю. А. Ежов и др.

Таким образом, гражданская правоспособность представляет собой субъективное право, поскольку ее содержанием выступает мера возможного поведения. Лицо свободно в осуществлении данного права: оно само выбирает, какие конкретные субъективные права ему приобрести; может как приобретать субъективные права, так и воздерживаться от их приобретения. Правоспособность удовлетворяет и основному признаку субъективного права – принадлежности права субъекту. Наконец, осуществление правоспособности, как и любого другого субъективного права, обеспечивается и гарантируется государством.

Вместе с тем, правоспособность выступает правом более общего порядка, на основе которого возникают другие субъективные права. В этом смысле

она является предпосылкой и определенной стадией в развитии субъективного права, что, однако, никак не умаляет ее самостоятельного характера.

Понимание гражданской правоспособности как субъективного права обуславливает возможность злоупотребления ей. Именно поэтому М. М. Агарков комментируя ст. 1 ГК РСФСР 1922 г., закрепившую запрет злоупотребления правом («гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением»), пришел к выводу о том, что данная статья, «говоря об осуществлении гражданских прав, имеет в виду не только гражданские права в смысле отдельных субъективных прав, но и самую гражданскую правоспособность» [2012. С. 165].

В качестве злоупотребления правоспособностью Е. Д. Суворов квалифицирует обход закона, введенный в статью 10 Гражданского кодекса РФ. Ученый отмечает, что обход закона – это «один из видов злоупотребления правом в смысле использования правоспособности, предоставленных возможностей не в соответствии с тем назначением, ради которого такие права, возможности были предоставлены законодателем» [2008. С. 112–113].

В действительности, в соответствии с законом (п. 1 ст. 65.2 ГК РФ) правом на участие в управлении делами корпорации обладают ее участники. В этой связи презюмируется, что действия корпорации определяются ее участниками. Право на участие в управлении делами корпорации, составляющее содержание корпоративных правоотношений между корпорацией и членами органов управления корпорации или кредиторами корпорации, производно от права участника. Любое дееспособное лицо понимает: для того чтобы управлять делами корпорации, необходимо приобрести право на управление подобно тому, как для того, чтобы осуществлять правомочия собственника имущества, необходимо установить право собственности в отношении данного имущества, для того, чтобы требовать от другого лица определенного поведения, необходимо приобрести право требования этого поведения, заключив договор, и т. д.

Таким образом, уклоняясь от приобретения статуса участника корпорации, но в то же время осуществляя фактический контроль над ее деятельностью, контролирующее лицо избегает установления формальной связи с корпорацией, то есть обходит закон.

Установление фактического контроля над корпорацией есть не что иное, как злоупотребление гражданской правоспособностью, так как лица, фактически контролирующие корпорацию, извлекают преимущество из контроля над корпорацией в отсутствие субъективного права, уклоняются от вступления в правоотношения с корпорацией, выбирая иной способ установления контроля, чем тот, который требуется законом и который ожидают от них другие участники гражданского оборота. Злоупотребление правоспособностью состоит в том, что право, необходимое для осуществления контроля над

корпорацией, не приобретается, лицо устанавливает контроль над корпорацией обходным путем – через лиц, формально контролирующих корпорацию.

При использовании конструкции корпорации в противоправных целях лица, фактически контролирующие корпорацию, уклоняясь от вступления в правоотношения с корпорацией, тем не менее, фактически находятся с ней в отношениях контроля. Поскольку лицо, фактически контролирующее корпорацию, обошло закон, к нему подлежат применению нормы, действие которых оно намеревалось обойти. Суд будет признавать обход закона несостоявшимся, а лицо – «прошедшим по пути через закон, а не в обход его» [Суворов, 2008. С. 123].

Таким образом, судам надлежит применять к лицам, фактически контролирующим корпорацию, нормы, распространяющиеся на контролирующих лиц, в том числе нормы о правах и обязанностях участников корпорации. Устанавливая отношения фактического контроля, суд придает правовое оформление таким отношениям, что является основанием признания наличия корпоративных прав и обязанностей у таких лиц и привлечения их к ответственности.

Список литературы / References

- Агарков М. М.** Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1: Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. М.: Статут. 2012.
Agarkov M. M. Selected Works on Civil Law. In 2 vols. Vol. 1: The social value of private law and individual institutions of the general part of civil rights. M.: Statute. 2012.
- Алексеев С. С.** Теория права. М.: Издательство БЕК. 1995.
Alekseev S. S. The theory of law. Moscow: BEK Publ. House. 1995.
- Бармина О. Н.** Злоупотребление правом. Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС». 2015.
Barmina O. N. Abuse of law. Kirov: LLC "Publ. house" Raduga-PRESS. 2015.
- Веберс Я. Р.** Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига. 1976.
Webers J. R. Legal personality of citizens in Soviet civil and family law. Riga. 1976.
- Суворов Е. Д.** Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. М.: Издательский дом В. Ема. 2008.
Suvorov E. D. Bypassing the law. A transaction that formalizes circumvention of the law. M.: V. Ema Publ. House, 2008.

Сведения об авторе / Information about the author

- Артемова Анастасия Николаевна** – младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, Николаева 8, e-mail: megadelicious@yandex.ru
Artemova Anastasiya – junior researcher of Institute of Philosophy and Law SB RAS, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, e-mail: megadelicious@yandex.ru

**ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФОРМ ПРАВОВОГО ОТЧУЖДЕНИЯ:
ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ, ПРАВОВОЙ ФЕТИШИЗМ,
ПРАВОВОЙ ИНФАНТИЛИЗМ**

Е. Е. Букина

Томский государственный университет
bukinaee@yandex.ru

В статье проводится анализ форм правового отчуждения, представляющих собой по своей сущности значительные деформации правового сознания человека: правовой нигилизм, правовой фетишизм, правовой инфантилизм. Проводится анализ предпосылок их возникновения в обществе, форм проявления и последствий. Формирование правового сознания граждан и правовых норм на основах естественного права рассматривается как механизм преодоления всех форм правового отчуждения.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правовой идеализм, правовой инфантилизм, естественное право, правосознание.

**PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF FORMS OF LEGAL ALIENATION:
LEGAL NIHILISM, LEGAL IDEALISM, LEGAL INFANTILISM**

E. E. Bukina

Tomsk State University
bukinaee@yandex.ru

The article analyzes the forms of legal alienation, which are essentially significant deformations of the legal consciousness of a person: legal nihilism, legal fetishism, legal infantilism. The author analyzes the prerequisites for their occurrence in society, forms of manifestation and consequences. The formation of the legal consciousness of citizens and legal norms based on natural law is considered as a mechanism for overcoming all forms of legal alienation.

Keyword: legal nihilism, legal idealism, legal infantilism, natural law, legal awareness.

Каждый гражданин вне зависимости от его социального статуса всегда имеет определенное отношение к институту права. Однако сущность реализуемого права претерпела серьезные изменения, вызвав различные деформации в отношении граждан к правовым нормам. Таким образом, в современной социальной реальности сформировались деформации правового сознания: правовой нигилизм, правовой фетишизм, правовой инфантилизм, являющимися самыми распространенными и, следовательно, необходимыми для исследования формами правового отчуждения.

Правовой нигилизм является объектом внимания большого количества исследователей [Арбузов, 2006; Кумыкова, 2006; Утарбеков, 2011]. Его суть в негативном отношении к праву, законам, правовым нормам. Основные причины – пренебрежительное или скептическое отношение к праву в обществе.

В российском обществе укрепилось осознание права только как беспрекословного веления государственной власти. Такое понимание не ново, еще Л. А. Фейербах отмечал: «В государстве, где все зависит от милости самодержца, каждое правило становится шатким» [1974. С. 241]. По нашему мнению, субъективный подход в реализации права, осуществляемый наделенными властью лицами, изначально содержит в себе алиенационный

потенциал, т. к. тем самым нарушаются гуманистические принципы равенства и справедливости.

По мнению А. А. Зиновьева: «Характер народа играет роль одного из условий формирования социального строя страны, его сохранения» [1996. С. 327]. Терпеливость русского народа в период тоталитарного правления обернулась против него самого, уничтожив все сущностные основания правосознания и правопонимания граждан, положив тем самым начало мощным и глубинным процессам правового отчуждения.

В праве заложены две функции: охранная и карательная. С точки зрения В. С. Соловьева: «Право по самой идее своей есть равновесие частной свободы и общего блага. Конкретное выражение, или воплощение, этого равновесия со всеми условиями, необходимыми для его осуществления, и есть государство» [Антология..., 1997]. Именно для правильного понимания права и формирования социального устройства общества на его основе необходимо повсеместно развивать правовую культуру граждан.

Уместно вспомнить слова И. Канта: «Право может служить как средством ограничения произвола, так и средством поправки свободы человека» [1965. С. 140]. Когда наша страна в 1993 году освободилась от тоталитарных методов управления и выбрала путь, как тогда казалось, демократического правового государства, когда общество получило возможность использовать права и свободы, тогда дали о себе знать и слабый уровень культуры права.

Сегодня можно наблюдать кризисное состояние социума во всех его сферах: социально-экономические проблемы, морально-психологическая неустойчивость общества, дезинтеграция и пр. Игнорирование правовых норм допускается даже теми, в чьи полномочия входит контроль за их соблюдением. В этих условиях возникает стремление к «сильной руке», что впоследствии может вновь привести к крайнему тоталитаризму. Все это наряду с прочими факторами не только тормозит преодоление правового нигилизма, но и активно увеличивает его.

Поведение основанное на страхе и принуждении – это законопослушное поведение, но не подкрепленное личной инициативой человека, его внутренней мотивацией. Как писал И.А. Ильин: «Честным, законопослушным можно быть только по личной убежденности, в силу личного решения. Без этого нет правосознания и лояльности, и гражданин становится не опорой, а брешью в правопорядке» [2003. С. 34]. Когда же правосознание опирается на уважение к закону – это добровольная позиция человека, т. е. следование закону по совести. И именно данный вариант является проявлением правильно сформированного правосознания человека.

Еще одной формой правового отчуждения является правовой идеализм (синоним – правовой фетишизм). Данный термин был впервые применен в 1994 г. Н. И. Матузовым [1994]. Проблема правового идеализма волнует большое количество современных исследователей [Соломко, 2005; Фигура, 1993].

Н. И. Матузов понимает под правовым фетишизмом переоценку права в различных сферах социальной жизни. «Абсолютизация права, наделение его чудодейственными свойствами сродни поклонению искусственно созданному идолу. Отсюда – лавинообразный поток законов и указов., поиск спасения именно в них» [1994].

Интересная точка зрения на проблему правового фетишизма была предложена Никитяевой В. В. [2006. С. 19]. Она отмечает, что трактовка правового фетишизма только с позиции насильственного подчинения праву побуждает и самого гражданина действовать с позиции силы.

Суть правового идеализма в абсолютизации права. Правовой идеализм по своему проявлению в поведении личности является противоположностью правовому нигилизму. Однако парадоксальным является факт того, что их причины и предпосылки по своей сути одинаковы – кризис права как социального института, усугубляющийся несостоятельностью правовой культуры.

Тревожным фактом является распространение правового фетишизма и в юридических науках. Большое количество диссертационных работ содержат предложение о принятии какого-либо правового документа, который, по мнению данных авторов, сможет решить насущную проблему. И здесь можно вспомнить высказывание Кистяковского Б. А. от 1911 г.: «К догматам традиционной теории права относится учение о всемогуществе закона» [1990. С. 192].

По мнению правовых идеалистов, сам факт создания и принятия «хороших законов» неизбежно приведет к правопорядку и законопослушанию. Однако с нашей точки зрения, это опасное заблуждение. «Хорошие законы» не являются достаточным основанием для улучшения социальных условий. Помимо законов необходимо разработать и внедрить функциональные механизмы их воплощения.

Чрезмерное обилие законодательных актов и норм ограничивает возможности самореализации личности, препятствует развитию её потенциала. Активная гражданская позиция притупляется, так как отсутствуют условия для её реализации. Подобная установка практически в форме афоризма была сформулирована Кантом И., а именно: «Понятие пассивный гражданин кажется противоречащим дефиниции понятия гражданин вообще» [2014]. Право, превращаясь в фетиш, утрачивает свою истинную природу и предназначение.

Ещё одна форма правового отчуждения – правовой инфантилизм [Зайцева, 2015; Степанищенко, 2006]. Суть его в попытке человека компенсировать свое политическое неучастие или недостаток социальной свободы свободой асоциальной; пассивным или безразличным отношением к сфере права. Предпосылки данной формы правовой алиенации схожи с предпосылками правового нигилизма и правового идеализма и заключаются в кризисе права как социального института и деформации правовой культуры в обществе. Однако

проявление правового инфантилизма в поведении человека и его правопонимании имеет свои особенности.

Политическая и правовая системы постсоветской России были ориентированы на способность как всего общества, так и отдельных его граждан к самостоятельным действиям [Колесников, 1993]. Однако ни граждане, ни общество, ни государство не были к этому готовы. З. Бауман относительно данной ситуации писал: «Общество уже не гарантирует и даже не обещает коллективных средств избавления от индивидуальных неудач. Людям предлагается (скорее даже навязывается) беспрецедентная свобода, но ее ценой становится столь же беспрецедентная неуверенность. А там, где царит неуверенность, остается мало времени как для заботы о ценностях, витающих выше уровня повседневных забот, так и для всего, что выходит за узкие границы скоротечного момента» [Бауман, 2002. С. 201]. Зачастую подобные ситуации являются результатом краха старой системы. Рост энтропии и хаотизации являлся доминирующим социальным явлением с 1985–1993 в России.

Человек полностью зависит от системы даже при условии ее регулярных качественных изменений. [Яковлев, 2009]. Любая форма правового отчуждения – это способ конформного существования человека, форма его приспособления к существующим условиям в сфере права без желания или возможности их изменить.

Зачастую высокому уровню политической осведомленности соответствует предельная степень правового отчуждения. Гражданин, осознающий полное несоответствие действующих норм позитивного права основам естественного права, вынужден занять апатичную роль с целью самосохранения при относительном моральном комфорте.

Если гражданином не осознаются этические основания правовой нормы, то, следовательно, удерживать его от её нарушения будет лишь страх перед возможной карой. Но негативные санкции лишь стимулируют индивида продолжать преступать закон. Человек оказывается внутри замкнутого круга правового отчуждения. Его разрыв может быть возможен только при условии восстановления утраченных человеком духовных ценностей и социально полезных ролей, т. е. восстановления его естественных прав [Розин, 2003.] Таким образом, позитивное право должно формулировать такие стимулы и ограничения для граждан, которые были бы основаны исключительно на принципах справедливости и гуманизма, т. е. на нормах естественного права.

Все формы правового отчуждения, рассмотренные в рамках данной работы, являются негативными социальными явлениями, получившими, к сожалению, широкое распространение и в российском обществе. Необходимо уделять огромное внимание и на государственном, и на частном уровне вопросам грамотного и адекватного правового воспитания граждан с целью формирования и развития их правовой культуры. Только всеобщая заинтересованность и со стороны государства, и со стороны всех членов общества в

развитии права как основания социальной жизни сможет избавить общество от псевдоправового сознания.

Список литературы/References

- Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. IV. С. 299.
Anthology of world political thought. Moscow, 1997. Vol. IV. P. 299.
- Арбузов А. В.** Правовой нигилизм: теоретико-правовое исследование. СПб., 2006. С. 31
Arbuzov A. V. Legal nihilism: a theoretical and legal study. St-Petersburg. 2006. P. 31.
- Бауман З.** Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 201.
Bauman Z. Individualized society. Moscow, 2002. P. 201.
- Зайцева Е. С.** Правовой инфантилизм: проблемные вопросы. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2015. № 3. 62. С. 99–100.
Zaitseva E. S. Legal infantilism: problematic issues. *Psychopedagogics in law enforcement agencies*. 2015. Vol. 3.62. P. 99–100.
- Зиновьев А. А.** Посткоммунистическая Россия. М., 1996. С. 327.
Zinoviev A. A. Communist Russia. Moscow, 1996. P. 327.
- Ильин И. А.** О сущности правосознания. М., 2003. С. 34.
Ilyin I. A. On the essence of legal awareness. Moscow, 2003. P. 34.
- Кант И.** Сочинения. М., 1965. Т. 4. С. 140.
Kant I. Essays. Moscow. 1965. Vol. 4. P. 140.
- Кант И.** (2014) *Метафизика нравов. Учение о праве*. Ч. 2. [Электронный ресурс] URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Metaphisika_3.pdf (дата обращения 05.11.2020)
Kant I. (2014) Metaphysics of morals. The doctrine of law. Vol.2 [Online]. Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Metaphisika_3.pdf (Accessed: 05.11.2020)
- Кистяковский Б. А.** В защиту права. М., 1990. С. 192.
Kistyakovsky B. A. In defense of the right. Moscow. 1990. P. 192.
- Колесников А. В.** Отчуждение в праве. *Государство и право*. М., 1993. № 6. С. 133–140.
Kolesnikov A. V. Alienation in law. *State and law*. Moscow, 1993. Vol. 6. P. 133–140.
- Кумыкова Л. Г.** Правовой нигилизм в сфере прав человека как форма деформации правового сознания. Нальчик. 2006. С. 29.
Kumykova L. G. Legal nihilism in the sphere of human rights as a form of deformation of legal consciousness. Nalchik, 2006. P. 29.
- Матузов Н. И.** Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной медали. *Правоведение*. № 2. М., 1994. С. 3–16.
Matuzov N. I. Legal nihilism and legal idealism as two sides of the same coin. *Jurisprudence*. Moscow, 1994. Vol. 2. P. 3–16.
- Никитяева В. В.** Формирование конституционного правосознания в российской среде. *Конституционное и муниципальное право*. М., 2006. № 7. С. 19–23.
Nikitaeva V. V. Formation of constitutional legal awareness in the Russian environment. *Constitutional and municipal law*. Moscow. 2006. P. 19–23.
- Розин В. М.** Генезис и современные проблемы права. Методологический и культурологический анализ. М., 2003. С. 34.
Rozin V. M. Genesis and modern problems of law. Methodological and cultural analysis. Moscow, 2003. P. 34.
- Соломко З. В.** Теоретические проблемы правового отчуждения. М., 2005. С. 54.
Solomko Z. V. Theoretical problems of legal alienation. Moscow. 2005. P. 54.
- Степанищенко О. В.** Политический инфантилизм как характеристика электорального поведения. Краснодар. 2006. С. 67.
Stepanishenko O. V. Political infantilism as a characteristic of electoral behavior. Krasnodar. 2006. P. 67.
- Утарбеков Ш. Г.** Конституционно-правовой механизм преодоления правового нигилизма в Российской Федерации. Челябинск, 2011. С. 24.
Utarbekov Sh. G. Constitutional and legal mechanism for overcoming legal nihilism in the Russian Federation. Chelyabinsk. 2011. P. 24.
- Фейербах Л.** История философии. М., 1974. Т. 1. С. 241.

Feuerbach L. History of philosophy. Moscow, 1974. Vol. 1. P. 241.

Фигура Е. В. Политическое отчуждение (философский аспект). Ростов-на-Дону. 1993. С. 18.

Figura E. V. Political alienation (philosophical aspect). Rostov-on-Don. 1993. P. 18.

Яковлев А. М. Социальная структура общества и право. М., 2009. С. 31.

Yakovlev A. M. Social structure of society and law. Moscow. P. 31. 2009.

Сведения об авторе

Букина Елена Евгеньевна – аспирант Томского государственного университета, bukinaee@yandex.ru

doi:10.47850/S.2020.1.56

МОРАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ

О. А. Донских

Новосибирский государственный университет экономики и менеджмента

oleg.donskikh@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7297-9754

Добро пожаловать в постнормальные времена. Это время, когда мало кому можно доверять или дает нам уверенность. Espiritu del tiempo, дух нашего времени, характеризуется неопределенностью, быстрыми изменениями, перераспределением власти, беспорядками и хаотичным поведением. Мы живем в переходный период, когда старые верования умирают, новые еще не родились, и лишь очень немногое, как кажется, имеет смысл.

Зиауддин Сардар

Пандемия ошутимо затронула разные аспекты нашей жизни и сделала будущее еще более неопределенным, чем оно было до переживаемого нами момента. Причем специфика нынешней ситуации, в отличие, например, от таких национальных бед, как война или природная катастрофа, в том, что она не сплачивает людей, а разъединяет их. И это типично для эпидемий, которые отмечены и описаны в человеческой истории, начиная с эпидемии, разразившейся в 430 году до н. э. в Афинах. Вот соответствующий отрывок из знаменитой истории Фукидидом. «Ни страх перед богами, ни закон человеческий не могли больше удерживать людей от преступлений, так как они видели, что все погибают одинаково и поэтому безразлично, почитать ли богов или нет. С другой стороны, никто не был уверен, что доживет до той поры, когда за преступления понесет наказание по закону. Ведь гораздо более тяжкий приговор судьбы уже висел над головой, и пока он еще не свершился, человек, естественно, желал по крайней мере как-то насладиться жизнью» (Фукидид. История. Л.: Наука. Ленинград. отделение. 1981. 544 с. С. 87). Перестает уважаться культ предков, распространяется цинизм, и в конечном итоге эпидемия приводит к моральному вырождению жителей Афин.

Соответственно, вопрос, которым мы задаемся в этой статье, касается морального аспекта разразившейся сейчас пандемии.

Стоит начать с наиболее очевидных следствий, которые во многом повторяют то, что происходило ранее.

1. Все начинается с поиска виноватых. Раньше таковыми оказывались евреи, мигранты, не говоря уже о помощниках дьявола. Сейчас таковыми считают компьютерные сети пятого поколения, спецслужбы, по указке которых ученые разрабатывают бактериологическое оружие. Обвиняют Китай, где вспыхнула эпидемия, конкретную лабораторию в Ухане... За спецслужбами обнаруживают и банкиров, и правительства, и различные фонды. Соответственно, в качестве целей видят мальтузианство (т. е. попытку таким способом остановить рост населения и даже изменить вектор в сторону уменьшения), изменение экономической ситуации, увеличение возможности манипулирования сознанием, и др.

Естественно появляются те, кто говорит, что отдельные народы сами виноваты в росте заболеваемости, поскольку ведут себя слишком распушенно, не хотят отказываться от привычного образа жизни. И, конечно же, как и раньше, появляются пророки, которые утверждают, что эпидемия послана за грехи человеческие.

2. Разочарование в правительствах разных стран, которые оказываются неспособными эффективно защитить свое население. Причем здесь одни и те же меры оцениваются и как положительные и как отрицательные. Стоит заметить, что критика здесь часто вполне оправдана (даже не говоря о том, что многие решения принимаются в частных, а не общественных интересах, что и в нормальных условиях смотрится некрасиво, а в условиях пандемии просто отвратительно). Дело в том, что если бюрократический аппарат более или менее нормально работает в условиях стабильности, то в условиях, когда нужно предпринимать экстренные меры и нести за это ответственность, он не срабатывает. Так, в России реформирование медицинской сферы уже привело к забвению отработанной практики защиты населения (которая в тяжелейших условиях Отечественной войны не дала распространиться ни одной крупной эпидемии) и, главное, наиболее желаемому нашей элитой результату – почти полному переходу на платное медицинское обслуживание. В нынешней ситуации коллапс медицинской службы очевиден.

Наряду с этими следствиями стоит отметить ряд менее очевидных, но по своим дальним последствиям не менее важных.

а) Меняется характер отношений – каждый встречный может оказаться потенциальной угрозой. Обычное «Здравствуйте!» превращается в ритуал несоприкосновения. Общение переходит в виртуальные сети, опосредуется экранами телефонов и мониторов. Конечно, это ситуация временная – до тех пор пока принятая на вооружение вакцина не станет такой же привычной, как вакцина от гриппа или прививка от туберкулеза. Однако нельзя отрицать, что ускоряется использование посредников в общении, а мы не можем предположить, какие психологические следствия это может иметь в будущем. В любом случае, наше холодное общество становится еще холоднее.

б) В условиях изоляции компьютеры приобретают все большее значение, и человек оказывается все более и более манипулируемым и управляемым. Если вспомнить «толпу одиночек» Дэвида Рисмена, то настоящая ситуация – это «толпа инкапсулированных индивидов», убежденных в своей уникальности. Однако эта уникальность проявляется в лучшем случае в чатах социальных сетей, тогда как реальное общение истает под воздействием новых условий. Любую самобытность в социальных сетях легко забанить, и усредненность оказывается абсолютной нормой, причем ее амплитуда может становиться только меньше и меньше. С учетом клипового, т. е. категорически фрагментарного мышления и уже твердо усвоенной психологии потребительства мы движемся к качественно другому типу социума. Социума, где любые моральные отношения сменяются виртуально-юридическими.

в) В ситуации, когда необходимо и оправданно отслеживать передвижения всех инфицированных (которых тысячи и тысячи), приобретает новый импульс и получает дополнительное финансирование разработка средств слежки за всеми членами общества. В действительности оказываются оправданными все более мощные средства контроля над людьми. Уже в настоящее время руководители разных стран получают дополнительные полномочия по ужесточению режима и т. п.

г) Переход к дистанционному обучению с неизвестными последствиями. Дело в том, что нам неизвестны социальные и психологические последствия этого процесса. Переход от обучения как социализации к онлайн-обучению под лицемерными лозунгами повышения качества. Создаются средства и условия для перехода к дистанционным технологиям. В реальности пока преподаватели стали работать больше, а качество обучения существенно ниже. Это ведет к расслоению общества: обучение «лицом к лицу» постепенно становится привилегией правящего класса.

д) Существенно меняется характер осуществления властных отношений в условиях, когда все большую роль в управлении играют компьютерные программы, которые не контролируются полностью ни управляющей, ни управляемой сторонами. В этих условиях меняется характер ответственности и происходит перераспределение прав и обязанностей.

Можно указать еще ряд следствий, которые ведут к существенно новой социальной и, соответственно, этической ситуации даже независимо от того, насколько быстро закончится острая фаза пандемии. Уже заложены и начали реализовываться названные выше тенденции.

Сведения об авторе / Information about the author

Донских Олег Альбертович – доктор философских наук, PhD (Monash, Australia), заведующий кафедрой философии и гуманитарных наук НГУЭУ «НИНХ», 630099, Новосибирск, Каменская 56, e-mail: oleg.donskikh@gmail.com

Donskikh Oleg – D.Sc. in Philosophy, PhD (Monash, Australia), Head of the Department of Philosophy and Humanities, NSUEM, Russian Federation, 630099, Novosibirsk, Kamenskaya str. 56, e-mail: oleg.donskikh@gmail.com

К ВОПРОСУ О СУБСТРАТЕ ТВОРЧЕСТВА

Ю. В. Логиновская

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Специфика человеческой природы и культуры как способа бытия человека проявляется удивительным феноменом – способностью творчества. Многомерность и одновременно целостность человеческой индивидуальности воплощается в его сознательной свободной творческой деятельности, продукты которой в ходе культурной эволюции обуславливают качество жизни и процессы развития человечества в целом. Философский взгляд на отношения человека и мира фиксирует их творческий, коэволюционный характер, что создаёт реальную основу для установления полноправного диалога человека с развивающимся миром, «возможность человеческого оформления нового типа и взаимодействия с миром, и даже специфически человеческого управления им» [Самохвалова, 2015. С. 430]. Феномен творчества пронизывает и наполняет всю жизнь человека, задаёт смысл его существования, выступая вершиной эволюционного развития. Однако, наряду с проблемой сознания, творчество таит в себе множество вопросов философского порядка, одним из которых является вопрос субстрата как онтологической первоосновы, самого нижнего и фундаментального слоя, благодаря которому оно проявляется в бытии.

В онтологии Аристотеля «природный субстрат» является снованием для различения способов бытия, в предельном проявлении разделяющихся на сущее и не-сущее. Таким субстратом и первопринципом в аристотелевском понимании выступает материя, предшествующая «каждому отдельно взятому моменту становления» [Лосев, 1994]. Согласно Г.В.Ф. Гегелю, субстрат фиксирует существенную устойчивость и образует переход к сущности [Гегель, 1970. С. 471–476]. В современном понимании субстратом является специфическая определённая каких-либо формообразований.

Поднимая вопрос о субстрате творчества, В.И. Самохвалова понимает под ним определённый материальный субстрат, необходимый для появления предпосылок творческого развития и определяющий как творческие возможности, так и человеческое сознание [2015. С. 431]. В таком ключе субстратом творчества может выступать особое строение мозга, присущее только человеку, а также психическое пространство внутреннего мира человека, существующее благодаря языку. Наличие и эволюционное развитие данного материального и психо-ментального субстрата, согласно В. И. Самохваловой, даёт человеку некий инструмент для нового способа ориентирования в мире путём «повторения» его во внутреннем пространстве сознания, обеспечивающий возможности подлинно сознательной конструктивной деятельности. Но, на наш взгляд, редуцировать субстрат творчества к мозговому веществу

или психическому проявлению означает заключить его в рамки материалистической традиции.

В философском направлении идеализма творчество является реализацией творческого «Я», созерцательной либо активной деятельностью человеческого разума (И. Кант, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг) или абсолютного духа (Г.В.Ф. Гегель). В данном направлении единое онтологическое основание носит духовный характер, а субстратом творчества, например, у И. Канта, выступает творческое (продуктивное, трансцендентальное) воображение, с которым связан ряд высших познавательных функций, включая способность создания нового, и которое является корнем разума, чувственности и рассудка [Хайдеггер, 1997. С. 96–97].

В нашем представлении субстратом творчества можно назвать творческий потенциал человека, заложенный в свойствах его сознания и реализующийся в сознательной созидательной деятельности, будь то отношения и смыслы или прикладное творчество. Мы полагаем, что творческий потенциал выступает ключом и важнейшим свойством человеческого сознания, способного не только отобразить многомерность мира, возможные направления и точки перехода, но и совершить выбор и ответить за его последствия. Он, несомненно, связан со способностью к синтезу в кантовском понимании и с нейронными связями мозга в когнитивистской науке. Сама способность творческого отображения, развития идей, смыслов и образов с помощью инструментов сознания – языка и мышления – проявляет высшую ступень когнитивной эволюции человека и эволюции природы в целом.

Творческий потенциал также рассматривается как субстрат творчества в контексте философии жизни. Согласно А. Бергсону, процессуальность творчества составляет основу жизни: бытие понимается как творческая сила. Процесс эволюции осуществляется не механистически и телеологически, а как непрерывно возобновляющееся творчество [Бергсон, 2010]. Субстрат творчества в данной концепции понимается как жизненный порыв или творческий импульс, который обладает свойством источника. Творческий потенциал характеризуется творческим усилием и жизненной силой, стремящейся к осуществлению своих возможностей: в любом жизненном движении всегда есть возможность продолжить это движение за пределы актуального состояния [Зинченко, 2010]. Творческое усилие как внутренняя устремлённость сопровождается повышением уровня целостности самосознания как единства внутренних и внешних преобразований. В процессе эволюции творческая способность движется по пути возрастания сложности в направлении создания всё более сложных и маловероятных форм и структур. Именно такое состояние открывает новые измерения бытия и сознания, раскрывая пространство свободы творчества.

Творческое и творимое движение характеризуется также наличием наблюдателя (самосознающего «Я») и состоянием активного покоя [Зинченко, 2005], в котором разворачивается пространство смыслов, выборов реше-

ний. При этом результатом такого процессуально единого, со-творческого действия становится не только внешнее изменение, а обретение внутреннего и внешнего единства. Ведь акт творчества, по сути, есть акт личностного преобразования, актуализации скрытых в человеке творческих возможностей и реализации их в бытийной и даже со-бытийной форме.

Понятие творческого потенциала как живого субстрата, наделённого характеристиками активности, движения, бесконечной потенциальности, принципиально отличает творчество человека от «творчества» искусственного интеллекта или любой другой машины, действующей по определенным алгоритмам и правилам, заданным человеком. Повторимость и воспроизводимость определяют свойства технологии, а не творчества [Самохвалоса, 2015]. Жизнь не поддается механизации, а обновляется творческим действием сознания.

Творчество сознания уникально и неповторимо, оно принципиально обновляет либо самого творца, либо вносит новые принципы, образы и знания в копилку человеческой культуры. Живой субстрат творчества содержит в себе тайну генезиса человека как участника всеохватывающего феномена эволюции жизни, которая оживляет и возрождает его самого.

Список литературы

- Самохвалова В. И.** Творчество: феномен, предпосылки, субстрат // *Философия творчества: материалы Всероссийской научной конференции, 8–9 апреля 2015 г.* Институт философии РАН, г. Москва / Под ред. Н.М. Смирновой, А. Ю. Алексеева. М., 2015. С. 429–443.
- Лосев А. Ф.** История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Книги I и II. М.: Искусство, 1994. 1264 с.
- Гегель Г. В. Ф.** Наука логики. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 501 с.
- Хайдеггер М.** Кант и проблема метафизики. М.: Логос, 1997.
- Бергсон А.** Творческая эволюция. М.: Эксмо-пресс, 2019. 320 с.
- Зинченко В. П.** Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
- Зинченко В. П.** Принцип активного покоя в мышлении и действии // *Культурно-историческая психология.* 2005. Т. 1. № 1. С. 57–68.

ВИРТУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. В. Петров

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
vvpetrov@mail.nsu.ru
ORCID: 0000-0003-0511-857X

Показано, что в результате отсутствия синхронности и баланса между виртуальным и реальным секторами высшего образования может возникнуть десинхронизация онтологии образования. Обозначено, что в соответствии с экономическими трендами в системе отечественного высшего образования может произойти четкое разделение на элитарное наукоемкое высокотехнологичное конкурентоспособное образование и массовое малоценное низкотехнологичное «высшее образование», невостребованное за пределами внутреннего рынка.

Ключевые слова: дистанционное образование, непрерывное образование, цифровая экономика.

VIRTUAL INTERACTION IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT: ONTOLOGICAL ASPECT

V. V. Petrov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk State University
vvpetrov@mail.nsu.ru
ORCID: 0000-0003-0511-857X

It is shown that as a result of the lack of synchronicity and balance between the virtual and real sectors of higher education, desynchronization of the ontology of education can occur. It is indicated that, in accordance with economic trends in the national higher system there can be a clear division into elite science-intensive high-tech competitive education and mass low-value low-tech "higher education" that is not in demand outside the national labor market.

Keywords: distance education, lifelong education, digital economy.

В условиях нарастающей глобализации конкурентоспособность отечественного высшего образования, несмотря на череду проводимых реформ, попрежнему оставляет желать лучшего, что может косвенно подтверждаться многочисленными международными рейтингами, где отечественные университеты занимают отнюдь не лидирующие позиции [QS World University Rankings]. В то же время опубликовано значительное количество работ многочисленных российских исследователей о предполагаемых направлениях дальнейшего реформирования отечественной высшей школы, но при этом большинство авторов исходит из следующих постулатов: во-первых, принципиально отождествляется сущность информационного общества и формирующегося общества знания с сущностью индустриального общества, добавляя при этом к последнему некую информационную надстройку [Аверьянова, Кирт, 2017. С. 7], в то время, как рассматриваемые типы общества характеризуются принципиально различной онтологией, что неизбежно накладывает отпечаток на систему образования; во-вторых, обращаясь к мо-

дернизации образования, подавляющее большинство авторов различных концепций не предполагают кардинального изменения его содержания, апеллируя к тому, что для существования культурной идентичности России важно сохранить великие традиции высшего образования, ограничиваясь лишь добавлением отдельных новых позиций к существующей модели.

Напомним, что в информационном обществе происходит изменение пространства и времени жизненного мира человека, которое, в свою очередь, приводит к коренной трансформации самой онтологии образования. В результате усиливается десинхронизация процессов, протекающих в реальной и виртуальной реальности. Это означает, что разрыв между высокоскоростным потоком информации в виртуальном секторе образования (дистанционном образовании) и медленным течением времени в традиционном образовательном процессе стремительно увеличивается. В то же время непрерывное высшее образование или LLE (Long Life Education – образование на протяжении всей жизни), которое интенсивно развивается посредством перехода в виртуальную плоскость [Петров, 2019], в настоящее время принимается как одна из возможных альтернативных систем развития образования. Традиционно Long Life Education понимается как неравновесная система, обладающая волатильностью (изменчивостью), генеричностью и принципиальной сложностью (complexity) внутренних процессов, существование которых может быть задано сетевой логистикой [Кастельс, 1999]. В таком высшем образовании наиболее ярко будут проявляться следующие тенденции: во-первых, появление виртуального образовательного пространства, утратившего четкие границы (дистанционного образовательного пространства). Во-вторых, существенное сокращение пространственных и временных связей между всеми участниками образовательного процесса: на информационной стадии развития общества Long Life Education определяет не сроки нахождения человека в образовательной системе, как это понималось в индустриальном обществе, а виртуализирует пространство и время образовательного процесса. В информационном обществе и формирующемся обществе знания за счет развития информационно-коммуникационных технологий происходят пространственные сдвиги в распределении образовательных центров, что выражается в уменьшении зависимости «колония – метрополия», определяющей мировоззрения, позиции мира, глобальные тренды, идеи, идеалы, представления и ценности. В условиях нарастающей глобализации образования происходит усиление внутренней конкуренции как между университетами внутри каждой страны, так и между национальными системами образования на мировом рынке труда и компетенций. Кроме того, в условиях информационного общества и формирующегося общества знания капитал на рынке образования приобретает черты «флеш-рынка» [Петров, 2019. С. 2706], что является чрезвычайно важным фактором для развития наукоемкой экономики.

Изменения, происходящие в информационном обществе, касаются не только инфраструктуры высшего образования, они приводят к возникнове-

нию новых методов управления образовательным процессом, которое должно вестись через информационную систему, обеспечивающую непрерывную связь между преподавателем, студентом и администратором в он-лайн режиме. Необходимо понимать, что без изменения системы управления образовательным процессом никакие эффективные реформы невозможны: не случайно различные «западные» модели высшего образования [Салми, 2009; Clark, 2004; Wissema, 2015] обязательно содержат отдельный блок, детально разбирающий особенности системы управления на новом этапе развития общества.

Происходящее изменение онтологических основ системы образования совершенно обоснованно воспринимается академическим сообществом как реальная угроза качеству образования: на данный момент система управления образовательным процессом ориентирована на минимизацию затрат. В соответствии с трендами мировой экономики система отечественного высшего образования в таком формате дальше будет ориентироваться исключительно на увеличение «прибавочной стоимости» студента и будет развиваться в соответствии с экономическими законами диверсификации и демассификации, действующими сегодня в социальной, производственной, информационной и иных сферах деятельности человека. Это означает, что в системе образования произойдет четкое разделение на элитарное наукоемкое высокотехнологичное конкурентоспособное образование и массовое малоценное низкотехнологичное «высшее образование», направленное на поддержание производства дешевой неконкурентоспособной рабочей силы.

Список литературы / References

- Аверьянова М. Н., Кирт Н. Л.** Анализ российского опыта создания инновационных образовательных структур в вузах. *Непрерывное образование: XXI век*. 2017. Вып. 4 (20). С. 3–8.
Averyanova M. N., Kirt N. L. Analysis of the Russian experience in creating innovative educational structures in universities. *Continuing education: XXI century*. 2017. Issue 4 (20). P. 3–8. (In Russ.)
- Кастельс М.** Становление общества сетевых структур // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология* / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 494–505.
Castells M. Formation of a society of network structures // *New post-industrial wave in the West. Anthology*. Ed. V. L. Inozemtsev. M., 1999. P. 494–505. (In Russ.)
- Петров В. В.** Виртуальная реальность: дистанционное образование в информационном обществе. *Профессиональное образование в современном мире*. 2019. Т. 9. № 2. С. 2702–2709.
Petrov V. V. Virtual reality: distance education in the information society. *Professional education in the modern world*. 2019. T. 9. No. 2. P. 2702–2709. (In Russ.)
- Салми Д.** Создание университетов мирового класса. М., 2009.
Salmi D. Building world-class universities. M., 2009. (In Russ.)
- Clark B.** Sustaining Change in Universities: Continuities in Case Studies and Concepts. New York, 2004.
- QS World University Rankings. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2019>.
- Wissema J. G., Djarova J. G.** A New Look at Innovation Policy: Twelve Recommendations // *Economic Planning and Industrial Policy in the Globalizing Economy*. 2015. P. 269–287.

Сведения об авторе / Information about the author

Петров Владимир Валерьевич – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, доцент кафедры социальной философии и политологии, заместитель директора Института философии и права Новосибирского государственного университета, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru

Vladimir V. Petrov – Ph.D., Associate Professor, senior researcher of Institute of Philosophy and law SB RAS, Associate Professor of the Social Philosophy and Political Science Department of the Novosibirsk State University, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, e-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru

УДК 321

doi:10.47850/S.2020.1.59

ТЕНДЕНЦИИ В УПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

А. А. Правденков

Магистрант СПб ГУАП

Geniqwe@yandex.ru

В статье комплексно анализируются тенденции в арктическом управлении как положительные, так и отрицательные. Для лучшего понимания тенденций необходимо понять механизмы лежащие в основе управления российской Арктикой и проанализировать влияние различных акторов арктической политики.

Ключевые слова: Арктика, управление, арктическая политика, Россия, НПО, парламент.

TRENDS IN THE MANAGEMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC

A. A. Pravdenkov

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Geniqwe@yandex.ru

The article comprehensively analyzes trends in the Arctic the management of both positive and negative. For a better understanding of trends, it is necessary to understand the mechanisms underlying the management of the Russian Arctic and analyze the wavering of various actors in Arctic policy.

Keywords: Arctic, governance, Arctic policy, Russia, NGOs, Parliament.

Как правило, в демократическом обществе в процессе разработки политики участвуют два типа субъектов: правительственные (Президент, многочисленные исполнительные органы, парламент, региональные и местные органы власти и т. д.) и неправительственные организации (группы по интересам, политические партии и ассоциации, религиозные организации, аналитические центры и средства массовой информации). Однако, учитывая переходный характер российского общества и политической системы арктическая политика России имеет свои характерные особенности [Исаев, 2020]. Например, в связи с исключительной важностью Крайнего Севера для национальных интересов России арктическая политика является в высшей степени централизованным процессом [Михайлов, 2013]. Хотя субнациональные и негосударственные акторы получили определенную роль в формировании арктической политики Москвы в постсоветское время, центр системы принятия решений прочно остается в Кремле и исполнительных органах власти.

Как показывают стратегические документы и практическая политика России, у Москвы есть чрезвычайно важные национальные интересы в регионе [Путин, 2018]. Учитывая вышесказанное, понятно почему так много акторов от федеральных государственных органов и региональных властей до мощных групп интересов и НПО вмешиваются в разработку арктических стратегий. Гармонизация различных интересов и обуздание, иногда противоречивых, политических импульсов и действий стали очень сложной и в то же время очень важной задачей для России.

Российская система принятия решений по Арктике стремительно развивалась на протяжении последней четверти века. Можно отметить как положительные, так и отрицательные изменения. Рассматривая светлую сторону этого динамичного процесса, можно выделить следующие перспективные тенденции: во-первых, преодолен хаос начала 1990-х годов и создан более или менее стабильный механизм принятия решений по арктической политике в рамках исполнительной власти. С другой стороны, не удалось остановить периодические бюрократические столкновения между различными органами исполнительной власти, конкурирующими за контроль над формированием и реализацией арктической политики России [Добромыслов и Смирнова, 2010].

Созданы элементы парламентского контроля за процессом принятия решений. Российское законодательство имеет ряд важных функций, таких как утверждение бюджета арктических проектов, надзор за исполнительной властью и парламентской дипломатией. Был создан исполнительный парламентский консультационный механизм, который способствовал диалогу между Администрацией Президента и законодательной властью по вопросам арктической политики.

Роль российских региональных и местных органов власти стала более заметной в формировании арктической политики. Федеральный центр должен учитывать региональные интересы и предпочтения. Москве также пришлось разрешить горизонтальный тип отношений (парадипломатию) региональных и местных органов власти с соответствующими равными им зарубежными акторами. Несколько северных регионов России имеют ряд успешных примеров трансграничного и приграничного сотрудничества [Липина, 2016].

Неправительственные субъекты имеют некоторое право голоса в разработке арктической политики. Российское предпринимательское сообщество (особенно энергетика, рыболовство и транспорт) приобрело определенное влияние на формирование арктической политики. Относительно новые политические субъекты, такие как правозащитные организации, НПО коренных народов и природоохранные организации, стали неотъемлемой частью процесса принятия решений. В отличие от советского периода, когда формирование политики было исключительно прерогативой элиты, нынешнее российское политическое руководство вынуждено учитывать интересы различных сегментов формирующегося российского гражданского общества.

В то же время можно констатировать наличие многочисленных проблем в организации и практическом функционировании механизма принятия политических решений в российской Арктике: во-первых, система принятия решений правительством РФ все еще далека от идеала. По-прежнему отсутствует надлежащее разделение труда между различными исполнительными органами. У этих ведомств могут отличаться подходы по реализации арктических стратегий России. Иногда между ними существует нездоровая конкуренция за влияние, средства, ресурсы, персонал и доступ к информации.

У парламента слишком мало полномочий, чтобы принимать активное участие в формировании арктической политики Москвы. Он также не в состоянии обеспечить надлежащий общественный контроль и подотчетность. Это делает Кремль и исполнительную власть в целом слишком независимыми в формировании арктической политики.

Роль российских региональных и местных органов власти в формировании арктической политики по-прежнему неоднозначна. Федеральный центр слишком ревниво относится к своим прерогативам. Например, ряд перспективных международных региональных строительных проектов («Северное измерение», Еврорегионы) оказались в затруднительном положении из-за отсутствия федеральной поддержки [Лукин, 2013].

Хотя гражданское общество и его институты имеют некоторое влияние в разработке политики, следует отметить, что многое еще предстоит сделать для превращения неправительственных субъектов в полноценных политических игроков. До сих пор существует несоответствие между интересами российских политических и бизнес-элит и гражданским обществом, которое зачастую хочет от правительства иной арктической стратегии. На практике политика и подходы федеральной бюрократии зачастую конфликтуют с различными проектами групп гражданского общества. Вместо того чтобы направить в нужное русло ресурсы гражданского общества, Москва пытается их контролировать. При этом государство подрывает их инициативу, делая пассивными как внутри страны, так и на международном уровне [Zaikov et al., 2017]. В целом, необходима более надежная и гармоничная система взаимоотношений гражданского общества и правительства.

Следует отметить, что эти недостатки и проблемы весьма характерны для переходной политической системы. Позитивные тенденции в российском арктическом дискурсе, доктринальных рамках и формировании политики должны быть серьезно восприняты и поддержаны международными партнерами Москвы, поскольку взаимность будет иметь решающее значение как в определении будущего Арктики, так и в определении перспектив России в регионе.

Список литературы / References

- Добромыслов В. Ю., Смирнова О. О. Некоторые вопросы государственной политики Российской Федерации в Арктической зоне. *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. 2010. № 12. С. 76–91.
Dobromyslov V., Smirnova O. Some issues of state policy of the Russian Federation in the Arctic zone. *All-Russian economic journal ECO*. 2010. № 12. P. 76–91. (In Russ.)

- Исаев Б. А.** Геополитика и геостратегия: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020.
Isaev B. Geopolitics and geostrategy: textbook for universities. 2nd ed., reprint. and add. Moscow: Yurayt Publ. House. 2020. (In Russ.)
- Липина С. А.** Инновационный вектор развития прибрежных территорий Российской Арктики. *Арктика и Север*. 2016. № 22. С. 66–74.
Lipina S. Innovative vector of development of coastal territories of the Russian Arctic. *Arctic and North*. 2016. № 22. P. 66–74. (In Russ.)
- Лукин Ю. Ф.** Арктические проекты межрегиональной интеграции. *Арктика и Север*. 2013. № 13. С. 14–33.
Lukin Yu. Arctic projects of interregional integration. *Arctic and North*. 2013. № 13. P. 14–33. (In Russ.)
- Михайлов В. А.** Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: вопросы теории и практических действий. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2013. № 2(21). С. 19–24.
Mikhailov V. A. Strategy of the state national policy of the Russian Federation: questions of theory and practical actions. *Questions of national and Federal relations*. 2013. № 2(21). P. 19–24. (In Russ.)
- Путин В.В.** (2018). О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (21.12.2018). [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/552045960> (дата обращения: 10.11.2020).
Putin V. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation (21.12.2018). [Electronic resource]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/552045960> (date accessed: 10.11.2020). (In Russ.)
- Zaikov K., Tamitskiy A., Zadorin M.** Legal and Political Framework of the Federal and Regional Legislation on National Ethnic Policy in the Russian Arctic. *The Polar Journal*. 2017. Vol. 7. №1. С. 125–142.

Сведения об авторе / Information about the author

Правденков Александр Андреевич – магистрант политологии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург, Большая Морская 67, e-mail: Geniqwe@yandex.ru

Pravdenkov Alexander Andreevich – master's degree in political science, Saint Petersburg state University of aerospace instrumentation, Russian Federation, Saint Petersburg, Bolshaya Morskaya str. 67, e-mail: Geniqwe@yandex.ru

doi:10.47850/S.2020.1.60

СМЕНА ПАРАДИГМ В МЕДИЦИНЕ: ОТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА К ЕГО УПРАВЛЕНИЮ

Н. А. Синюкова

Институт философии и права СО РАН

sinuknat@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2400-7237

Быстро развиваясь как прикладная область естественнонаучного знания, медицина становится инвазивной и чисто технической медицинской деятельностью, направленной уже не столько на обеспечение и сохранение нормального здоровья человека, сколько на вмешательство в его организм с целью его управления. Показано, что внедрение достижений медицинской науки и технологий способствовало изменению в структуре патологий, разворачиванию феномена плавающей границы между нормой и патологией организма человека. Сложилась ситуация, при которой классическая объектно-ориентированная медицинская парадигма перестает быть однозначной и универсальной, а основанный на ней подход к оказанию медицинской помощи перестает быть эффективным. В рамках новой парадигмы, складывающейся в науке и социальных практиках, в медицине допускается субъективизация феноменов болезни и лечения, расширение данных феноменов в социальной, этической, антропологической перспективах. Обсуждается необходимость формирования субъектно-ориентированного подхода, предполагающего участвующую роль больного в процессе лечения.

Ключевые слова: инвазивная медицина, больной как объект лечения, субъектно-ориентированный подход в медицине, норма здоровья человека.

PARADIGM SHIFT IN MEDICINE: FROM RESTITUTION OF HUMAN HEALTH TO MANIPULATION

N. A. Siniukova

Institute of Philosophy and Law SB RAS

sinuknat@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2400-7237

Rapidly developing as an applied field of natural scientific knowledge, medicine is becoming an invasive and purely technical medical activity that is no longer aimed at ensuring and maintaining normal human health, but at intervention in it in order to manage it. It has been shown that the introduction of advances in medical science and technology has contributed to a change in the structure of pathologies and to the unfolding of the phenomenon of the floating border between the norm and pathology of the human body. In the developing conditions classical object-oriented medical paradigm is no longer single and universal, and the approach to medical care delivery based on it is no longer effective. The new paradigm, which is being developed in science and social practices, allows for the subjectivisation of disease and treatment phenomena in medicine and the expansion of these phenomena from a social, ethical and anthropological perspective. The need for a subject-oriented approach that involves the patient in the treatment process is discussed.

Keywords: invasive medicine, patient as an object of treatment, subject-oriented approach, norm of human health.

В развитии медицинской науки и практики известны несколько исторически обусловленных переломных моментов смены базовых установок, оптики взглядов относительно предмета и методов медицины – человека и медицинского лечения. В осмыслении исторического развития медицины со времен Античности и до современности обсуждаются две модели процесса медицинского лечения болезней, преобладавшие в разные периоды. Первая модель зародилась в Античности и была актуальной вплоть до наступления Нового времени. Немецкий ученый Визинг называет данную модель *Restitutio ad Integrum* или полное восстановление, что предполагает восстановление в границах некой исходной, предшествующей появлению болезни нормы здоровья человека [Визинг, 2008. С. 9–10]. В основе данной модели заложены античные представления о Природе как некоего регулятивного принципа, стандарта, сообразно которому функционирует организм человека. Процесс исцеления болезней выстраивался вокруг восстановления нарушенного баланса, исходного равновесия в организме человека, возвращения в норму здоровья в соответствии с природной гармонией. При этом допускалось наличие в организме человека естественной способности к самовосстановлению нарушенного равновесия. Данная модель доминировала и в Средневековье, но в контексте установок христианской веры в сотворенность природы и человека. Исцеление болезней предполагало восстановление до некой нормы здоровья, предусмотренной замыслом Творца [Визинг, 2008. С. 12–13].

В Новое время идея сотворенности природы вытесняется установкой разумности и полной познаваемости природы. Выстраивается объективная и рациональная модель, некаявершенная идеальная конструкция окружающего мира и человека. В качестве такой модели в Новое время устанавливаются представления о механическом устройстве природы и человека. Базовым процессом в Новое время становится покорение мира [Хайдеггер,

1993. С. 51]. Человек стремится использовать свои знания ради силы, стремится воздействовать на окружающий мир, подстраивая его под себя, исправляя его изъяны и дефекты, трансформируя его до более «прогрессивного» состояния.

Нововременная естественнонаучная парадигма устанавливается в медицине, определяя представления об организме человека и процессе восстановления нарушений в его нормальном функционировании. В соответствии с новыми установками перестраивается и принятая ранее модель медицинского лечения, восстановления в границах исходной нормы здоровья. Процесс восстановления здоровья рассматривается теперь как чисто механическое исправление сбоя, поломки, отклонения от нормального функционирования человеческого механизма. При этом процесс лечения основывается на научном медицинском знании с целью установления контроля и воздействия над организмом человека. Больной человек при таком подходе становится в позицию объекта приложения знаний врача, объектом медицинского воздействия. Знания и практические навыки врача теперь являются источником профессиональной власти врача. Отношения и взаимодействия, возникающие в процессе лечения выстраиваются по принципу иерархии и подчинения, в которой доминирующая позиция принадлежит врачу.

В медицинском знании формируется натурально заданный, статичный образ границы между нормой и патологией человека, выверенный объективными показателями, цифрами и фактами. Поскольку граница между нормой и патологией установима и поддается воздействию по аналогии с управлением рационально устроенным механизмом, составные части которого можно заменять, исправлять, улучшать их работу, возникает мысль о том, что границу нормы здоровья человека можно оптимизировать. Поэтому в Новое время в медицине формируется модель лечения, которую Визинг называет *Transformatio ad Optimum*, что предполагает улучшение самой нормы здоровья и допускает идею преобразования здоровья в новых, улучшенных границах его нормы здоровья [Визинг, 2008. С. 13].

Ни в Античности, ни в Средневековье мысль о медицинском воздействии, вмешательстве в организм человека в принципе не имела места, поскольку человек не стремился к управлению окружающей его природой на основе своих знаний. Если при традиционных установках в процессе лечения допускалась возможность самовосстановления организма, то в представлениях Нового времени она начинает меркнуть. Это принципиальное отличие традиционного и современного подхода, принятого в медицине, в котором сохраняются объектно-ориентированные установки и сочетаются обе нововременные инвазивные модели медицинского лечения [Визинг, 2008].

В XX веке с внедрением новых медицинских технологий в практики лечения процесс оказания медицинской помощи становится все более дорогостоящим и выстраивается вокруг получения коммерчески выгодного результата и достижения эффективности. Здоровье при реализации такого сценария

развития медицины становится высокотехнологичным и дорогим продуктом, товаром. Медицинское лечение разворачивается в рационализированной технико-финансовой системе, буквально на «фабрике здоровья». Важно, что в современных больницах, устроенных по принципам данной системы, в процессе лечения устанавливаются стандартизированные процедуры, предустановленные схемы, готовые протоколы медицинского лечения. Болезнь продолжает пониматься как объективный процесс, предотвратимый и устранимый, а процесс лечения как зависящий исключительно от медицинских знаний и действий [Тумбс, 2001]. Больной освобождается от активного участия в процессе лечения и передает полную ответственность за его последствия врачу. Позицию больного в русле классических представлений раскрывает Т. Парсонс. «Быть больным» означает выполнять принятую социальную роль, быть пассивным, зависимым, освобожденным от социальных обязательств и не обладающим возможностью самостоятельно контролировать болезнь.

При этом, вследствие расширения возможностей медицинского лечения, методов медицинской профилактики и улучшения здоровья, медиализации современного общества, происходит изменение представление о границе между нормой и патологией организма человека. Разворачивается феномен плавающей границы нормы здоровья и отклонения от нее. Она становится все более индивидуальной в каждом конкретном случае болезни и в нем она также постоянно «плывет», меняется, становится все более эластичной и мобильной в процессе лечения. Классическая научная парадигма, таким образом, утрачивает свою однозначность и универсальность в понимании феноменов здоровья и болезни. Кроме того и основанные на объектных установках жестко стандартизированные схемы лечения перестают давать желаемые результаты, перестают быть эффективными. Складываются условия, в которых нет однозначной и гарантированной связи между средством и результатом лечения.

В рамках новой складывающейся парадигмы предпринимаются попытки преодоления объектной оптики взглядов, объективного характера познания мира человеком, но для этого и окружающий мир больше не рассматривается как «заданный», обладающий уже сложившимися свойствами. В качестве категорий, описывающих болезнь вводятся «опыт», «переживание», «пограничная ситуация» и соответственно в описание больного вводятся категории «личность», «субъективность», «самость», которую человеку, переживающему болезнь предстоит обрести, понять, выстроить, выстрадать.

Поскольку норма здоровья человека не выводима из объективных процессов, а человек рассматривается как живой субъект мысли и действия, постоянно формирующий мир вокруг себя и самого себя, представляется, что феномен границы здоровья существует в мышлении человека, выстраивающем разные шкалы понимания [Смирнов, 2016. С. 48]. Тогда граница между нормой и патологией формируется субъектами событийно в процессе самоорганизации вокруг медицинского лечения. Включение субъективного аспекта переживаний болезни в новую модель медицинского лечения обуслав-

лишает возможность участия самого больного в процессе управления собственным лечением. При этом в рамках выстраивания субъектно-ориентированного подхода в медицине необходима разработка институциональных форм и практик включения больного в процесс лечения.

Список литературы / References

- Смирнов С. А. Антропологический навигатор. Новосибирск, 2016.
Smirnov S. A. Anthropological Navigator. Novosibirsk, 2016. (In Russ.)
Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
Heidegger M. Being and Time. Moscow, 1993. (In Russ.)
Тумбс С. К. Книга по феноменологии медицины. Клувер, 2001.
Toombs S. K. Handbook of Phenomenology and Medicine. Kluwer Academic Publ., 2001.
Визинг У. История медицинского улучшения: от *Restitutio ad Integrum* к *Transformatio ad Optimum*? Гордижин Б., Чедвик Р. (ред.) Медицинское улучшение и постгуманизм. США. Спрингер. 2008. С. 9–24.
Wiesing U. The History of Medical Enhancement: From *Restitutio ad Integrum* to *Transformatio ad Optimum*? In Gordijn B., Chadwick R. (ed.) Medical Enhancement and Posthumanity. USA. Springer. 2008. P. 9 – 24.

Сведения об авторе / Information about the author

Синюкова Наталья Алексеевна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8. e-mail: sinuknat@gmail.com
Siniukova Natalia – junior researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8. e-mail: sinuknat@gmail.com

УДК 316.77

doi:10.47850/S.2020.1.61

«ВОСКРЕШЕНИЕ АВТОРА» В НОВЫХ МЕДИА: ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНОСТИ АВТОРОВ В МЕНЯЮЩЕЙСЯ МЕДИАСРЕДЕ

Т. К. Скрипкина

Институт философии и права СО РАН
Skripkina-BSC11@yandex.ru

В статье анализируется роль автора в новых медиа. Представлены аргументы в пользу того, что в неформальном сегменте медиасреды присутствует тенденция к «воскрешению» субъектности автора, что, по большей части, проявляется в интерактивности новых медиа и формировании у аудитории интереса к личности создателя текста. В то же время подчеркивается сохранение формальных сегментов медиасреды, в которых субъектная роль автора остаётся минимальной.

Ключевые слова: медиа, новые медиа, медианпространство, конвергентность, субъект, субъектность, автор.

«RESURRECTION OF THE AUTHOR» IN NEW MEDIA: SPECIFIC FEATURES OF THE SUBJECTIVITY OF AUTHORS IN A CHANGING MEDIASCAPE

T. K. Skripkina

Institute of Philosophy and Law SB RAS
Skripkina-BSC11@yandex.ru

The paper analyzes the role of the author in new media. Arguments are presented in favor of the fact that in the informal segment of the mediascape there is a tendency to «resurrect» the author's subjectivity, which results in the interactivity of new media and the formation of the audience's interest in the personality of the creator of the text. At the same time, it is confirmed that the authors' subjectivity remains minimal in the formal segments of the mediascape.

Keywords: media, new media, mediascape, convergence, subject, subjectivity, author.

На протяжении долгого времени в рамках теории медиа и медиафилософии автор высказывания выступал ключевым, а порой и единственно возможным субъектом медиа. Так, например, Дж. Томпсон, рассматривая коммуникацию в качестве одного из проявлений «социальной активности», подразумевает, что носителем этой активности, т. е. субъектом, выступает непосредственный автор сообщения [Thompson, 1995. Р. 18].

Однако, начиная с середины XX века, в первую очередь в рамках постмодернизма и постструктурализма многие теоретики начали рассматривать в качестве субъекта другие элементы коммуникации, а в ряде случаев – отрицать активную роль автора в принципе. Одна из наиболее знаковых работ в данном случае – «Смерть автора» Р. Барта. Он отмечает, что «ныне текст создается и читается таким образом, что автор на всех его уровнях устраняется», и более активную позицию занимают, во-первых, язык как таковой, а во-вторых – читатель, которому отводится роль интерпретатора текста [Барт, 1994. С. 384].

Схожей позиции придерживается М. Фуко. В докладе «Что такое автор?» он предлагает «отнять у субъекта (или у его заместителя) роль некоего изначального основания и проанализировать его как переменную и сложную функцию дискурса», и утверждает, что «функция-автор» представляет собой лишь возможную, но не необходимую спецификацию «функции-субъект» [1996. С. 39].

Хотя вышеупомянутые исследователи писали в основном о роли автора в литературе, сходная позиция прослеживается и среди теоретиков медиа. Так, П. Бурдьё в работе «О телевидении и журналистике», анализируя взаимодействие элементов массовой коммуникации, пишет о том, что фигура журналиста не занимает в полной мере позицию субъекта в рамках данных отношений [Бурдьё, 2002. С. 36].

Несмотря на то, что вышесказанное относится в первую очередь к традиционным, «старым» медиа, на первый взгляд, может сложиться впечатление, что в рамках новых медиа эта тенденция только усиливается.

На сегодняшний день существует множество трактовок понятия новых медиа, однако, большинство исследователей сходятся на том, что их ключевые характеристики – это цифровизация, интерактивность, конвергентность и вовлеченность в Интернет-среду [Карякина, 2010. С. 129]. В этих условиях размываются границы между автором и аудиторией, растет субъектная роль других участников коммуникации – причём не только аудитории или языковой системы как посредника между автором и читателем, но, к примеру, технических элементов медиа – в частности, искусственных нейросетей, которые могут вести блоги (например, GPT-3), писать музыку (проект Mubert) и создавать другие медиапродукты. Кроме того, существует ряд сегментов медиасреды, в которых субъектная роль автора действительно минимальна. Так, в настоящее время работа многих журналистов новостных изданий может сводиться к рерайту – практически механической процедуре поиска новостей и формирования на их основе нового текста согласно редакционным стандартам и требованиям к уникальности контента.

Вышеупомянутые тенденции могут создать впечатление, что в новой медиасреде места автору не остаётся. Однако, современная медиареальность – это крайне разнородное пространство, которое в настоящее время активно сегментируется [Музыкант В., Музыкант П., 2014. С. 120]. Поэтому в данной сфере существуют различные направления с неодинаковыми запросами аудитории и правилами взаимодействия участников. В частности, как будет показано далее, существует запрос в том числе и на автора-субъекта.

Если продолжать тезис Р. Барта о том, что именно читатель интерпретирует текст и тем самым придаёт ему смыслы, то стоит отметить следующее. Одной из ключевых черт новых медиа является их интерактивность [Jenkins, 2008. Р. 12]. Это подразумевает в первую очередь активное вовлечение аудитории не только в интерпретацию смыслов готового текста, но и участие в его создании. Что, в свою очередь, приводит к тому, что в отдельных случаях граница между автором и аудиторией размывается, и один и тот же участник коммуникации выступает одновременно в роли автора и аудитории. Это можно сказать, например, об авторе комментария или авторе обзора на какой-либо медиапродукт: он создаёт новый текст, но это создание неразрывно связано с чтением другого текста. В данном случае такой участник коммуникации проявляет свою субъектность дважды: при считывании смысла одного высказывания, и при создании другого.

Более того, благодаря интерактивности новых медиа, в большинстве случаев существует возможность непосредственного диалога между автором и аудиторией, что даёт возможность автору не только оперативно реагировать на отклик читателей, но и добавлять новые смыслы, в большей степени раскрывая себя как в самом тексте, так и в авторских комментариях к нему. Таким образом, именно размытие границ между автором и аудиторией отчасти возвращает автору статус субъекта, в некотором роде «воскрешая» его и предоставляя новые возможности для проявления себя в тексте.

Кроме того, как было выявлено в ходе серии интервью автором данного доклада, у аудитории новых медиа есть как стремление, так и технические возможности для того, чтобы проявлять интерес к личности автора, а не только к конкретному медиапродукту, созданному им. Многие читатели склонны интересоваться биографией, образованием и квалификацией автора, изучать, как и почему он пришел к той точке зрения, которую транслирует в тексте, а также анализировать, как данный медиапродукт соотносится с другими работами того же автора. В результате, интерес читателя к личности создателя контента также возвращает автору статус субъекта, персональные черты которого оказывают влияние на восприятие его произведения, вместо статуса «скриптора», который «рождается одновременно с текстом» [Барт, 1994. С. 386].

Интересна роль автора и в той ситуации, когда конечный медиапродукт создает программа – искусственная нейросеть или, например, чат-бот. На первый взгляд, созданием контента занимается алгоритм, а прочитывает

текст и придаёт ему некоторое значение потребитель, автору же в структуре подобной коммуникации не остаётся места. Однако, действия программы (даже самообучающейся искусственной нейросети) ограничены теми возможностями, которые заложили в неё создатели – разработчики и, в ряде случаев, заказчики, – поэтому можно предположить, что в данном случае именно они приобретают черты авторов, а программа, непосредственно формирующая контент, становится частью медиапродукта, наряду с создаваемым ею текстом.

Таким образом, с одной стороны, происходят формализация и алгоритмизация значительной части медиасреды, которые затрудняют проявления субъектности автора. Однако параллельно формируется неформальный сегмент медиа, в рамках которого и аудитория, и сами авторы транслируют запрос на индивидуальное авторское начало в тексте, что дает возможность для проявления личных, субъектных черт автора. У читателей появляются технические возможности для «изучения» личности автора и сопоставления его биографии, образования и других работ с конкретным медиатекстом, что делает неотъемлемым субъектом по отношению к произведению автора для значительной части аудитории. Помимо этого, в ситуациях, когда границы между автором и аудиторией размываются, есть возможность для проявления двойной субъектности одного и того же участника коммуникации: с одной стороны, как читателя или зрителя, и с другой – как создателя нового медиапродукта. Таким образом, будучи «мёртвым» в рамках традиционной медиасреды, автор отчасти «воскресает» в неформальном сегменте новых медиа.

Список литературы / References

- Барт Р.** Смерть автора. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика.* М., 1994. С. 384–391.
Barthes R. Death of the Author. *Selected works: Semiotics. Poetics.* Moscow, 1994. P. 384–391. (In Russ.)
- Бурдьё П.** О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой. М., 2002.
Bourdieu P. About television and journalism. T. Ansimova, U. Markova (transl). Moscow, 2002. (In Russ.)
- Карякина К. А.** Актуальные формы и типологические модели новых медиа. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика.* 2010. № 3. С. 128–136.
Karyakina K. A. Actual forms and typological models of new media. *Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism.* 2010. № 3. P. 128–136. (In Russ.)
- Музыкант В. Л., Музыкант П. В.** Социальное измерение современного медиaproстранства и его контента. *Вестник РУДН. Серия: Социология.* 2014. Т. 14, №1. С. 114–123.
Mouzykant V. L., Mouzykant P. V. The social dimension of modern media space and its content. *RUDN Bulletin. Series: Sociology.* 2014. Vol. 14, № 1. P. 114–123. (In Russ.)
- Фуко М.** Что такое автор? Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 7–47.
Foucault M. What Is an Author? *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years.* Moscow, 1996. P. 7–47. (In Russ.)
- Jenkins H.** *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide.* N. Y.: NYU Press, 2008.
- Thompson J. B.** *The Media and Modernity. A Social Theory of the Media.* Stanford: Stanford University Press, 1995.

Сведения об авторе / Information about the author

Скрипкина Татьяна Константиновна – аспирант института философии и права СО РАН, Новосибирск, Николаева 8, e-mail: Skripkina-BSC11@yandex.ru

doi:10.47850/S.2020.1.62

СИТУАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И СОВРЕМЕННЫЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

С. А. Смирнов

Институт философии и права СО РАН

smirnoff1955@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2023-8855

В работе предлагается авторское видение ситуации человека и версия выстраивания современного антропологического дискурса в этой ситуации. В рамках этого дискурса вводятся такие понятия, как событийная онтология, антропологическая навигация, жизненная траектория, антропоидный картоид и др. Предлагается рассмотреть роль словаря данного дискурса не как систему определений и терминов, а как карту ориентиров и регуляторов. В этой связи меняется способ понятийной работы в сторону выстраивания понятий-ориентиров. В рамках антропологической навигации предлагается рассмотреть виды и жанры антропопрактик, такие, как практики заботы о себе, антропопрактики составления карт личности, жизненных траекторий и антропоидных картоидов. Современная ситуация человека глазами данного дискурса видится как ситуация онтологической дезориентации, в которой человек теряет базовые ориентиры, норму быть. В этой связи автор предлагает рассмотреть ключевую задачу – перенормирование человека, восстановление им самим нормы быть в новых условиях.

Ключевые слова: ситуация человека, антропологический дискурс, событие, событийная онтология, антропологическая навигация, антропоидный картоид, антропопрактики заботы.

HUMAN SITUATION AND MODERN ANTHROPOLOGICAL DISCOURSE

S. A. Smirnov

Institute of Philosophy and Law SB RAS

smirnoff1955@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2023-8855

The paper proposes the author's vision of a person's situation and a version of building a modern anthropological discourse in this situation. Within the framework of this discourse, concepts such as event ontology, anthropological navigation, life trajectory, anthropoid cartoid, etc. are introduced. It is proposed to consider the role of the dictionary of this discourse not as a system of definitions and terms, but as a map of landmarks and regulators. In this regard, the way of conceptual work is changing in the direction of building concept-guidelines. Within the framework of anthropological navigation, it is proposed to consider the types and genres of anthropological practitioners, such as the practices of taking care of oneself, anthropological practices of mapping personality, life trajectories and anthropoid cartoids. The modern human situation through the eyes of this discourse is seen as a situation of ontological disorientation, in which a person loses his basic guidelines, the norm to be. In this regard, the author proposes to consider the key task - the renormalization of a person, his own restoration of the norm to be in new conditions.

Keywords: human situation, anthropological discourse, event, event ontology, anthropological navigation, anthropoid cartoid, anthropological practice of care.

1. Онтологической нормой для человека выступает поиск им своего места в бытии-мире, обретение им своего присутствия в мире. С этим сталкивается каждый человек, со своим онтологическим самоопределением. Это означает, что человек изначально поисковик, навигатор, выстраивающий себе свое место в мире. Место это, разумеется, не готово. Своё присутствие в мире человек ещё должен осуществить, то есть стать событием этого мира.

Для этого философия человека пытается найти адекватные такому поиску места слово и дело, выработать адекватный поиску философский дискурс и метод. Но дело в том, что антропология имеет дело с чистой референцией: человек есть то, что и как он говорит о самом себе. И что и как он практикует относительно себя. Поэтому философская антропология находится в постоянном поиске своего предмета, имея в своём распоряжении разные авторские высказывания о человеке – в лице Ницше, Киркегора, Хайдеггера, Шелера, Бахтина и др. Что бы ты ни сказал о человеке – это будет отдельное высказывание. И нет, и не может быть окончательного слова о человеке.

Поэтому философия человека в поисках оснований либо уходит в чистую метафизику, в дурную онтологию, в которой человека нет, а есть разговоры о его сущности, а значит не о нём самом, ответственном за свое бытие, а о тех силах, которые его якобы детерминируют, либо в весьма редуцированные версии разного рода практик. В пределе – в отказ говорить и определять, в апофатику, в которой исчезает всё – и человек, и бытие, и мир, и слово о нём. Но авторы этого апофатизма почему-то себя оставляют в этом мире. Они при этом никуда не ускользают. И попадают в капкан, в который однажды попал Декарт – он себя как вещь мыслящую под сомнение не ставил.

Поэтому возникает проблема преодоления разрыва между онтологией, ищущей сущность человека, и антропологией, редуцирующей человека к эмпирическому существу и индивиду с его желаниями. С одной стороны, философская антропология должна быть укоренена в онтологии, то есть, мыслить человека в категориях его истока и горизонта, смысла его бытия. С другой стороны, сама онтология человека не может строиться как метафизика, как абстрактное учение о сущем, о его границах и пределах. Она должна быть наполнена человеческим конкретным содержанием. Построение такой онтологически укоренённой антропологии становится основным заданием для философии человека.

2. В рамках этого задания антропологические исследования выстраиваются в рамках так называемой неклассической парадигмы, согласно которой целью антропологических поисков является не создание очередной концепции о сущности человека, а выработка разного рода концептов и методов навигации человека в жизни, связанных с обретением им собственного присутствия.

Этот неклассический антропологический дискурс предполагает отказ от поиска готовой природы человека, отказ от рассмотрения его как объекта, от рассмотрения и описания его в объектной стратегии. Человеку надо дать онтологическую возможности стать, быть, состояться в этой жизни. А значит – создавать условия для самоопределения и навигации.

Поэтому не имеет смысла выискивать некую детерминирующую его сущность, субстанцию и описывать человека в категориях готового объекта.

Тогда онтология человека становится опытом построения антропологической навигации со своим методом, ключевыми опорными точками (реперами),

концептуальным каркасом, инструментарием. Таковым может быть словарь, состоящий из таких реперов, как онтологическая опора, онтологический исток, предельный горизонт, энергийный движитель, место, путь, навигация, ориентирование, хронотоп, карта пути, картоид, (авто)биография, траектория пути, жизненный маршрут и др.

3. В этой связи предлагается версия такой антропологии – событийная онтология.

Такая онтология человека разворачивается через концепт событийности, задающий базовый контекст рабочей онтологии человека как антропологической навигации.

Концепт события рассматривается в роли рамочного медиатора, преодолевающего крайности абстрактной онтологии, с одной стороны, и излишне прагматизированной утилитарной антропологии, с другой стороны.

В событийной онтологии делается попытка преодоления метафизики абстрактного человека и неукоренённости антропологических изысков. Онтология долгое время находилась в тисках абстрактной метафизики, представляла абстрактное бытие, лишённое человеческого присутствия. А антропология, в свою очередь, ратуя за человека, представляла его лишённым бытия, его истока и смысла, представляла его частичного, недоделанного, не целостного, как индивида с его пристрастиями, желаниями, потребностями.

Опыт событийной онтологии в своё время проделывали Хайдеггер и Бахтин, каждый по-своему. Каждый решал проблему онтологического укоренения антропологии, с одной стороны, и очеловечивания бытия, с другой стороны, вводя концепт событийности. У Хайдеггера это случилось уже после «Бытия и времени», в его работе «Вклады в философию. От события». А у Бахтина сразу, в его «Философии поступка». М. Шелер в своих дневниках также искал иной вариант философской антропологии, в котором отказывался от объектного описания человека в пользу поискового метода.

4. Если так, то необходимо вырабатывать и свой метод для событийной онтологии. Таковым выступает навигация как поисковый метод.

В рамках данной онтологии человека выстраивается метод навигации как метод проторивания Пути и оснащения того, кто идёт по пути, составляя навигационную карту-путеводитель (картоид). Работа над методом навигации предполагает в таком случае не собирание категорий, с помощью которых необходимо поймать убегающего от определений человека, а построение точек-ориентиров и опор, с помощью которых можно идти по незнакомой местности жизни, прокладывать путь к самому себе, собственной личности.

Такая онтология человека может быть такой мета-антропологией, которая помогает составлять карту-путеводитель, становящуюся рефлексивным дневником, бортовым журналом самонаблюдений по жизни. Человек несёт нравственную ответственность за своё бытие, то есть за свой путь, который становится «нудительно», по Бахтину, онтологически укоренённой заботой о себе, практикой заботы. Без работы по составлению онтологического навига-

тора проблематично вообще говорить о человеке, о его присутствии, и понять то, что означает поиск им своего места. Без такой антропологической навигации человека просто нет.

При этом антропологическая навигация отличается от привычного ориентирования тем, что при ориентировании человек опирается на готовые маркёры и знаки, существующие в культуре. В мире для него эти знаки и реперы уже расставлены. Как по звёздному небу и розе ветров ориентируется человек на природе, так он ориентируется и в культуре по уже представленным ему знакам-ориентирам: ценностям, образцам поведения, представлениям о добре и зле и т. д. Также он ориентируется и в любой сфере деятельности – в науке, искусстве, опираясь на накопленные знания, включаясь в профессиональную традицию.

В отличие от ориентирования в культуре, антропологическая навигация предполагает проторивание, протраивание маршрута, в котором нет готовых ориентиров или они оказались стёртыми, забытыми, поставленными под вопрос. Навигация в этом случае наиболее актуальна в ситуации культурной дезориентации, в которой необходима коррекция или смена ориентиров, восстановление опор, поиск и восстановление своего места в мире.

Но если у путника, идущего по незнакомой местности, есть либо карта, по которой он может ориентироваться, либо внешние ему знаки-ориентиры, то для человека по жизни, которая по определению является незнакомой территорией, нет и этой карты. Не может быть карты твоей жизни, поскольку это твоя жизнь и тебе её предстоит прожить, параллельно выстраивая маршрут и составляя карту самонавигации, ведя дневник. В этом принципиальная сложность антропологической навигации: движение по территории жизни при отсутствии готовой биографии и карты.

5. Поэтому в рамках антропологической навигации сама понятийная и терминологическая работа меняет свой способ. Словарь концепта составляется в таком случае не из терминов и понятий, играющих роль определителей, фиксирующих нечто, а из указателей и ориентиров. Как писал Бибихин о Витгенштейне – происходит «смена аспекта», смена оптики, требующая и смены способа понятийной работы.

В таком случае, предъявляется определенное требование к содержанию словаря концепта. Это значит, в концепте отсутствуют такие категории, как сущность человека, человек как объект или субъект, природа человека, субстанция, процессы в человеке. Это допускалось в классической метафизике, но тогда мы человека будем описывать в традиции естественнонаучного объектного исследования и описания.

На первое место выходят такие понятия-ориентиры, как путь, место, горизонт, исток, энергия движения, навигация, событие, место, жизненное самоопределение, жизненная траектория, биография, автобиография, карта пути, карта личности, автор, антропопрактики заботы о себе, антропопрактики личностного строительства, репертуар антропопрактик и т. д.

Тогда онтология человека может быть понята как карта Пути, на которой помечены событийные места, из которых и составляется его (авто)биография. А понятия выполняют роль указателей, показывающих направление движения, способ движения мысли и действия.

По поводу движения человек составляет карту пути (варианты – ментальные карты, карты личности, картоиды). Эта карта выступает в роли навигатора, не будучи системой и учением о бытии человека. Поэтому необходим не просто набор терминов, словарь, а необходима смена роли этих терминов. Антропологические термины не несут в себе субстанциальности и конститутивности. Они сами по себе пусты, поскольку показывают не себя, а иное – «путь в», «движение к», направление, способ движения, интенцию.

Такие категории-концепты, как личность, трансцендирование, экзистенция, событие, синергия в онтологии человека должны иметь иной статус, нежели тот, который имеют термины в классических онтологиях. Они становятся регулятивными, а не конститутивными конструктами.

Терминологический каркас рабочей онтологии человека выступает в таком случае в виде регулятивного, нормативного каркаса для построения антропологического дискурса при осуществлении антропопрактики заботы в процессе навигации человека.

6. Практики навигации предполагают в свою очередь необходимость построения так называемых жизненных траекторий и маршрутов (далее – ЖТ). Здесь антропология испытывает серьезный концептуальный дефицит. Жизненные траектории могут быть представлены в таких культурных формах, как исповедь, биография, жизнеописание, автобиография, самоотчет, дневник самонаблюдений, путеводитель и др. Жанров таких много. Но либо ими занимается литературоведение, либо историография. А философский концепт автобиографии как навигации до сих пор не выстроен, несмотря на то, что эту тематику ввели давно ещё Дильтей и Бахтин.

Для развития концепта построения ЖТ необходима специальная концептуальная работа с таким жанром построения ЖТ, как (авто)биография. Здесь нужно вырабатывать правила, принципы, на основании которых автобиография составляется как «способ самообъективации личности» и удержания смыслового целого автора, как писал Бахтин. Это правило авторства, правило авто(само)детерминации, правило событийности, правило вертикальной связности и нормы, правило горизонтальной связи, правило неравенства самому себе. Эта проблематика выливается в отдельное направление и метод, то есть в биографический метод, в метод просопографии (создание личностных историй).

7. Тогда надо обсуждать и разрабатывать разного рода практики и инструменты такой навигации, связанной с построением ЖТ, личностных маршрутов, автобиографий. Таким может быть антропоидный картоид (термин «географического картоида» в свое время ввёл географ Б. Родоман). Он вмещает в себе качества дневника, карты, самоотчёта, путеводителя.

Картоид выступает важной частью оснащения человека в его личностной навигации. Так или иначе каждый человек это делает, составляет его, то есть производит разного рода эго-тексты, когда он пишет дневники, ведёт переписку, как-то осмысляет свою жизнь. Но проработанность, масштаб, детализация и осмысленность, разумеется, будут всякий раз разными.

8. Но дело в том, что просто проторивать себе тропинку, строить навигацию невозможно. Человек от рождения этого делать не умеет. Он попадает в капканы, блуждает, попадает в тупики самообманов и иллюзий о самом себе. Поэтому он так или иначе начинает заниматься особой практикой – антропопрактиками заботы о самом себе. Для содержательного разворачивания практики антропологической навигации необходимо далее выстраивать концепт и репертуар антропопрактик заботы. Для построения этого концепта надо ввести свою топику: это такие топы, как онтологический исток заботы, предмет заботы, дискурс заботы, субъект заботы, практики заботы, составлять репертуары антропопрактик заботы.

В репертуаре антропопрактик заботы можно выделять разные классы и виды практик такой заботы. В них выделяются такие типы практик, как практики агона, мимезиса, эпистрофы, метанойи, автопоззиса. Фактически этим занимался М. Фуко в конце жизни, разрабатывая проект «практик себя». Это же постоянно обсуждает П. Адо, описывающий античную философию не как историю учений, а как практику проделывания различных духовных упражнений.

9. Если рассматривать антропологическую проблематику в контексте ситуации человека в настоящее время, то её можно охарактеризовать как ситуацию онтологической дезориентации.

Она во многом связана с соблазном, который человек испытывает при внедрении умных технологий в повседневность. Цифра становится для него онтологическим провокатором. Она соблазняет его на то, чтобы отказаться от самого себя – не мыслить, не помнить, не чувствовать, не жить. Человек теряет те самые ориентиры и опоры, ранее держащие его в мире и делающие его присутствие осмысленным. И это отдельное направление работ, связанное с исследованием и диагностикой ситуации человека, диагностикой ситуации на границе, между человеком и машиной, человеком и нечеловеком, естественным и искусственным, жизнью и смертью.

Внедрение умных технологий в повседневную жизнь в настоящее время прежде всего поставило по-новому вопрос об онтологических границах человека как сущего – что он есть как присутствие в мире и где пролегает граница между человеком и иным ему сущим, нечеловеком? Человек, испытывая соблазн цифры, всё более поддается так называемому тренду жизненного аутсорсинга, отдавая умному устройству те функции и работы, которые проделывал ранее сам. Эта передача работ Другому означает в пределе отказ от самого себя – в пользу Другого. Тем самым ставится вопрос о границе – до

каких пределов человек будет отдавать работы умному устройству, преодолев которые он сам в итоге исчезнет?

Здесь актуальной становится проблема плавающей границы, фронта. Граница между человеком и иным ему поплыла, перестала быть фиксированной и статичной. Она стала прозрачной, проницаемой, плавающей.

10. Следствием изучения такой ситуации дезориентации является практика проведения гуманитарной экспертизы, которая своим предметом имеет не устоявшуюся норму, а плавающую границу, поскольку привычные нормы перестают работать. Это то, чем занимался покойный Б. Г. Юдин и его коллеги. Он пытался развести этическую и гуманитарную экспертизу. Но на практике это пока слабо получается. При проведении разного рода экспертиз мы неминуемо сваливаемся в этическую экспертизу, стремясь защитить человека, думая о его безопасности и т. д. Но защищать становится все сложнее, поскольку сам человек выбирает тренд ухода, испытывая соблазн. Сам человек постоянно переходит привычные ему же онтологические границы, а потому на повестку встаёт проблема построения иного типа экспертизы, связанной с перенормированием и восстановлением базовых опор и ориентиров в ситуации онтологической дезориентации, поскольку отказ от них приводит вообще к отказу от самого человека, то есть к отказу нас от самих себя.

11. Следствием антропологической навигации и дезориентации выступает и новое приложение – это разработка и проведение разного рода гуманитарных и антропологических форсайтов. В практике навигации чреватым и в принципе проблемным становится будущее (в отличие от традиционных эпох, в которых будущее было предсказуемо и прогнозируемо). Теперь же будущее принципиально не прогнозируемо и не выводится из прошлого. Его просто нет. Оно конструируется в настоящем, точнее, конструируется желаемый образ будущего. Поэтому начинают разрабатываться разного рода методы и инструменты, связанные с конструированием образов будущего (аналитика трендов, сценирование, выслушивание «слабых сигналов», выявление «диких карт», джокеров, построение дорожных карт и проч.).

Сведения об авторе / Information about the author

Смирнов Сергей Алевтинович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: smirnoff1955@yandex.ru

Smirnov Sergey – D.Sc., (Philosophy), Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: smirnoff1955@yandex.ru).

ИСТОРИК В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

В.Н. Сыров

Томский государственный университет
narrat@inbox.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5498-4610>

В статье обсуждаются некоторые результаты исследований, посвященных теме места и функций историков в социальных сетях. Основное внимание уделено выявлению роли веб-технологий в создании исторического знания. Подчеркивается, что тезис о размывании границ между профессиональным сообществом и пользователями в целом не означает отказа от признания решающей роли профессионального сообщества в производстве знания. Выявляются пути и способы действия историков в социальных сетях и их преимущества по сравнению с традиционными способами производства знания.

Ключевые слова: социальные сети, дигитализация, историческое знание, профессиональное сообщество, веб-коммуникация.

HISTORIAN ON SOCIAL NETWORKS: SOME METHODOLOGICAL CONSIDERATIONS *

V. N. Syrov

Tomsk state university
narrat@inbox.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5498-4610>

The article discusses some of the research findings related to the topic of the place and function of historians on social networks. The main attention is paid to identifying the role of web technologies in the conventional practices of creating historical knowledge creation of historical knowledge. It is emphasized that the thesis about blurring the boundaries between the professional community and users in general does not mean rejection of the recognition of the decisive role of the professional community in the production of knowledge. The ways and methods of historians' actions in social networks and their advantages over traditional methods of knowledge production are revealed.

Keywords: Social networks, digitalization, historical knowledge, professional community, web communication.

Тема места и функций гуманитариев (историков, в частности) в компьютерных сетях, стала достаточно популярной в исследовательской литературе. Хорошей обзорной и достаточно исчерпывающей работой по этой теме можно считать статью Людмилы Хут «История в цифровую эпоху: российские историки в условиях дигитализации исторического знания» [Хут, 2019. С. 127–158]. Но чтение таких текстов создает ощущение, что зачастую использование веб-технологий и контакты в социальных сетях сводятся к анализу эффектов публичного присутствия гуманитария в сетях, а именно его взаимоотношений с читающим сообществом в целом и возможностей его влияния на такое сообщество. Если же речь идет путях воздействия цифровых технологий на исследовательский процесс, то зачастую она связывается с перспективой работы с источниковой базой.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект №19-18-00421).

Бесспорно, что обсуждение этих вопросов имеет важное значение для профессионального роста научного сообщества. Однако отметим, что для обсуждения вопроса о месте и функциях историков в компьютерных сетях следует, во-первых, разделить аспекты их присутствия в сети. Либо мы говорим о производстве знания и о том, что вносят цифровые технологии в исследование, либо обсуждаем перспективы его применения. Если же мы концентрируемся на первом аспекте, то и здесь, как минимум, стоит разделить вопросы о влиянии дигитализации на работу с источниковой базой [Володин, 2013. С. 140–148] и о вкладе Интернет-сетей в производство идей.

Как только мы в таком аспекте начинаем смотреть на проблему, то сразу же сталкиваемся со следующими распространенными утверждениями. «Сеть создает возможность быстро распространять информацию, которую крайне сложно “отфильтровывать”. Происходит разрушение монополии на память» [Фокин, 2014. С. 135]. «...Основным производителем контента становится пользователь, что, в свою очередь, разрушает монополию на интерпретацию фактов, которая раньше была у властей или академических структур» [Фокин, 2014. С. 133]. Соответственно, открывается перспектива говорить о т. н. подвижных продуктах, «которые сочетают в себе черты обыденного и специализированного знания, ...поле, в котором формируется т. н. “гибридное знание”, как в подвижных цифровых форматах чаще всего соединяются сегменты обыденного, повседневного знания и осколков специализированного...» [Хут, 2019. С. 147].

Бесспорно, что дигитальная среда размывает любые границы демаркации между профессиональным сообществом и заинтересованными пользователями в целом и преодолевает замкнутость, изолированность и даже клановость профессионального сообщества. Бесспорно, что такое положение дел объективно благоприятно для гражданского самоопределения историка и даже вынуждает его это делать. Но значит ли это, что мы будем присутствовать при отмирании профессионального сообщества и формировании «гибридного» знания? Рискнем утверждать, что первое маловероятно и, видимо, даже в относительно долгосрочной перспективе. Сложившихся в современной культуре стандартов надежного знания еще никто не отменял, и пока проблематично помыслить, что собой могут представлять новые исследовательские стандарты. Хотя возможно, что способы институализации сообщества могут измениться.

Если это так, то, во-первых, дискурс, описывающий историческую деятельность в дигитальной среде, в качестве точки отсчета должен продолжать оперировать понятием профессионального сообщества и анализировать складывающееся положение дел с позиций его взаимодействия с окружающей сетевой средой. Во-вторых, тезис о многообразии типов бытования исторического знания требует прояснения. Если мы продолжаем настаивать на том, что именно следование определенным стандартам производства знания конституирует историческое знание, то тезис о создании т. н. «гибридного» зна-

ния следует считать ошибочным, ну или, как минимум, запутывающем дело. Скорее стоит говорить о типах дискурсов, жанрах, форматах, обеспечивающих доступ продукции, производимой профессиональным сообществом, к широкому потребителю.

Но вышеописанная ситуация открывает нам путь, следуя по которому мы можем говорить о возможных и перспективных формах присутствия историка в сетях. В качестве методологического руководства воспользуемся тезисом Сергея Медведева: «Сеть создает коллаборативное знание между глубоким мнением эксперта и широким сетевым полем, превращает знание в постоянно фильтрующийся и ректифицирующийся поток, в котором мы все становимся коллективным ученым» [Медведев, 2015]. В каком смысле можно говорить о совместном знании и наличии коллективного ученого?

Прежде всего, стоит указать на определенной тип такого взаимодействия. Когда-то Болингброк назвал его представителей «антикварами». Это искренние любители прошлого, пытливые коллекционеры, специализирующиеся на скрупулезном изучении типов оружия, костюмов или других артефактов той или иной эпохи. Современные социальные сети предоставили им уникальную возможность интенсивного обмена и приращения информации. Наверное, этот способ функционирования знаний о прошлом можно назвать типом гражданской науки [Артамонов, Тихонова, 2018. С. 16–17]. Возможно, что данное отношение к прошлому может быть охарактеризовано фразой «за деревьями не видеть леса». Но, в любом случае, такой вид деятельности способен оказать неоценимую помощь профессионалам. Хотя, наверное, по своей функции он ближе к работе с источниковой базой.

Другой аспект размывания границ связан с отношением профессионального сообщества с продукцией, производимой за его пределами или на его границах. Речь идет о создании альтернативных (не в смысле, что было бы если бы) версий тех или иных исторических событий. Для отечественного читателя это нашумевшие «Память» Владимира Чивилихина, «Аз и Я» Олжаса Сулейменова. Видимо к их числу можно отнести труды Льва Гумилева. Резонно предположить, что такая продукция производилась, производится и будет далее производиться. Возможно, что сохранение закрытости, низкой самокритичности и известной доли высокомерия профессионального сообщества будет этому способствовать. Но представляется, что общий принцип отношения к такого рода продуктам должен строиться не на отбрасывании их с порога, а на оценке оригинальности выдвигаемых в них идей.

Определяющее значение социальных сетей, на наш взгляд, выражено в словах Медведева: «Они не подменяют источники и специальную литературу, но часто наталкивают на них, наводят на интересные мысли, концепции, авторов. Часто коллективный разум «Фейсбука» или «ЖЖ» нужен для верификации какой-то гипотезы, бета-тестирования» [Медведев, 2020]. Преимущества такой коммуникации связаны с оперативностью отклика, расширением возможности увидеть вещи с неожиданной стороны, увеличить полноту

аргументов. Интересным примером такого коммуникативного опыта может служить коллективная монография «Writing History in The Digital Ade» (2013). Как отметили ее организаторы, «разумно реализованные веб-технологии могут помочь нам совместно создавать, конструктивно критиковать и широко распространять наши произведения способами, более соответствующими нашим научным ценностям» [Nawrotzki & Dougherty, 2013. P. 3]. Помимо того, что сама работа была посвящена теме использования веб-технологий, она была размещена в сети так, чтобы тексты могли сопровождаться соответствующими комментариями. Как отмечается, таких онлайн-комментариев было более 900 [Nawrotzki & Dougherty, 2013. P. 2].

В заключение возможно выдвинуть следующий тезис. Отечественные и зарубежные авторы в один голос пишут о том, что «"цифровая история" коренным образом меняет облик профессии историка» [Хут, 2019. С. 156]. По словам одного из авторов вышеприведенной коллективной монографии, этот совместный, корпоративный способ производства и обмена знаниями можно рассматривать как новый жанр исторических исследований, который бросает вызов традиционным академическим представлениям о единственном авторстве и роли ученых-непрофессионалов [Sikarskie, 2013. P. 219]. Но может быть стоит утверждать прямо противоположное. Долгое время исторический текст отождествляли с повествовательным нарративом, подобным литературному произведению. Но если мы полагаем, что история как и всякий другой вид исследований должна конституироваться выдвижением гипотез и их аргументацией, то сетевая коммуникация – это хорошее основание для исторического письма наконец стать как по форме, так и по содержанию, тем, на что она всегда претендовала, а именно исследованием и ничем кроме исследования. Все остальные задачи, возлагаемые на историю, должны опираться или исходить именно из этой установки.

Список литературы / References

- Артамонов Д. С., Тихонова С. В. DIY-технологии в конструировании исторической памяти // *Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего* / под ред. В. Н. Сырова: Сборник статей по итогам всероссийской научной конференции. Саратов: ИЦ «Наука». 2018. С. 16–20.
- Володин А. Ю. Цифровая история (digital history): виртуальная реальность или исследовательская практика // «Стены и мосты» – II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы Международной научной конференции / Г.Г.Ершова (отв. ред.), М.М. Кром, Б.Н. Миронов, И.М. Савельева, В.А. Шкуратов, Е.А. Долгова. М.: Академический Проект. 2014. С. 140–148.
- Медведев С. А. Ученые в соцсетях: политолог Сергей Медведев // *Academic Forum: приложение к информационному бюллетеню «Окна роста»*. 26 ноября. 2015. № 08 (18). [Электронный ресурс]. URL: <https://okna.hse.ru/news/166774503.html> (дата обращения: 4 ноября 2020 года).
- Фокин А. А. История: вызовы историческому сообществу в цифровую эпоху // *Люди и тексты. Исторический альманах*. 2014. № 5. С. 129–146.
- Хут Л. Р. История в цифровую эпоху: российские историки в условиях дигитализации исторического знания // *Историки в поисках новых перспектив* / Под общ. Ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон. 2019. С. 127–158.

Nawrotzki K., Dougherty J. Introduction // *Writing History in The Digital Ade* / ed by J. Dougherty, K. Nawrotzki. Ann Arbor. 2013. P. 1–18. doi: 10.2307/j.ctv65sx57.6

Sikarskie A. G. Citizen Scholars: Facebook and the Co-creation of Knowledge // *Writing History in The Digital Ade* / ed by J. Dougherty, K. Nawrotzki. Ann Arbor. 2013. P. 216–221. doi: 10.2307/j.ctv65sx57.23.

Сведения об авторе / Information about the author

Сыров Василий Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Томского государственного университета, г. Томск, Нахимова 18, к. 203. e-mail: narrat@inbox.ru

УДК 304.2

doi:10.47850/S.2020.1.64

БЛОКЧЕЙН КАК СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: АКЦЕНТ НА УГРОЗАХ

А. А. Шевченко

Институт философии и права СО РАН

shev@philosophy.nsc.ru

ORCID ID: 0000-0002-8563-5464

В тексте обсуждаются возможности и опасности технологии блокчейна. Особое внимание уделено угрозам, которые представляют собой обратную сторону преимуществ технологии. Возможные проблемы, связанные с использованием цифровой идентичности, контролем индивида над личной информацией и размытием ответственности позволяют утверждать, что речь идет не только о технологической революции, но и социальной, в ходе которой могут подвергнуться трансформации ключевые общественные отношения.

Ключевые слова: блокчейн, социальная революция, угрозы, доверие.

BLOCKCHAIN AS A SOCIAL REVOLUTION: FOCUSING ON THE THREATS

A. A. Shevchenko

Institute of Philosophy and Law SB RAS

shev@philosophy.nsc.ru

ORCID ID: 0000-0002-8563-5464

The paper discusses the benefits and threats provided by the blockchain technology and focuses on those which are the flipside of its advantages. Potential threats related to creating and using digital identity, control over personal information and erosion of responsibility justify the claim that we are dealing not just with a technological but a social revolution impacting key social relationships.

Keywords: blockchain, social revolution, threats, trust.

Как известно, Д. Белл выделял три технологические революции: 1) изобретение и использование парового двигателя в 18 в., 2) открытия в области электричества и химии в 19 в. и 3) создание компьютеров в 20 в. [Белл, 1976]. Претендентов на пополнение этого списка сегодня достаточно много. Важно отметить, что технологические прорывы в принципе не обязательно должны быть связаны с очень сложными, трудными для понимания открытиями. Часто это новый способ сделать так, чтобы привычные операции могли выполняться быстрее, проще, дешевле и удобнее. Технологическими революциями

в этом случае их позволяет называть «эффект масштаба». Если же они ведут к глубоким содержательным изменениям в жизни людей, трансформируя важнейшие социальные отношения, то появляются основания говорить и о переворотах социальных.

Именно на такую роль претендует, в частности, технология блокчейна, о которой сегодня много спорят [Tang et al., 2019]. Фактически блокчейн – это база данных, объединяющая участников сети. Основные ее характеристики: распределенность, отсутствие централизации, публичность (открытость) и определенная степень анонимности (лучше, по-видимому, говорить о псевдонимности). Эта технология все более активно используется там, где необходим надежный «след», «история вопроса» – например, история использования или владения, история производства или поставок. Не случайно, что она хорошо подходит для ведения разного рода имущественных реестров, в частности, объектов недвижимости, позволяя создавать надежную базу данных, которую невозможно фальсифицировать (благодаря распределённости информации фальсификация потребовала бы одновременных изменений во всех компьютерах сети). Блокчейн уже активно применяется в фармацевтике, позволяя проследить какие именно ингредиенты используются в производстве медикаментов, верифицировать производителей на всех цепочках производства, гарантировать потребителю, что он имеет дело с оригиналом, а не подделкой или дженериком. В сельскохозяйственном производстве технология блокчейна играет аналогичную роль – она позволяет фиксировать какие технологии, пестициды или условия хранения использовались на каждом этапе, что особенно важно для групп потребителей с особыми потребностями, например медицинскими или религиозными.

С точки зрения социальных отношений основная проблема, которую решает технология блокчейна – это проблема доверия. Стандартные операции (к примеру, покупка недвижимости) сопряжены с целым рядом избыточных действий, связанных именно с отсутствием доверия между сторонами. Проверка чистоты квартиры, возможных обременений, организация безопасных финансовых расчетов требует целой армии посредников – риелторов, нотариусов, банкиров и т. п., что значительно удорожает и усложняет операции между людьми. Говорят даже, что главным преимуществом блокчейна, то есть, технологии распределенных реестров, является не столько распределенность информации, но распределение доверия. Доверие в рамках каждой конкретной транзакции обеспечивается тем, что информация хранится на всех компьютерах сети, верифицирована на стадии ввода и не может быть фальсифицирована позднее. Таким образом, издержки по обеспечению доверия перекладываются на всех участников сети и, учитывая невысокую стоимость компьютерных ресурсов, не являются для них обременительными.

При обсуждении преимуществ этой технологии реже говорят об угрозах. Сейчас наиболее известным примером использования технологии блокчейна являются криптовалюты. В этой сфере этические проблемы уже обсуждаются

весьма активно. Имея ряд преимуществ (определенную анонимность, низкую стоимость и высокую скорость расчетов), криптовалюты могут использоваться и в неблагоприятных целях. Их анонимность и децентрализованность, таким образом, создают ряд очевидных этических проблем. Но есть и более фундаментальные угрозы, которые могут вести к нежелательным последствиям, затрагивающим саму суть социальных отношений между людьми, общепринятые ценности и ожидания. Приведем три таких примера.

Первый пример связан с созданием и использованием «цифровой идентичности». В мире существует огромное количество людей, не обладающие полноценной идентичностью в привычном нам смысле слова. К ним относятся не только беженцы, нелегальные мигранты, т. е. люди, не имеющие официальных документов и, таким образом, формально не признанные на территории проживания, но и те, кто не имеет доступа к полноценным банковским, медицинским или другим услугам. Решая проблему доверия между контрагентами, блокчейн позволяет создавать цифровую личность (набор цифровых сертификатов для тех или иных целей) и, таким образом, локально решать ряд проблем, непреодолимых в обычных условиях. Конечно, такая идентичность не будет полноценной и устойчивой, так как не она обеспечена всей полнотой социальных связей, однако позволяет существенно расширить возможности людей, благодаря локальному решению «проблемы доверия», что позволяет незнакомым людям совершать операции между собой. Проблемы здесь очевидны: решая проблему доверия каждый раз технологически и локально, для каждой конкретной операции, блокчейн ставит под сомнение необходимость в доверии как общечеловеческой ценности, которая культивируется, воспитывается, зарабатывается. Более общая опасность – утрата самого института добродетелей, таких как благонадежность, порядочность, сомнительной становится необходимость существования института репутации.

Второй потенциальный пример использования блокчейна, что также считается одним из преимуществ технологии – возможность передачи, точнее возврата полного контроля над личной информацией, когда человек сам решает кому и какую информацию о себе он готов передать в каждом конкретном случае. Например, работодатель нуждается в информации о квалификации и опыте работы претендента. Удерживая информацию о своем возрасте и поле, мы не только обеспечиваем тем самым приватность, но и блокируем возможность возрастной или гендерной дискриминации. В медицинских учреждениях мы передаем только информацию о медицинских диагнозах и т. д. Проблема здесь в том, что такое «распыление» информации по разным реестрам может приводить практически к полной анонимности, что также имеет неоднозначные этические следствия – мы каждый раз имеем дело с некоторым псевдонимом (аватаром), дисперсной идентичностью, с которой, тем не менее, можно вести дела, так как доверие и надежность информации обеспечиваются с помощью технологии. При этом «точка сборки» такой идентичности фактически может отсутствовать.

Еще одна опасность связана с возможной эрозией ответственности. Среди новых возможностей этой децентрализованной технологии – создание и функционирование групп и организаций, не имеющих единого центра или лидеров. Кроме того, устраняя проблему доверия, технология может способствовать и решению одной из самых сложных проблем социальной кооперации – «проблемы безбилетника» (фри-райдерства), за счет создания надежной и прозрачной системы добровольных «контрактов» людей друг с другом. При этом отсутствие какой-либо централизованной организации группы создает проблему ответственности за действия такого коллективного субъекта. Как и в предыдущих случаях эта угроза является обратной стороной одного из преимуществ технологии.

Список литературы / References

- Bell D.** The Coming of Post-Industrial Society. N.Y.: Basic Books. 1976.
Tang Y., Xiong J., Becerril-Arreola, R., Iyer L. Ethics of blockchain: A framework of technology, applications, impacts, and research directions. *Information Technology & People*. 2019. Vol. 33. No. 2. P. 602–632. doi: 10.1108/ITP-10-2018-0491.

Сведения об авторе / Information about the author

- Шевченко Александр Анатольевич** – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, Николаева 8, e-mail: shev@philosophy.nsc.ru
Shevchenko Alexander – D.Sc., leading researcher of Institute of Philosophy and law SB RAS, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, e-mail: shev@philosophy.nsc.ru

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ: ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА

УДК 316.77 + 314.93
doi:10.47850/S.2020.1.65

ЯЗЫК КАК ФАКТОР ВЫБОРА СТРАТЕГИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ *

М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк

Институт философии и права СО РАН
marika24@yandex.ru

Исследование влияния языка как идентификатора и средства коммуникации на определение индивидом стратегии межэтнического взаимодействия осуществлено на основе разработанной лингвосocio-культурной типологии респондентов и сопоставлении реализации языковой политики в национальных республиках России (Алтай, Саха (Якутия), Тыва и Хакасия).

Ключевые слова: языковая политика, стратегии межэтнического взаимодействия (аккультурационные стратегии), межэтническое согласие, лингвосocioкультурные типы, лингвокультурная специфика среды.

LANGUAGE AS A FACTOR IN CHOOSING A STRATEGY FOR INTERETHNIC INTERACTION

M. A. Abramova, G. S. Goncharova, V. G. Kostyuk

Institute of philosophy and law SB RAS
marika24@yandex.ru

Influence of language as an identifier and means of communication on the individual's definition of interethnic interaction strategy is based on the developed linguistic and socio-cultural typology of respondents and comparison of the implementation of language policy in the national republics of Russia (Altai, Sakha (Yakutia), Tuva and Khakassia).

Keywords: language policy, strategies of interethnic interaction (acculturation strategies), interethnic consent, linguo-sociocultural types, linguo-cultural specificity of the environment.

Актуализация исследований языка как идентификатора и средства коммуникации, позволяющего не только передавать информацию от поколения к поколению, но и влиять на выбор моделей поведения индивида возрастает с конца XIX в.

Усиление взаимопроникновения лингвистики, культурологии, социологии и психологии в XX в., при обсуждении вопросов языка отражало не только объективные условия развития общества, но стало свидетельством усиления социокультурного и когнитивного подходов, обусловивших формирование междисциплинарных областей исследования. Важно отметить, что каждый «поворот» в науке, особенно социогуманитарной, – это не только гносеологическая и онтологическая проблема, требующая согласования «картины

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00223 «Влияние лингвокультурной специфики среды на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях»)

мира» и языков отдельных научных дисциплин, но и социальная проблема принятия (или игнорирования) этих новаций в политике государств.

Мы придерживаемся позиции, что в условиях глобализации, интенсификации экономических, культурных, политических связей между нациями и государствами языковая политика, как составная часть государственной и региональной национальной политики, влияет на формирование определенного лингвосоциокультурного типа человека и его предпочтений в выборе аккультурационных стратегий поведения в полиэтнической лингвокультурной среде. Поскольку язык как детерминанта социальных коммуникаций в полиэтнической среде выступает не только основой идентификации и этнического символизма (В. Гумбольдт, Ю. В. Бромлей, Л. М. Дробижева, М. Н. Губогло, В. А. Тишков), но и средством опосредованного влияния через создание благоприятных и неблагоприятных условий осуществления коммуникации. Анализ характера этого влияния с позиции политологии и социальной психологии позволяет выявить проблемы, источники их возникновения и факторы детерминации взаимодействия между этническими группами в регионах, что дает основания для совершенствования механизма языковой (и шире – национальной) политики в регионах России в аспекте гармонизации межэтнических отношений.

Понимая под аккультурацией процесс социокультурной трансформации индивида под влиянием изменения первоначального культурного комплекса или осуществлением взаимодействия с иной культурной средой, мы опирались в исследовании: на идеи Т. Грейвза о групповой и личностной составляющей аккультурации; подход Дж. В. Берри о двухкомпонентной модели стратегий межкультурного взаимодействия (социокультурных установок и реального поведения) индивида; теорию Х. Тайфеля) о социальной идентичности.

Анализ концепта «языковая политика» включал изучение нормативно – правовой базы (конституции, законы, целевые программы) и деятельности органов государственной власти и структур, гражданского общества к осуществлению задач, сформулированных в нормативно-правовых документах, относящихся к проблеме функционирования, развития и взаимодействия языков народов страны, региона. В результаты были выявлены два типа реализации языковой политики: «мягкий» и «жесткий».

«Мягкий тип» республиканского языкового законодательства в отношении использования языка титульной группы в социальных сферах способствует, с одной стороны, сохранению межэтнического согласия, а с другой – снижению его престижности и востребованности.

«Жесткий тип» республиканской языковой политики детерминируемый соотношением численности титульного этноса и русских, обуславливает реализацию этнократических установок республиканской власти в этнокультурной и языковой политике, как некую оппозицию ассимиляционных установок федеральной власти.

Проверку влияния данных типов региональной языковой политики мы провели на основе сопоставления установок «лингвосоциокультурных типов» в отношении выбора языка и межэтнических стратегий взаимодействия (Более подробно описание базы исследования представлено в статье Абрамовой и др., 2020. С. 110–130).

При построении теоретической модели использовались показатели: этническая самоидентификация молодежи, этнический тип семьи (однородный или смешанный); степень сформированности этнического самосознания; социальная среда (город, село); тип учебного заведения; родной язык; степень владения родным языком; степень владения русским языком; соблюдение этнических традиций и обрядов в семье в различных сферах жизни, основной язык общения в домашних условиях; основной язык общения с друзьями. Различные комбинации этих этносоциологических, этнолингвистических и этнокультурных показателей образуют различные модели типологизации. Поскольку в научном и политическом дискурсе языковой политики центральное место занимает дихотомия «этничность содействует интеграции – этничность содействует сепарации», то представляет интерес изучение аккультурационных стратегий в первую очередь полярных типов.

В определении выбора индивидами аккультурационных стратегий важнейший показатель – соотношение этнической гражданской (общероссийской) самоидентификаций. При утверждении значимости как этнической, так и гражданской самоидентификации индивид избирает стратегию интеграции, при нивелировании обеих – маргинализации. Доминирование этнической самоидентификации над гражданской обуславливает выбор сепарационной стратегии, а при доминировании гражданской – ассимиляционной [Абрамова и др., 2014. С. 109–110].

В качестве результирующих выводов исследования важно отметить следующее. Взаимосвязь между спецификой выбора респондентами аккультурационных стратегий и их лингвосоциокультурным типом с типом реализуемой в регионе языковой политики есть, но напрямую выбор молодежью языка как средства коммуникации и идентификации не зависит от влияния региональной лингвокультурной специфики. Более значимым фактором языкового выбора для молодежи оказался параметр территориальной перспективы их самореализации. Если она ограничена республиканскими рамками, то их выбор обусловлен лингвокультурной спецификой региона. Если же их видение перспектив индивидуального развития расширяется до российских или международных, где каналы коммуникации не ограничены форматом взаимодействия с представителями этнических диаспор, то в качестве ведущего языка коммуникации выбирается – русский.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что детерминация языкового выбора индивида определяется как его восприятием лингвокультурной специфики региона, так и перспективами своего развития в его рамках. Вследствие чего для укрепления единства российских

народов более плодотворной остается политика языкового баланса как в системе образования, так и в сфере коммуникации, а также паритета этнической и гражданской (общероссийской) идентичности, а не приоритета одной из них.

Список литературы / References

- Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Динамика владения языками в республиках Сибири. *Сибирский философский журнал*. 2020. Т. 18. № 1. С. 110–130.
- Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск, 2014.

УДК 394/395
doi:10.47850/S.2020.1.66

СТАТЬЯ В. КАНДИНСКОГО ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПО ЭТНОГРАФИИ СЫСОЛЬСКИХ И ВЫЧЕГОДСКИХ ЗЫРЯН «НАЦИОНАЛЬНЫЕ БОЖЕСТВА (ПО СОВРЕМЕННЫМ ВЕРОВАНИЯМ)» В ПАРАДИГМЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ДИСКУРСА

З. Р. Гафурова

Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»
gafurova@yandex.ru

В статье речь идет об истории появления работы В. Кандинского по этнографии, а также анализируется подход художника к исследованию языческой культуры народа коми и его оценка её современного состояния в свете парадигмы колониального дискурса. Сама работа Кандинского, написанная по материалам совершенной им этнографической экспедиции на Север России, была опубликована свыше ста лет тому назад. Однако затронутые великим русским художником вопросы доминирования большинства относительно малых народов и негативные следствия этого, выраженные в потере своей идентичной истории и культурных феноменов национальной идентичности, как нельзя актуальны в контексте деколонизации истории и науки.

Ключевые слова: Кандинский, колониальный дискурс, зыряне, национальные божества, национальная идентичность.

V. KANDINSKY'S ARTICLE «NATIONAL DEITIES (ACCORDING TO MODERN BELIEFS) FROM THE MATERIALS ON ZYRYANE OF SYSOLA AND VYCHEGDA REGIONS' ETHNOGRAPHY» IN THE PARADIGM OF COLONIAL DISCOURSE

Z. R. Gafurova

National University of Science and Technology "MISIS"
gafurova@yandex.ru

The article deals with the history of V. Kandinsky's work on ethnography, and analyzes the artist's approach to the study of the pagan culture of the Komi people and his assessment of its current state in the light of the paradigm of colonial discourse. The very work of Kandinsky, written on the basis of the materials of the ethnographic expedition he made to the North of Russia, was published over a hundred years ago. However, the issues of the domination of the majority over small nations raised by the great Russian artist and the negative consequences of this, expressed in the loss of their identical history and cultural phenomena of national identity, are extremely relevant in the context of the decolonization of history

Keywords: Kandinsky, colonial discourse, Zyryans, national deities, national identity.

Статья Кандинского, написанная и опубликованная в 1889 г., очень хорошо прочитывается в актуальной парадигме колониального дискурса. Материал статьи был собран во время этнографической экспедиции в северные уезды Вологодской губернии, которую великий русский художник совершил, будучи студентом Московского университета, в мае-июле 1889 г. Сама статья появилась в третьем номере журнала «Этнографическое обозрение», основанном другом и сокурсник Кандинского, известным этнографом Николаем Харузиным (1865–1900). Именно под влиянием последнего Кандинский заинтересовался этнографией, вступил в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ОЛЕАЭ), став одним из его активных членов. Однако в упомянутую экспедицию художник отправился не только в соответствии с планом деятельности ОЛЕАЭ, но и по личным мотивам: в поисках национальной идентичности рода своего отца – Василия Сильвестровича, происходившего из семьи мансийский князей Кондинских.

В качестве объекта своего исследования Кандинский выбрал поселения сысольских и вычегодских зырян, а в качестве предмета – их национальные божества. Целью исследователя было «восстановление следов языческого периода» народа коми. Таким образом, он должен был обратиться к истории народа коми, его христианизации и вхождения в семью народов России. Иначе говоря, принимая во внимание колониальный статус Российской империи (история которого около полтысячи лет), Кандинскому предстояло, прежде всего, точно описать структуру колониального дискурса, в котором есть (и не могло не быть) напряжение между видением и конструированием мира со стороны доминирующего большинства (Российской империей) и видением малого народа (сысольских и вычегодских зырян). В процессе колонизации завоеватели всегда стремились «улучшить» другого (местное население) и сделать его подобным себе, но таким образом, чтобы сохранить различия. В этом проявляется один из важнейших принципов колониализма – принцип зависимости. Этому же соответствует и центральный догмат христианского миссионерства, запрещавший любые проявления терпимости к языческим традициям. Кандинский не только отмечает и фиксирует утрату зырянами почти всяких воспоминаний из их прошлой жизни, но и указывает на причину подобного – «слишком быстрый поворот в религии» и «отчаянную энергию» в уничтожении языческих верований. Действия доминирующего большинства привели к отчужденности зырян от языческих времен, от своей истории. В свою очередь, полная отчужденность от языческих времен, по мнению художника, служит главной причиной, что зыряне забыли свою прошлую религию и утратили память о многих национальных культурных феноменах. Художник смог найти следы только нескольких национальных божеств (лешак морт и пёлёзнича), контуры культа Солнца, Огня, Ветра, образ своеобразного духа народа коми (орта), а также вычленить зырянского домового сквозь руины культов предков и очага. Забвение своей культурной

идентичности (незнание имен божеств, пословиц, родственных народов) трактуется в статье Кандинского как незаметное вытеснение из сознания народа культурных феноменов, признаваемых «погаными». Это рассуждение весьма близко к положениям современного колониального дискурса, одним из которых является вывод о причинах отсутствии мотивации к поиску «исходного» и «отличного» в местной культуре: поскольку самооценку местного населения определяют только завоеватели, его самостоятельные действия лишены значения.

Список литературы

- Аронов И. Кандинский. Истоки: 1866-1907. М., Иерусалим: 2010.
- Кандинский В. Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян: национальные божества (по современным верованиям) / В. Кандинский // Этнографическое обозрение. 1889. № 3. С. 102–110.
- Керимова М. Николай Харузин и Василий Кандинский // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 14–33.

Сведения об авторе

Гафурова Зинаида Рузвиновна – старший преподаватель кафедры социальных наук и технологий Национального исследовательского технологического университета МИСиС, Москва, Ленинский проспект, 6, e-mail: gafurova@yandex.ru

УДК 390
doi:10.47850/S.2020.1.67

ОТ РОДОВОГО СОЗНАНИЯ К НАЦИОНАЛЬНОМУ САМОСОЗНАНИЮ – СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ У КОРЕННЫХ ЭТНОСОВ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В XIX-XX вв.

Р. В. Гвоздев

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

В эпоху всеобщей глобализации мы можем практически повсеместно наблюдать процессы утраты собственной этнической идентичности. Но особенно остро этот вопрос стоит в многонациональных государствах с преобладающим влиянием доминирующего этноса. Вместе с тем, возрастает ценность традиционных культур и как никогда актуальны вопросы их сохранения. Важным моментом тут следует считать понимание факторов, оказывающих наибольшее влияние на эти процессы. В качестве исследования мы проанализировали трансформации в области семейных отношений у коренных этносов российского Дальнего Востока на протяжении XIX – начала XX вв. Чтобы установить степень влияния восточных славян на КМНС, мы использовали также сравнительные данные по семейному укладу переселенцев из европейской части. На основе полученных данных мы попытались понять процесс перехода от родового сознания к национальному самосознанию коренных этносов Дальнего Востока.

Ключевые слова: традиционная культура, национальная идентичность, Дальний Восток России, коренные малочисленные народы, трансформация культуры, род, семья, община, дальневосточная семья.

FROM ANCESTRAL CONSCIOUSNESS TO NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS-SOCIAL TRANSFORMATIONS AMONG THE INDIGENOUS ETHNIC GROUPS OF THE FAR EAST IN THE XIX-XX CENTURIES

R. V. Gvozdev

Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East, FEB RAS

In the era of universal globalization, we can almost everywhere observe the processes of loss of our own ethnic identity. But this issue is particularly acute in multinational States with the predominant influence of the dominant ethnic group. At the same time, the value of traditional cultures is increasing and issues of their preservation are more urgent than ever. An important point here is to understand the factors that have the greatest impact on these processes. As a study, we analyzed the transformations in the field of family relations among the indigenous ethnic groups of the Russian Far East during the XIX-early XX centuries. To determine the degree of influence of the Eastern Slavs on the kmns, we also used comparative data on the family structure of settlers from the European part. Based on the data obtained, we tried to understand the process of transition from ancestral consciousness to national consciousness of the indigenous ethnic groups of the Far East.

Keywords: traditional culture, national identity, Russian far East, indigenous peoples, cultural transformation, family, community, far Eastern family.

Начиная с 90-гг. XX века Россия претерпевает глобальные изменения в государственном и общественном устройстве. Вместе с тем она остаётся многонациональным государством и вопросы взаимодействия восточнославянского (или условно русского) большинства с представителями иных менее многочисленных этносов продолжают оставаться весьма актуальными. Важность исследования вызвана необходимостью реализации комплекса мер, которые проводит государство по отношению к этническим меньшинствам в быстроменяющихся социально-экономических и культурных условиях.

Государственные реформы, начала 90-х годов XX века, проводимые в этой сфере, зачастую осуществлялись без обратной связи со стороны широкой общественности КМНС, хотя и являлись зачастую реакцией на их внутренний запрос. Во многом ситуация характеризуется традиционализмом в национальном вопросе, что обусловлено как экономическими, так и идеологическими причинами. С идеологической точки зрения все народы Советского Союза осознавали себя, в первую очередь, советскими гражданами и лишь потом представителями своих этносов. С исчезновением самого СССР, как государственного образования, а, следовательно, и его идеологии, неизбежно вырос уровень собственного самосознания всех народов, населявших постсоветское пространство. Нашли широкий отклик идеи «возвращения к корням» и среди коренных народов Дальнего Востока. Таким образом, благодаря поддержке общественности государство пыталось реализовать идеи традиционализма. В данном случае их можно коротко охарактеризовать как попытки возвращения к традиционным формам общинного хозяйствования. Однако реконструкция соседских общин взамен коллективных хозяйств советской эпохи не принесла ожидаемого результата и они в конечном итоге оказались не жизнеспособными в современных условиях [Тураев, 2014. С. 11]. И не только в силу экономической составляющей – отсутствовала сама система родового–общинного общества с присущими ему менталитетом и способами

хозяйствования, отсутствовал собственно род. Причём он начал исчезать в качестве основной хозяйственной ячейки КМНС ещё до прихода Советской власти.

На данный момент положение с коренными народами характеризует с одной стороны утрата в значительной степени собственной традиционной культуры, а с другой рост этнического самосознания. Как оказывается возможным протекание двух столь разновекторных процессов?

Рассмотрим ситуацию предметно: для коренных народов Дальнего Востока периода колонизации характерна крайне низкая плотность расселения с высоким уровнем этнокультурной мозаичности, низкий уровень производительных сил, слабая внутринатальная коммуникабельность как следствие вышеперечисленных факторов. Отдельно стоит упомянуть о изначально низком уровне этнического самосознания. Говоря о самосознании надо понимать, что это термин вообще современен по своей сути. До появления многонациональных государств мы не находим самого понятия «национальное самосознание». То есть идентичность была, а самосознание отсутствовало, поскольку это понятие более высокого порядка. В родовом или феодальном обществе люди просто не мыслили подобными категориями. Да, они были готовы отстаивать свои культурные особенности, идентичность, но при условии, что имело место насильственное навязывание, религиозных и культурных норм, образа жизни, и т. п. Так было при колонизации Америки, покорении Индии, Китая. Если же отсутствовал фактор насилия, то народы относительно легко утрачивали даже собственную идентичность, нимало не заботясь о том, что теряют что-то ценное. Причём не обязательно они находились при этом в подчинённом или зависимом положении. Подобным образом, растворились как самостоятельный этнос завоевавшие часть современной Франции норманны или маньчжуры, завоевавшие Китай в XVII в. Другим примером может служить ситуация с освоением восточными славянами Сибири и Дальнего Востока. Не смотря на то, конечно что имели место и вооружённые конфликты и столкновения культур и вероисповеданий, в целом можно отметить, что Россия относительно бескровно завладела данным регионом. Более того, коренные народы Дальнего Востока согласно «Устава об управлении инородцев» 1822 г. были наделены довольно значительным списком прав и свобод: освобождение от службы в армии, закрепление территорий проживания, религиозное самоопределение, право отдавать детей в государственные учебные заведения [Тураев, 2013. С. 476–477].

О важности фактора сопротивления насилию нам очень красноречиво говорит пример со старообрядцами. Как представители особой субкультуры они образовались как раз в ходе сопротивления никонианским религиозным реформам, в условиях преследований и гонений. Причём, если изначально они выделяли себя лишь по религиозным признакам, то затем к ним добавились и другие культурные, бытовые особенности как бы законсервированные в определённой среде. Например, наличие большой патриархальной семьи –

рода, институт которой постепенно утрачивался восточными славянами и КМНС. Староверы же всячески противопоставляли себя остальному восточнославянскому элементу даже в эпоху колонизации Дальнего Востока, селились отдельно и в удалённо, образовывая собственные общины. Отмечается, что староверы предпочитали даже селиться ближе к коренным народам Дальнего Востока с которыми у них не было исторически обусловленного противостояния. И в итоге смогли сохранить свою идентичность и самосознание, даже в отрыве от государства (как мы знаем значительная часть старообрядческого населения с приходом Советской власти иммигрировала в Южную Америку и Китай).

Конечно, трансформации в области традиционной культуры коренных народов Дальнего Востока являлись следствием комплекса причин: культурных, религиозных, экономических. Влияние православной церкви одновременно охватывает первые две. Как известно, при освоении Сибири и Северо-Востока ещё в XVIII в. христианизация иногда происходила насильственно, но к XIX в. приобрела мирный характер [Тураев, 2013. С. 480]. Но не смотря на мирный характер крещения церковь занимала весьма жесткую позицию в области семейных отношений, выступая резко против полигамии, присущей родовому обществу. На стороне церкви в данном случае выступала и государственная администрация и закон – крещённых жён, похищенных язычниками, возвращали мужьям [Аргудяева, 2009. С. 49]. При этом хорошо известно, что похищение женщин составляло значительную часть межродовых отношений и связанных с этим конфликтов. Таким образом, именно православие в значительной степени повлияло на окончательный распад прежних больших родов и способствовало укреплению «малой» семьи.

Преобладающим же фактором изменений в традиционной культуре стали именно экономические причины. Важно отметить, что большая патриархальная семья в крайне суровых условиях проживания, низкой плотности населения, натуральном способе хозяйствования являлась прежде всего производственно-экономической ячейкой. И как форма начала меняться именно под воздействием экономических факторов [Алексеева, 2006, с.110]. Мы знаем, что у представителей коренных народов Дальнего Востока уже в XVII в существовала частная собственность на оленей, собак, транспортный и промысловый инвентарь. И хотя экономика оставалась в целом первобытно-общинной, а торговля носила в основном меновой характер, стремление к накоплению материальных благ уже в тот период было одной из причин межродовых столкновений [Общественный строй у народов..., 1970. С. 230].

Усиливавшиеся в конце XIX века изменения в социально-экономической жизни привели к изменениям и в области семейных отношений. Постепенно господствующей семейной формой становится именно «малая» семья, включавшая в себя два поколения (родители, дети) [Алексеева, 2006. С. 105]. Малая форма позволила наиболее приспособленным брачным союзам получать больший прибавочный продукт и таким образом оказалась более приспособ-

ленной к новым экономическим условиям с преобладанием частной собственности.

Как мы видим, корни глобальных трансформаций в области традиционной культуры, семейных отношений КМНС следует искать и в государственной национальной политике с её вектором «освоения», а не «завоевания», в экономической и религиозной составляющей. И не всегда эти изменения носили негативный характер. Например, к советскому периоду принадлежит появление персонифицированного самосознания коренных народов, взамен исчезающему родовому сознанию. И именно этот момент явился ключевым для, понимания необходимости специальных мер для сохранения и развития национальных культур. Хотя также необходимо отметить, что преобладающее влияние экономических факторов и применение методов государственного регулирования вне исторического и культурного контекста приводило многие коренные народы к постепенной утрате традиционной культуры.

Список литературы / References

- Алексеева С. А.** Традиционная семейная культура народов севера в изменяющейся России (на материале эвенского и эвенкийского этносов) // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия. Благовещенск: Изд-во БГПУ. 2006. С. 103–112.
- Alekseeva S. A.** Tradicionnaya semeinaya kultura narodov Severa v izmenyayushcheysya Rossii (na materiale evenskogo i evenkiiskogo etnosov) // Evenkiiskii etnos v nachale tret'ego tysyacheletiya. Blagoveshchensk: Izdatelstvo BGPU. 2006. P. 103–112.
- Аргудяева Ю. В.** Влияние русского православия на быт коренных народов Приамурья и Приморья // Россия и АТР. Владивосток. 2009. № 4. С. 41–52.
- Argudyaeva Yu. V.** Vlianiye russkogo pravoslaviya na byt korennykh narodov Priamur'ya i Primor'ya // Rossiya i ATR. Vladivostok. 2009. № 4. P. 41–52.
- Общественный строй у народов Северной Сибири.** М.: Наука, 1970. 454 с.
- Obshhestvennyi stroi u narodov Severnoi Sibiri.** M.: Nauka, 1970. 454 p.
- Тураев В. А.** «Инородческий вопрос» в политике Российского государства (XVII–XIX вв.) // Тихоокеанская Россия в межкультурном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения, 2011) . Владивосток: Дальнаука. 2013. С. 470–483.
- Turaev V. A.** «Inorodcheskii vopros» v politike Rossiiskogo gosudarstva (XVII–XIX vv.) // Tikhookeanskaya Rossiya v mezhcivilizatsionnom i obshcherossiiskom prostranstve: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Sedmye Krushanovskie chteniya, 2011). Vladivostok: Dal'nauka. 2013. P. 470–483.
- Тураев В. А.** Традиционная культура в системе координат современного политического процесса // Культура России и сопредельных стран: прошлое, настоящее, будущее (Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Сер. Культурология; т. 16). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. 2014. С. 5–22.
- Turaev V. A.** Tradicionnaya kultura v sisteme koordinat sovremennogo politicheskogo processa // Kultura Rossii i sopredelnykh stran: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Tr. In-ta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka DVO RAN. Ser. Kulturologiya; t. 16). Vladivostok: IIAE DVO RAN. 2014. P. 5–22.

Сведения об авторе / Information about the author

Гвоздев Роман Витальевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, ул. Пушкинская 89, e-mail: groma@inbox.ru

**ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ОМСКОГО НАУЧНОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ЦЕНТРА:
ПРОБЛЕМАТИКА И НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ**

М. А. Жигунова

Институт археологии и этнографии СО РАН
marizh.omsk@mail.ru

Анализируется многообразная деятельность ученых Омского научного этнографического центра, связанная с этносоциологической тематикой. Приводятся данные по его становлению и структуре, выявляются основные направления исследований различных народов Сибири и Казахстана в 1974-2019 гг., наиболее активным научным контактам с учеными России.

Ключевые слова: изучение народов Сибири и Казахстана; Омский научный этнографический центр; научные конференции и связи с другими регионами.

M. A. Zhigunova

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS
marizh.omsk@mail.ru

**ETHNOSOCIOLOGICAL RESEARCH OF THE OMSK SCIENTIFIC ETHNOGRAPHIC
CENTER: PROBLEMATIC AND SCIENTIFIC CONTACTS**

The article analyzes the diverse activities of scientists of the Omsk scientific ethnographic center related to ethnosociological topics. The article provides data on its formation and structure identifies the main research directions of various peoples of Siberia and Kazakhstan in 1974-2019, and the most active scientific contacts with scientists from Russia.

Keywords: study of the peoples of Siberia and Kazakhstan; Omsk scientific ethnographic center; scientific conferences and relations with other regions.

Истоки Омского научного этнографического центра (ОНЭЦ) относятся к 1877 г., когда был создан Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества. В его рамках осуществляли свои исследования такие известные ученые как Г. Е. Катанаев, М. В. Певцов, Г. Н. Потанин, И. Я. Словцов, Н. М. Ядринцев и мн. др. В советский период времени в Омске был только один профессиональный этнограф – И. В. Захарова, которая занималась изучением этнографии народов Центральной и Восточной Азии. Ситуация изменилась в 1974 г., когда открылся Омский государственный университет (ОмГУ), куда был приглашен из Томска Н. А. Томилов. Именно он явился основателем ОНЭЦ и внес наибольший вклад в изучение и организацию этнографической науки в Омске [Захарова, Томилов, 2007]. Деятельность омских этнографов весьма широка и разнообразна: научно-исследовательская, экспедиционная, образовательная, организационная, издательская, просветительская.

ОНЭЦ состоит из целого комплекса учреждений научно-образовательного, академического, культурологического и музееведческого профилей. Первым знаковым шагом стало открытие в ОмГУ в 1985 г. кафедры этнографии, историографии и источниковедения истории СССР (в настоящее время –

кафедра этнологии, антропологии, археологии и музеологии). Дальнейшие шаги были связаны с созданием Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН) в 1991 г. и Сибирского филиала Российского института культурологии (Сибирского филиала Института природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачева) в 1993 г. Все три структуры возглавлялись и координировались Н. А. Томиловым. Омскими этнографами и выходцами из ОНЭЦ было защищено 57 диссертаций (7 докторских и 50 кандидатских). Сегодня продолжают активную работу в пределах Омска лишь 21 человек, остальные переехали в другие города и страны, ушли в иные сферы деятельности. Питомцы омской этнографии разбросаны не только по разным регионам России, но и странам мира – Америка, Германия, Голландия, Италия, Казахстан, Канада, Франция, Чехия.

Основная проблематика научно-исследовательской деятельности ученых ОНЭЦ: этническая история народов Евразии (включая этногенез и современные этнические процессы); идентичность и традиционно-бытовая культура; теоретические и историографические исследования; музеология, этноархеология. В поле зрения омских этнографов попали более 40 народов Сибири, Казахстана, Поволжья. Наиболее изучены сибирские татары (30 % диссертаций) и немцы (19 %), далее следуют русские и казахи (по 12,5 %). Также представлены: алтайцы, киргизы, кумандинцы, латгальцы, латыши, манси, ненцы, селькупы, телеуты, украинцы, хакасы, ханты, челканцы, чувашаи, шорцы, эстонцы и др. Наиболее активно экспедиционные и этносоциологические исследования проводились в 1980-е гг., когда ежегодно удавалось проводить до 6 экспедиций с участием до 90 человек. Эти работы зачастую проводились по заказу государственных органов власти. Наиболее существенный вклад в этносоциологическую проблематику внесли Ш. К. Ахметова, О. М. Бронникова (Проваторова), М. А. Жигунова, Д. Г. Коровушкин, В. П. Кривоногов, И. В. Лоткин, Г. М. Патрушева, Т. Б. Смирнова, Н. А. Томилов, Л. Т. Шаргородский [Томилов, Жигунова, 2010].

Наиболее активные научные связи связывают ОНЭЦ с учеными Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга) и Новосибирска. Лекции для студентов и аспирантов ОмГУ читали известные советские и российские ученые – академик А. П. Окладников, член-корреспонденты РАН С. А. Арутюнов и А. В. Головин, профессора Р. Ф. Итс, В. М. Кулемзин, Г. Е. Марков, В. В. Пименов, П. И. Пучков, Я. В. Чеснов и др.

В 1999–2010 гг. в Омске издавался научный журнал «Культурологические исследования в Сибири» (главный редактор – Н. А. Томилов), где также была представлена этносоциологическая проблематика. Представители ОНЭЦ приняли активное участие в презентации исследования «Сибиряк: составляющие образа/особенности идентичности», которое проводилось в 2011–2012 гг. этносоциологами Новосибирского государственного университета при поддержке Фонда им. Фридриха Эберта. В последующие годы при поддержке

Фонда им. Розы Люксембург в Омске были изданы два сборника научных трудов: «Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность» (2011) и «Миграционные процессы в Сибири: народы, культуры, государственная политика» (2018). Отражены в публикациях и результаты совместных экспедиционных проектов [Анжиганова, Ерохина, Жигунова, 2009]. Новосибирских и омских ученых связывают не только многолетние научные, но и дружеские контакты. Не случайно юбилейная статья про Ю. В. Попкова написана именно Н. А. Томиловым [2018].

Активизация межрегиональных и международных связей ученых ОНЭЦ происходит в результате подготовки и проведения различных научных форумов, среди которых были международные, всесоюзные и всероссийские конференции («Социально-культурные процессы в советской Сибири», «Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий», «Индустриальные тенденции современной эпохи и гуманитарное образование», «Национальные и социально-культурные процессы в СССР», «Немцы Сибири: история и культура», «Русский вопрос: история и современность» и мн. др.), а также – конгрессы этнографов и антропологов России. В 2003 г. в Омске был успешно проведен V конгресс этнографов и антропологов России. Особой популярностью среди участников конгрессов 2009–2019 гг. пользовалась секция, посвященная проблемам идентичности (руководители: М. Н. Губогло и М. А. Жигунова), а также – семинар «Этносоциальные процессы в Сибири» (руководитель Ю. В. Попков).

Успехи омичей в этносоциологии отмечались одним из основателей отечественной этносоциологии – М. Н. Губогло [2016. С. 48, 67–68]. Представители ОНЭЦ входят в ведущие российские этносоциологические экспертные сообщества: Т. Б. Смирнова – в Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, а М. А. Жигунова – в государственную систему мониторинга Федерального агентства по делам национальностей. Сегодня ОНЭЦ – бренд, известный не только в интеллектуальном ландшафте Сибири и России, но и многих странах Зарубежья.

Список литературы / References

- Анжиганова Л. В., Ерохина Е. А., Жигунова М. А.** Современные историко-культурные исследования цивилизационной идентификации народов Евразии: Некоторые итоги // *Культурологические исследования в Сибири*. Омск. 2009. № 1 (27). С. 47–52.
Anzhiganova L. V., Erokhina E. A., Zhigunova M. A. Modern historical and cultural studies of the civilizational identification of the peoples of Eurasia: Some results // *Cultural studies in Siberia*. Omsk. 2009. No. 1 (27). P. 47–52. (In Russ.)
- Губогло М. Н.** Этносоциология: родом из этнографии/этнологии // *Этносоциология вчера и сегодня* / Отв. ред. и сост.: Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М., 2016. С. 45–71.
Guboglo M. N. Ethnosociology: originally from ethnography / ethnology // *Ethnosociology yesterday and today* / Отв. ред.: L. V. Ostapenko, I. A. Subbotina. Moscow, 2016. P. 45–71. (In Russ.)
- Захарова И. В., Томилов Н. А.** Этнографические научные центры Западной Сибири середина XIX – начало XXI века. Омский этнографический центр. Омск, 2007.
Zakharova I. V., Tomilov N. A. Ethnographic research centers in Western Siberia, mid 19th – early 21st centuries. Omsk Ethnographic Center. Omsk, 2007. (In Russ.)

Томилов Н. А. Российские ученые в гуманитарных науках. Избранные научные работы / Отв. ред. А. Э. Еремеев. Омск, 2018. С. 187–194.

Tomilov N. A. Russian scientists in the humanities. Selected scientific works / Ed. ed. A.E. Eremeev. Omsk, 2018. P. 187–194. (In Russ.)

Томилов Н., Жигунова М. Омский научный этнографический центр: штрихи к портрету // *Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования*. Т. 2. / Отв. ред. Г. А. Комарова. М., 2010. С. 285–295.

Tomilov N., Zhigunova M. Omsk Scientific Ethnographic Center: strokes for a portrait // *Anthropology of academic life: interdisciplinary research* / Отв. ред. Г. А. Комарова. М., 2010. Т. 2. P. 285–295. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Жигунова Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Лаврентьева 17, e-mail: marizh.omsk@mail.ru

Zhigunova Marina Aleksandrovna – Ph.D (history), associate professor, senior research associate of Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Lavrentev str., 17, e-mail: marizh.omsk@mail.ru

УДК 316.42

doi:10.47850/S.2020.1.69

СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ЭТНОЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

М. Р. Зазулина

Институт философии и права СО РАН

zamashka@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-8984-1129

Показаны основные закономерности формирования и изменения структуры экономических практик, обеспечивающих существование и выживание этнолокальных сообществ проживающих в сельской местности. Дана характеристика основных блоков экономических практик и взаимоотношений между ними. Описаны особенности диверсификации экономических практик применяемой этнолокальными сообществами. Сделан вывод о противоречивости тенденции трансформации системы жизнеобеспечения этнолокальных сообществ в условиях модернизации.

Ключевые слова: этнолокальные сообщества, сельские сообщества, система жизнеобеспечения, экономические практики, трансформация, модернизация, диверсификация.

LIFE-SUPPORT SYSTEMS FOR RURAL ETHNO-LOCAL COMMUNITIES: FEATURES OF THEIR FORMATION IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION

M. R. Zazulina

Institute of Philosophy and Law SB RAS

zamashka@yandex.ru

ORCID ID:0000-0001-8984-1129

The main regularities of formation and changes in the structure of economic practices that ensure the existence and survival of rural ethno-local communities are shown. The main blocks of economic practices and the relationships between them are characterized. Describes the features of the diversification of economic practices used by ethnic local communities. It is concluded that the trend of transformation of the life support system of ethno-local communities in the conditions of modernization is contradictory.

Keywords: ethnolocal communities, rural communities, life-support system, economic practices, transformation, modernization, diversification.

Процессы социальной модернизации, начавшиеся в конце XX в. привели к изменению жизнедеятельности всех групп российского общества. Значительные изменения произошли в образе жизни сельских локальных сообществ, в том числе сельских сообществ с этнической спецификой, то есть состоящих преимущественно из представителей той или иной этнической группы. Значительную роль в системах жизнеобеспечения сельских этнолокальных сообществ всегда играли практики традиционного природопользования. Соответственно, модернизационные перемены для таких сообществ сопровождались трансформацией систем жизнеобеспечения, изменением роли и места составляющих их элементов, и в том числе очередной волной сокращения практик традиционного природопользования.

В данной работе будут охарактеризованы основные закономерности этой трансформации. Основой для наблюдений и выводов изложенных в данной работе, послужили данные полевых исследований, проведенных в местах компактного проживания татар в Тюменской области (Заболотский, Тюменский, Ялуторовский районы) и Новосибирской области (Куйбышевский, Барабинский и Чановский районы) реализованные в период с 2014 по 2015 год.

Под системой жизнеобеспечения в данном случае понимается совокупность экономических практик, обеспечивающих существование и выживание этнолокальных сообществ. Перечень практик, составляющих систему жизнеобеспечения, может иметь региональные и даже локальные отличия, что объясняется, наличием различных ресурсов, территориальными, природными и экономическими факторами. Однако основные группы практик, которые являются составляющими элементами системы, являются постоянными. Внимание к экономическим практикам важно еще и по той причине что как показывают исследования, основные проблемы стоящие перед сибирскими татарами в местах их компактного проживания имеют не столько культурный, сколько социально-экономический характер (это прежде всего плохое качество дорог, бедность, безработица), то есть связаны не с влиянием иноэтничного окружения, а с социально-экономическими факторами. Это означает что перспективы дальнейшего воспроизводства этничности, не могут рассматриваться вне контекста, создаваемого социально-экономической ситуацией.

Нельзя забывать и про «золотое правило» сохранения этнической идентичности в соответствии с которым длительное и полное сохранение этнической идентичности в культурных и социальных практиках возможно лишь при условии сохранения этнических практик в сфере экономики. В противном случае неминуемо происходит размывание традиционной социальной и культурной сферы, которые начинают приобретать исключительно внешний декоративный характер. Таким образом, проблема сохранения материального экономического базиса, то есть традиционной системы жизнеобеспечения, оказывается важной частью проблемы сохранения этничности в полном объеме.

К моменту начала модернизационных процессов структура жизнеобеспечения этнолокальных сообществ включала два основных компонента:

1) сектор аграрной экономики, который включал в себя занятость в сельскохозяйственных организациях, а также занятость в личных подсобных хозяйствах;

2) сектор сельской экономики, который включал неаграрную занятость на селе (работу в школах, больницах, клубах и т. д.);

3) сектор традиционной экономики, который включал различные природопользовательские практики от охоты до рыболовства и собирательства.

Проведение модернизационных реформ привело к тому, что в экономике сельских этнолокальных сообществ одновременно имели место три процесса: во-первых, появилась новая ниша экономической занятости, связанная с отходничеством; во-вторых, происходит трансформация сельской экономики вследствие сужения ее аграрного сектора; в-третьих, происходит размывание сектора традиционной экономики этнолокальных сообществ.

Отметим, что эти сектор аграрной и традиционной экономики не равны друг другу, а напротив, являются в какой-то степени конкурирующими. В свое время именно создание колхозов, часто насильственное, стало причиной сокращения традиционных практик жизнеобеспечения этнолокальных сообществ: татарских, алтайских, шорских и т. д.). Однако и тот и другой составляют материальный базис, экономическую основу сельского образа жизни, то есть сельской идентичности, и образа жизни этнолокальных сообществ – этнической идентичности.

Сегодня основной адаптационной стратегией для сельских жителей является стратегия диверсификации экономических практик, при которой сельские семьи (в том числе и в этнолокальных сообществах) совмещают различные практики хозяйствования, прежде всего современные и традиционные. К основным компонентам структуры жизнеобеспечения этнолокальных сообществ можно отнести:

1. Традиционное природопользование;

2. Личные подсобные хозяйства;

3. Сектор аграрной экономики (занятость в сельскохозяйственных организациях, фермерских хозяйствах);

4. Сектор сельской экономики (сюда мы относим любую занятость формального и неформального характера в бюджетной и небюджетной сферах, осуществляемую в пределах села, либо предполагающую выезд за его пределы в рамках рабочего дня, за исключением занятости в аграрном секторе);

5. Занятость, связанная с долговременными отлучками из села (вахта, долговременные приработки в городе, такие как строительство и пр.).

Диверсификационная экономическая стратегия (т. е. сочетание всех практик) характерна для каждого из обследованных поселков, однако конкретное сочетание практик зависит от доступных ресурсов, удобных рынков сбыта, а также сложившихся локальных традиций хозяйствования. В приведенном

перечне первые две практики могут быть отнесены к группе традиционных, то третья, четвертая и пятая являются современными. С одной стороны имеет место неуклонный процесс увеличения в этнолокальных сообществах доли современных практик и уменьшения доли традиционных практик.

Однако структура современных практик хозяйствования также претерпевает изменения, среди них увеличивается доля практик связанных с долгосрочными отлучками из села (вахта, приработки типа строительства). И само увеличение доли современных практик происходит в основном за счет практик пятого типа, то есть отходничества. В это же время занятость в секторе сельской экономики сохраняется на одном уровне, а занятость в аграрном секторе (мы не относим сюда занятость в личных подсобных хозяйствах) значительно сокращается.

Значительно сокращается роль и место личных подсобных хозяйств в экономике этнолокальных сообществ. С одной стороны это является следствием увеличения масштабов работы вахтовым методом. Ведение хозяйства требует постоянных усилий и присутствия, а также тяжелого физического труда, поэтому появление занятости связанной с вахтой и отходничеством в город автоматически означает либо полный отказ от ведения подсобного хозяйства, либо значительное сокращение его объемов. Еще одной связанной тенденцией является усиление специализации в рамках сектора личных подсобных хозяйств и выделение его в основную сферу экономической деятельности для тех домохозяйств которые не практикуют отходничество.

В целом развитие сектора личных подсобных хозяйств сегодня оказывается крайне зависимым от государственной аграрной политики. В качестве примеров государственных решений, серьезно повлиявших на объемы личных подсобных хозяйств, можно отметить «закон о трех коровах», закон об обязательной сертификации сельскохозяйственной продукции. Подобные меры, несмотря на все свою полезность могут затормозить развитие класса крепких собственников занимающихся производством продукции в секторе ЛПХ.

Природопользовательские практики представлены в основном собирательством. Собирают грибы и различные дикоросы. Такие практики имеют ярко выраженный сезонный характер и при возможности происходят путем объединения усилий нескольких семей. Доход от них может быть очень различным.

Уменьшение доли традиционных практик на первый взгляд кажется вполне логичным в современных условиях, поскольку является менее экономически эффективным по сравнению с современными практиками, однако имеет свои пределы и не исчезает полностью. Связано это прежде всего с тем, что структура экономических практик находится в процессе трансформации, поскольку население этнолокальных поселков, также как и все сельское население, вынуждено приспосабливаться к постоянно меняющимся экономическим условиям. В условиях перманентного социально-экономического кризиса именно традиционные практики оказываются осно-

вой выживания этнолокальных сообществ татар (развалились колхозы, задерживают зарплату – татары начинают заниматься сбором грибов, ягод, дикоросов; дорого покупать комбикорм для кур – держат сезонно гусей и т. д.).

Таким образом тенденции трансформации системы жизнеобеспечения этнолокальных сообществ оказываются крайне противоречивы. По сути дела мы наблюдаем как сообщества в своей экономической деятельности адаптируются буквально раз в несколько лет вслед за изменением общей социально-экономической ситуации в стране и вслед за конкретными законами, регламентирующими деятельность в определенных сферах.

При этом основные элементы системы жизнеобеспечения, то есть основные блоки хозяйственной экономической деятельности сохраняются. Возникает вопрос, каковы пределы изменчивости системы? В каких случаях будут исчезать старые элементы и появляться новые? С точки зрения динамики социальных и физических систем, сохранение многообразия экономических практик (диверсификация экономической деятельности) на данном этапе (то есть в ситуации резко меняющихся внешних условий) является выгодным для сохранения устойчивости системы (системы жизнеобеспечения этнолокального сообщества нашем случае). Сохранение всех практик является выгодным для сообщества, поскольку они не только конкурентны по отношению друг к другу, но и компенсаторны, то есть в случае изменения условий и сворачивания одной экономической практики ее место произойдет увеличение другой.

Сведения об авторе / Information about the author

Зазулина Мария Рудольфовна – к.филос.н., старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, Николаева 8, e-mail: zamashka@yandex.ru

Zazulina Mariia – Candidate of Science (Philosophy), Senior researcher of Institute of Philosophy and law SB RAS, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, e-mail: zamashka@yandex.ru

УДК 316.347

doi:10.47850/S.2020.1.70

КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА НОВОСИБИРСКА

С. А. Мадюкова

Институт философии и права СО РАН
sveiv7@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3295-1778

В статье представлены основные тренды этнической динамики города Новосибирска со времен его основания. Даны также некоторые исторические предпосылки формирования крупных этнических диаспор на территории современной Новосибирской области. Показано влияние знаковых исторических событий в стране и мире на формирование межэтнического сообщества города. Особое внимание уделяется векторам этнической динамики в их смысловой связке с историческими событиями.

Ключевые слова: межэтническое сообщество, Новосибирск, Сибирь, миграция, межэтнические взаимодействия, идентичность.

KEY STAGES OF FORMATION INTERETHNIC COMMUNITY OF NOVOSIBIRSK

S. A. Madyukova

Institute of Philosophy and Law SB RAS

sveiv7@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3295-1778

The article presents the main trends in the ethnic dynamics of the city of Novosibirsk since its foundation. Some historical prerequisites for the formation of large ethnic diasporas on the territory of the modern Novosibirsk region are also given. The influence of significant historical events in the country and the world on the formation of the interethnic community of the city is shown. Special attention is paid to the vectors of ethnic dynamics in their semantic connection with historical events.

Keywords: interethnic community, Novosibirsk, Siberia, migration, interethnic interactions, identity.

Становление межэтнического сообщества современного Новосибирска началось около 15 тысяч лет назад (именно этим периодом датируются обнаруженные на территории современной НСО древние стоянки [Краткая справка...]). Однако ключевым моментом считается присоединение Сибири к России в 1581 ., когда Ермак завладел поселением Искер. С этого момента русское население и представители народов Европейской России стали заселять Сибирь, что сыграло значимую роль в развитии коренных народов. К концу XVII в. количество русского населения Сибири превысило коренное [История Сибири, 1968. С. 56]. Первое русское поселение на территории НСО (деревня Изылинская Тогучинского района) возникло в 1691 г. Около 1710 г. основана деревня Кривошеково, первое русское поселение в границах будущего Новосибирска [Краткая справка...]. На современный этнический портрет региона наложила свой отпечаток политическая ссылка XVIII и XIX вв., став основой польской, литовской и украинской диаспор Сибири, а также отмена крепостного права, результатом которой, наряду с прочими, стали украинская и белорусская миграции [Новосибирск многонациональный, 2002. С. 27; Очерки истории белорусов..., 2002. С. 63]. К началу XX в. на территории современной НСО проживали русские, украинцы, татары, киргизы (казахи), мордва, поляки, евреи, белорусы [Там же. С. 75–76].

История же становления, собственно, межэтнического сообщества Новосибирска начинается после его основания в 1893 г. и получения статуса города в 1903 г. Широко известен факт, что Новосибирск вошел в Книгу рекордов Гиннеса, как самый быстрорастущий город-миллионник. В 1897 в Ново-Николаевске проживало 8 тыс. чел. К середине XX в. эта цифра выросла более чем в сто раз (885 тыс. чел. в 1959 г.). К текущему 2020 г. она еще удвоилась (свыше 1 625 тыс. чел. на 1 января 2020 г.). При этом на протяжении всей истории города миграционный прирост населения составлял около 70 % [Кисельников, 2005. С. 38] (около 90% в период с 1926 по 1959 гг. [Переведенцев, 1965. С. 14]). На протяжении всего XX в. в общей численности населения города и области преобладала доля русских [Антропов, 2008а. С. 93].

Ключевые этапы формирования межэтнического сообщества Новосибирска определяются значимыми историческими событиями, происходившими в

России и в мире на протяжении XX в. Так, уже на первом этапе становления города значительное влияние на облик, в том числе на его этнический портрет, оказало строительство Транссибирской железной дороги [Дмитриева], сделавшее молодой город точкой притяжения переселенцев. Это были, в первую очередь, народы Поволжья, мордовцы, марийцы и чуваша [История национальных кварталов]. Исследователи также отмечают, что уже на рубеже веков в городе начали формироваться места компактного проживания, в первую очередь речь идет о татарском населении [Там же].

Столыпинская аграрная реформа 1906 г. привела к миграции крестьянского населения из европейской части страны в Сибирь. В 1897 г. русские составляли почти 90 % городского населения Сибирского края (около 5 % от их числа реально были украинцами и белорусами). Второе место по численности городского населения Сибири составляли евреи, затем поляки и татары [Очерки истории. С. 112–113]. Помимо этого, результатом переселенческой политики, а также депортаций после 1914 г. стало увеличение числа немецкого населения города [Новосибирск многонациональный, 2002. С. 13–14]. В годы революции и гражданской войны активную позицию по вопросам национальной политики занимали этнические группы армян, украинцев, грузин, латышей, поляков, литовцев, эстонцев, немцев, евреев, белорусов, китайцев [Там же]. Потоки беженцев и спецпереселенцев, активизировавшиеся в 1920-х гг., продолжали формировать этнодемографический облик города и Сибири в целом. В регионе появляются этнические анклавы мордвы, чувашей, немцев и казахов. Число последних к 1939 г. увеличилось по сравнению с 1926 г. на 116 %, в результате казахи заняли седьмое место в национальном составе края [Антропов, 2008b. С. 84.]. Кроме того, индустриализация 1920-х гг. привела к массовой миграции сельского населения в города. К 1926 г. основными этническими группами Сибири были русские, украинцы, белорусы, мордва, татары, немцы, чуваша, поляки, латыши и евреи. Среди взрослого населения неместные уроженцы составляли большинство [Переведенцев, 1965. С. 6–7].

В 1930-е гг. влияние на этнический облик города и всей Сибири оказали индустриализация, промышленное освоение территорий, а также коллективизация и репрессии. Кроме того, с начала 1930-х гг. в Новосибирск прибывают мусульмане из Средней Азии, что приводит также к формированию нетипичного для европейской части страны конфессионального облика города. Первая в городе мечеть находилась в начале современной улицы Фрунзе, там селились преимущественно татары. На месте ЦУМа стоял католический костел – в районе Вокзальной магистрали селились поляки – несколько тысяч потомков ссыльных из сибирских губерний (после гражданской войны был массовый исход поляков на родину) [История национальных кварталов].

В середине XX в., в результате массовой эвакуации населения в Сибирь, а также военных потерь сибиряков во время Великой отечественной войны, на многие годы вперед были определены тенденции региональной этносоциальной динамики. Согласно данным переписи населения 1959 г., на третью по-

зицию вышли немцы [Белковец, 2003. С. 48–50]. Это было определено крупными волнами депортации, результатом которых стало повышение численности высланных немцев в регионе (в 1942 г. она составляла свыше 397 тыс. чел. [Там же]). Большая часть «русских немцев» в Новосибирске проживала на территории около нынешнего Северного объезда. Во время войны здесь же селили пленных немцев. Четвертое и пятое места в переписи заняли татары и белорусы. Кроме того, в Сибирь было выслано большое количество латышей и эстонцев [Лоткин, 1996. С. 44–45]. Специфика послевоенных миграционных потоков заключается в расширении иммиграционной географии - в 1950-е гг. добавились миграции в Сибирь с Дальнего Востока и Северо-запада России [Антропов, 2008. С. 85].

Начало второй половины XX века ознаменовало собой эмиграционные потоки на Украину, а также в Среднюю Азию и Казахстан, что привело к значительному снижению численности украинцев, немцев, мордвы и др. в переписи 1979 г. наряду с ростом численности русских, татар, белорусов и чувашей [Там же. С. 86]. Кроме того, исследователи отмечают в 50–80-е гг. значительный прирост численности узбеков, азербайджанцев и армян, их в регионе было немного, они не входили в первую десятку народов по переписи, но демонстрировали интенсивную динамику численности [Этнические группы, 2003. С. 39].

В эпоху перестройки и распада СССР миграционные потоки обрели международный статус. В этот период Новосибирская область приняла выходцев из Таджикистана, Приднестровья, республик Прибалтики. Эмиграция в этот период обретает западный вектор, что привело к сокращению численности немцев и евреев [Антропов и др., 2008. С. 289]. В межпереписной период 1989–2010 гг. общая численность населения СФО уменьшилась на 5 %, в том числе уменьшилось количество русских, украинцев, мордвы и чувашей и др. При этом между переписями 2002 и 2010 гг. выросло количество узбеков и киргизов в 2,6 раза; таджиков в 1,9 раза; китайцев в 1,8 раза [Соболева и др., 2013. С. 205]. Таким образом, компенсация демографических потерь в последние годы осуществляется преимущественно за счет мигрантов из стран СНГ и русскоязычного населения республик Центральной Азии. Прирост демонстрируют также представители сибирских этносов - алтайцы, тувинцы, буряты. Согласно переписи 2010 г., в Новосибирске проживают представители 129 национальностей, из них более 86% составляют русские. В первую пятерку вошли также немцы, украинцы, узбеки и татары.

Таким образом, в Новосибирске со времен его основания сформировалась, с одной стороны, сложная, мозаичная этнокультурная среда, с другой стороны, атмосфера в городе благоприятна для большинства этнических групп, проживающих на его территории. Важно подчеркнуть, что на территории Новосибирска ни разу за всю его историю не было действительно крупных, массовых межэтнических конфликтов.

Список литературы / References

- Антропов Е. В., Октябрьская И. В., Смирнова Н. Е.** Этносоциальные аспекты формирования человеческого потенциала Сибири. Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2008. Т. 14. С. 288–292.
- Antropov E. V., Oktyabrskaya I. V., Smirnova N. E.** Ethnosocial aspects of the formation of the human potential of Siberia. Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. 2008. Vol. 14. P. 288–292. (In Russ.)
- Антропов Е. В.** Новосибирская область и город Новосибирск: основные тенденции трансформации этнодемографической структуры XX–XXI вв. Гуманитарные науки в Сибири. 2008а. № 3. С. 92–96.
- Antropov E. V.** Novosibirsk region and the city of Novosibirsk: the main trends in the transformation of the ethno-demographic structure of the XX–XXI centuries. Humanities in Siberia. 2008a. No. 3. P. 92–96.
- Антропов Е. В.** Национальный состав Сибирского федерального округа: динамика этнодемографических процессов. Этнография Алтая и сопредельных территорий. Материалы международной научной конференции / Под ред. Щегловой Т. К., Октябрьской И. В. Барнаул. Гос. педагог. ун-т. 2008б. Вып. 7. С. 84–88.
- Antropov E. V.** Ethnic composition of the Siberian Federal District: dynamics of ethno-demographic processes. Ethnography of Altai and adjacent territories. Materials of the international scientific conference. Ed. by T. K. Scheglova, I. V. Oktyabrskaya, Barnaul. State ped. un-t. 2008b. Issue 7. P. 84–88.
- Бадмаев А. А., Болонев Ф. Ф., Гоппе Н. В., Давыдова К. Д., Майничева А. Ю., Октябрьская И. В., Фурсова Е. Ф., Харламов А. В.** Новосибирск многонациональный / Народы и религии. Новосибирск: АртИнфоДата. 2002. 104 с.
- Badmaev A. A., Bolonev F. F., Goppe N. V., Davydova K. D., Mainicheva A. Yu., Oktyabrskaya I. V., Fursova E. F., Kharlamov A. V.** Multinational Novosibirsk / Peoples and religions. Novosibirsk: ArtInfoData. 2002. 104 p.
- Бадмаев А. А., Бурнаков В. А., Майничева А. Ю., Маншеев Д. М.** Этнические группы сибирского мегаполиса: взаимодействие культур, особенности поликультурного и национального образования. Новосибирск: АртИнфоДата. 2003. 176 с.
- Badmaev A. A., Burnakov V. A., Mainicheva A. Yu., Mansheev D. M.** Ethnic groups of the Siberian metropolis: interaction of cultures, features of multicultural and national education. Novosibirsk: ArtInfoData. 2003. 176 p.
- Белковец Л. П.** Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2003. 324 с.
- Belkovets L. P.** The administrative and legal status of the Russian Germans in the special settlement 1941–1945. Novosibirsk: Publ. house of the SB RAS. 2003. 324 p.
- Дмитриева Н.** (2018). Все мы переселенцы... или их потомки. Наука в Сибири. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sbras.info/articles/simply/vse-my-pereselentsy-ili-ikh-potomki> (дата обращения: 22.10.2020).
- Dmitrieva N.** (2018). We are all immigrants ... or their descendants. Science in Siberia. URL: <http://www.sbras.info/articles/simply/vse-my-pereselentsy-ili-ikh-potomki> (date of access: 10/22/2020).
- История национальных кварталов Ново-Николаевска.** Новосибирские новости [Электронный ресурс]. URL: <http://nsknews.info/materials/istoriya-natsionalnykh-kvartalov-novo-nikolaevska-140826/> (дата обращения 10.10.2020).
- History of the national quarters of Novo-Nikolaevsk.** Novosibirsk news. URL: <http://nsknews.info/materials/istoriya-natsionalnykh-kvartalov-novo-nikolaevska-140826/> (date of access 10.10.2020).
- История Сибири с древнейших времён до наших дней.** Л.: Наука. 1968. Т. 2. 540 с.
- History of Siberia from ancient times to the present day.** L.: Science. 1968. Vol. 2. 540 p.
- Кисельников А. А.** Население Новосибирской области: информ. издание / отв ред. А. А. Кисельников; Новосибирскстат, Адм. Новосиб. обл. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2005. Т. 1. 543 с.
- Kiselnikov A. A.** Population of the Novosibirsk region: inform. edition / ed. A. A. Kiselnikov; Novosibirskstat, Adm. Novosib. region Novosibirsk: Publishing house of the SB RAS. 2005. Vol. 1. 543 p.
- Костюк М. П., Ламин В. А.** Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск: Наука-Центр. 2002. 239 с.

Kostyuk M. P., Lamin V. A. Essays on the history of Belarusians in Siberia in the 19th – 20th centuries. Novosibirsk: Science Center. 2002. 239 p.

Краткая справка по истории Новосибирской области (с древнейших времен до нашего времени). (2016). Официальный сайт Правительства Новосибирской области. [Электронный ресурс]. URL:

https://www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/files/page_2276/history2016.pdf (дата обращения 12.10.2020).

Brief information on the history of the Novosibirsk region (from ancient times to our time). (2016). Official site of the Government of the Novosibirsk region. URL: https://www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/files/page_2276/history2016.pdf (access date 10/12/2020).

Лоткин И. В. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. М., 1996. 254 с.

Lotkin I. V. Contemporary Ethnic Processes among Latvians and Estonians in Western Siberia. M., 1996. 254 p.

Переведенцев В. И. Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск: Зап.-сиб. кн. изд-во. 1965. 96 с.

Perevedentsev V. I. Modern migration of the population of Western Siberia. Novosibirsk: West-Sib. book publ. house. 1965. 96 p.

Соболева С. В., Октябрьская И. В., Антропов Е. В. Человеческий потенциал городов Сибирского федерального округа: оценка этнических рисков в контексте развития миграции. Регион: Экономика и Социология. 2013. № 4 (80). С. 198–220.

Soboleva S. V., Oktyabrskaya I. V., Antropov E. V. Human potential of cities in the Siberian Federal District: assessment of ethnic risks in the context of migration development. Region: Economics and Sociology. 2013. No. 4 (80). P. 198–220.

Сведения об авторе / Information about the author

Мадюкова Светлана Александровна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, Николаева 8, e-mail: sveiv7@mail.ru

Madyukova Svetlana – Ph.D, senior researcher of Institute of Philosophy and law SB RAS, 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolaev str. 8, e-mail: sveiv7@mail.ru

УДК 323.1

doi:10.47850/S.2020.1.71

ОЦЕНКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ) (ЭТНИЧЕСКИЙ СРЕЗ): ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

Е. Г. Маклашова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
maklashova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5080-6473

Тезисно представлены результаты социологических исследований межнациональной ситуации в Республике Саха (Якутия) за 1996 г., 2005/2006 г., 2013/2014 г. и 2020 г. Кратко представлен анализ динамики межнациональных отношений и его результаты. Заключается о дифференцированном влиянии одних и тех же факторов на восприятие ближнего и отдаленного пространства межэтнической коммуникации.

Ключевые слова: межнациональные отношения, Якутия, этносоциальные процессы, русские, якуты.

ASSESSMENT OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) (ETHNIC SLICE): DYNAMICS OF CHANGE

E. G. Maklashova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS

maklashova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5080-6473

The results of sociological studies of the interethnic situation in the Republic of Sakha (Yakutia) for 1996, 2005/2006, 2013/2014 and 2020 years are presented there. The analysis of the dynamics of interethnic relations and its results are briefly presented. There is conclusion about the differentiated influences of the same factors on the perception of the near and distant space of interethnic communication.

Key words: Interethnic relations, Yakutia, ethnosocial processes, russians, yakuts.

1. Оценка межнациональных отношений выступает одним из комплексных индикаторов мониторингового исследования этносоциальных процессов в регионе. Комплексность обусловлена спецификой рефлексии индивида на происходящие в окружающей среде, особенно сложносоставной, перемены. Результаты исследований под руководством Л. М. Дробижевой, М. Ф. Черныша фиксируют корреляцию между характером межэтнических отношений и образованием, уровнем удовлетворенности, доверия, аутгруппового принятия [ИНАБ № 4-2012; ИНАБ № 2-2015; ИНАБ № 2-2016]. Оценка межнациональных отношений обусловлена и аккультурационными стратегиями индивидов, в частности от уровня их гражданской и этнической ориентации [Абрамова, 2009]. Оценка состояния межнациональной ситуации – не просто показатель по выявлению межэтнической напряжённости, но весьма значим при осуществлении социокультурного моделирования межэтнического пространства [Попков, 2019].

2. В Республике Саха (Якутия) мониторинг межнациональной ситуации ведется с начала 90-х годов под эгидой разных научных и специализированных институтов, прежде всего, гг. Москва, Якутск и Новосибирск [Арутюнова, 2009; Спиридонова, 1999; Этносоциальное развитие, 2000; Васильева, 2018; Маклашова, 2018]. При этом результаты их исследований являются взаимодополняющими, что связано с использованием сопоставимых методологий исследований.

3. На основе многолетних исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск) динамики межнациональной оценки, в частности в отношении двух пространственных уровней: повседневное общение / трудовой коллектив и в целом по Якутии, по итогам 1996 г., 2005/2006 г., 2013/2014 г. и 2020 г. установлено: в период ренессанса этничности и суверенитета респонденты (как русские, так и якуты) склонны в больше степени были оценивать межнациональные отношения с позиции «стабильные», слабо воспринимать ситуацию в Якутии с позиции «благоприятная»; наблюдается снижение показателя неблагоприятных оценок, но со стороны представителей русской группы населения неблагоприятных оценок.

гоприятные оценки выставляются чаще; фиксируется перманентный рост благоприятной оценки ближнего коммуникационного пространства (ситуация в трудовом коллективе); фиксируется постоянный уровень показателя критической оценки в пространстве трудового коллектива.

4. Сохраняется корреляция между уровнем коммуникационного пространства (близость /удалённость контакта) и уровнем оценки: чем ближе оцениваемое пространство, тем выше оценка. На основе понимания установленных отечественными учеными связей между характером восприятия межнациональных отношений и иных социально-психологических показателей можно отметить, что в Якутии наблюдается рост социального самочувствия двух доминирующих групп, в особенности русского населения как находящегося в иносреде. Сегодня наиболее чувствительны в сфере межнациональных отношений русское население, тогда как в середине 90-х это было характерно для якутов. Можно предварительно заключить о дифференцированном влиянии одних и тех же факторов на восприятие ближнего и отдаленного пространства межэтнической коммуникации: на оценку ситуации в пространстве региона высокое влияние имеют не субъективный опыт, а объективные факторы продуцируемые, прежде всего, органами муниципальной и государственной власти, СМИ.

Список литературы/ References

- Абрамова М. А., Гончарова Г. С.** Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии // *Социологические исследования*. 2009. № 3 (299). С. 108–114.
- Abramova M. A., Goncharova G. S.** Acculturation strategies of student youth in Yakutia // *Sociological Studies*. 2009. № 3 (299). P. 108–114. (In Russ.)
- Арутюнова Е. М.** Государственно-гражданская и этническая идентичности русской молодежи в Республике Саха (Якутия): динамика представлений // *Социологическая наука и социальная практика*. 2009. Т. 7. № 4 (28). С. 108–118.
- Arutyunova E. M.** State-civil and ethnic identity of Russian youth in the Republic of Sakha (Yakutia): the dynamics of ideas // *Sociological Science and Social Practice*. 2009. Vol. 7. № 4 (28). P. 108–118. (In Russ.)
- Васильева О. В., Маклашова Е. Г.** Молодежь Арктики: идентичности и жизненные стратегии. Якутск, 2018.
- Vasilyeva O. V., Maklashova E. G.** Youth of the Arctic: Identities and Life Strategies. Yakutsk, 2018. (In Russ.)
- ИНАБ № 4–2012.** *Идентичность и консолидационный ресурс жителей республики Саха (Якутия)* [Электронный ресурс]. М.: Институт социологии РАН, 2012. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_04.html (дата обращения: 10.10.2020)
- INAB № 4–2012.** *Identity and consolidation resource of residents of the Republic of Sakha (Yakutia)* [Electronic resource]. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2012. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_04.html (Accessed: 10 October 2020). (In Russ.)
- ИНАБ № 2–2015.** *Межнациональное согласие в региональном контексте* [Электронный ресурс] сб. науч. ст. / Рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробизева. М.: Институт социологии РАН, 2015. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4181> (дата обращения 10.10.2020). doi 10.19181/inab.2017.3.
- INAB № 2–2015.** *Interethnic consent in a regional context* [Electronic resource] / Lead. project and отв. editor L. M. Drobizheva. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2015. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4181> (date of access 10.10.2020). doi 10.19181 / inab.2017.3. (Accessed: 10 October 2020). (In Russ.)
- ИНАБ № 2–2016.** *Социокультурные и социоструктурные факторы межэтнической напряжённости в регионах Российской Федерации: результаты исследования* [Электронное издание] / [М. Ф. Черныш и др.]; Отв. редактор М. Ф. Черныш. М.: Институт социологии РАН, 2016. doi: 10.19181/inab.2016.2.

INAB № 2–2016. *Socio-cultural and socio-structural factors of interethnic tension in the regions of the Russian Federation: research results* [Electronic edition] / [M. F. Chernysh and others]; Resp. editor M. F. Chernysh. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2016. doi: 10.19181 / inab.2016.2. (In Russ.)

Маклашова Е. Г. Государственная национальная политика России: практика реализации в Дальневосточном федеральном округе. Якутск, 2018.

Maklashova E. G. State national policy of Russia: implementation practice in the Far Eastern Federal District. Yakutsk, 2018. (In Russ.)

Попков Ю. В. (2019) Модель социокультурного мониторинга городского межэтнического сообщества в реализации национальной политики на муниципальном уровне // *Знание. Понимание. Умение*. № 2. С. 114–124. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39138760_37226540.pdf (дата обращения 10.10.2020).

Popkov Yu. V. (2019) Model of socio-cultural monitoring of the urban interethnic community in the implementation of national policy at the municipal level // *Knowledge. Understanding. Skill*. № 2. P. 114–124. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39138760_37226540.pdf (Accessed: 10 October 2020). (In Russ.)

Спиридонова И. Е. Этнокультурное взаимодействие и межнациональные отношения в Якутии: Опыт историко-социологического исследования. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН. 1999.

Spiridonova I. E. Ethno-cultural interaction and interethnic relations in Yakutia: the experience of historical and sociological research. Novosibirsk: Science. Siberian Publ. Company RAS. 1999.

Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы. Новосибирск, 2000.

Ethno-social development of the Republic of Sakha (Yakutia): potential, trends, prospects. Novosibirsk, 2000.

Сведения об авторе / Information about the author

Маклашова Елена Гавриловна – доктор социологических наук, заместитель директора Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, 677007, Якутск, ул. Петровского 1, e-mail: maklashova@mail.ru

Maklashova Elena G. – PhD in Sociology, D.Sc., deputy director of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Petrovskogo Str. 1, Yakutsk, 677007, Russia, e-mail: maklashova@mail.ru

УДК 316.022.4
doi:10.47850/S.2020.1.72

ЯЗЫКОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ, УСТАНОВКИ И ПОВЕДЕНИЕ ТАТАР В ТАТАРСТАНЕ И РЕГИОНАХ СИБИРИ

Л. Р. Низамова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

lnizamov@kpfu.ru

ORCHID ID: 0000-0002-5439-0636

На материалах государственных статистических обследований о родном языке, владении русским и татарским языками и их использовании в повседневной жизни татарами в регионах Сибири и Татарстане оцениваются тенденции языкового развития в современной России. Эффекты языкового сдвига, выражающиеся в нарастающей ассимиляции и нисходящей тенденции владения и применения языков народов России, подтверждены результатами социологического опроса 2018 г. в Республике Татарстан.

Ключевые слова: русский язык, татарский язык, татары, регионы Сибири, Татарстан, языковое многообразие, ассимиляция.

LANGUAGE COMPETENCE, ATTITUDES AND BEHAVIOR OF TATARS IN TATARSTAN AND THE REGIONS OF SIBERIA

L. R. Nizamova

Kazan (Volga Region) Federal University
lnizamov@kpfu.ru

ORCHID ID: 0000-0002-5439-0636

The article uses the state statistical surveys on the native language, Russian and Tatar language proficiency and their use in everyday life by Tatars in the regions of Siberia and Tatarstan to assess the trends of language development in present-day Russia. Results of a survey in 2018 in the Republic of Tatarstan confirm the effects of language shift, reflected in the increasing assimilation and downward trends in the language proficiency and the use of the languages of the peoples of Russia.

Keywords: Russian language, Tatar language, Tatars, regions of Siberia, Tatarstan, language diversity, assimilation.

В соответствии со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации, ее приоритетами являются укрепление гражданского единства, сохранение русского языка как государственного языка и языка межнационального общения, и вместе с тем обеспечение поддержки этнокультурного и языкового многообразия страны. Статистические и социологические данные позволяют оценить реализацию этих стратегических целей и их соотношение на основе показателей владения языками и сведений о родном языке (-ах). Наряду с требующими обновления данными Всероссийской переписи населения 2010 г., полезную эмпирическую информацию содержат материалы выборочного обследования Микропереписи населения 2015 г.¹, в которой перечень традиционных индикаторов языкового поведения был дополнен информацией о языках, используемых в повседневной жизни.

Территорией с наибольшей численностью татарского населения является Волго-Уральский макрорегион, однако среди субъектов РФ в Сибирском федеральном округе татары входят в числе наиболее многочисленных национальностей в Омской, Кемеровской, Новосибирской областях и Красноярском крае и насчитывают от 41 тысячи до 24 тысяч человек [Всероссийская перепись..., 2010]. Показатели владения русским языком среди татар Сибири, как в городе, так и на селе, являются очень высокими и составляют 99–100 %. Существенная доля татар считает родным русский язык: от 34 % татар в Омской области до 60 % в Кемеровской области. Соответственно, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., удельный вес татар, назвавших родным язык своей национальности, варьирует: составляет почти 65 % в Ом-

---

¹ Следует отметить, как всякое выборочное обследование Микроперепись-2015 имеет ошибку выборки. В отношении малочисленных национальностей в региональном ракурсе она может превышать допустимую. В Кемеровской области численность татар в выборке составила – 313 чел., Омской области – 376 чел., Новосибирской области – 386 чел., Красноярском крае – 405 чел. Не представляется возможным отследить динамику языковых установок и компетенций во времени на материалах государственной статистики вне данных ожидаемой Всероссийской переписи населения 2021 года.

ской области, а в Кемеровской области и Красноярском крае, соответственно, 40 % и 50 % [Всероссийская перепись..., 2010].

Многие татары в четырех вышеуказанных регионах Сибири двуязычны, т. е. используют два языка в повседневной жизни, вместе с этим это более распространенное явление в Новосибирской области (409 чел. в расчете на 1000 чел.) и менее выраженное в Красноярском крае (158 чел. на 1 тыс.) [Микроперепись–2015, 2015]. О характерной тенденции свидетельствуют следующие данные: символическая ценность татарского языка как родного превосходит показатели самооценки владения им, в свою очередь активность применения родного языка в повседневной жизни зримо уступает показателям владения языком. Например, в Новосибирской области, где эти индикаторы самые высокие среди четырех вышеуказанных регионов, считают своим родным языком татарский язык 736 чел. (в расчете на 1000 чел.), но владеющих им оказывается несколько меньше – 718, однако доля татар, использующих его в повседневной жизни, – не превышает 430 человек [Микроперепись–2015, 2015], т. к. русский язык применяется чаще.

В национальной республике – Татарстане – индикаторы приверженности татарскому языку как родному, владения им и использования в повседневной жизни заметно выше: соответственно, 963, 959 и 896 в расчете на 1000 чел. Более 88 % татар являются билингвами, т. е. владеют двумя языками: русским и татарским. Показатели владения русским языком среди татар составляют 96 %, а абсолютная численность владеющих им татар выше, чем владеющих родным языком [Микроперепись–2015, 2015]. Репрезентативный социологический опрос 2018 г. с выборкой 2000 респондентов по Республике Татарстан, проведенный социологами Казанского федерального университета, показал, что русский язык является преобладающим в публичной сфере (государственных учреждениях, системе среднего и высшего образования, учреждениях торговли, общении на работе и в пользовании СМК, особенно интернетом, и др.). Нередко он используется наряду с татарским языком: например, 42 % татар сообщили, что в магазинах им отвечают преимущественно на русском языке, еще 38 % получают ответ как на татарском, так и на русском языке в равной степени, еще 19 % – преимущественно на татарском языке. Примечательно, что русский язык укоренен и в частной жизни татар: хотя около половины татар (49 %) общаются дома с семьей на татарском языке, еще 30 % – на татарском и русском в равной степени, 21 % – преимущественно на русском языке [Низамова, 2019].

Как правило, эксперты считают положение татарского языка более благоприятным, чем у многих десятков других народов России. Тем не менее, полученные на примере татар регионов Сибири и Татарстана данные свидетельствуют о выраженной асимметрии в практиках владения и использования русского языка и языков статистических меньшинств, нисходящей тенденции воспроизводства языков народов России, проблемах с их изучением и нарушении поколенческой трансмиссии. Национальные школы с полным циклом

обучения на родном (нерусском) языке в стране практически отсутствуют (часто имеют статус учреждений с этнокультурным компонентом, получение образования на родном (нерусском) языке ограничено уровнем основного общего образования (9 классов)); сокращается численность учеников нерусского происхождения, изучающих свой родной язык; существуют проблемы с включением учебников на языках народов России в федеральный перечень; отсутствуют целевые федеральные программы по сохранению языков народов Российской Федерации. Нарастающая ассимиляция и дисбаланс воспроизводства языков не способствует сохранению этнокультурного и языкового многообразия страны и укреплению межэтнического согласия как стратегических целей и требуют принятия системных мер для обеспечения ревитализации местных языков. Принятые и введенные в Конституцию России поправки, гарантирующие сохранение родных языков, нуждаются в разработке механизмов их реализации.

Список литературы / References

- Всероссийская перепись населения 2010 года*. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 12.11.2020).
- All-Russian population census of 2010*. Vol. 4. National composition and language skills, citizenship. [Online]. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Accessed: 12 November 2020).
- Микроперепись населения – 2015*. Разд. X. Национальная принадлежность и владение языками. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения 12.11.2020).
- Microcensus of the population in 2015*. Section X. Nationality and language proficiency. [Online]. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (Accessed: 12 November 2020).
- Низамова Л. Р.** Языковые практики татар в Республике Татарстан: трансмиссия родного языка в частной сфере. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И.Лобачевского. 2019. № 3(55). С. 122–128.
- Nizamova L. R.** Tatar language practices in the Republic of Tatarstan: transmission of the native language in the private sphere. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. Nizhni Novgorod: Lobachevsky State Uni. of Nizhni Novgorod Press. 2019. No 3(55). P. 122–128.

Сведения об авторе / Information about the author

Низамова Лилия Равильевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Кремлевская 18, e-mail: lnizamov@kpfu.ru

Nizamova Liliya – Ph.D., associate professor, lecturer at the Department of General and Ethnic Sociology of the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of Kazan (Volga Region) Federal University, 420008, Russian Federation, Kazan, Kremlyovskaya str. 18, e-mail: lnizamov@kpfu.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЕЛЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

О. А. Персидская

Институт философии и права СО РАН
olga_alekseevna@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6821-4692

O. A. Persidskaya

Institute of Philosophy and Law SB RAS
olga_alekseevna@mail.ru

Рассмотрены различные понятия, которыми наиболее часто оперируют в научной литературе при описании конфликтов, возникающих между представителями разных этнических групп. Выявлены концептуальные пробелы интерпретации данных понятий: категориальная синонимичность, теоретико-методологическая редукция, эпистемологическая обособленность и идеологическая нагруженность. Для решения гносеологического затруднения предлагается отказаться от единого понятия, а сосредоточиться на анализе социального конфликта, выявляя его разноплановые этнические составляющие.

Ключевые слова: социальный конфликт, межнациональный конфликт, этнополитический конфликт, этнический конфликт, межэтнический конфликт.

Various terms that are most often used in scientific literature when describing conflicts between representatives of different ethnic groups are considered. The conceptual gaps in the interpretation of these terms are revealed: categorical synonymy, theoretical and methodological reduction, epistemological isolation and ideological burden. To solve this epistemological difficulty, it is proposed to abandon a single term, but to focus on the analysis of social conflict, revealing its diverse ethnic component.

Keywords: social conflict, interethnic conflict, ethnopolitical conflict, ethnic conflict, interethnic conflict.

Строгость и точность понятийного аппарата имеет решающее значение для прогресса научного знания, поэтому не вызывает сомнений, что его ревизия является актуальной задачей. Мы хотим обратиться к критике понятий, с помощью которых исследователи определяют конфликты между представителями разных этнических групп. Такой конфликт называют по-разному: «межнациональный», «этнополитический», «этнический», «межэтнический», однако в интерпретации этих понятий существуют некоторые концептуальные пробелы, не позволяющие ни одному из них в полной мере отвечать критериям адекватности и непротиворечивости в гносеологическом аспекте, что может оказывать негативное воздействие на прогресс знания в данном исследовательском поле.

Отметим сразу, что понятие «межнациональный конфликт» [см., например, Гусейнов, 2014; Старостина, 2015; Сахиев, 2008; Боктаева, 2009] на наш взгляд не удовлетворительно, так как наследует распространенную категориальную синонимичность, свойственную понятиям «этнос» и «нация». Данное понятие скорее применимо для описания конфликтных противоречий между несколькими институализированными государственными образованиями и в этом смысле ближе понятию «межгосударственный конфликт», но не рас-

крывает сути конфликтного взаимодействия между представителями разных этнических общностей.

Гораздо более в литературе распространено понятие «*этнополитический конфликт*» [см., например, Тишков, 2003; Дробижева, 1993; Кавтарадзе, 2005], этимология которого тесно связана с политологическими исследованиями. Такой акцент на политической составляющей, бесспорно, справедлив, так как практика показывает, что государство зачастую становится значимым участником конфликта на этапах его возникновения, течения или разрешения, но, наш взгляд, использование такого понятия накладывает определенные ограничения на деятельность исследователя, имплицитно вынуждая его заострять внимание на расстановке и взаимовлиянии политических сил. Это может существенно сужать спектр анализа причин и поводов межэтнической напряженности и конфликтов и приводить к односторонней трактовке событий.

Широкое по смыслу понятие «*этнический конфликт*» [см., например, Абгаджав, Власкина, 2017; Боров, Думанов, 2013; Гулиев, 2006] кажется достаточно удачным, хотя также не лишено некоторых недостатков. Известно, что социальный конфликт чаще всего является многофакторным, поэтому, называя конфликт этническим, мы выводим этнический фактор как основной для анализа, подспудно уделяя меньше внимания другим – например, экономическому, демографическому, нормативно-ценностному – и их сочетаниям в ходе конфликтной динамики. Простой анализ публикаций, в названии которых есть слова «*этнический конфликт*», показывает, что рассмотрению именно этнического фактора и его определяющей значимости в них уделяется основное внимание.

Другое теоретико-методологическое ограничение понятия «*этнический конфликт*» нам видятся еще и в том, что выведение некоторого сложно определимого «*этнического фактора*» в качестве решающего в анализе конфликтной ситуации в крайних формах может приводить к представлениям о том, что этническая идентичность сама по себе содержит конфликтный потенциал и существующих этнических различий уже достаточно для того, чтобы разгорелся конфликт. А.Р. Аклаев дополняет, что «при такой трактовке этнический конфликт предстает уникальным, принципиально отличающимся от других видов социальных конфликтов, а потому для его изучения не имеет большого значения то научное знание, которое имеется о других видах конфликтов (социальных, политических или экономических), даже если они происходят в том же самом обществе» [Аклаев, 2005. С. 62]. Такая эпистемологическая обособленность научного знания об этническом конфликте от знаний о других видах социальных конфликтов может приводить к сложностям в процессе заимствования и адаптации наработанных в других областях подходов к анализу конфликтов между представителями разных этнических групп.

Понятие «*межэтнический конфликт*» [см., например, Голынчик, 2020; Ароян и др., 2018; Грачёв, 2018], также часто используемое в публикациях разных авторов, выглядит наиболее привычным, однако и оно не лишено некоторых спорных моментов. Прежде всего, оно достаточно жестко задает статус и роль субъектов рассматриваемого конфликта: этнические группы или, у ряда авторов, этносы. В строгом смысле, такая трактовка не позволяет включить в рассмотрение целый ряд конфликтных эпизодов с явно выраженной этнической составляющей, но другим составом субъектов, например, эпизоды силовых методов подавления сепаратизма и национализма, где кроме условной этнической группы участником конфликта выступают государственные структуры (полиция или армия). Также сложно назвать межэтническим конфликтом самосожжение в сентябре 2019 г. Альберта Разина, борца за права удмуртов, который погиб у здания Госсовета Удмуртской республики с плакатом «И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть», хотя в данном случае налицо и конфликтная составляющая произошедшего, и повод, имеющий прямое отношение к этнической проблематике.

Приведенный анализ показывает, что ни одно из конвенционально принятых определений не является в достаточной степени удовлетворительным. Концептуальные проблемы интерпретации, связанные с ними, имеют отношение к теоретико-методологической редукции и эпистемологической обособленности, сведению в анализе широкого поля факторов конфликта к одному превалирующему, а также спорны с точки зрения идеологической нагруженности и не академической риторики. В этой связи актуальной видится задача поиска такого понятийного поля, которое могло бы обойти указанные пробелы интерпретации. Мы предлагаем решение проблемы, лежащее в несколько другой плоскости: не искать удовлетворительное понятие для обозначения конфликта между представителями разных этнических групп, а сосредоточиться на анализе конфликтного эпизода, *выявляя этническую составляющую* в его поводе, причине, факторах, мотивации участников, механизмах разрешения и других составляющих структуры *социального конфликта*. С точки зрения гносеологической адекватности и непротиворечивости такая смена угла зрения позволяет глубже анализировать конкретный конфликтный эпизод, четче говорить о том, на каких этапах конфликтной динамики этническая составляющая проявилась наиболее ярко, а на каких уступила место другим значимым факторам. Кроме того, такой подход позволяет существенно расширить поле наблюдения, включив в рассмотрение самые разнообразные конфликтные эпизоды. Выявление в них этнической составляющей, сравнение параметров ее проявления в разных случаях, поиск общего и особенного на широком материале имеет значительный эвристический потенциал. Все это, на наш взгляд, дает основания для более глубокой интерпретации конфликтов между представителями разных этнических групп.

Список литературы / References

- Абгаджав Д. А., Власкина А. С.** Детерминанты этнических конфликтов постсоветского пространства на примере Ферганской долины. *Конфликтология*. 2017. № 12(4). С. 228–238.
Abgadzha D. A., Vlaskina A. S. Determinants of ethnic conflicts in the post-Soviet space on the example of the Ferghana valley. *Conflictology*. 2017. No. 12(4). P. 228–238. (In Russ.).
- Аклаев А. Р.** Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. Учеб. пособие. М.: Дело, 2005.
Aklaev A. R. Ethno-political conflictology: Analysis and management. Study guide. Moscow, 2005. (In Russ.).
- Ароян А. С., Григорян Д. К., Веренич И. Г., Соколов Н. Н.** Межэтнические конфликты и региональные политические элиты. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2018. № 4(95). С. 50–55.
Aroyan A. S., Grigoryan D. K., Verenich I. G., Sokolov N. N. Interethnic conflicts and regional political elites. *Science and education: economy and Economics; entrepreneurship; law and management*. 2018. No. 4 (95). P. 50–55. (In Russ.).
- Боктаева В. Л.** Модель профилактики межнациональных конфликтов в студенческой среде вуза. *Известия Южного федерального университета. Педагогические науки*. 2009. № 5. С. 181–186.
Bektaeva V. L. Model of prevention of interethnic conflicts among University students. *Proceedings of the southern Federal University. Pedagogical science*. 2009. No. 5. P. 181–186. (In Russ.).
- Боров А. Х., Думанов З. Б.** Теории этничности и этнических конфликтов: современные тенденции. *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2013. № 5(55). С. 164–171.
Borov A. H., Dumanov Z. B. Theories of ethnicity and ethnic conflicts: current trends. *Izvestiya Kabardino-Balkar scientific center of the Russian Academy of Sciences*. 2013. No. 5 (55). P. 164–171. (In Russ.).
- Голынчик Е. О.** Этос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения. *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2020. Т. 17. № 1. С. 29–50. doi 10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50.
Golincik E. O. Ethos of intractable interethnic conflict: research approaches and perspectives. *RUDN Bulletin. Series: Psychology and pedagogy*. 2020. Vol. 17. No. 1. P. 29–50. doi 10.22363 / 2313-1683-2020-17-1-29–50. (In Russ.).
- Грачёв А. В., Овчинникова Т. М.** Структурная модель межэтнического конфликта: проблема формализации. *Гуманитарные исследования*. 2018. № 1(18). С. 22–26.
Grachev A. V., Ovchinnikova T. M. Structural model of interethnic conflict: the problem of formalization. *Humanities research*. 2018. No. 1 (18). P. 22–26. (In Russ.).
- Гулиев М. А.** Интернационализация этнического конфликта в современном мире. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2006. № S18. С. 73–78.
Guliev M. A. Internationalization of ethnic conflict in the modern world. *News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social science*. 2006. №S18. С. 73–78. (In Russ.).
- Гусейнов А. Г., Эльдаров Э. М.** Некоторые гуманитарные подходы к изучению межнациональных конфликтов. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 6. С. 133–140.
Huseynov A. G., Eldarov E. M. Some humanitarian approaches to the study of interethnic conflicts. *Regional problems of economic transformation*. 2014. No. 6. P. 133–140. (In Russ.).
- Дробизева Л. М.** Этнополитические конфликты. причины и типология (конец 80-х – начало 90-х годов). *Россия сегодня: трудные поиски свободы*. М., 1993. С. 227–236.
Drobizheva L. M. Ethno-political conflicts. causes and typology (late 80's-early 90's). In: *Russia today: the difficult search for freedom*. Moscow, 1993. P. 227–236. (In Russ.).
- Кавтарадзе С. Д.** Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве. М., 2005.
Kavtaradze S. D. Ethnopolitical conflicts in the post-Soviet space. Moscow, 2005. (In Russ.).
- Сахиев С.** Межнациональные конфликты как угроза национальной безопасности Казахстана. *Россия и мусульманский мир*. 2008. № 10. С. 55–66.
Sakhiev S. Interethnic conflicts as a threat to the national security of Kazakhstan. *Russia and the Muslim world*. 2008. No. 10. P. 55–66. (In Russ.).

Старостина С. А. Межнациональные конфликты как угроза целостности федеративного государства (на примере армяно-азербайджанского конфликта). *Актуальные проблемы современного российского государства и права*. Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 15–24.

Starostina S. A. Interethnic conflicts as a threat to the integrity of a Federal state (on the example of the Armenian-Azerbaijani conflict). In: *Actual problems of the modern Russian state and law. Collection of materials of the all-Russian scientific and practical conference*. 2015. P. 15–24. (In Russ.).

Тишков В. А. О природе этнополитического конфликта. *Свободная мысль*. 1993. № 4. С. 5–14.

Tishkov V. A. On the nature of the ethnopolitical conflict. *Free thought*. 1993. No. 4, P. 5–14. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Ольга Алексеевна Персидская – м. н. с. Института философии и права СО РАН, Новосибирск, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru

Olga Persidskaya – Junior researcher, Institute of philosophy and law SB RAS, Novosibirsk, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru

УДК 74.58:65.050

doi:10.47850/S.2020.1.74

НУЖНЫ ЛИ НАМ ЧАСТНЫЕ ВУЗЫ?

И. И. Подойницына

Северо-восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

irena_ivan@mail.ru

ORCID 0000-0002-2664-9276

Тезисы доклада посвящены проблеме функционирования в обществе частных вузов, определению их места в образовательном процессе. Проводится параллель с работой частных учебных заведений в США, имеющих славную историю развития, берущую отсчет с XVII века. Автор тезисов опирается на анализ специальной литературы по данной проблеме, формулирует факторы успеха американских вузов и «факторы неуспеха» якутских частных вузов, а также ссылается на масштабное социологическое исследование выпускников Якутского института экономики, проведенное под ее руководством (Якутск, 469 респондентов, 2016, 2017, 2018 гг.). Автор тезисов доклада приходит к выводу, что в России история частных вузов началась с 90-х годов XX века, она достаточно драматична. В самом невыгодном положении находятся сегодня филиалы столичных частных вузов, работающие в провинции. В то же время социологи должны провести работу над ошибками, детально изучить плюсы и минусы негосударственных вузов, предложить варианты исправления ситуации.

Ключевые слова: Гарвард, Лига плюща, факторы успеха, Якутский институт экономики, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, *Social climbers*, «факторы неуспеха».

DO WE NEED PRIVATE UNIVERSITIES?

I. I. Podoynitsyna

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov

irena_ivan@mail.ru

ORCID 0000-0002-2664-9276

The theses of the report are devoted to the problem of functioning of private universities in society, determining their place in the educational process. A parallel is drawn with the work of private educational institutions in the United States, which have a glorious history of development dating back to the XVII century. The author of the theses relies on the analysis of special literature on this issue, formulates the success factors of American universities and the «failure factors» of Yakut private universities, and also refers to a large-scale sociological study of graduates of the Yakut Institute of Economics conducted under her leadership (Yakutsk, 469 respondents, 2016,

2017, 2018). The Author of the theses of the report concludes that in Russia the history of private universities began in the 90s of the twentieth century, it is quite dramatic. Branches of the capital's private universities operating in the province are at the greatest disadvantage today. At the same time, sociologists should work on mistakes, study in detail the pros and cons of non-state universities and suggest ways to correct the situation.

Keywords: Harvard, Ivy League, success factors, Yakut Institute of Economics, Saint Petersburg University of management technologies and Economics, Social climbers, «failure factors».

Для многих людей, работающих в сфере образования и науки, а также для тех, кто занят в различных успешных сферах, где обязательно требуется качественное образование – политика, банковское дело, финансы и др. – весьма престижно окончить Гарвардский университет. Уже сам факт владения дипломом Гарварда означает, что ты – lucky man, селебрити. Гарвард – старейший вуз США, основан в 1636 г. Вуз имеет самый большой эндаумент (целевой капитал) в мире, который составляет 37,1 млрд долларов. Гарвард вырастил 75 лауреатов Нобелевской премии, занимает первое место в мире по числу миллиардеров среди выпускников. Его библиотека – крупнейшая академическая в США и третья по величине в стране. Хорошо известно, что это частный вуз. Он создан филантропом Джоном Гарвардом, который завещал колледжу половину своего состояния.

В Гарвардском университете функционируют: медицинский факультет, институт юридических наук, институт бизнеса, институт богословия и др. Обучение в Гарварде для бакалавров имеет фиксированную стоимость в 49 653 долларов (примерно 3 млн 900 тысяч рублей, по сегодняшнему курсу). Но это не предел, стоимость обучения на некоторых факультетах в два раза выше. Гарвард входит в число вузов Лиги плюща, эта ассоциация восьми самых престижных частных учебных заведений США.

Выпускники Гарварда весьма котируются на международном рынке труда. Во время одной из моих зарубежных командировок, мне посчастливилось сотрудничать с выпускниками Гарварда. К примеру, я общалась с деканом Высшей школы бизнеса в г. Цюрих, Швейцария Борисом Волковым, бельгийцем, потомком русских эмигрантов. Я спросила его на Круглом столе, как помог ему диплом Гарварда, какими преференциями в социуме обеспечил. Борис Волков ответил, что существует ряд стереотипных суждений по поводу Гарварда («с этим дипломом сразу станешь генеральным директором фирмы» и др.). На самом деле какое-то время он также был в поисках работы. Пришлось даже уехать в Европу. Но фактически все гарвардские воспитанники, по словам Волкова, обладают такими качествами как высокая мобильность, конкурентоспособность, профессионализм. Выпускники Гарварда быстро поднимаются по социальному лифту, занимают ниши в высших прослойках общества, они способны выстраивать выгодные деловые коммуникации. По замечаниям Волкова, он не знает ни одного случая неудачной карьеры среди своих однокурсников.

Проведем небольшой социологический анализ факторов успешной деятельности Гарварда как частного вуза: 1) мощный фонд эндаумента, который позволяет проводить масштабные научные исследования; 2) высокий уровень

профессорско-преподавательского состава, в числе которого немало лауреатов Нобелевской премии; 3) существование особого фильтра для отсеивания ненужных студентов, которые не подходят для Гарварда в материальном и интеллектуальном плане и соответственно в будущем не смогут составить элиту общества; 4) высокая конкурентоспособность диплома Гарвардского университета; 5) сильная материально-техническая база вуза (огромная библиотека, удобные кампусы, развитые социальные инфраструктуры и др.); 6) особая корпоративная культура, которая зиждется на истории и традициях вуза; 7) поддержка со стороны социума, развитый feedback.

Возможно, покажется спорным пункт о существовании некоего «специального фильтра», который безжалостно отсеивает «ненужных»: в Гарварде любят брать детей статусных родителей, имеющих большие деньги. С одной стороны, неравенство воспроизводит неравенство; с другой стороны, элита должна формироваться из избранных, и почему бы не иметь вуз, который работает на этот вызов социума? Российскому читателю, наверное, это трудно понять, потому что российские вузы, даже лучшие всегда воспроизводили ряды разночинцев.

Так, может быть, современные частные вузы России возьмут на себе ту же роль, что и вузы Лиги плюща и займются подготовкой рядов местной элиты? Ответа на этот вопрос мы пока не знаем. На данный момент, в России действует 1001 частный вуз [Негосударственные вузы..., 2020]. Исследователи этого вопроса подчеркивают, что развитие частного высшего образования в России было достаточно сложным. В 1990 г. частные вузы возникали быстро, как грибы после дождя, и также быстро исчезали. Самое обидное, что работодатели не признавали «корочки» дипломов частных вузов. Частные вузы были прибежищем для тех, кто не смог поступить в государственные учебные заведения. Как пишет А. Филимонов, среди выпускников частных вузов с 1993 по 2005 год порядка 90 % вынуждены были получать второе высшее образование, то есть переучиваться [Частные вузы..., 2020]. Лучшими негосударственными вузами России на данный момент называются Московский финансово-юридический университет МФЮА, Московский психолого-социальный университет, Российский новый университет (РосНou) и др.

Обратимся к мнению В. Зернова, председателя совета Ассоциации негосударственных вузов России (АНВУЗ), ректора Российского нового университета. Зернов отметил: частные вузы быстрее реагируют на меняющиеся запросы рынка труда; в них чаще используются инновации; они проявляют большую гибкость в работе с «нестандартными» студентами – состоявшимися специалистами, получающими второе высшее образование; частные вузы устанавливают сравнительно небольшую стоимость обучения.

В наиболее плачевном состоянии находятся сегодня филиалы частных вузов, расположенные в провинции. Приведу пример Якутского института экономики, филиала Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. Филиал был открыт в г. Якутске, Республика Саха (Якутия)

в конце 90-х. В те годы, на волне энтузиазма в институт пришли талантливые педагоги, ими руководил влюбленный в свое дело директор. Педагогический коллектив нового вуза был настроен на то, чтобы работать, с так называемыми, «нестандартными» студентами – в данном случае это были представители власти, которые получали второе высшее в Якутском институте экономики на факультете ГМУ, государственно-муниципального управления. Тогда в институте были определенные академические свободы – к примеру, часто устраивались Круглые столы, конференции, обсуждались проблемные вопросы. Но примерно в 2015 г. наступила пора серьезных трудностей в образовании в целом, и особенно это ударило по филиалам. Педагогический состав сменился – править бал стали непрофессионалы, к управлению вузом пришел человек без степени, педагогического стажа, не имеющая малейшего представления о том, как делается наука. К слову, безответственное отношение частных вузов к подбору персонала приобретает характер какого-то общенационального бедствия. Создается такое впечатление, что руководители головного вуза действуют по принципу: лишь бы кто-нибудь работал! Зарплата, вопреки стереотипному суждению, в частном вузе весьма низка. Привлечь профессионалов с помощью каких-либо социальных бонусов было, возможно, и реально, но никто не заботился об этом. Студенты поступали в ЯИЭ по «остаточному» принципу – те, кто никуда не попал, со слабыми школьными аттестатами, без всяких мотиваций к учебе.

Исследование выпускников, проведенное нами в Якутском институте экономики, продемонстрировало, что студенты, закончившие этот вуз, совершенно не котируются на местном рынке труда, по всем позициям уступают выпускникам государственных учебных заведений, имеют смутные карьерные устремления [Подойницына, Николаева, 2020. С. 125]. Вообще мы столкнулись с таким явлением, что данный вуз годами формировал таких людей как *Social climbers* – это молодые люди, которые поступают в институт только для того, чтобы быстро и без проблем получить любой диплом. Развившаяся в институте коррупция в конце концов привела к закрытию филиала Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Таким образом, можно сформулировать «факторы неуспеха» Якутского института экономики как филиала частного вуза: слабая материально-техническая база; отсутствие квалифицированного руководства институтом; нежелание привлекать на работу профессионалов; ориентация на *Social climbers*; отсутствие поддержки со стороны социума.

Научное сообщество, специализирующееся на социологии образования, должно формулировать и определять миссию частных вузов в социуме, исследовать эти заведения – преподавателей, учеников, родителей, выявлять «болевые точки». Увы, социологических обследований данных вузов единицы, работа над ошибками не ведется. Но мы должны наконец-то ответить на вопрос: можем ли мы создать в России наш, русский Гарвард?

Список литературы / References

- Негосударственные вузы России [электронный ресурс]. URL: https://academica.ru/vysshee-obrazovanie/negosudarstvennyj-vuz/stranitsa_1 (дата обращения: 1.11.2020)
Non-state universities in Russia [electronic resource]. URL: http://academica.ru/vysshee-obrazovanie/negosudarstvennyj-vuz/stranitsa_1 (accessed: 1.11.2020)
- Подойницына И. И., Николаева И. В.** Влияние уровня образования на карьерный рост выпускника в сфере экономики и управления Республики Саха (Якутия). СПб., 2019.
Podoinitsyna I. I., Nikolaeva I. V. Influence of the level of education on the career growth of a graduate in the field of Economics and management of the Republic of Sakha (Yakutia). SPb., 2019.
- Частные вузы: зачем они нужны и кто в них поступает [электронный ресурс]. URL: <https://letidor.ru/obrazovanie/chastnye-vuzy-zachem-oni-nuzhny-i-kto-v-nih-postupaet.htm> (дата обращения: 1.11.2020)
Private universities: why they are needed and who enters them [electronic resource]. URL: <http://letidor.ru/obrazovanie/chastnye-vuzy-zachem-oni-nuzhny-i-kto-v-nih-postupaet.htm> (date of request: 1.11.2020)

Сведения об авторе / About author

- Подойницына Ирина Ивановна** – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Республика Саха (Якутия), Якутск, ул. Белинского, 58, e-mail: irena_ivan@mail.ru
Podoinitsyna Irina Ivanovna – doctor of social Sciences, Professor of the Department of management of the Financial and Economic Institute of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Belinsky str., 58, e-mail: irena_ivan@mail.ru

УДК 39:316.4

doi:10.47850/S.2020.1.75

ДИЗАЙН ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Ю. В. Попков

Институт философии и права СО РАН
yuripopkov54@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1036-9253

В статье обосновывается идея о влиянии этносоциальных процессов на динамику и дизайн этнокультурного разнообразия, которое определяется количественным и качественным составом взаимодействующих этносоциальных субъектов как носителей этнокультур, а также их местом в межэтническом сообществе. Расширение и усложнение этнокультурного разнообразия делает актуальным формирование более сложного механизма управления, чем в гомогенных структурах, иначе она становится угрозой для благополучного развития сообщества на разных уровнях его организации.

Ключевые слова: межэтническое сообщество, этносоциальные процессы, этнокультурное разнообразие, дизайн.

DESIGN OF ETHNOCULTURAL DIVERSITY IN THE CONTEXT OF ETHNOSOCIAL DYNAMICS

Yu.V. Popkov

Institute of Philosophy and Law SB RAS

yuripopkov54@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1036-9253

The author substantiates the idea of the influence of ethnosocial processes on the dynamics and design of ethnocultural diversity. It is determined by the quantitative and qualitative composition of interacting ethnosocial subjects as carriers of ethnocultures, as well as their place in the interethnic community. The expansion and complication of ethnocultural diversity makes it relevant to form a more complex management mechanism than in homogeneous structures, otherwise it becomes a threat to the successful development of a community at different levels of its organization.

Keywords: interethnic community, ethnosocial processes, ethnocultural diversity, design.

Одной из целей действующей Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации (далее – Стратегия) провозглашено сохранение и поддержание этнокультурного многообразия (разнообразия). Успешная реализация данной цели во многом определяется учетом действия детерминирующих его факторов. Немаловажное значение имеет также понимание природы и содержания самого данного феномена. Авторское представление о существе обозначенных вопросов раскрывается в следующих основных положениях.

1. Внимательное прочтение Стратегии позволяет констатировать, что в ней заложен либерально-конструктивистский подход к трактовке этнокультурного разнообразия: оно сводится, по сути, к этническому составу населения, который определяется по итогам переписей как проявление персональной самоидентификации – отнесения себя конкретным человеком к той или иной национальности. Более предпочтительным является рассмотрение в качестве субъектов этнокультурного разнообразия не только отдельных индивидов, но и этнических групп и этнических сообществ как носителей материальных и духовных пластов этнической культуры – ценностей, традиций, моделей поведения, образа жизни.

2. Фундаментальным основанием изменения современного дизайна этнокультурного разнообразия является внутренняя и внешняя миграция людей разных национальностей, существенно меняющая характер и динамику этносоциальных процессов. Они характеризуют общество, рассмотренное с учетом присутствия в его развитии этнического фактора (феномена). Будучи продуктом взаимодействия этносоциальных субъектов (этнически маркированных социальных образований в качестве носителей активности), этносоциальные процессы пронизывают все сферы общественной жизни и определяют формирование межэтнического сообщества как взаимозависимого существования данных субъектов и как пространства концентрации этнокультурного разнообразия.

3. Значимой характеристикой этносоциальной динамики является изменение и обогащение этнокультурного потенциала взаимодействующих субъ-

ектов. В свою очередь дизайн этнокультурного разнообразия применительно к каждой локализации определяется составом взаимодействующих субъектов. Поэтому для диагностики этнокультурного разнообразия принципиально важно учитывать, какие именно субъекты (носители этнокультур) присутствуют в данном социокультурном ландшафте, как меняется их состав и соотношение, какое место они занимают в конкретном межэтническом сообществе.

4. Распространенной практикой в диагностике состояния этнокультурного разнообразия является использование количественных методов на основе данных переписей населения, которые, как отмечалось, фиксируют персональную идентификацию конкретного человека. Так, анализ этнической структуры регионов Сибири с помощью индексов неоднородности и поляризации позволяет экономистам делать вывод о том, что иммиграционные процессы в последнее время здесь не привели «к более разнообразному этническому составу» [Буфетова, Коломак, Хржановская, 2018: 42]. Аналогичные оценки делают и этнологи.

5. Таким образом, опирающиеся на конструктивистский методологический фундамент количественные методики измерения этнокультурного разнообразия приводят к выводам, диссонирующим с реально наблюдаемыми фактами. На мой взгляд, для достоверной диагностики состояния и тенденций изменения этнокультурного разнообразия недостаточно чисто количественных методик. Их ограниченность видится в опоре на исключительно субъективные оценки идентичности, которые порой бывают контекстуальными. Но даже и здесь в качестве исходной базы для расчетов берется не общее число людей, принявших участие в переписи населения, а только указавшие свою национальную принадлежность, следовательно, не указавшие национальность полностью «выпадают» из анализа (а таковых в России оказалось по итогам Переписи 2010 года более 5,6 млн. чел.).

6. Решение зафиксированной проблемной ситуации видится, во-первых, в использовании иной концептуально-методологической базы рассмотрения самого феномена этнокультурного разнообразия, во-вторых, в более точных процедурах и совершенствовании количественных оценок, в-третьих, в мобилизации ресурсов качественных методов анализа, позволяющих учитывать не только субъективные представления людей, но и реальные этнокультурные практики в различающихся моделях поведения и образа жизни представителей разных этнических групп. Диагностика и учет реального этнокультурного разнообразия предполагает выработку более сложных механизмов управления, чем это имеет место в гомогенных сообществах. Без этого система управления может превратиться в определенную угрозу для благополучного развития локальных и региональных сообществ в условиях интенсификации миграционных и этносоциальных процессов, как это произошло с политикой мультикультурализма в странах Западной Европы.

Список литературы / References

- Буфетова А. Н., Коломак Е. А., Хржановская А. А. Национальное и религиозное разнообразие регионов Сибири. *ЭКО*. 2018. № 5. С. 28–44.
Bufetova A., Kolomak E., Khrzhanovskaya A. National and religious diversity of the regions of Siberia. *ECO*. 2018. № 5. P. 28–44.

Сведения об авторе / Information about the author

Попков Юрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН, 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: yuripopkov54@mail.ru
Popkov Yuri – Doctor of Philosophy, Professor; Chief Researcher, Institute Philosophy and Law SB RAS. 8 Nikolaev Str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: yuripopkov54@mail.ru

УДК 394/395

doi:10.47850/S.2020.1.76

АДАПТАЦИОННЫЙ РЕСУРС НАСЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА. ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПАНДЕМИЮ 2020 г.*

А. В. Фролова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

alexnauka2017@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6238-5274

В статье обсуждаются итоги полевых исследований 2020 года, проведенные автором на Русском Севере. Особое внимание уделено специфике региона. Русский Север является особой историко-культурной зоной, на территории которой сложился своеобразный комплекс народной культуры, объединенной в первую очередь историческими и социально-экономическими факторами. Это сформировало определенный тип мировоззрения севернорусского населения. Исследование выявило усиление адаптационного ресурса населения, активизацию коллективной памяти. При сохранении в целом праздничного календаря, традиционных элементов повседневной и обрядовой культуры, активизировались земляческие традиции взаимопомощи, внутрисемейные и родственные связи. Во время экстремальных ситуаций усилилось обращение как к православным местным святым и святыням, так и к традиционным способам лечения, питания, сакральной защиты.

Ключевые слова: полевые исследования, адаптация, пандемия, Русский Север.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 20-09-00063 А «Инвалидность как социокультурный феномен на постсоветском пространстве: социально-антропологический и кросс-культурный анализ».

ADAPTIVE RESOURCE OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN NORTH. RESULTS OF FIELD RESEARCH INTO THE 2020 PANDEMIC

A. V. Frolova

Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and anthropology RAS

alexnauka2017@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6238-5274

The article discusses the results of the 2020 field research conducted by the author in the Russian North. Special attention is paid to the specifics of the region. The Russian North is a special historical and cultural zone, on the territory of which a peculiar complex of folk culture has developed, United primarily by historical and socio-economic factors. This formed a certain type of worldview of the Northern Russian population. The study revealed an increase in the adaptive resource of the population, activation of collective memory. While preserving the holiday calendar as a whole, traditional elements of everyday and ritual culture, the local traditions of mutual fasting, intra-family and kinship ties have become more active. During extreme situations, there was an increased appeal to local Orthodox saints and shrines, as well as to traditional methods of treatment, nutrition, and sacred protection.

Keywords: field research, adaptation, pandemic, Russian North.

В основу статьи лег экспедиционный материал, собранный автором в августе 2020 г. Это исследование является наиболее актуальными и значимыми, т.к. оно было проведено непосредственно в момент экстремальной для людей ситуации – карантина и пандемии.

Необходимо отметить специфику этого края. Архангельский Север всегда был моноэтническим регионом – 94 % русских. Многочисленными этнографическими исследованиями выявлено, что этническая история этого края неотъемлема от общей этноистории Русского Севера. Принимая участие в сложении и консолидации русского народа, северяне внесли вклад в создание общерусской культуры в ее северном варианте [Русский Север, 1997. С. 16]. Этой территории не коснулись разрушения, связанные с монголо-татарским игом, не было здесь и крепостных крестьян, не так тяжело, как в Средней и Южной России отозвались события многочисленных войн, Первой мировой и Великой Отечественной (1941–1945). Среди прочих факторов это способствовало сохранению историко-культурного наследия края, а в социокультурном плане определило относительно высокую степень стабильности общественной ситуации, мироощущения людей. Архангельский Север на протяжении столетий, начиная с XII в. представлял собой своеобразную «свободную экономическую зону», что способствовало росту предпринимательства, активизации внутренней и внешней торговли и, конечно же, формировало определенный тип мировоззрения северян, способных к самостоятельности, активности, в то же время не склонных к антагонистическим противопоставлениям в чем бы то ни было, поддерживающих, часто бессознательно, традиции и устои. Сам быт, образ жизни, суровые климатические условия сохраняли эти ценные качества душевного склада северян.

На этой обширной территории Русского Севера, объединенной в первую очередь историческими и социально-экономическими факторами в течение длительного времени, сложился своеобразный комплекс народной культуры. Культура, часто называемая поморской, созданная на краю ойкумены, грани-

це с миром полярного инобытия – эта культура аскезы, отказа, предельного упрощения и доведения идеалы простоты до своего идеального воплощения [Теребихин, 2004. С. 45].

Еще одна очень значимая черта – Архангельск (столица края) всегда занимал особое место среди городов северного региона, к началу XX в. это был один из самых крупных городов Русского Севера, в 1914 г. в нем проживало 45 614 человек [Административно-территориальное деление..., 1997. С. 28], в 2020 г. – 346 980. Население края воспринимало его уникальным, единственным в своем роде городом. И в прошлом и в наши дни фраза «Схожу в Город» – понятна совершенно каждому северянину, человек едет именно в Архангельск. Все миграционные потоки в регионе также связаны с Архангельском.

В процессе многовекового духовного освоения края появилась многоуровневая иерархическая система сакрального ландшафта, в которой культурные и природные сакральные места и объекты выполняли различные религиозно-обрядовые функции. По своим силе и значимости поднимаясь от природных объектов рощ, деревьев, камней, озер, источников, ручьев к культурным – крестам, часовням, церквям и монастырям. Это во многом и объясняет большое распространение на Русском Севере именно обетных крестов, практически вытеснивших ранее существовавшие ритуальные формы контакта со святыми местами. Если крестные ходы и молебны предполагали регулярность и календарную упорядоченность посещения святынь, а именно приуроченность к церковным праздникам, то обет возникал в чрезвычайных обстоятельствах, когда была необходимость в преодолении кризисной ситуации – неурожай, эпидемии среди людей, эпизоотии, падеж скота [Фролова, 2006. С. 132]. Все это соответствовало скрытому характеру народной религиозности населения, который присущ жителям этого региона.

В последние годы идет создание новой общественно- и государственно-церковной праздничной культуры. Решающим моментом для этого был выход религиозной жизни из-под запрета, активизация деятельности церкви, желание наших современников вернуться к своим православным традициям. Эта культура не имеет какой-либо завершенной формы, она находится в стадии становления, показывая как общие тенденции, так и региональные отличия. Современная религиозная ситуация Русского Севера, как, впрочем, и в других частях России, характерна появлением большого числа новшеств, которые можно наблюдать в коллективных формах народного благочестия. Возникают новые формы внехрамовых молений, каких не существовало до революции 1917 г., и самой распространенной из них является крестный ход [Кириченко, 2011. С. 80]. Крестный ход, как самое доступное и простое выражение народного церковного творчества, стал в наши дни основой самых разных форм праздничной народной культуры. Это явление постепенно развивается, заявляя о себе как о традиции. Для Архангельского Севера это яв-

ление преобрело интересное проявление в с. Сура в возрожденной обители Иоана Кронштадского.

Проведенное полевое исследование показало усиление адаптационного ресурса севернорусского населения, активизации коллективной памяти. При сохранении в целом праздничного календаря, традиционных элементов повседневной и обрядовой культуры, активизировались земляческие традиции взаимопомощи, внутрисемейные и родственные связи. Во время экстремальных ситуаций усилилось обращение как к православным местным святым и святыням (местом силы является Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь), так и к традиционным способам лечения, питания и сакральной защиты. По утверждению интервьюированных именно морошка, окуривание помещения можжевельником, а также баня, – являлись понаецей от короновируса «Любой вирус перешибет!» В этом году среди населения был зафиксирован особенно массовый сбор ягод и грибов.

Безусловно, предстоит проведение дальнейшего исследования по данной проблематике, но анализируя собранный первоначальный материал, можно говорить так же и об усилении идентичности населения Русского Севера.

Список литературы / References

- Теребихин Н. М.** *Метафизика Севера*. Архангельск, 2004.
Tarabykin N. M. *Metaphysics Of The North*. Arkhangelsk, 2004. (In Russ.)
- Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в X –XX веках. Справочник. Архангельск, 1997. С. 28.
Administrative-territorial division of the Arkhangelsk province and region in the X-XX centuries. Guide. Arkhangelsk, 1997. P. 28. (In Russ.)
- Русский Север. Этническая история и культура. М., 1997.
Russian North. Ethnic history and culture, Moscow, 1997. (In Russ.)
- Кириченко О. В.** Новые формы церковной народной праздничной культуры *Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему*. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 65–122.
Kirichenko O. V. New forms of Church folk holiday culture. *Church holidays of the Russian people: from the past to the present*. Moscow: IEA RAS, 2011. P. 65–122. (In Russ.)
- Фролова А. В.** Трансформация праздничной культуры русских Архангельского Севера в XX –нач. XXI вв. *Этнографическое обозрение*. 2006. № 6. С. 128–144.
Frolova A. V. Transformation of the festive culture of the Russian Arkhangelsk North in the XX-beginning. The twenty-first centuries. *Ethnographic review*, 2006. No. 6. P. 128–144. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Фролова Александра Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии русского народа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а; e-mail: alexnauka2017@gmail.com

Научное издание

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО
ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Под редакцией М.Н. Вольф

Компьютерная верстка: З.А. Гричан

Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Усл. п/л: 17.8.
Тираж 500 экз. Подписано в печать 14.12.2020.
Напечатано в ООО «Офсет-ТМ». Заказ № 557.
630117, Новосибирск, кл. Арбузова, 1/1, корп. 14
Тел.: (383) 3474910, 3475967, e-mail: ofsetn@yandex.ru